Касслер Клайв

Поднять «Титаник»!

(Дирк Питт-3)

С БЛАГОДАРНОСТЬЮ

МОЕЙ ЖЕНЕ БАРБАРЕ, ЭРРОЛ БОШАМ,

ДЖЕНЕТ И РЭНДИ РИХТЕР И ДИКУ КЛАРКУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда Дирк Питт спас «Титаник», — а произошло это на страницах машинописной рукописи, в сыром углу недостроенного подвала, — легендарный океанский лайнер отделяло еще десять лет от того времени, когда он был обнаружен в действительности. Это был 1975 год и «Поднятие „Титаника“» стало четвертой книгой о подводных приключениях Питта. В то время никого не вдохновляла идея организации поисковых работ, требующих огромных усилий, затрат времени и денежных средств. Но после публикации романа и выхода снятого по нему фильма новая волна интереса к проекту поднятия «Титаника» прокатилась по Америке и Европе. В итоге пять экспедиций приступили к поискам затонувшего судна.

Мой изначальный энтузиазм основывался на фантазии и на желании увидеть, как самый известный в мире корабль будет поднят со дна океана и отбуксирован в гавань Нью-Йорка, завершив свой первый рейс, начавшийся три четверти века назад. К счастью, эту фантазию разделяли миллионы энтузиастов.

Теперь, спустя семьдесят три года с тех пор, как лайнер был поглощен безмолвной черной пучиной, телекамеры сумели наконец заглянуть в бездну.

Вымысел стал реальностью.

Описание затонувшего судна в книге Питта во многом соответствовало картине, запечатленной телекамерами, после того, как «Титаник» был обнаружен при помощи сканирующих сонаров.

Помимо отдельных механических повреждений, полученных судном за время нахождения на глубине тринадцать тысяч футов, лайнер почти не пострадал от морских водорослей и коррозии. Даже бутылки вина и серебряные приборы, рассыпанные вокруг корпуса, прекрасно сохранились.

Будет ли когда-нибудь «Титаник» поднят со дна?

Едва ли. Все предприятие по спасению судна потребовало бы почти таких же затрат, как осуществление проекта пилотируемого полета «Аполло» на Луну. Однако уже в скором времени пространство вокруг «Титаника» начнут осваивать

управляемые субмарины, специальные команды которых будут разыскивать сокровища, до сих пор находящиеся на борту лайнера, в то время как американским и английским адвокатам, засучив рукава, предстоит выяснять действительных владельцев!

Питт всегда смотрел в будущее, считая, что оно полно увлекательных приключений. В семидесятые годы он был человеком восьмидесятых. А сейчас он человек девяностых. По своей скаутской привычке Питт заглядывает за горизонт и говорит нам, что там. Он видит то, что бы нам всем хотелось увидеть в своем воображении.

Поэтому никто не мог бы быть в большем восторге, чем я, когда было объявлено, что «Титаник» обнаружен.

Я знал, что Питт увидел его первым.

ВСТУПЛЕНИЕ

Апрель 1912

На палубе "А", в каюте № 33, на узкой койке метался мужчина с потным лицом. Его мучил кошмар.

Мужчина был невысокого роста, от силы пять футов и два дюйма, его светлые негустые волосы спадали на безвольное лицо с темными кустистыми бровями. Руки его были переплетены на груди, пальцы нервно подергивались. Мужчина выглядел на все пятьдесят. Пористая кожа оттенка асфальта, глубокие морщины под глазами. И тем не менее всего десять дней назад ему исполнилось тридцать четыре.

Физические перегрузки и нервное напряжение последних пяти месяцев превратили его в полубезумного старика. В недолгие периоды бодрствования мысли его блуждали по запутанным коридорам прошлого, и мужчина терял представление о времени и реальности. Он вынужден был постоянно напоминать себе, где он и какой был день. И все же медленно и неотвратимо мужчина скатывался в безумие, и самое худшее в этом ужасе заключалось в том, что он знал, что сходит с ума.

Дрогнули веки, мужчина открыл глаза и уставился на бездействующий вентилятор, прикрепленный к потолку каюты. Проведя ладонями по лицу, он почувствовал двухнедельную щетину. На себя ему смотреть было незачем: одежда, он и так знал, была мятой, жеваной и отвратительно пахла кислым потом. По прибытии на корабль ему следовало бы вымыться, переменить белье, — но вместо этого он завалился на койку и забылся липким кошмарным сном, который с небольшими перерывами растянулся на трое суток.

Было воскресенье, поздний вечер. В Нью-Йорк корабль прибывал рано утром в среду, следовательно, оставалось еще более пятидесяти часов.

Мужчина попытался уверить себя, что теперь он в безопасности, но мозг отказывался верить этому, несмотря на то, что поистине бесценный, стоивший жизни столь многим людям груз теперь находился в надежном месте. В сотый раз мужчина нащупал через ткань содержимое нагрудного кармана. Убедившись, что ключи на месте, он вытер ладонью потный лоб и снова прикрыл глаза.

Он не представлял себе, сколько времени пролежал в полусне. Что-то его разбудило. Не грохот, не встряска — какое-то мелкое подрагивание койки, сопровождаемое странным скрежетом, доносившимся из нижних отсеков. Он рывком уселся на койке, опустив ноги на пол. Прошло несколько мгновений, прежде чем он осознал непривычное отсутствие вибрации. До его затуманенного сознания дошло: двигатели встали! Он сидел, прислушиваясь, но различал только веселые голоса обслуги, доносившиеся из коридора, да невнятный разговор в соседней каюте.

Ледяной ужас сковал его. Кто-нибудь другой на его месте повернулся бы на другой бок и уснул; он же осознал опасность только потому, что, как у всякого, кто медленно и неотвратимо сходит с ума, у него были предельно обострены все пять чувств, включая чувство опасности. Проведя три дня взаперти в собственной каюте, без пищи и воды, пытаясь освободиться от ужаса последних пяти месяцев, он лишь усугубил прогрессирующее безумие.

Он открыл дверь каюты и на слабых ногах двинулся в сторону большого трапа. Пассажиры, направлявшиеся из холла по своим каютам, весело болтали. Он взглянул на красивые бронзовые часы в переходе: на поддерживаемом двумя бронзовыми фигурами циферблате стрелки показывали 11:51.

Возле трапа, рядом с шикарным светильником, застыл стюард. Он презрительно посмотрел на мужчину, изобразив легкое неудовольствие самим фактом, что потрепанного вида пассажир топчет восточные ковры отделения первого класса.

— Двигатели… Они встали, — с трудом ворочая языком, проговорил мужчина.

— Вероятно, для небольшого ремонта, сэр, — ответил стюард. — Все-таки первый рейс. Сейчас идет окончательная доводка всех механизмов. Смею вас уверить, беспокоиться не о чем. Вы же знаете, лайнеры такого класса не тонут.

— Все, что сделано из железа, способно потонуть, — пассажир потер покрасневшие глаза. — Пойду прогуляюсь.

Стюард покачал головой, не решаясь впрямую отговаривать:

— Не советовал бы, сэр. Там ужасно холодно.

Пассажир в мятом костюме пожал плечами. Он был привычен к низким температурам. Повернувшись, он одолел ступени трапа и через дверь вышел на открытую палубу. Дыхание перехватило, словно в легкие вонзились тысячи игл. После затхлой атмосферы теплой каюты тридцать один градус мороза буквально сковал его. В воздухе не чувствовалось даже малейшего ветра: один только

безмолвный неподвижный холод, сплошной пеленой висевший в безоблачном небе.

Мужчина поднял воротник и подошел к борту. Перегнувшись, он увидел только темную воду, неподвижную, как в пруду в саду. Затем он окинул взглядом лайнер от носа до кормы. Палуба, от курительной комнаты салона первого класса и до рулевой кабины, примыкавшей к офицерским каютам, была безлюдна. Лишь по дыму, медленно поднимавшемуся над тремя из четырех громадных черно-желтых труб, да по освещенным иллюминаторам комнаты отдыха и читальни можно было догадаться, что корабль обитаем.

Белая пена за кормой растворялась и исчезала в воде по мере того, как потерявшее курс судно медленно дрейфовало под бескрайним звездным покрывалом. Корабельный казначей, отужинавший за офицерским столом, вышел на палубу и посмотрел на воду за кормой.

— Почему стоим?

— Корабль наткнулся на что-то, — ответил казначей, не оборачиваясь.

— Насколько это серьезно?

— Не беспокойтесь, сэр. Даже если возникнет течь, насосы откачают воду.

Внезапно раздался оглушительный грохот, словно одновременно сотня паровозов «Денвер» мчались через туннель, — при этом все восемь выхлопных труб едва не лопнули от звука. Даже заткнув уши, пассажир понял причину. Его технических знаний оказалось достаточно, чтобы сообразить: это избыточный пар поршневой машины выстреливался через запасные клапаны. Чудовищный рев заставил пассажира воздержаться от дальнейшего разговора. Он обернулся и увидел, как несколько членов команды появились на палубе. Спазмом свело желудок, когда он увидел, как моряки принялись поспешно расчехлять шлюпки, готовить шлюпбалки.

Он стоял не меньше часа, пока гул выхлопных труб постепенно замирал в ночи. Судорожно сжав руками поручень, не чувствуя холода, он едва ли обращал внимание на группки пассажиров, которые расхаживали туда-сюда вдоль палубы, исполненные какой-то тихой робости.

Мимо пассажира прошел один из младших судовых офицеров, совсем еще молодой, чуть старше двадцати, с типично британским бледным лицом, на котором застыло типично британское выражение легкой брезгливости. Он подошел к мужчине и похлопал его по плечу.

— Прошу прощения, сэр. Но вы должны надеть спасательный жилет.

Мужчина медленно обернулся.

— А ведь мы тонем, не так ли? — спросил он сдавленным голосом.

Офицер чуть поколебался, затем энергично и согласно кивнул.

— Вода прибывает скорее, чем насосы успевают откачивать ее.

— И сколько нам осталось?

— Трудно сказать. Может, час или около того, если, конечно, прежде вода не зальет котлы.

— Случилось-то что?! Ведь ни единого корабля не было поблизости! На что мы наткнулись?

— Айсберг. Пробил нам корпус. Чертовски не повезло.

Мужчина с такой силой схватил офицера за руку, что тот от неожиданности вздрогнул.

— Я должен пройти в багажный отсек, понимаете?!

— Ничем не смогу помочь, сэр. Вода заливает помещения на шестой палубе, там уже вовсю багаж плавает.

— Слушай, ты! Проводи меня туда!

Офицер пытался высвободить руку, которую пассажир сжимал как клещами.

— Поймите, это невозможно. Мне приказано оставаться на палубе и проследить, чтобы все надели спасательные жилеты.

— Есть другие офицеры, — безэмоционально возразил пассажир. — А ты проведешь меня в багажный отсек.

Лишь тогда офицер обратил внимание на две вещи. Первая — сумасшедшее выражение глаз пассажира; вторая — дуло револьвера, упиравшееся в пах молодого человека.

— Делай, как говорю, — рявкнул мужчина, — если жизнь дорога!

Офицер тупо уставился на револьвер, затем поднял глаза. Внутри у молодого человека что-то екнуло. Он даже не попытался спорить, а тем более оказать сопротивление. Было такое чувство, что этими покрасневшими глазами на него уставилось само безумие.

— Я могу только попробовать.

— Вот и прекрасно, — ответил пассажир. — И без глупостей. Помни, я все время рядом. Чуть что, уложу на месте.

Осторожно засунув револьвер в карман пальто, он через ткань дулом толкнул офицера в спину. Не привлекая к себе внимания, они прошли меж собравшимися на палубе людьми. Корабль совершенно преобразился за последний час. Ни смеха, ни разговоров пассажиров, — уже было не разобрать, кто каким классом плыл. Бедных и богатых, всех уравнял общий ужас. Только стюарды позволяли себе улыбаться и переговариваться, раздавая пассажирам жилеты.

Выпускаемые в небо сигнальные ракеты выглядели жалко на фоне темноты, их мерцающий свет видели одни только моряки да пассажиры «Титаника». Он освещал людей, суетливо прощающихся друг с другом, неестественное выражение надежды в глазах мужчин, усаживающих женщин и детей в спасательные шлюпки. Впечатление нереальности происходящего стало еще сильнее, когда на палубе в белоснежных спасательных жилетах с инструментами в руках появились восемь музыкантов корабельного оркестра. Они начали играть «Александер Регтайм Бэнд» Ирвинга Берлина.

Под дулом револьвера молодой офицер спускался по главной лестнице, протискиваясь между пассажирами, которые спешили к шлюпкам. Крен судна становился все более ощутимым, и потому спускаться по ступеням оказалось не так просто. На второй палубе они зашли в элеватор и нажали кнопку четвертой палубы.

Молодой человек наконец обернулся и внимательно посмотрел в лицо пассажира, чье безумие делало смерть еще более близкой и ощутимой. Губы плотно прижаты к зубам, остекленевшие глаза, отсутствующий взгляд. Пассажир поднял голову и встретился взглядом с офицером. После долгой паузы он сказал:

— Не бойся…

— Меня зовут Бигалоу, сэр.

— Вот и не бойся, Бигалоу. Ты умрешь прежде, чем утонешь.

— Какая вам нужна секция?

— Трюм носовой части, седьмая палуба.

— Но седьмая наверняка уже под водой.

— Проберемся, тогда и узнаем. Не так ли?

Двери элеватора открылись, и пассажир движением револьвера приказал идти дальше. Вновь пришлось пробираться против людского потока.

Бигалоу сорвал с себя спасательный жилет, швырнул его на пол, двинулся по трапу, ведущему на пятую палубу. Он застыл на месте, глядя вниз: поднимаясь к ступенькам, вода прибывала. В небе еще разрывались сигнальные ракеты, отражаясь в холодной зеленой воде навязчивыми отблесками света.

— Без толку. Сами взгляните.

— Есть другой ход?

— После аварии все двери и ходы в переборках задраены. Мы можем попробовать по пожарной лестнице.

— Тогда пошевеливайся.

Окольный путь пролегал через бесконечный стальной лабиринт переходов и трапов. Бигалоу остановился, приподнял тяжелый круглый люк и заглянул в образовавшийся просвет. Как это ни парадоксально, однако в обнаруженном грузовом отсеке воды было фута два, не больше…

— Безнадежно, — солгал офицер. — И тут затоплено.

Мужчина грубо оттолкнул его и посмотрел сам.

— Для меня достаточно сухо, — проговорил он медленно. Помахал револьвером. — Спускайся.

Электрическая лампочка над головами еще горела, освещая путь в грузовой отсек. Тусклые лучи отбрасывали неустойчивые блики на бронзовых полированных частях огромного «рено», обнаруженного под люком.

Они оба несколько раз поскальзывались и падали в ледяную воду. Оба окоченели. Словно пьяные, с трудом сохраняя равновесие, они наконец добрались до нужного отсека. Это был большой куб, помещавшийся посередине грузовой палубы, восемь футов на восемь, со стенками из двенадцатидюймовой белфастской стали.

Пассажир извлек из кармана ключ и вставил его в замочную скважину. Замок был новым и тугим, но в конце концов раздался гулкий щелчок. Мужчина толкнул массивную дверь и шагнул в отсек. Затем он обернулся в сторону офицера и впервые за все это время улыбнулся.

— Спасибо за помощь, Бигалоу. Выбирайся на верхние палубы. Ты еще успеешь.

— Вы остаетесь? — Бигалоу был в недоумении.

— Да, остаюсь. Я убил восьмерых хороших честных людей. Жить с этим я не могу. — Голос его звучал твердо. — С этим покончено. Все.

Бигалоу хотел было возразить, но не находил слов. Пассажир понимающе кивнул и начал закрывать за собой металлическую дверь.

— Благодарение Господу за Соутби, — произнес он.

И затем исчез, поглощенный черной глубиной камеры.

Бигалоу остался в живых.

Он опередил прибывающую воду, успел добраться до палубы и выпрыгнуть за борт за считанные секунды до того, как океанская пучина поглотила «Титаник».

Когда основная часть огромного лайнера исчезла под водой, поникшее полотнище красного с большой белой звездой корабельного флага, который все это время безвольно свисал с флагштока, расправилось, словно лайнер отдавал прощальный салют полутора тысячам женщин, мужчин, детей, которым предстояла невероятная борьба за жизнь, голод, холод, а зачастую — и смерть в пучине.

Повинуясь исключительно инстинкту, Бигалоу ухватил рукой дрейфующий корабельный флаг. Прежде чем офицер осознал всю опасность своего необдуманного поступка, он уже барахтался в волнах. И все же он отчаянно тянул ткань на себя, не желая расставаться с добычей. Он погрузился вслед за «Титаником» футов на Двадцать под воду, прежде чем сумел оторвать полотнище. И только потом Бигалоу всплыл на поверхность, вдохнул ночной холодный воздух. Он благодарил Бога за то, что погружавшийся лайнер не затянул его.

Ледяная вода под тридцать градусов почти убила его. Пробудь он в воде еще десять минут, статистика смертей этой ужасной трагедии была бы еще на одну единицу больше.

Его спасла веревка. Рука задела и тут же крепко схватила конец какой-то веревки, прикрепленной к плавающей вверх дном шлюпке. Из последних сил он подтянул свое почти закоченевшее тело и вскарабкался на шлюпку, разделив с другими тридцатью людьми борьбу с убийственным холодом, пока четыре часа спустя они не были спасены подоспевшим кораблем.

В памяти выживших навсегда останутся предсмертные вопли и причитания сотен несчастных, кому суждено было погибнуть. Но странное дело: не успел Бигалоу ухватиться пальцами за выступ перевернутой и наполовину потопленной шлюпки, как мысли о смерти оказались вытеснены воспоминаниями другого рода. Он вспомнил странного мужчину, навсегда исчезнувшего в трюме «Титаника».

Кто он?

Кто были те восемь человек, которых, по его утверждению, он убил? Какой секрет таился в камере?

Эти вопросы не давали Бигалоу покоя следующие семьдесят шесть лет, вплоть до последних нескольких часов его жизни.

Часть первая

СИЦИЛИАНСКИЙ ПРОЕКТ

Июль 1987

Глава 1

Президент повернулся на вращающемся кресле, сцепил руки за головой и невидящим взором уставился в окно Овального кабинета. Президент сетовал на судьбу. Он до такой степени ненавидел свою службу, что даже сам удивлялся силе собственной ненависти. Он мог с точностью определить, в какой именно момент президентство сделалось вдруг постылым. Произошло это в то утро, когда он с трудом заставил себя подняться с постели. Это был первый сигнал. Чувство ужаса от одной только мысли, что начинается новый день.

В тысячный раз он задавал себе один и тот же вопрос, что побудило его так отчаянно и так настойчиво бороться за этот чудовищный, этот неблагодарный пост. Слишком велика оказалась цена президентства. Его политический след устлан костями бывших друзей и обломками семейного очага. Не успел он принести присягу на верность народу Америки, как его только что сформированную администрацию потрясли скандал в Казначействе, война на южноамериканском континенте, общенациональная забастовка служащих авиалиний. Подлил масла в огонь и оппозиционный к нему Конгресс, который вообще не доверял в последнее время ни одному президенту. В бессловесной череде проклятий, адресованных жизни вообще. Президент нашел несколько слов специально для Конгресса, члены которого второй раз кряду сумели обойти его персональное президентское «вето».

Слава Богу, ему не угрожает третья предвыборная кампания. Одному Господу известно, каким образом ему удалось дважды победить на выборах. Он умудрялся нарушать практически все табу, с которыми обязан считаться всякий кандидат в президенты. Мало того, что он развелся с женой и нечасто заглядывал в церковь, так он еще вдобавок публично курил сигары и носил роскошные усы. Во время президентских кампаний он открыто игнорировал своих соперников, а с избирателями разговаривал таким языком, что те лишь поеживались. Но им это нравилось. Как бы там ни было, он появился как раз в тот момент, когда публика оказалась перекормленной причесанными вежливыми политиками, которые только и делали, что улыбались и клялись в любви всем и каждому перед телевизионными камерами и произносили банальные речи штампованным языком, что между соседними штампами невозможно было уловить даже плохонькой мысли.

Еще полтора года, и президентству конец. Только эта мысль сейчас и доставляла ему удовольствие. Его предшественник по Белому дому принял назначение председателем совета директоров Калифорнийского университета. Эйзенхауэр, тот вообще по завершении срока перебрался к себе на ферму в Геттисберг, и Джонсон отправился из Белого дома на свое ранчо в Техасе. Президент усмехнулся. Никакую фирму, никого не будет он поддерживать, выйдя в отставку. В его планы входило «самоизгнание» на сорокафутовой яхте в южные моря Тихого океана. Ни мировых кризисов, ни экономических проблем: он будет потягивать из горлышка ром и глазеть на пышногрудых туземок с приплюснутыми носами, требующихся для завершенности картины. Он прикрыл веки и почти представил это зрелище, когда его личный помощник бесшумно распахнул дверь и тактично прокашлялся, обозначая свое присутствие.

— Извините, господин Президент, но господин Сигрем и господин Доннер уже в приемной.

Президент вместе с креслом повернулся в сторону своего письменного стола, пригладил ладонью густые с проседью волосы.

— О’кей. Пригласи их.

Он заметно преобразился. Джен Сигрем и Мел Доннер имели свободный доступ к Президенту в любое время суток. Они были главными аналитиками Мета Секшн, группы исследователей, которая работала в обстановке строжайшей секретности над проектами будущего, проблемами, которым названия пока не было.

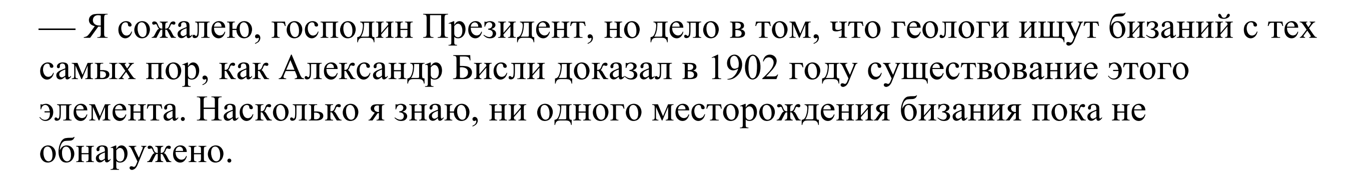
Президент считался крестным отцом Мета Секшн. Он основал ее в первый год своего президентства и щедро финансировал ученых, используя безграничные возможности секретного финансирования. В итоге он сумел набрать небольшую группу первоклассных ученых. Это детище не переставало служить источником его тихой гордости. Даже в ЦРУ и Агентстве национальной безопасности ничего не знали о Мета Секшн. Он мечтал создать команду ученых, способных посвятить свои силы и талант немыслимым разработкам таких проектов, шансы на воплощение которых составляли один на миллион. И его решительно не беспокоил тот факт, что за пять лет результат работы Мета Секшн был нулевым.

Сдержанные приветствия с обеих сторон, никаких рукопожатий. Затем Сигрем раскрыл замки кожаного кейса и вытащил фолдер, набитый сделанными с воздуха фотографиями. Он положил снимки на рабочий стол Президента и указал на несколько отмеченных участков.

— Тут заснят горный район северной части острова Новая Земля, это к северу от России. Спутниковые сенсоры указывают этот район как наиболее вероятный.

— Черт! — Президент мягко произнес, как выдохнул, это слово. — Каждый раз, когда мы что-нибудь находим, это всегда расположено или у русских, или еще в каком-нибудь месте, куда и носа не покажешь. — Он внимательно изучил разложенные перед ним снимки, затем поднял глаза на Доннера: — На земле места много. Безусловно, должны же быть другие перспективные районы?! Или нет?

Доннер с видимым сожалением покачал головой.

— Я сожалею, господин Президент, но дело в том, что геологи ищут бизаний с тех самых пор, как Александр Бисли доказал в 1902 году существование этого элемента. Насколько я знаю, ни одного месторождения бизания пока не обнаружено.

— Элемент настолько радиоактивен, — вставил Сигрем, — что давно уже исчез сам по себе. Если где и остались, то ничтожные количества. Мы кое-что сумели получить искусственным путем, но все это такие крохи.

— А разве нельзя наладить широкое производство? — поинтересовался Президент.

— Нет, сэр, — сказал Сигрем, — мы получили бизаний с помощью ускорителя высоких энергий, но тот просуществовал менее двух минут — и затем исчез естественным образом.

Президент откинулся на спинку кресла.

— А сколько нужно, чтобы завершить программу? Сигрем бросил взгляд на Доннера, затем обратил лицо к Президенту.

— Я полагаю, господин Президент, вы понимаете, что наши исследования находятся в такой стадии…

— Сколько вам нужно? — повторил вопрос Президент.

— Я бы полагал целесообразным вести речь о восьми унциях.

— Вы бы полагали, так?

— Если вести речь о комплексной проверке всей системы, то нужно именно столько. — Доннер для большей убедительности кивнул. — А для того, чтобы установить пункты вдоль всей границы, не пропуская ни одного стратегически важного района, потребуется еще двести унций бизания.

Президент подвинулся на самый край кресла.

— Тогда лучше забыть о проекте и сразу переключиться на что-нибудь более реальное.

Сигрем был высоким худощавым мужчиной с тихим голосом и хорошими манерами. Если бы не большой приплюснутый нос, он казался бы вылитым Эйбом Линкольном.

Доннер являл собой полную противоположность коллеги. Он был коротышкой, и казался таким же толстым, как Сигрем высоким. У него были светлые, пшеничного оттенка волосы, грустные глаза и вечно потное лицо. Он затараторил, как пулемет:

— «Сицилианский проект» слишком близок к завершению, чтобы его похоронить и предать забвению. Я бы настоятельно советовал вам продолжать работу. Возможно, окажется, что у нас попросту не хватает духу, но, господин Президент, если все-таки этого самого духу достанет… Бог ты мой, сэр, последствия окажутся невероятными!

— Я готов рассмотреть варианты, — мягко сказал Президент.

Сигрем набрал воздуха, как перед прыжком в воду, и заговорил:

— Прежде всего, мы бы хотели получить ваше разрешение на установку оборудования. Второе — нужны деньги. И третье — нам потребуется содействие Национального агентства надводных и подводных коммуникаций, проще НУМА.

Президент вопросительно посмотрел на Сигрема.

— Я еще могу понять две первые просьбы, но совершенно не понимаю, при чем тут НУМА?

— Нам предстоит направить опытных минералогов на Новую Землю. А поскольку там вокруг одна вода, то океанографическая экспедиция НУМА замечательно нас прикроет.

— Сколько времени уйдет на то, чтобы создать, проверить и установить всю вашу систему?

Доннер как будто ожидал такого вопроса:

— Шестнадцать месяцев — как раз.

— До каких пор можно продолжать работу, не имея бизания?

— До воплощения проекта.

Президент откинулся на спинку и уставился на циферблат корабельных часов, которые стояли на его огромном рабочем столе. Почти минуту, если не больше, Президент раздумывал, наконец сказал:

— Насколько я вас понял, уважаемые господа, вы оба хотите подбить меня на то, чтобы я, Президент страны, дал добро на сооружение непроверенной, во многих отношениях проблематичной комплексной системы стоимостью в миллионы и миллионы долларов, так? И кроме того, вся эта дорогостоящая система не будет функционировать до тех самых пор, пока мы не заполучим у враждебной нам державы принципиально важный элемент. Так или нет?

Сигрем суетливо поигрывал замком своего кейса, тогда как Доннер простым кивком головы удостоверил правильность президентской тирады.

— А теперь я вас спрашиваю, — продолжал Президент, — как я смогу объяснить тем чистоплюям в Конгрессе, кто захочет получить объяснения по этому проекту, почему именно оказалось необходимым создать подобную систему вдоль всей государственной границы?

— Так в этом же и вся прелесть, — ответил Сигрем. — Система-то наша — компактная! Если рядом с небольшой электростанцией вдруг начнут возводить маленькое такое сооружение, то ни спутники русских, ни даже рядом живущий фермер ничего не смогут заподозрить.

Президент поскреб подбородок.

— А почему вы хотите начать осуществление «Сицилианского проекта» раньше, чем у вас появится стопроцентная уверенность в успехе?

— Это игра, сэр, — просто ответил Доннер. — И мы ставим на то, что либо в ближайшие шестнадцать месяцев сумеем получить бизаний лабораторным путем, либо через те же шестнадцать месяцев нам придется искать залежи бизания, одно из двух.

— Даже если потребуется десять лет, — вставил реплику Сигрем, — то все равно система будет уже установлена на границах. В этом случае время — единственная потеря.

Президент поднялся из-за стола.

— Господа, я поддерживаю ваши планы, чтобы не сказать фантазии. Но только при одном условии. В вашем распоряжении восемнадцать месяцев и десять дней. Ровно столько мне еще оставаться на своем посту. Я не знаю, кто придет сюда за мною вслед. А посему в наших общих интересах сделать так, чтобы за указанный срок были получены какие-то практические результаты.

Оба исследователя по другую сторону стола заметно сникли.

Наконец Сигрем нашелся:

— Благодарю вас, господин Президент. Мы все, вся наша группа, приложим максимум усилий. Все, что сможем. Прошу верить.

— Хорошо. А теперь прошу меня извинить. Мне надо в Роуз Гарден позировать с группой жирных старых Дочерей Американской революции. — Он протянул обоим руку. — Удачи. И постарайтесь не подставить меня с этим вашим планом. У Эйзенхауэра была история с У-2, самолетом-разведчиком, если помните. Так вот мне подобного удовольствия не нужно. Поняли?

И прежде чем Сигрем или Доннер нашлись, что ответить, Президент вышел через боковую дверь.

«Шевроле» Доннера миновал ворота; из тишайшего заповедника резиденции машина сразу нырнула в густой автомобильный поток, который понес ее через Потомак в направлении Вирджинии. Доннер боялся заглянуть в зеркало заднего вида, словно Президент мог передумать и послать вдогонку человека с новым приказом. Опустив свое стекло, он глубоко вдохнул влажный летний воздух.

— Удачно съездили, — сказал Сигрем. — Кажется, и до тебя это дошло, нет?

— Он еще будет мне говорить… Если бы Президент узнал, что мы заслали нашего парня к русским две недели назад, его бы удар хватил.

— Все может быть, — вполголоса пробурчал Сигрем. — Все может быть, если НУМА не сможет вызволить нашего парня.

Глава 2

Сид Коплин был уверен, что умирает.

Глаза его были прикрыты, кровь медленно стекала в снег. Когда сознание начало понемногу возвращаться к нему, перед глазами запрыгали огни. По телу прошла сильная судорога, задела желудок, и Коплина вырвало. В него попали один или два раза? Он не был уверен.

Он открыл глаза, перевернулся на живот и осторожно встал на четвереньки. Голова гудела, как колокол. Он потрогал рукой холодную, с запекшейся вокруг кровью, рану над левым виском. Самым неприятным ощущением в данную минуту была чудовищная головная боль. Мороз действовал как анестезия. Перестало жечь в левом боку, под ребрами, куда попала вторая пуля, пальцами он чувствовал мерзкую липкость сочившейся крови. Кровь пропитала одежду, стекала по телу и дальше — по ноге.

Автоматная очередь эхом отдалась в горах. Коплин огляделся, насколько это оказалось возможным, однако со всех сторон видел только снег, снег и снег, задуваемый норовистым арктическим ветром. Еще один выстрел сотряс ледяной воздух. Коплин подумал, что стреляют где-то неподалеку, ярдов за сто, не больше. Должно быть, русские пограничники палят наугад.

Всякая мысль о том, чтобы выбраться отсюда живым, казалась праздной. Все было кончено. Ни за что не добраться ему до бухты, куда причалило его лодку. Да и не смог бы он в таком состоянии на лодке двадцати восьми футов в длину проплыть пятьдесят миль по морю до американского океанографического судна.

Он повалился в снег. Потеря крови лишила его сил. Русские едва ли найдут его. Если найдут, то мертвым. Это было непременное условие сделки с Мета Секшн. Если придется умирать, следует сделать так, чтобы тела его не нашли.

Превозмогая боль, Коплин принялся рыть снег около себя. Скоро от него останется лишь маленький холмик. Придется умереть тут, на склоне горы Бедная, под снегом.

На секунду он остановился и прислушался. Слышны были только завывания ветра да собственное его хриплое дыхание. Он приложил ладонь к уху и вслушался внимательнее: еле слышно лаяла собака. Почти совсем не слышно.

«Бож-же мой!» — подумал он. До тех пор, покуда тело не остынет окончательно, от него будет исходить запах. У собак чуткий нюх, они найдут его. Коплин повалился на спину. Только и остается лежать и тихо подыхать.

Но внутри продолжала теплиться безумная надежда. На что именно? Он и сам не знал. Мозг отказывался мириться с неизбежной смертью. И Коплин понял вдруг, что не сможет вот так лежать и дожидаться, когда его обнаружат русские. Он ведь не какой-нибудь супермен-агент-разведчик, он же самый обыкновенный профессор минералогии. Его сорокалетнее тело, и главное — его сознание не подготовлено к пыткам, он не выдержит! Тем более, если за него возьмутся как следует. Если прежде он не умрет, то захваченный в плен, очень скоро вынужден будет рассказать все, что знает. Боль поражения вдруг оказалась даже сильнее физической боли. Он крепко зажмурился.

Когда он открыл глаза, прямо перед ним была морда огромной собаки. Коплин решил, что это комондор, мощное животное с белой, под стать снегу шерстью. Псина зарычала, и наверное, перегрызла бы ему глотку, если бы собаку вовремя не осадила рука солдата в толстой варежке. У советского пограничника был какой-то

равнодушный, меланхоличный взгляд. Он стоял и безучастно смотрел на Коплина: в левой руке поводок, правая на автомате. Солдат в своем длинном, до пят, тулупе казался чудовищем. Вид кровоточащей раны в боку Коплина решительно не вызывал у пограничника никакого сочувствия. Солдат забросил свой автомат на плечо, рывком поставил Коплина на ноги. Затем, не говоря ни слова, потащил раненого американца к своим для выяснения обстоятельств.

От боли Коплин чуть не потерял сознание. Он прошел каких-нибудь полсотни ярдов, хотя ему показалось — многие мили. Тут из снега и мороза вдруг соткался некий силуэт, некая фигура. Краем угасающего сознания Коплин отметил, что при виде этой фигуры солдат весь напрягся.

Раздался мягкий звук — «плоп», — и огромнейший комондор вдруг без единого звука завалился в снег. Солдат отпустил Коплина и схватился за автомат, но таинственный звук «плоп» повторился, и пограничник с небольшим красным пятном на лбу вдруг замешкался, глаза его подернулись поволокой, и он грохнулся возле своего пса.

Мозг Коплина, перегруженный впечатлениями последних минут, лишь отметил, что вокруг происходит некая чертовщина. Он опустился на снег и бессмысленно наблюдал за тем, как из снежной мглы материализуется высокий мужчина в серой парке. Нагнувшись над псом, мужчина покачал головой:

— М-да, — сказал он лаконично.

Мужчина выглядел весьма внушительно. Лицо его было цвета мореного дуба, черты лица суровые. Но Коплин обратил внимание на глаза: он прежде никогда не видел таких зеленых проницательных, излучающих тепло глаз, столь явно контрастирующих с выражением лица мужчины.

Мужчина улыбнулся Коплину и вдруг произнес:

— Если не ошибаюсь, вы доктор Коплин? — сказано все это было мягко, даже деликатно.

Незнакомец запихнул свой пистолет с глушителем в карман, нагнулся и внимательно изучил следы крови на парке Коплина.

— Я лучше отведу вас в одно место, тут неподалеку. Там и займемся лечением.

Он легко взял американца на руки и пошел вниз по склону, в сторону побережья.

— Кто вы? — сумел выдавить из себя Коплин.

— Питт. Дирк Питт.

— Не понимаю… Откуда вы тут взялись?

Коплин так и не услышал ответа на свой вопрос. Накатила сплошная черная волна, и он потерял сознание.

Глава 3

Сигрем выкурил сигарету, пока ожидал за столиком открытого всем ветрам ресторана на Кэпитол-стрит свою жену. Она опаздывала. За восемь лет, что они были женаты, он не мог припомнить даже одного-единственного случая, чтобы жена пришла вовремя. Он жестом подозвал официанта и заказал спиртного.

Наконец появилась Дана. Она застыла у входа, высматривая мужа, наконец увидела его и начала пробираться между столиками. На ней были оранжевый свитер и коричневая твидовая юбка: в таком наряде она выглядела прямо-таки девочкой выпускного класса. Светлые волосы Дана повязала платком. Ее кофейного цвета глаза глядели живо, радостно, даже несколько насмешливо.

— Давно ждешь? — с улыбкой спросила она.

— Чтобы не соврать, восемнадцать минут. Иначе говоря, ты опоздала против обыкновения на две минуты десять секунд.

— Извини. Адмирал Сэндекер созвал совещание — только что закончили.

— И какие же именно светлые идеи?

— Ну, например насчет морского музея. Раздобыли деньги, теперь нужно раздобывать экспонаты.

— Экспонаты? — уточнил Сигрем.

— Ну да, всякое старье, останки знаменитых кораблей, в таком духе.

Официант поставил перед Сигремом заказ. Наведенная на мысль видом бокала. Дана попросила себе дайкири.

— Осталось всего так мало, — продолжила она свою мысль. — На удивление мало. Канат с «Луизианы», вентилятор с «Мейна», якорь от «Баунти». И ведь все это раскидано по разным углам…

— По-моему, есть куда лучшие способы транжирить государственные субсидии. Ее лицо исказилось:

— Чем ты недоволен?

— Все это глупости. Собирать гнилые обломки неизвестно чего, укладывать их под стекло и ахать по этому поводу. Верь на слово, чушь это.

Слова его были поняты как вызов.

— Сохраняя останки кораблей, мы способствуем установлению элементарных связей между человеком и его историческим прошлым, — глаза Даны гневно заблестели. — Все это называется приумножением культурного богатства нации, понял? Это мудакам вроде тебя на все плевать.

— Заметь, ты уже пользуешься морской лексикой.

Она виновато улыбнулась, почувствовав себя сконфуженной от его вовремя произнесенного замечания.

— Скажи лучше, тебя заедает, когда жене удается сделать хоть что-то без твоей подсказки. Разве не так?

— Ладно, ладно… Единственное, если хочешь знать, что меня заедает, так это твоя новая манера разговаривать. Почему-то все симпатичные феминисточки полагают, что им чертовски идет лексика портовых шлюх.

— Уж кто бы говорил! Пять лет он живет в столице, а посмотреть на тебя — мужик мужиком, даже одеваться не научился. Посмотрись в зеркало, прежде чем делать замечания другим! Тоже мне… Почему ты не можешь, например, подстричься, как это делают другие мужчины? То, что у тебя на голове, уже сто лет не в моде. Когда нас видят с тобой вместе, мне всегда стыдно, что у меня такой муж.

— Видишь ли, я достиг, будем откровенны, таких степеней, такого положения в научном мире, что могу ходить вовсе нестриженным и голым.

— Вот только, пожалуйста, вот только ради Бога… Надо было выйти замуж за нормального сантехника или садовника — на худой конец… Надо же было на физика нарваться!

— Приятно слышать, что хоть когда-то меня любили.

— И до сих пор любят, если на то пошло. — Глаза ее сделались мягче при этих словах. — Это последние два года все идет, черт знает как. Даже вот в ресторан пришли, и то не можем отдохнуть, обязательно ругаемся. Пойдем-ка, снимем номер в мотеле, займемся, чем положено заниматься супругам в часы досуга. Почти в рифму получилось. Как ты смотришь?

— Это что-нибудь изменит?

— Это будет хорошим началом. А все с чего-то нужно начинать.

— Увы, не могу.

— Опять твоя идиотская работа?! Неужели ты не понимаешь, что твоя работа, моя работа — они разводят нас. Мы делаемся чужими. Подумай, Джен. Мы ведь можем все бросить и снова работать обыкновенными учителями. Ты доктор физики, у меня докторская степень по археологии, нас с радостью примет любой университет! Помнишь студенческую пору. Вот уж когда я была действительно счастлива.

— Не нужно на эту тему, Дана. Я не могу бросить свою нынешнюю работу.

— Но почему?

— У меня интересный проект.

— Последние пять лет у тебя что ни проект — все интересный. Джен, подумай о нас с тобой. Сделай первый шаг. Если примешь решение уехать отсюда, я пойду за тобой, куда хочешь. Этот город разрушает нашу любовь, разве ты не видишь?

— Ну пойми, мне нужен еще хотя бы год.

— Имей в виду, каждый день может многое решить. Как бы потом не пришлось жалеть.

— В том деле, которое сейчас у меня, не может быть обратного хода. Надо все довести до конца.

— И когда только перестанут финансировать эти ваши чертовы секретные проекты? Это все потому, что в Белом доме собрались такие, как ты…

— Слушай, я умоляю.

— Джен, бросай все к дьяволу!

— Дьяволу это не нужно, а нужно моей стране. Жаль, что ты не можешь понять столь простых истин.

— Бросай, пожалуйста, Джен, — в ее глазах стояли слезы. — Незаменимых людей нет. Мел Доннер превосходно заменит тебя.

Он покачал головой:

— Увы. Этот проект придумал я, придумал своей башкой и должен увидеть его воплощение.

Подошедший официант поинтересовался, будут ли они заказывать.

— Я абсолютно не голодна, — заявила Дана, поднялась из-за стола и сухо поинтересовалась: — тебя ожидать к ужину?

— Сегодня мне придется задержаться. Теперь она уже и не пыталась скрыть слезы.

— Что бы ты там ни изобретал, я надеюсь, это очень понадобится Америке. Потому что тебе это будет стоить очень и очень дорого, постарайся понять.

Не оглядываясь, Дана пошла к выходу.

Глава 4

В отличие от стереотипа русского начальника разведки из американских фильмов, у капитана Андрея Превлова не было ни широченного размаха плеч, ни лысого черепа, ничего устрашающего. Это был обыкновенный приятной наружности мужчина, аккуратно подстриженный, с ровным пробором на боку, с тонкими щегольскими усиками. Он копировал прическу и манеры у героев западных фильмов, что не могло нравиться начальству из Отдела внешней морской разведки. Но несмотря на то, что вкусы Превлова многим были не по нраву, он

занимал в отделе важный пост и чувствовал себя на этом посту уверенно. Он слыл одним из самых талантливых и эрудированных служащих морской разведки. А кроме того, его отец входил в десятку партийной элиты. То и другое делало его положение весьма устойчивым.

Уверенным движением он зажег свой «уинстон», выпустил дым, налил себе джина «Бомбей», причем налил не по-русски, до краев, а как это было принято на Западе — порцию. Он откинулся в кресле и принялся изучать материалы, которые принес ему лейтенант Павел Марганин, его помощник.

— Не понимаю, — тактично вставил Марганин, — как вы пьете это западное… спиртное, в общем. Что в нем хорошего.

Превлов оторвался от бумаг и внимательно, изучающе посмотрел на Марганина.

— Ты слишком дремучий человек, и в этом смысле типичный. Я же мыслю, как американец; пью, как англичанин; машиной управляю, как итальянец; занимаюсь любовью, скажем мягко, как настоящий француз. И знаешь, почему, лейтенант?

— Нет.

— А потому, что я должен знать своего врага изнутри, знать его на уровне привычек. В этом весь фокус, чтобы знать врага лучше, чем ты знаешь самого себя. Тогда враг тебя никогда не одолеет, тогда ты будешь всегда сильнее.

— Это что, цитата из Чецкого?

Превлов отмахнулся, изобразив на лице брезгливую гримасу.

— Нет, дурак ты. Это еще в Библии сказано. — Он глубоко затянулся, пустил дым через нос и глотнул джина. — Приобщайся к западной культуре, мой друг, потому как, если мы не будем учиться у буржуев, нам всем крышка. Ладно, скажи лучше, почему эти материалы направили именно к нам в отдел?

— Потому что происшествие имело место возле берега.

— Каковы исходные?

— Почти ничего не известно. Пропал солдат из наряда, пограничник с Новой Земли. И собака пропала.

— Не вижу повода для того, чтобы обращаться во внешнюю морскую разведку. Новая Земля — пустынный снежный остров. Там всего-то устаревшая ракетная станция, казарма да несколько рыбацких хижин. На сотни миль в округе — ни одного важного объекта. Непонятно вообще, что там делают пограничники.

— И я думаю, что никто не пошлет туда шпиона.

— Шпиона? — Превлов побарабанил пальцами по столешнице, зачем-то взглянул на потолок. — Шпиона, говоришь? Понимаешь ли, вроде ничего там для шпиона интересного нет… Вроде. Но есть одно «но»… — Он резко придвинулся к столу,

надавил кнопку селектора: — Принесите сведения за последние два дня обо всех перемещениях надводных и подводных судов.

Марганин вопросительно приподнял брови.

— Никто не осмелится посылать океанографическую экспедицию в район Новой Земли. Это же наши территориальные воды.

— Баренцево море не вполне наше, — сдерживаясь, пояснил Превлов. — Это международные воды, если уж быть точным.

Симпатичная секретарша-блондинка, которым идут короткие узкие юбки, принесла сводку, положила ее на стол перед Превловым и молча удалилась.

Превлов принялся листать и наконец нашел нужное.

— Ну вот, что и требовалось… «Фёрст Аттемпт», судно, принадлежащее НУМА, было замечено нашей службой на расстоянии 325 морских миль к Юго-Западу от Земли Франца-Иосифа.

— Очень странно, — заметил Марганин, — это же рядом с Новой Землей.

— О чем и речь. Если верить расписанию американских океанографических работ, «Фёрст Аттемпт» в настоящее время должен находиться у побережья Северной Каролины, изучать поведение планктона в том районе.

Весьма любопытно… — он допил джин, затянулся и энергично затушил окурок в пепельнице.

— Что из этого следует? — поинтересовался Марганин.

— Ничего, ровным счетом. Однако мысли кое-какие возникают. Например о том, что солдата убил агент, который с Новой Земли перебрался на «Фёрст Аттемпт». Если уже принадлежащий НУМА корабль находится за сотни миль от места, где он должен быть, значит, американцы что-то задумали, будь уверен.

— А что им здесь нужно, как думаете?

— А вот — думаю. Распорядись, чтобы сделанные со спутника фотографии этого района были увеличены.

Был уже вечер, и свет фонарей дополнил деревья контрастными тенями, когда Марганин принес и положил перед Превловым снимки и большое увеличительное стекло.

— А вы оказались правы. Тут кое-что любопытное. Превлов внимательно изучил фотоснимки.

— Обычный корабль, обычное оборудование, никакой дополнительной электроники…

Марганин тактично пододвинул своему шефу снимок, сделанный широкоугольным объективом.

— Взгляните, вот сам «Фёрст Аттемпт», а вот в правом верхнем углу, или за две тысячи метров по нашим замерам — темная точка…

Превлов на целую минуту застыл над увеличительным стеклом, наконец выдохнул:

— Вертолет.

— Именно. Почему я так и задержался. Я даже отнес снимки и проконсультировался в Отделе "Р".

— Наш пограничный вертолет, я полагаю?

— Ничего подобного.

Превлов изобразил некоторый интерес.

— Ты думаешь, что вертолет поднялся с американского судна?

— Можно лишь гадать. — Марганин положил перед Превловым еще два снимка… — Специалисты изучили еще снимки, сделанные другим спутником. Вот на этом хорошо видно, что вертолет направляется от Новой Земли в сторону судна. Высота полета небольшая, скорость пятнадцать узлов.

— Чтобы не попасть на наши радары, — сказал Превлов.

— Подключать наших агентов в Америке? — спросил Марганин.

— Погоди. Нужно сначала убедиться, американцы ли это гадят. — Он собрал все фотоснимки, сложил их в папку, посмотрел на свои ручные часы. — Успею перекусить, прежде чем пойду в театр. Что-нибудь еще есть у тебя, лейтенант?

— Только информация об экспедиции по изучению морских течений «Лорелей». Американская глубоководная субмарина на глубине пятнадцать тысяч футов, неподалеку от Дакара.

Превлов поднялся, взял папку под мышку.

— Будет время, непременно изучу. Может, ничего и нет интересного. Но все равно почитаем. Эти американцы каких только проектов не напридумывают…

Глава 5

— Будь же все проклято, — прошептала Дана. — Под глазами уже вон сколько морщин! Не зря говорят, что старость, — это разновидность лепры…

Она сидела перед зеркалом и внимательно рассматривала свое отражение.

Сигрем подошел сзади, приподнял с затылка жены волосы и поцеловал в теплую шею.

— Девушке тридцать один год, а она уже рассуждает, как пенсионерка.

Дана изучающе, не поворачиваясь, смотрела на отражение мужа в, зеркале.

— Ты счастливый. У мужиков нет подобных проблем.

— Это все женщины придумали, у нас тоже немало возрастных изменений, болячек, и мы тоже не приходим в восторг, видя лицо в морщинах.

— Да, но вам плевать.

— Принимаем как неизбежность, — сказал он, улыбнувшись. — Кстати, о неизбежности. Когда у нас будет ребенок?

— Скотина ты. Никак не успокоишься. — Она в раздражении швырнула на столик перед зеркалом щетку. Щетка завалила несколько флаконов из ее косметического арсенала. — Я тебе сто раз уже говорила, что не желаю ходить с пузом и стирать пеленки или как их там… Пускай человечество размножается за счет других идиоток! Мы же, в конце концов, цивилизованные люди.

— Глупости. И ты сама понимаешь, что все это глупости.

Она снова уставилась на свое отражение.

— Дана, ребенок спасет нашу любовь, — мягко продолжил он.

Она уткнулась в ладони.

— Я ценю карьеру и свою работу не меньше твоего. Он погладил ее светлые волосы и посмотрел на нее в зеркало.

— Твой отец был алкоголиком и оставил семью, когда тебе было десять лет. Твоя мать всю жизнь простояла за стойкой бара, она приводила каждый вечер домой мужчин, чтобы подработать. Ты и твой брат жили, как животные, до тех пор, пока вы не убежали с той помойки, которую вы называли своим домом. Твой брат прибился к тем, кто содержал магазины спиртных напитков и бензозаправки. В итоге его обвинили в убийстве, и теперь он отбывает пожизненное заключение в Сан-Квентине. Видит Бог, я уважаю тебя уже за то, что ты сумела окончить школу и колледж, что ты работала по восемнадцать часов в сутки. Да, у тебя было чудовищное детство, не спорю, и ты боишься забеременеть, я понимаю. Дана. Но и ты должна понять, что это не повод для того, чтобы лишать жизни потенциального ребенка.

Она сбросила его руку, давая понять, что разговор на эту тему закончен. Джен более не существовал для нее.

Когда Сигрем вышел из ванной. Дана стояла перед зеркалом, изучая себя столь же придирчиво, словно была дизайнером, который впервые рассматривает создание рук своих. На ней было простое светлое платье, которое облегало торс и свободно спадало бесформенной массой, скрывая ноги. Глубокое декольте давало возможность ознакомиться с ее бюстом.

— Ты уж поторопись, — сказала она таким голосом, словно между ними не произошло и малейшей размолвки. — Не заставляй Президента ждать.

— Там будет человек двести. И никакого учета посещаемости, как ты понимаешь.

— И тем не менее. Мы же не получаем приглашения в Белый дом каждую неделю. Как минимум, мы должны приехать вовремя.

Сигрем вздохнул и стал одеваться. Сначала — рубашка, потом галстук, затем — запонки, с которыми приходилось справляться одной рукой. Ох, как же он ненавидел одеваться для того, чтобы идти на прием. Если для Даны это было развлечением, для него неприятной необходимостью, и только. Наконец он завязал шнурки на ботинках, причесался и вошел в гостиную. Дана сидела на пуфе, просматривая какие-то бумаги. Перед ней на столике лежал распахнутый кейс. Она так зачиталась, что не заметила, как он вошел.

— Я готов.

— Иду, иду. Будь так добр, принеси мое боа.

— На дворе лето, зачем тебе боа?

Она опустила очки на кончик носа, посмотрела на мужа и сказала:

— Пусть хоть один из нас выглядит по-человечески.

Он вышел в холл, снял трубку и набрал номер. Не успел прозвучать в трубке первый сигнал, как Мел Доннер ответил:

— Доннер слушает.

— Какие-нибудь новости? — спросил Сигрем.

— Сообщили, что «Фёрст Аттемпт»…

— Это судно, которое должно было взять Коплина?

— Именно. Судно видели пять дней назад недалеко от Осло.

— Господи! Почему? Коплин же должен был сойти с судна и вернуться авиарейсом.

— Подробностей я не знаю. Согласно твоим инструкциям, судно на связь не выходит.

— Странно.

— Во всяком случае, мы о подобном не договаривались.

— Я приглашен сегодня на прием в Белый дом. Будут новости, непременно сообщи.

— Непременно. Хорошего тебе вечера, — Сигрем хотел уже положить трубку, как вдруг Дана появилась на пороге.

— Какие-то неприятности?

— Как будто пока нет.

Она поцеловала его.

— Одна из особенностей: мы даже не можем, как обычные люди, обсуждать твои проблемы.

— Я прошу тебя, — он погладил ее руку. — Ну конечно, я понимаю. Как-никак, государственный секрет. Ну?

— Что «ну»?

— А то, мужчина ты или уже нет?

— Прости, я забыл. — Он взялся за дверцу, открыл шкаф, выудил оттуда боа и набросил жене на плечи. — Всякий раз забываю о тебе, что ты будешь делать…

Она горько усмехнулась.

— Именно за это ты и будешь наказан.

Господи, думал он с ужасом, неужели Коплин не сумел выбраться с Новой Земли?

Глава 6

Чета Сигрем вместе с небольшой толпой приглашенных ожидали у Восточного зала. Хоть Дана ранее и бывала в Белом доме, она явно была потрясена.

Президент выглядел безукоризненно. Ему было немногим за пятьдесят: красивый, импозантный мужчина, интересующийся женщинами. Последнее подтверждалось тем, что возле Президента, исполняя роль хозяйки, находилась Эшли Флеминг, одна из наиболее привлекательных столичных девушек.

— О, черт, — воскликнула Дана.

— Что на этот раз? — сдерживая раздражение, уточнил Сигрем.

— Что еще за мразь рядом с Президентом?

— С твоего разрешения, это Эшли Флеминг.

— Это понятно. Ты на платье ее посмотри. Поначалу Сигрем ничего не заметил, и лишь какое-то время спустя до него дошло, что Дана и Эшли Флеминг в совершенно одинаковых платьях. Он попытался сдержать улыбку.

— Ровным счетом ничего смешного, — сказала она.

— Ты где покупала свое?

— Напрокат взяла у Аннет Джонс.

— У этой шлюхи, что живет напротив?!

— Ей подарил это платье Клод Д'Орсини, модельер.

— Вот видишь, это лишнее доказательство твоего великолепного вкуса.

Она не успела ответить, потому что в этот момент очередь подвинулась и они оказались точно напротив Президента.

— Рад вас видеть, Джен, — Президент мягко улыбнулся.

— Спасибо за приглашение, господин Президент. Это моя жена Дана.

Президент изучающе посмотрел на нее.

— Вы просто великолепны, — сказал он и, приблизившись, негромко добавил что-то ей на ухо. Дана вспыхнула, как маков цвет. Президент отчетливо добавил:
— Позвольте мне представить вам мою очаровательную хозяйку госпожу Эшли Флеминг. Эшли, это — господин и госпожа Джен Сигрем.

— Очень рад познакомиться, госпожа Эшли, — сказал Сигрем.

Слова его не были услышаны. Госпожа Эшли уставилась на платье Даны.

— Одна из нас, госпожа Сигрем, завтра с утра будет вынуждена искать себе нового модельера.

— Только не я, верьте слову, — сказала Дана. — Я с юношеских лет заказываю у Жака Пиннэ.

Эшли Флеминг вопросительно подняла бровь.

— Жак Пиннэ? Даже не слышала о таком.

— Он известен как Ж. К. Пенни. — Дана мягко улыбнулась. — У него в следующем месяце распродажа. Если мы пойдем туда вместе, то уж наверняка не будем выглядеть двойняшками.

При этих словах Эшли Флеминг изобразила на лице презрительную гримасу. Президент тактично прокашлялся. Сигрем поспешил взять жену под руку и отвести ее подальше.

— Очень было нужно? — спросил он.

— Не могла перебороть себя, извини. Ненавижу подобного рода женщин. — Она сощурилась и негромко сказала: — Ты знаешь, что сказал мне Президент? Не поверишь! Он назначил мне свидание. Президент Соединенных Штатов Америки назначил мне свидание.

— Что ж… Уоррен Хардинг и Джон Кеннеди тоже были по этой части. По-человечески понять можно…

— Президент — развратник… Ужас.

— Пусть так, пусть ужас. Но как насчет свидания? Пойдешь?

— Перестань, ради Бога.

— У вас настоящее сражение, — раздалось рядом с ними.

Слова принадлежали невысокому рыжеволосому человеку в голубом блейзере. Голос показался Сигрему знакомым, однако бородатое лицо ничего не говорило — памятью на лица Сигрем не отличался.

— Могу я узнать, кому из нас вы сочувствуете? — поинтересовался Сигрем.

— Несколько зная феминистские взгляды вашей жены, я почту за честь объединиться с вами, сэр.

— Вы знакомы с Даной?

— Некоторым образом. Я ее босс.

Сигрем удивленно посмотрел на собеседника.

— Стало быть, вы…

— Адмирал Джеймс Сэндекер, — пришла на помощь Дана. — Директор Национального агентства надводных и подводных коммуникаций. Адмирал, а это мой благоверный, Джен.

— Рад познакомиться, адмирал. — Сигрем протянул ему руку. — Я давно хотел поблагодарить вас за ту маленькую услугу, если помните…

Дана удивленно посмотрела на мужа.

— Вы уже знакомы?

Сэндекер утвердительно кивнул.

— Разговаривали с вашим мужем по телефону. Хотя прежде не встречались.

— Надо же! Успели сговориться за моей спиной. С чего бы это вдруг?

Сигрем перехватил взгляд Сэндекера и сказал:

— Мне однажды понадобилась некоторая информация и пришлось потревожить адмирала. Всего-навсего… Сэндекер похлопал Дану по руке и сказал:

— Почему бы вам не сделать приятное старику, Дана? Принесите нам по стаканчику скотча, если вас не затруднит. С водой, разумеется.

Она секунду поколебалась, затем поцеловала Сэндекера в щеку и решительно направилась через толпу к стойке бара.

Сигрем лишь головой покачал от изумления.

— Вы умеете обращаться с женщинами. Подход знаете… Вот если бы я попросил ее о стаканчике виски, она бы мне прилюдно в лицо плюнула, будьте уверены.

— Я ей плачу жалование, — просто ответил Сэндекер. — Вы ей не платите.

Они прошли на балкон. Сигрем закурил сигарету в то время, как Сэндекер забавно раскуривал свою сигару сорта «Черчилль». Они молча продвинулись в безлюдный угол огромного балкона.

— Какие-нибудь известия от «Фёрст Аттемпт»? — спросил Сигрем.

— В тринадцать ноль-ноль по вашингтонскому времени судно прибыло на нашу военно-морскую базу в Клайде в Шотландии.

— Восемь часов тому назад. Почему я не информирован?

— Вы сами распорядились, — мягко парировал Сэндекер, — чтобы никакой информации до тех пор, пока ваш агент не возвратится на родную землю.

— Ну, и?

— Мне позвонил один из старых друзей. Буквально полчаса назад. Требовал объяснений, почему капитан судна действовал самовольно, без согласования с береговой службой.

— Значит, что-то произошло, — высказал предположение Сигрем. — Ваше судно должно было высадить моего агента в Осло. Не понимаю, зачем корабль потащился в Шотландию…

Сэндекер в упор посмотрел на Сигрема.

— Давайте договоримся, господин Сигрем. НУМА — это вам не подразделение ЦРУ или ФБР и не какая-нибудь шпионская контора, и я не намерен рисковать жизнью своих людей, чтобы кто-то мог с нашей помощью шпионить за русскими, это понятно? Мы занимаемся океанографическими исследованиями, постарайтесь, пожалуйста, запомнить. В следующий раз, когда захотите пошпионить за русскими, будьте любезны обращаться с предложением к военным морякам или к береговой охране. И не вынуждайте более Президента использовать мои корабли. Искренне хочу, чтобы вы зарубили это себе на носу, господин Сигрем.

— Искренне прошу меня простить, если доставил вам какие-нибудь неприятности, адмирал. Если что было не так, примите мои самые искренние извинения. Не имел в виду ничего дурного.

— Хотелось бы верить…

Произнеся эти слова, адмирал несколько сбавил тон.

— Но верьте на слово, — продолжил адмирал, — было бы куда лучше, если бы вы соблаговолили посвятить меня в ваши планы.

— Вы должны понять, — ответил Сигрем.

— Что ж…

— А что вы думаете относительно того, почему «Фёрст Аттемпт» не пришвартовался в Осло? — спросил Сигрем.

— Думаю, ваш агент по каким-то своим соображениям не захотел лететь из Осло самолетом гражданской авиалинии и предпочел воспользоваться военно-транспортным самолетом. А так как база атомных подлодок в Клайде — ближайшая, где есть аэродром, он и приказал капитану судна плыть в Шотландию вместо Норвегии.

— Дай-то Бог, чтобы вы оказались правы. Только там, где происходят отклонения от намеченного плана, появляются проблемы.

Сэндекер заметил остановившуюся около балконной двери Дану с порцией выпивки. Она глазами разыскивала их. Он помахал ей рукой, и она направилась к ним.

— Счастливый ты человек, Сигрем. У тебя понятливая жена, и красивая вдобавок.

Вдруг на пороге появился Мел Доннер. Он бесцеремонно промчался мимо Даны, подбежал к ним и заговорил:

— Двадцать минут назад причалило судно с Сидом Коплином на борту. Его тотчас же отправили в госпиталь Уолтер Рид.

— Почему в госпиталь?

— Он ранен, и ранен достаточно серьезно.

— Господи, — выдохнул Сигрем.

— Я на машине. Мы будем там минут через пятнадцать.

— Хорошо. Секунду обожди.

Сигрем попросил Сэндекера извиниться за него перед Президентом и проводить свою жену до дому. И Сигрем поспешил за Доннером к машине.

Глава 7

— Прошу прощения, но ему ввели снотворное, так что ни о каких посещениях пока и речи не может быть, — голос звучал вежливо, мягко, но за всем этим отчетливо слышалось сдержанное раздражение профессионального медика.

— Говорить он в состоянии или нет? — осведомился Доннер.

— Если иметь в виду, что он совсем недавно еще был без сознания, то следует признать, что его состояние в данную минуту более или менее удовлетворительное. Но постарайтесь понять правильно. Он все же очень и очень плох.

— Насколько именно? — спросил Сигрем.

— Что — «насколько»? Если я говорю «плох», значит плох. И это все, что вас должно интересовать. Врач на борту «Фёрст Аттемпт» сделал, что смог. Рана в левом боку скоро заживет. Но вторая пуля угодила ему в голову. Какое-то время у вашего господина Коплина могут быть головные боли.

— Мы должны переговорить с ним немедленно, — повторил Сигрем.

— Я же сказал, никаких посещений. Сигрем сделал шаг вперед и приблизил лицо вплотную к доктору.

— Постарайтесь и вы понять, доктор, что сейчас я и мой коллега пойдем в палату к Коплину независимо от того, разрешаете вы или не разрешаете. Если вы попытаетесь помешать нам, станете пациентом собственной клиники. Если же вы позовете на помощь, я буду стрелять. Если позвоните в полицию, у нас для полиции есть бумаги, позволяющие нам поступать так, как мы поступать и собираемся. — Сигрем выдержал паузу и усмехнулся в лицо доктору. — Так что решайте, доктор.

Коплин лежал на спине, лицо его было цвета постельного белья, но глаза лихорадочно блестели.

— Лучше не спрашивайте, — сказал он. — Чувствую себя чудовищно. И не говорите, что я хорошо выгляжу. Ненавижу подобного рода ложь.

Сигрем пододвинул к кровати стул, уселся и улыбнулся Коплину.

— У нас мало времени, Сид, поэтому, если ты в состоянии, давай сразу перейдем к делу.

Коплин показал глазами на трубки, подсоединенные к нему.

— Меня пичкают какой-то гадостью, все время хочется спать. Пока не отключусь, готов отвечать на ваши вопросы.

Доннер одобрительно кивнул.

— Мы хотели бы услышать ответ на вопрос, цена которому — миллиарды долларов.

— Следы бизания я нашел. Если вам именно это нужно знать.

— В самом деле? Тут не может быть ошибки?!

— Как вы понимаете, у меня под боком лаборатории не было, но после сделанных замеров я уверен на девяносто девять процентов, что это бизаний.

— Слава Богу… А какие-нибудь приблизительные цифры? Сколько там? Сколько мы сможем добыть на горе Бедная?

— Если очень повезет, несколько граммов. Столовая ложка наберется.

Поначалу Сигрем даже не понял смысла произнесенных Коплином слов. Доннер оказался сметливее: он застыл, лишь сильнее сжав подлокотники больничного кресла.

— Всего лишь ложка? — спросил наконец Сигрем. — Всего-навсего?!

— Вы уже спрашивали меня, — лицо Коплина порозовело. — Если не верите мне, пошлите туда кого-нибудь еще.

— Подождите, подождите, — Доннер подскочил к больному и взял его за плечо. — Вы-то сами хоть понимаете, что Новая Земля была по существу нашей единственной надеждой? Вы только поймите правильно, вы так измучились, мы вам очень благодарны…

— Еще есть надежда, — сказал Коплин. — Надежда есть. Бизаний действительно там был.

— Что значит был? — повысил голос Доннер.

— Был… выработан…

— Не улавливаю смысла.

— На склоне горы я обнаружил остатки… — Коплин несколько поколебался, прежде чем продолжить. — Покопался там немного…

— Ты хочешь сказать, что кто-то разработал все залежи бизания на Бедной? — напрямик спросил Сигрем.

— Да.

— Господи! — простонал Доннер. — Русские додумались до того же.

— Нет… нет, — прошептал Коплин.

Сигрем приблизил ухо к губам Коплина.

— Не русские…

Сигрем и Доннер переглянулись.

Коплин взял за руку Сигрема.

— Это колорады…

Его глаза закрылись, и Коплин потерял сознание. Когда Сигрем и Доннер пришли на стоянку, вдалеке завыла сирена.

— Как ты думаешь, что он имел в виду? — спросил Доннер.

— Понятия не имею, — ответил Сигрем. — То есть решительно не имею ни малейшего понятия, что он имел в виду.

Глава 8

— Что случилось? — проворчал Превлов.

Не дожидаясь ответа, он распахнул перед Марганиным дверь и кивком пригласил его войти. Превлов был одет по-домашнему, в шелковом халате производства Японии. Лицо его в этот утренний час выглядело чрезмерно усталым.

Следуя за хозяином квартиры через гостиную на кухню, Марганин профессионально, краем глаза, фиксировал предметы и их расположение. Человеку, вынужденному ютиться в общежитии в комнате шесть на восемь, квартира Превлова должна была казаться прямо-таки императорским дворцом. У Превлова в квартире чего только не было.

Красивые хрустальные люстры, картины, гобелены, и добротная французская мебель. Марганин заметил две невымытые рюмки и недопитую бутылку шартреза на полочке электрического камина. На ковре заметил он также женские туфли, дорогие, модные туфли на каблуках. Дверь в спальню была плотно закрыта. Впрочем, не закрытая дверь, но уже само наличие у Превлова спальни поразило Марганина.

Превлов нырнул в холодильник, вытащил оттуда кувшин томатного сока.

— Будешь?

Марганин тактично отказался.

— Американский рецепт. Если знать, как и с чем смешивать томатный сок, великолепно с похмелья. — Превлов налил, глотнул и с видимым облегчением выдохнул. — Ну, давай, что там у тебя?

— Вчера поздно вечером один из агентов разведки КГБ прислал из Вашингтона шифровку. Они там расшифровали, но не поняли, просят нашей консультации. — Лицо Марганина при этих словах порозовело: он вдруг заметил, как распахнулся халат Превлова, под которым оказалось голое тело.

— Дальше.

— В шифровке речь идет о том, что американцы вдруг, ни с того, ни с сего, принялись коллекционировать образцы пород грунта. Сверхсекретная операция под кодовым названием «Сицилианский проект».

Еще хлебнув «кровавой Мэри», Превлов уставился на Марганина.

— Мудятина какая-то. — Он прикончил бокал залпом. — Что, КГБ больше заняться нечем? — Этот риторический вопрос он задал уже своим обычным официальным тоном. — Лейтенант, зачем ты беспокоишь меня в выходной день, да еще так рано? Это что, не могло подождать до завтрашнего утра?

— Я… Я подумал, что это очень важно… может быть, важно… — промямлил Марганин.

— Ну разумеется, — Превлов холодно улыбнулся. — Всякий раз, стоит КГБ свистнуть, и все прыгают! Но это все беллетристика, меня же интересуют факты и только факты. Сам ты как думаешь, что столь важного может быть в «Сицилианском проекте»?

— Не исключено, что тут имеется некоторая связь с событиями на Новой Земле. Превлов наморщил лоб.

— Да? Не знаю, не знаю… Связь-то может и быть, разумеется…

— Я… Я вот тут подумал…

— Слушай, лейтенант, давай раз навсегда с тобой договоримся, что из нас двоих думать, равно как и принимать решения, буду один я, ладно? — заметив некоторый беспорядок в одежде, Превлов плотнее запахнул халат и потуже затянул кушак. — А теперь, если у тебя все, я хотел бы пойти и, с твоего разрешения, немного поспать. Если, конечно, ты позволишь.

— Да, но раз американцы что-то выискивают…

— Но мы-то с тобой не знаем, что именно! Какой такой минерал вдруг понадобился американцам, что они залезли на территорию чужой страны! Так? Марганин пожал плечами.

— Вот именно так и ответь. И вот что, — Превлов сощурился, — раз и навсегда запомни: один дурак может задать такой вопрос, на который и сотня профессоров не сумеет ответить.

Марганин вновь пошел красными пятнами.

— И потом, у американцев кодовые названия их операций часто имеют некоторый прикладной смысл.

— И тебе, конечно, он известен?

— Видите ли… Я тут просмотрел словарь американских идиом, так вот там почти каждое упоминание о Сицилии обычно связано с клановостью, братством, грабежами — в таком духе.

— Если бы ты прилежно учился, — Превлов широко зевнул, обдав лейтенанта тяжелым дыханием, — ты бы знал, слово есть такое — мафия.

— И еще такой музыкальный ансамбль есть «Сицилианский стилет».

Превлов презрительно взглянул на него.

— Да, и еще в американском штате Висконсин производят такое масло для заправки салатов, оно так и называется — сицилианское.

— Ну хватит! — Превлов жестом регулировщика остановил лейтенанта. — О масле для салата поговорим чуть позднее. Я не поднимаюсь из-за таких глупостей

по утрам так рано. И раз уж ты настроен с утра пораньше поработать, иди на службу и займись каким-нибудь полезным делом.

Выпроваживая лейтенанта и проходя через гостиную, Превлов задержался возле журнального столика, на котором была шахматная доска, взял в руку шахматную фигурку.

— Ты в шахматы играешь, лейтенант?

— Давно не играл, — покачал головой Марганин. — Так, по-любительски, когда в Военно-морской академии учился.

— А имя Исаака Болеславского тебе что-нибудь говорит?

— Нет.

— Он был одним из величайших шахматных гениев, — тон у Превлова был такой, как будто читал лекцию школьнику. — Он разработал множество партий и комбинаций. Так вот, его авторству принадлежит так называемая «сицилианская защита». — Он неожиданно бросил шахматную фигурку в лейтенанта, который машинально поймал ее. — Хорошая игра — шахматы. Тебе нужно иногда играть в нее.

Превлов подошел к двери в спальню и приоткрыл ее. Потом передумал и безразлично улыбнулся Марганину.

— Надеюсь, ты извинишь меня… Выйдешь сам. Добрый день, лейтенант.

Выйдя на воздух, Марганин обошел дом, в котором жил Превлов. Дверь в гараж была закрыта. Через небольшое оконце рядом с дверью он попытался заглянуть внутрь. Осмотревшись по сторонам, Марганин резким ударом кулака вышиб крошечное стекло, засунул руку и дотянулся до внутренней задвижки. Еще раз осмотревшись по сторонам, он ловко нырнул в гараж.

Рядом с рыжей «лансией» Превлова стоял черный «форд-седан». Лейтенант наскоро обшарил оба автомобиля, запомнил номерной знак черного «форда». Чтобы все было похоже на тривиальный взлом, он снял щетки с лобового стекла «форда» и быстро покинул гараж, прикрыв за собой дверь.

Буквально через считанные минуты Марганин уже сидел в троллейбусе. Прокомпостировав билет, он сел на свободное место и уставился в окно. Потом он начал улыбаться. Утро было многообещающим.

О «Сицилианском проекте» он и думать позабыл.

Часть вторая

КОЛОРАДЫ

Август 1987

Глава 9

Мел Доннер по привычке осмотрел комнату, чтобы выяснить, нет ли подслушивающих «жучков», включил магнитофон.

— Один, два, три, — ровным голосом произнес он в микрофон. — Один, два… Проверка.

Он подрегулировал уровень громкости, тембр, затем кивнул Сигрему.

— Сид, ты меня слышишь? У нас все готово, — мягко сказал Сигрем. — Как только почувствуешь усталость, скажи. Я сразу выключу, ладно?

Больничная кровать была установлена таким образом, что Коплин сидел прямо. С первой их встречи профессор выглядел значительно лучше. Появился легкий румянец на лице, исчез прежний лихорадочный блеск в глазах. Осталась только плотная повязка на голове.

— Готов говорить хоть всю ночь. Тут такая скукотища. Как же я ненавижу больницу! — с чувством сказал Коплин. — У всех медсестер руки, как у покойников. Телевизор включишь, сплошная рябь.

Сигрем понимающе улыбнулся и дал Коплину в руку микрофон.

— Начните с того момента, как вы отплыли из Норвегии.

— Там ничего особенного, — сказал Коплин. — Рыболовный норвежский траулер «Годхон» взял мой шлюп на буксир миль за двести от Новой Земли. В точности по плану. Капитан угостил меня зажаренной олениной, козьим сыром, дал с собой полтора галлона питьевой воды — и привет. Ваш покорный слуга пустился вплавь по Баренцеву морю.

— С погодой как?

— Чудесная погода, как ваши синоптики и обещали. Холодина фантастическая, но для плавания под парусом — самое оно. — Коплин почесал нос. — Шлюп уж больно хорош был. Лодку хоть удалось спасти?

— Она уничтожена, — ответил Сигрем. — Не уверен, но думаю, что уничтожена. Исследовательское судно НУМА все равно не приспособлено возить такие лодки. И русским ее оставить тоже было нельзя, ты же понимаешь.

— Жаль. Она мне так понравилась, — Коплин пощелкал языком.

— Дальше, пожалуйста, — попросил Сигрем.

— До северной части Новой Земли я добрался на второй день около полудня. На воде я провел более сорока часов. Все время ужасно хотелось спать. Только и держался благодаря «аквавиту». Глотнешь — и уже получше себя чувствуешь.

— Других лодок не заметил? Может, на горизонте?

— Нет. Весь берег — одни сплошные скалы, все в расщелинах. Пристать к берегу мне не удавалось. А когда стало темнеть, я повернул в море, пару часов поспал.

Рано утром опять продолжил поиски, нашел небольшую бухточку в скалах, подрулил на движке. Там у меня был такой, знаете, дизельный, очень удобно.

— Лодку использовал как свой лагерь?

— Все двенадцать дней, пока был на острове. Каждый день я раза по два, по три отправлялся на лыжах за пробами. Только и радости, что вернуться к лодке, поесть горячего, вздремнуть.

— И ни души не встретил?

— Я держался как можно дальше и от ракетной станции, и от казармы. До самого последнего дня — никаких следов русских.

— А как тебя обнаружили?

— Да какой-то русский пограничник. Его собака, очевидно, прошла по моему следу, запах учуяла. Ничего Удивительного. Я три недели душ не принимал…

Сигрем сочувственно улыбнулся. Доннер сказал:

— Давайте все же ближе к делу. Расскажите о ваших экспедициях. Что именно вы там обнаружили?

— Как вы понимаете, на лыжах исходить весь остров я был физически не в состоянии, а потому сосредоточил внимание на тех районах острова, которые спутниковый томограф выделил на пленке. — Задумавшись, он уставился в потолок. — Там было несколько небольших равнин, плато, горы. Все это под снегом. А ветрище там какой, если бы вы знали! Главным для меня было не замерзнуть. Кроме лишайников, другой растительности я не обнаружил. Если даже там и водятся какие-нибудь животные, по крайней мере, они не разгуливают по острову.

— Чуть ближе к делу, — напомнил Доннер. — Путевые заметки оставим до следующего раза.

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы меня не прерывали. И не поучали, если можно, — обратился Коплин к Доннеру.

— Разумеется, — вмешался Сигрем и предусмотрительно поставил свой стул между кроватью и Доннером. — Это твое право, Сид. Говори, как считаешь нужным.

— Спасибо, — Коплин приподнялся. — География острова чрезвычайно интересна. Если составить подробное описание горных пород Новой Земли, — тем более, что там полно останков древней морской фауны и флоры, ведь нынешние скалы были дном древнего моря, — материала набралось бы на несколько монографий. Ну, а с точки зрения минералога, там и речи быть не может о каком-либо магматическом парагенезисе.

— Не могли бы вы более популярно?

Коплин улыбнулся.

— Парагенезис — это совместное, и при этом закономерное, нахождение в горных породах минералов, которые связаны общностью условий образования. Это с одной стороны. А магма — это источник вообще всего. Магма — это как бы раскаленная земля, доведенная температурой и огромным давлением до жидкого состояния. Ну как жидкий металл. Магма вырывается на поверхность земли, застывает — и получается базальт, скажем, или гранит.

— Потрясающе, — сухо прокомментировал последние слова профессора Доннер. — Значит, вы хотите сказать, что на Новой Земле нет никаких минералов?

— Вы очень торопитесь, мистер Доннер, — заметил Коплин.

— Как же тебе удалось обнаружить следы бизания? — попросил Сигрем.

— На тринадцатый день я исследовал северный склон горы Бедная и набрел на свалку.

— Свалку?!

— Свалку пород. Где-то копали грунт, а туда свозили и сбрасывали. Там и глыбы, и камни — полно всего. И вот там я обнаружил следы — чего бы вы думали? — бизаниевой руды!

Оба его собеседника при этих словах невольно подались вперед.

— Потом я обнаружил и шахту, откуда выбирали породу. Полдня потратил, но нашел. Вход в шахту был замаскирован.

— Минуточку, Сид, — Сигрем коснулся плеча Коплина. — Ты хочешь сказать, что вход в шахту был специально замаскирован?

— Старый испанский метод. Горловину шахты засыпают грунтом, сравнивая с землей.

— А разве отвальную породу не сбрасывали прямо возле шахты?

— Как правило, именно так всегда и поступают. Но почему-то в этом конкретном случае породу, извлеченную из шахты, отвозили ярдов за сто и сбрасывали по другую сторону — там есть такая естественная арка.

— Но вы сумели обнаружить вход в шахту? — уточнил Доннер.

— Хотя там и рельсы убраны, и следы колес заровнены, я залез на холм и принялся изучать окрестности в бинокль. С расстояния оказалось хорошо различимо то, чего я не смог увидеть, когда был возле самой шахты.

— Странно то, что в невероятной глуши, на крошечном острове в Арктике кто-то приказал уничтожить все следы извлечения грунта из какой-то шахты. — Сигрем произнес тираду как риторическую, не обращаясь к кому-нибудь конкретно. — Не вижу тут особой логики.

— Ты прав, Джен, но лишь наполовину, — заметил Коплин. — Да, логика подобных действий непонятна. Но все выполнено весьма профессионально, и выполнено колорадами. — Слово это Коплин произнес прямо-таки благоговейно. — Колорады — это те самые люди, которые копали шахту на горе Бедная. Бурильщики, взрывники, откатчики, сортировщики породы могли быть ирландцами, немцами, шведами — кем угодно, только не русскими. Эти люди впоследствии эмигрировали в Соединенные Штаты и дали начало легендарным шахтерам Колорадо Рокиз. Остается только гадать, какая нелегкая привела их на гору Бедная, вообще на Новую Землю. Но именно колорады выгребли весь бизаний и затем исчезли в неизвестном направлении.

На лице Сигрема было написано, что он ничего не понимает. Он повернулся к Доннеру, однако на лице коллеги увидел такое же выражение.

— Звучит все это более чем странно.

— Странно? — подхватил Коплин. — Да, странно, но так все и было.

— Вы так в этом уверены, — позволил себе сказать Доннер.

— Абсолютно. У меня даже было вещественное доказательство, только вот я потерял его, когда нарвался на пограничника. Так что вы можете верить лишь на слово. Но сомнений быть не может. Я все-таки исследователь, я придерживаюсь одних только фактов, а сочинять мне не пристало. Так что на вашем месте, господа, я бы, безусловно, принял к сведению все только что услышанное.

— Мы тебя внимательно слушаем, — подтвердил Сигрем.

— Да, вы упомянули о вещественном доказательстве? — напомнил Доннер.

— Там один валун еле держался, я свалил его, разгреб немного у входа — и проник в шахту. Чуть продвинулся, и в темноте ударился головой о кварцевую колонну. Зажигаю спичку, смотрю — пара старинных керосиновых светильников. Но удивительно то, что в обеих лампах оставался керосин. С третьей попытки я зажег фитиль… — В голубых глазах Коплина появилось такое выражение, словно он простирал взгляд за тысячи миль, к самой Новой Земле. — Осветил шахту — и увидел заступы, лопаты — все аккуратно сложено в углу, тележки для руды, обломки ржавых двутавровых рельсов, кое-какое бурильное оборудование. Такое было чувство, что сейчас вернутся шахтеры и примутся вновь за работу.

— То есть было непохоже, что шахту покинули в спешке?

— Решительно. Все было на своих местах. Там было что-то вроде комнаты, в ней я обнаружил застланную постель. Койки. В кухне посуда в шкафчике. Вы не поверите, я там обнаружил даже скелеты мулов, которые таскали вагонетки с грунтом. Животных заперли, каждому из мулов по разу выстрелили в лоб, и только после этого завалили вход в шахту. Так что ни о какой спешке и речи быть не могло.

— Вы еще собирались, кажется, подробнее рассказать об этих колорадах? — сказал Доннер.

— Я к этому как раз подхожу. — Коплин подложил подушку поудобнее. — По оборудованию можно было кое-что определить, тем более, что всюду были фирменные знаки изготовителей. Например, тележки для руды были изготовлены на заводе «Гатри энд Санз фаундри» в Пуэбло, Колорадо. Все бурильное оборудование было произведено в Денвере, «Тор Фордж энд Айронуоркс». Все мелочи также маркированы — там имена кузнецов и столяров. Большинство — из Сентрал-Сити и Айдахо Спрингз, шахтерских городков в Колорадо.

Сигрем откинулся на спинку больничного стула.

— Но русские вполне могли приобрести оборудование в Колорадо и переправить его на Новую Землю.

— Очень может быть, — согласился Коплин. — Однако там были и другие вещи, сделанные в Колорадо.

— Например?

— Труп мужчины на одной из коек.

— Труп?! — Сигрем прищурился.

— Рыжие волосы, рыжая борода, — невозмутимо сказал Коплин. — Сохранился превосходно благодаря постоянной низкой температуре. А меня весьма заинтриговала надпись на деревянной дощечке, прикрепленной к койке. Надпись сделана по-английски. «Здесь покоится вечным сном Джейк Хобарт. Родился в 1874 году. Замечательнейший из парней, кому выпал жребий замерзнуть в снежную бурю. Февраль, 10.1912».

Сигрем вскочил со стула и принялся ходить взад-вперед по палате.

— Хоть имя есть, это уже кое-что… С чего начать… — Он резко остановился и спросил у Коплина: — А какие-нибудь личные вещи рядом с телом были?

— Даже одежды на нем не осталось. Странно также и то, что на всех консервах этикетки — французские. Полсотни оберток жевательного табака «Майл Хай». А еще одним доказательством того, что там были колорады, оказался пожелтевший и выгоревший номер «Роки Маунтин Ньюз» от 17 ноября 1911 года. Именно газету я и потерял.

Сигрем нервно вытащил пачку сигарет, выбил одну. Доннер поспешно предложил ему зажигалку, на что Сигрем, затягиваясь, ответил благодарным кивком.

— То есть речь идет о том, что бизаний может быть совсем и не у русских, так? — раздумчиво произнес Сигрем.

— Да, и вот еще что, — спокойно продолжил Коплин. — На третьей полосе газеты был аккуратно вырезан правый верхний угол. Может быть, это и не поможет, однако порыться в подшивках вам не помешает, я думаю.

— Очень может быть, — глядя мимо Коплина, сказал Сигрем. — Большое тебе спасибо, теперь наш черед действовать.

Доннер кивнул.

— Я закажу авиабилет на Денвер. Если повезет, найду там что-нибудь для нас полезное.

— Сначала насчет газеты, потом попытайся разузнать, что можешь, про Джейка. Я же со своей стороны посмотрю, нет ли чего в военных архивах. Также я свяжусь со специалистом по истории горнодобывающей индустрии и просмотрю фамилии производителей, чьи изделия Сид нашел в шахте. Хотя едва ли мы тут что сумеем разыскать.

Сигрем поднялся и посмотрел на Коплина:

— Мы тебе необыкновенно признательны, ты нам очень помог, — тихо сказал он.

— Думаю, тем шахтерам удалось получить минимум полтонны первоклассного бизания, — сказал, потирая щетинистый подбородок, Коплин. — И ведь вся вывезенная оттуда руда где-нибудь спрятана и лежит себе, дожидается хозяина. Может быть, она и утеряна, столько лет прошло. Но если вы найдете бизаний или, лучше сказать, когда вы найдете его, вы можете отблагодарить меня, прислав маленький образец для моей коллекции.

— Заметано.

— Да, и пока вы не ушли, еще к вам одна просьба, найдите мне адрес человека, который спас мне жизнь, чтобы я мог послать ему хорошего вина. Его имя Дирк Питт.

— Ты, должно быть, имеешь в виду врача на судне, который тебя прооперировал?

— Я имею в виду того мужчину, который застрелил русского пограничника и его собаку и вынес меня с острова.

Сигрем и Доннер ошеломленно посмотрели друг на друга.

Первым пришел в себя Доннер.

— Убил русского пограничника?! — В этом восклицании скорее была констатация, чем вопрос. — Мой Бог, ну и дела!

— Но это невозможно! — наконец прохрипел Сигрем. — Когда тебя подобрало судно НУМА, ты был один в лодке?

— Кто это вам сказал?

— Ну… никто. Мы были уверены…

— Я же не супермен, — сказал Коплин саркастически. — Пограничник напал на мой след, преследовал меня, дважды ранил. Неужели вы думаете, что в таком состоянии я смог бы убежать от собаки, сесть в лодку и проплыть полсотни миль по открытому морю?

— А откуда взялся этот Дирк Питт?

— Понятия не имею. Пограничник вел меня буквально под дулом, когда из пурги вдруг появился Питт. Соткался из ниоткуда, как некий Полярный Бог. И спокойно, как будто делал это каждый день перед завтраком, застрелил сначала собаку, а потом пограничника. И ни слова при этом не произнес.

— Ну вот, русские теперь будут трепать в газетах, что это дело рук Америки.

— Не думаю, — сказал Коплин. — Свидетелей не было. Солдат и его собака уже занесены снегом, их могут никогда не найти. А если даже и найдут, то что? Кто может что-нибудь доказать? Вы оба раздуваете панику из ничего.

— Для того парня это был рискованный поступок, — вынужден был признать Сигрем.

— И слава Богу, что он пошел на это, — сказал Коплин. — Иначе бы я лежал не здесь, в стерильной больничной постели, а в стерильной русской тюрьме, выбалтывая секретные сведения о Мета Секшн и бизаний.

— В этом смысле вы правы, — согласился Доннер.

— Опиши его, — попросил Сигрем. — Лицо, сложение, одежда… Словом, все, что можешь припомнить.

Коплин подчинился. В некоторых отношениях описание получилось чрезмерно расплывчатым, но другие подробности Коплин вспомнил без труда.

— Вы разговаривали с ним о чем-нибудь, покуда плыли к ожидавшему кораблю?

— Нет. Я потерял сознание, как только он втащил меня в шлюп. А пришел я в себя уже здесь, в Вашингтонском госпитале.

— Мы выясним, что удастся, про этого парня, — обратился Доннер к Сигрему. — И сделаем это незамедлительно.

Сигрем согласно кивнул.

— Я сразу же обращусь к адмиралу Сэндекеру. Поскольку этот Питт может иметь отношение к ведомству адмирала. Может быть, его знает кто-нибудь из сотрудников НУМА.

— Даже представить себе не могу, как много он знает, — признался Доннер, глядя себе под ноги.

Сигрем не ответил. Его мысли блуждали вокруг призрачной фигуры на заснеженном острове в Арктике. Дирк Питт. Он повторил имя про себя. Так или иначе оно показалось удивительно знакомым.

Глава 10

Телефон зазвонил в 12.10 ночи. Сэндекер открыл один глаз и посмотрел на аппарат так, словно хотел испепелить его взглядом. На восьмой звонок адмирал поднял трубку.

— Я слушаю! — рявкнул он.

— Адмирал, это Джен Сигрем. Я поднял вас с постели?

— Не беспокойтесь, — адмирал отчаянно зевнул. — Я никогда не ложусь спать, покуда не напишу пять глав автобиографии, не обворую минимум пару винных магазинов и не похищу жену какого-нибудь министра. Что у вас, Сигрем?

— Кое-что обнаружилось.

— Забудьте об этом. Больше никогда ни один из подведомственных мне кораблей и моих людей не будет, выручать ваших агентов на вражеской территории. — Он употребил слово «вражеский», как будто страна была в состоянии войны.

— Я совсем по другому поводу.

— А именно?

— Я хотел, чтобы вы меня вывели на нужного мне человека.

— И ради этого вы звоните среди ночи?!

— Я думаю, вы можете знать его.

— Его имя.

— Питт. Дирк Питт. П-И-Т-Т.

— А что, собственно, дает вам основание полагать, будто я знаю этого человека?

— У меня нет никаких оснований, но я уверен, что он связан с НУМА.

— У меня служат более двух тысяч человек, я не помню всех по именам.

— А проверить вы могли бы? У меня такое чувство, что я с ним разговаривал.

— Знаете, Сигрем, — Сэндекер сдержанно зарычал. — У вас что, шило в заднице. Вам не пришло в голову позвонить моему заму по кадрам в обычное рабочее время?

— Прошу простить, — сказал Сигрем. — Пришлось допоздна работать и…

— Ладно. Если разузнаю что-нибудь про твоего парня, свяжу его с тобой.

— Буду очень признателен, — все таким же ровным голосом сказал Сигрем. — Между прочим, тот человек, которого подобрал ваш «Фёрст Аттемпт» в Баренцевом море, быстро поправляется. Помните, у него еще были два огнестрельных ранения?

— Коплин, кажется?

— Да. Его скоро уже выпишут домой.

— Опасная была игра. Ведь случись что, русские сейчас бы на всех перекрестках нас бы обкладывали.

— Кто ж спорит? — беспомощно отозвался Сигрем.

— Вы можете пожелать мне спокойной ночи и позволить снова лечь спать, — проворчал Сэндекер. — Но сначала скажите, как этот Питт причастен к вашей всей затее?

— Русские пограничники чуть было не захватили Коплина, а тут появился этот парень, застрелил пограничника, помог Коплину в шторм добраться до вашего судна — а это пятьдесят миль. А в промежутках он еще Коплину и раны обработал, и каким-то непонятным образом сгрузил его, без сознания пребывавшего, на борт корабля…

— Что вы намерены делать, когда найдете его?

— Извините, но у нас с Питтом личные проблемы.

— Понятно, — сказал Сэндекер. — В таком случае, спокойной ночи, господин Сигрем.

— Спасибо вам, адмирал. Спокойной ночи.

Сэндекер повесил трубку и еще несколько мгновений сидел с недоуменным выражением на лице. Убит русский пограничник, спасен американский шпион. Дирк Питт… ты, ловкий сукин сын.

Глава 11

В восемь утра по местному времени самолет авиакомпании «Юнайтед» совершил посадку в аэропорту Степлтон, в Денвере. Мел Доннер быстро прошел через контроль и уселся в арендованный у «Эвиса» «плимут». Ему надлежало ехать по Уэст-Колфакс-авеню минут пятнадцать. Как только машина влилась в поток, направляющийся на Запад, Доннер начал сверяться с разложенной на соседнем сиденье картой.

Прежде он никогда не бывал в Денвере, и его удивил тот факт, что даже над этим городом висел смог. Ладно, если бы он прикатил в Нью-Йорк, Лос-Анджелес или еще какой-нибудь крупный город, но Денвер! Этот городок представлялся ему тихим, маленьким, рекламно-чистым, спрятанным за грядой невысоких, но все-таки гор с таким поэтическим названием — Пурпуровые Исполины. Вдобавок,

ко всем прочим разочарованиям, даже гор, даже этих Пурпуровых Исполинов, тут почему-то не оказалось. Денвер, как он выяснил, располагался на равнинном плато, а до ближайшей горы было миль двадцать пять, не меньше.

Он разыскал библиотеку, припарковал автомобиль. Девушка за библиотечным столом рассматривала Доннера через стекла каплеобразных очков и сдержанно улыбалась. Улыбка была приветливой, а вот зубы девушка демонстрировала кривые и плохо вычищенные.

— Чем могу помочь?

— Мне нужен номер вашей местной газеты за 17 ноября 1911 года.

— Девятьсот одиннадцатого?! — она выпятила нижнюю губу. — Могу вам предложить только фотокопию.

Оригиналы газет хранятся в Городском историческом обществе.

— Мне нужна даже не вся газета, а только третья полоса.

— Подождите. Мне понадобится минут пятнадцать. Я пойду и сделаю вам ксерокопию.

— Буду признателен. А нет ли у вас случайно бизнес-справочника по Колорадо?

— Есть, конечно. — Девушка привычным жестом запустила руку в стол и достала справочник.

Пока девушка отправилась выполнять заказ, он листал справочник. Там, впрочем, не оказалось никакого упоминания о «Гатри энд Санз Фаундри» из Пуэбло. Открыв раздел на букву "Т", Доннер не нашел ничего и «Тор Фордж энд Айронуоркс» из Денвера. Хотя, Доннер и не рассчитывал, что такие фирмы продержатся на плаву эти восемьдесят лет.

И пятнадцать минут прошли, и двадцать — девушка не возвращалась. Чтобы скоротать время, он листал справочник, и вдруг перед глазами промелькнуло что-то знакомое. Не считая «Кодака» и таких компаний, как «Мартин Мариетта» или «Гейтс Раббер», Доннер практически ни о каких других не слышал. И вот в разделе на букву "Д" он натолкнулся на строку: «Дженсен и Тор. Металлическое оборудование. Денвер». Он быстро вырвал страницу, а справочник возвратил на стол библиотекаря.

— Ну вот, сэр. Все готово. С вас пятнадцать центов, пожалуйста.

Доннер протянул деньги и сразу же принялся изучать верхний правый угол ксерокопированной полосы. Там помещалась заметка об аварии на шахте.

— Нашли что искали? — поинтересовалась девушка-библиотекарь.

— Да, кое-что… — ответил он и направился к выходу. «Металлическое оборудование. Дженсен и Тор». Фирма располагалась между Северным Берлингтонским депо и речкой Саут Платт, в огромном ангаре из гофрированного

железа. Такой ангар обезобразил бы любой ландшафт, но только не тот, где находилось железнодорожное депо. Внутри ангара циклопические краны перегружали какие-то ржавые трубы из одной кучи в другую. Металлический пресс издавал такой грохот, что Доннер прикрыл уши, чтобы не лопнули барабанные перепонки.

За специальными звукоизоляционными щитами из железобетона помещался офис с широкими аркообразными окнами.

Привлекательная секретарша с мощным бюстом провела его через грязноватый, с вытоптанным ковром на полу холл в кабинет, отделанный деревом. Карл Дженсен-младший вышел из-за стола протянул Доннеру руку. Он был молод, лет двадцати восьми, не старше, волосы носил длинные. Тонкие усы сочетались с добротным костюмом. По внешнему виду — вылитый выпускник университета.

— Мистер Дженсен, спасибо, что нашли время встретиться со мной.

Дженсен покровительственно улыбнулся.

— Помилуйте, как же я мог отказать вам. Так солидно звучит: высокопоставленный чиновник из Вашингтона…

— По телефону я уже вам говорил, что меня интересуют некоторые старые материалы. Дженсен перестал улыбаться.

— Надеюсь, вы не из «Духовного обновления»?

— Никоим образом. Мой интерес к истории имеет прямое отношение к работе моей организации. Если не затруднит, я бы хотел просмотреть списки ваших сделок за период с июля по ноябрь 1911 года.

— Шутите? — спросил Дженсен.

— Уверяю, это нижайшая просьба.

— А вы уверены, что наша компания — именно та, что вас интересует?

— Абсолютно уверен, — категорично заметил Доннер. — Поскольку вы наследовали «Тор Фордж энд Айронуоркс».

— Да, так называлась фирма прадеда, — признал Дженсен. — В 1942 году отец скупил все акции и поменял название.

— А старые документы у вас сохранились? Дженсен пожал плечами.

— Самые старые мы выбросили несколько лет назад. Да и посудите сами, если бы мы хранили все бумаги с тех самых пор, как в 1897 году прадед основал фирму, нам бы потребовалось помещение размером со стадион «Бронко» под архив.

Доннер вытащил платок и вытер пот с лица. Плечи его опустились.

— Правда, у нас остались микрофильмы. Карл Дженсен-старший настоял, чтобы все бумаги были микрофильмированы.

— Микрофильмы?!

— Ну да. Так у нас заведено, раз в пять лет снимаем материалы на пленку. Мы идем в ногу с прогрессом. Доннер не мог поверить неожиданной удаче.

— Стало быть, вы покажете мне документы за второе полугодие 1911 года?

Вместо ответа Дженсен нажал клавишу селектора, негромко произнес несколько слов и откинулся на спинку кресла.

— Пока суть да дело, может, хотите кофе?

— Что-нибудь бы покрепче.

— Сразу видно, что вы из столицы. — Дженсен вышел из-за стола, подошел к зеркальному бару и взял бутылку «Чивас Ригал». — Как бы то ни было, но Денвер — это провинция. На тех, у кого в офисе бар, поглядывают с подозрением. Тут когда хотят отдохнуть и перекусить, берут кока-колу и заказывают обед в «Веннершницель». К счастью для моих гостей, я проходил практику на Мэдисон-авеню, а потому знаю, чем следует угощать.

Доннер взял протянутый бокал и выпил виски одним махом.

Дженсен с уважением посмотрел на него и налил по второй.

— Если не секрет, мистер Доннер, что именно вы ищете?

— Так, ничего особенного, — ответил Доннер.

— Ну конечно! Правительственный чиновник добирается сюда через всю страну, чтобы посмотреть семидесятилетней давности бумаги — и все это от нечего делать.

— Знаете, правительственный чиновник иногда бывает вынужден сохранять правительственные секреты.

— Секреты, касающиеся 1911 года? Маловероятно.

— Я так вам скажу. Правительство пытается разрешить загадку одного убийства. А совершил это убийство человек, некогда бывший клиентом вашего прадеда.

Дженсен не стал настаивать.

Темноволосая девушка в длинной юбке, туфлях на высоких каблуках, ковбойской рубахе влетела в кабинет, кокетливо улыбнулась Дженсену, положила перед ним ксерокопию и удалилась.

Дженсен взял документы, посмотрел их.

— С июня по ноябрь у предка не было дел. Почти ничего не продавал. Вас интересуют какие-то фамилии конкретно? Какие-то конкретные изделия? О чем идет речь?

— Меня интересует шахтерское оборудование.

— Тут отмечена продажа буровых агрегатов. Заказ получен 10 августа, исполнен 1 ноября. Тут, мне кажется, что-то не то, сэр. — Дженсен широко улыбнулся.

— Почему вы так считаете?

— В графе покупатель, а, по-вашему, покупателем был преступник, написано, — для пущего эффекта Дженсен выдержал короткую паузу, — Правительство Соединенных Штатов.

Глава 12

Главное управление Мета Секшн располагалось в безликом здании неподалеку от Вашингтонской верфи. Освещенная лучами солнца, огромная вывеска возвещала: «Смит Ван энд Сторидж К°».

Внешне это были самые обыкновенные доки, с обязательными ящиками, контейнерами вокруг. Грузовики, въехавшие во двор здания, окруженного пятнадцатифутовым забором, выглядели так же, как самые обыкновенные грузовики. Нужно было приглядеться, чтобы обратить внимание на отдельные странности двора, заставленного обыкновенными траками, однако почему-то у многих траков не было под капотом двигателей, да и в кабинах недоставало всего, что поддавалось отвинчиванию.

Ни один кинорежиссер не прошел бы спокойно мимо столь трогательных в своей безыскусности декораций.

Джен Сигрем просматривал список участков, приобретенных специально под «Сицилианский проект». Всего было приобретено сорок шесть участков, из которых наибольшее количество приходилось на районы американо-канадской границы. Немало участков было на Атлантическом побережье. На Тихоокеанском было приобретено восемь участков. А вот на границе с Мексикой почему-то всего лишь четыре, что казалось странным. Все покупки прошли незамеченными. Ни у кого не возникло подозрений. В каждом случае покупателем в документах был указан Департамент энергетических разработок. Не к чему придраться. К тому же все установки будут похожи на небольшие силовые станции, каких множество по всей стране. Даже если кто-то излишне любопытный и сунет туда нос, ничего подозрительного он не обнаружит.

Сигрем просматривал расходы на строительство, когда зазвонил его телефон.

— Сигрем слушает.

— Добрый день, господин Сигрем.

— С кем я разговариваю?

— Это майор Мак Патрик из Армейского архивного бюро. Вы просили позвонить, если я сумею что-нибудь узнать о шахтере по имени Джейк Хобарт.

— Да, я внимательно вас слушаю.

У этого майора был такой характерный тембр голоса, что Сигрем без труда представил: лет под тридцать, выпускник, скорее всего, Вест-Пойнта, годам к сорока пяти дослужится до генерала, если за время работы в Пентагоне обрастет нужными связями.

— Алло, так что там у вас, майор?

— Я нашел его. Полностью его имя Джесон Кливленд Хобарт, родился 23 января 1874 года в городе Винтон, штат Айова.

— Год именно тот, что нужно.

— И род занятий сходится. Тут у меня написано: шахтер.

— Что-нибудь еще?

— Он поступил на военную службу в мае 1898 года и служил в Первом Колорадском добровольческом полку на Филиппинских островах.

— Вы сказали Колорадский полк?

— Так точно, сэр. — Мак Патрик замолчал, и Сигрем через помехи слышал, как майор шуршит страницами. — У него хороший послужной список. Получил, вот тут сказано, звание сержанта. В бою с филиппинскими повстанцами был ранен, дважды награжден за отвагу в бою.

— Когда он вышел в запас?

— В те времена не говорили «в запас», сэр, — уточнил майор со знанием дела. — Службу завершил в октябре 1901 года.

— Это последняя запись в деле?

— Нет, тут еще сказано, что после его смерти вдове была начислена пенсия.

— Подождите, — прервал его Сигрем, — выходит, его вдова до сих пор жива?!

— И получает каждый месяц пятьдесят долларов сорок центов.

— Наверное, ей уже хорошо за девяносто. Даже странно, что где-то живет вдова ветерана испано-американской войны. Ведь большинство из того поколения уже давно в могилах.

— Как бы не так, сэр. До сих пор, хотите верьте, хотите нет, мы вынуждены платить пенсии без малого сотне вдов участников американской войны за независимость! Причем ни одна из этих вдовушек еще не родилась в год, когда Грант овладел Ричмондом! В те времена дряхлые старики из числа ветеранов Великой республиканской армии запросто брали в жены буквально девочек.

— Признаться, я думал, что вдове положена военная пенсия лишь в том случае, если ее муж был убит на войне.

— Если бы так! — с чувством сказал Мак Патрик. — Существуют две различные категории пенсий вдовам в нашем ведомстве. Одна, как вы и сказали, для вдов тех, кто погиб на войне. Сюда, конечно, относится не только смерть в бою, но и смерть от какого-нибудь заболевания — там на этот случай есть целый перечень. А существуют и другие пенсии. Возьмем, например, вас, сэр, в качестве примера. Вы находились в рядах американской армии, причем служили на флоте во время Вьетнамской войны, с такого-то срока по такой-то. Это дает право вашей жене, даже если в настоящее время у вас и нет жены, то есть, вашей будущей жене получать небольшую пенсию за вашу службу в армии.

— Слушайте, я непременно отмечу этот факт в будущем завещании.

Сигрем почувствовал определенную неловкость от того факта, что у этих архивариусов лежит его личное дело и всякая канцелярская крыса запросто может сунуть туда свой любопытный нос.

— Давайте все-таки вернемся к Хобарту, — попросил Сигрем.

— Да, так вот. Здесь у него забавная ошибка в послужном списке.

— Ошибка?

— Ну да. Не записали, что он снова был призван в армию. Хотя в последней графе сказано ясно: «Погиб при исполнении воинского долга». Ни места, где именно погиб, ни причины гибели не указали. И дата: «17 ноября 1911 года».

— Да, но у меня есть сведения, что Джейк Хобарт умер 10 февраля 1912 года — и умер отнюдь не при исполнении.

— Я уже сказал, о причинах смерти здесь ни слова. Но смею вас уверить, что Хобарт умер именно при исполнении воинского долга, причем именно 17 ноября. Тут в деле имеется письмо от 25 июля 1912 года за подписью Генри Л. Стимсона, который при Президенте Тафте был секретарем по военным вопросам. Так вот, Генри Л. Стимсон распорядился, чтобы вдова сержанта Джейсона Хобарта получала вдовью пенсию за мужа — причем получала ее пожизненно. Хотя лично я понятия не имею, каким образом секретарь по военным вопросам вообще узнал о существовании какого-то сержанта. Но это лишь подтверждает тот факт, что наш сержант был не совсем обычным. Во всяком случае, он наверняка не был обыкновенным шахтером.

— Так он и не был шахтером, — сказал Сигрем.

— Тем более.

— А нет ли в деле адреса миссис Хобарт?

— Секундочку, я где-то видел… А, вот: Миссис Аделайн Хобарт, 261-"Б", Колл Арагон, Лагуна Хиллз, штат Калифорния. Она там в доме престарелых, на побережье.

— Это уже конкретно, — сказал Сигрем. — Я очень вам признателен, майор.

— Сожалею, что вынужден вам это говорить, но у меня такое чувство, что в одно дело попали документы двух разных людей.

— Все может быть, — сказал Сигрем. — У меня тоже такое чувство, что я не совсем верно веду свое расследование.

— Если чем-нибудь смогу вам быть полезен, ради Бога, звоните без стеснения.

— Непременно, — подтвердил Сигрем. — Спасибо еще раз.

Повесив трубку, Сигрем уронил голову на руки. Так он просидел несколько минут, прежде чем поднял лицо. Счастливое лицо удачливого человека.

Вполне могло случиться, что в один и тот же день родились два полных тезки, которые впоследствии работали в одном и том же штате, причем имели одинаковые профессии. Тут ничего невозможного нет, случались совпадения и похлеще. Но была одна деталь, которая позволяла свести этих двоих к одному лицу. А именно, в деле Хобарта была указана та же дата смерти, что и в старой газете, которую Сид Коплин обнаружил в заброшенной шахте на острове Новая Земля: 17 ноября 1911 года.

Он надавил клавишу селектора, соединяясь с секретаршей:

— Барбара, соедините меня с Мелом Доннером, он сейчас в денверском «Браун Палас отеле».

— Если его нет на месте, что ему передать?

— Передайте, чтобы, как только вернется в отель, позвонил по моему личному…

— Непременно.

— Да, и вот еще. Закажите мне билет на завтрашнее утро в Лос-Анджелес, выберите из рейсов «Юнайтед», который летит пораньше.

— Да, сэр.

Он отключил связь и откинулся на стуле. Аделайн Хобарт… За девяносто лет… Дай-то Бог, чтобы она была в здравом уме.

Глава 13

Обыкновенно Доннер останавливался в отелях подальше от центра. Ему были больше по душе отели на окраинах, с парками и неспешной и чуть провинциальной обслугой.

Однако на сей раз Сигрем убедил его остановиться в самом старом и наиболее престижном из городских отелей, мотивируя это интересами дела. Сигрем сказал, что к следователю, который остановился в самом дорогом отеле, и отношение будет соответствующим. Следователь… Доннер ненавидел это слово. Если бы кто-нибудь из его коллег профессоров по Университету Южной Калифорнии еще пять лет назад сказал бы, что докторская степень в области физики заведет его в подобные сферы, он рассмеялся бы наглецу прямо в лицо. Сегодня желания смеяться по такому поводу у него уже не возникало. «Сицилианский проект» значил столь много для безопасности Соединенных Штатов, что привлекать помощников со стороны и тем самым рисковать возможностью утечки информации Доннер считал невозможным. Они с Сигремом вдвоем придумали весь проект, и между ними существовала договоренность относительно того, что, пока это будет технически и технологически выполнимо, они все будут делать сами, без посторонней помощи.

Он оставил арендованный «плимут» на платной стоянке и пересек площадь Тремонт, прошел через старые симпатичные ему вертящиеся двери отеля — в приятно, со вкусом обставленный холл, где молодой усатый помощник управляющего, даже не потрудившись изобразить вежливую улыбку, сунул ему записку. Доннер, в свою очередь, не потрудился поблагодарить молодого наглеца. На лифте он поднялся к себе в номер.

Заперев дверь, он швырнул ключи и послание Сигрема на стол и включил телевизор. У него был длинный и неприятный день, к тому же сказывалась разница между вашингтонским и местным временем. Он позвонил и заказал ужин в номер, скинул ботинки, ослабил узел галстука и плюхнулся на постель.

В который раз он размышлял о газетной заметке. Вообще эту страницу старинной газеты было любопытно посмотреть. Чего там только не было. Услуги настройщиков пианино, какие-то электрические пояса против грыжи, объявления о лечении неизвестных Доннеру болезней, а рядом — передовица о том, что Городской Совет Денвера не намерен более терпеть на таких-то и таких-то улицах появившиеся увеселительные заведения; там были трогательные в своей наивности заметки, рассчитанные на легковерных дам начала века — много всего…

СООБЩЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

На прошлой неделе завсегдатаи Парижского морга были весьма озадачены странной каучуковой ногой, которую выставили для опознания служащие морга в одном из залов. Как удалось выяснить, тело элегантно одетой женщины, предположительно 50 лет, личность которой пока не установлена, было выловлено в Сене. Труп разложился до такой степени, что его пришлось срочно похоронить. У женщины левая нога была ампутирована. На месте ноги находился искусно сделанный протез из каучука. Именно этот протез и был выставлен на публичное обозрение в надежде, что кто-нибудь из посетителей сумеет опознать искусственную ногу.

Доннер усмехнулся наивной фабуле описанного происшествия поднял глаза в правый верхний угол газетной страницы — который, по утверждению Коплина, был вырван из газеты, обнаруженной на Новой Земле.

ТРАГЕДИЯ В ШАХТЕ

Трагедия произошла утром, когда в результате динамитного взрыва обвалился вход в шахту и девять шахтеров Литтл Энджел Майн из утренней смены оказались погребены. Среди пострадавших был хорошо известный и уважаемый горный инженер Джошуа Хейз Брюстер.

Начаты спасательные работы, однако специалисты утверждают, что в настоящее время шансы на спасение шахтеров близки к нулю. Билл Магоуни, мистер Сэтен Майн, известный своей храбростью, предпринял поистине титанические усилия, чтобы вызволить своих коллег из каменного плена, но вынужден был ретироваться, когда его самого чуть не затопили подземные воды, прорвавшиеся в главную шахту.

«Не повезло мужикам, — сказал Магоуни подоспевшим корреспондентам газет. — Вода уже поднялась на два уровня, считая от того, где работали шахтеры. Думаю, они все захлебнулись прежде, чем сумели хоть что-нибудь сообразить».

Скорбная и мрачная атмосфера, подавленность собравшихся возле шахты родственников и коллег погибших объясняется кроме всего прочего невозможностью предать их тела кладбищенской земле.

Ходят слухи, что шахта «Литтл Энджел» после временного закрытия была вновь открыта по личному распоряжению мистера Брюстера. По техническим причинам работы здесь не велись с 1881 года. Коллеги покойного инженера вспоминают, что он нередко заводил речь о том, что в предыдущие годы «Литтл Энджел» использовали недостаточно и что шахта позволяет добыть еще немало руды, если к делу подойти осторожно. Ввиду сомнительности предприятия сам Брюстер вынужден был спуститься под землю вместе с бригадой шахтеров.

Мы обратились за разъяснениями к господину Эрнсту Блезеру, прежнему владельцу шахты «Литтл Энджел», и на пороге своего особняка в Гоулден он сказал корреспонденту: «Шахту преследовал злой рок с того самого момента, как я обнаружил там руду. Да и руда была в тех краях неважнецкая, большого дохода не приносила». Мистер Блезер далее сказал: «Я думаю, что Брюстер был в принципе не прав. Тем более, что, насколько я знаю, все разговоры о какой-то невероятной по объему рудоносной жиле были сущим вымыслом. Не представляю, как такой опытный человек мог верить слухам».

В Сентрал-Сити говорят, что, возможно, и после откачки воды тела погибших шахтеров не будут найдены, а значит, эти славные парни никогда не будут похоронены на кладбище, как положено Божьим чадам.

Приводим скорбный список пропавших шахтеров:

Джошуа Хейз Брюстер, Денвер

Олвин Коултер, Фэрплей

Томас Прайс, Лидвилл

Чарлз П. Уинди, Криппл Крик

Вернон С. Холл, Денвер

Джон Колдуэлл, Сентрал-Сити

Уолтер Шмидт, Аспен

Уорнер Е. О’Деминг, Денвер

Джесон К. Хобарт, Боулдер

Да хранит Господь покой этих славных парней.

Сколько раз ни перечитывал Доннер заметку, он вновь и вновь возвращался к последнему имени в скорбном перечне. Медленно, как сомнамбула, Доннер сложил ксерокопию, засунул ее в нагрудный карман пиджака и набрал межгород.

Глава 14

Гарри Янг воскликнул:

— «Монте-Кристо»!

— Выбор вполне одобряю. И рокфор тут великолепен, однако прежде мне бы хотелось сухого мартини.

— Сэндвич «Монте-Кристо», — повторяла, записывая заказ, официантка, — рокфор… Это все? — Для удобства она положила блокнот на середину стола и так улеглась на столешницу, что чуть задравшаяся короткая юбочка открыла значительную часть белых трусов. — А вы, сэр?

— Мне все то же самое, — сказал Доннер, — только я начну с коктейля «Манхеттен» со льдом.

Янг поверх очков проследил за удалявшейся хорошенькой официанткой.

— Эх, подарил бы мне кто такую куколку на Рождество… — мечтательно сказал он, когда официантка скрылась на кухне.

Янг был худощавым мужчиной маленького роста, из числа тех, в облике которых до глубокой старости сохраняется что-то мальчишеское. Еще несколько десятилетий тому назад его бы, пожалуй, назвали вырядившимся старым дураком. Теперь же, в свои 78 лет, он походил на респектабельного *бонвивана,* да еще и со вкусом, ценителем прекрасного. На нем была водолазка синего цвета, добротный двубортный пиджак из магазина готовой одежды.

— Господин Доннер, — с чувством произнес он, — мне поистине очень приятно, поскольку «Брокер» — мой любимый ресторан. — Он с удовольствием обвел

взглядом деревянные панели на стенах, уютные низкие столики. — Мало кто знает, что тут некогда располагалось банковское хранилище, где они держали огромные сейфы…

— Я так и думал, когда, не мог открыть входную дверь. В ней, пожалуй, тонн пять, не меньше.

— Приходите сюда ужинать, не пожалеете. Они дают неимоверных размеров блюда с вкуснейшими креветками… — слово «креветки» он не проговорил, а почти пропел и почмокал губами.

— В следующий раз непременно.

— Да, сэр, так что у вас за дело?

— Пара вопросов, не более того.

Бровь Янга поднялась над верхней дужкой очков.

— О, вы уже меня заинтриговали. Вы, наверное, из ФБР? По телефону вы так обтекаемо сказали про федеральную службу…

— Нет, не из ФБР. И не из «Духовного обновления», о чем меня уже однажды спрашивали. Я по линии соцтраха. Моя обязанность — проверять законность получаемых пенсий.

— И чем, собственно, я могу вам…

— В настоящее время мне поручено восстановить события семидесятишестилетней давности. Тогда случилась авария на одной шахте, погибли девять человек. И вот недавно родственники одного из шахтеров обратились с просьбой о предоставлении им пенсии. Я должен выяснить, насколько подобная просьба обоснованна с точки зрения закона. Вас, господин Янг, мне порекомендовали в городском Историческом обществе как ходячую энциклопедию по истории горного дела.

— Ну, мне явно хотели польстить, — расцветя улыбкой, сказал Янг. — И я польщен, не скрою.

Официантка принесла спиртное, и некоторое время мужчины уделили бокалам. Доннер во время этой паузы разглядывал развешенные по стенам фотографии серебряных королей начала века. Все лица были одинаково лупоглазы, как будто каждый фотографируемый пытался загипнотизировать поставленную перед ним фотокамеру.

— Скажите, господин Доннер, а разве можно просить пенсию через семьдесят шесть лет после несчастного случая?

— Вдова полагает, что она не получила всего ей причитающегося. — Доннер, совершенно не знакомый с пенсионным обеспечением, старался выбирать слова

максимально осторожно. — У этой вдовы финансовые трудности, в семье неладно, в таком примерно духе…

— Понимаю… — сказал Янг. Он через столик выжидательно уставился на Доннера, поигрывая чайной ложкой. — Ну так и кто же из погибших в аварии на «Литтл Энджел» вас интересует?

— Вас не проведешь, — сказал Доннер, разворачивая салфетку.

— Нетрудно догадаться. Семьдесят шесть лет тому назад только на «Литтл Энджел» погибли девять человек.

— Меня интересует некто Брюстер. Янг сощурился, побарабанил пальцами по столу, затем вдруг просиял:

— Джошуа Хейз Брюстер, точно. Отец его Уильям Бак Брюстер, матушка — Хетти Мастерз. Сам он родился 4 апреля… извините, 5 апреля 1878 года в Сиднее, штат Небраска.

Глаза Доннера широко открылись.

— Откуда вы все это знаете?

— Я много еще чего знаю, — улыбнулся Янг. — Видите ли, горные инженеры, или, как их называли в прошлые времена, Команда в ботиночках — это своего рода небольшой клан, где все друг друга знают. Горная инженерия — это одна из немногих профессий, которую, как правило, сыновья наследуют от своих отцов, а когда приходит время жениться, то женятся на сестрах или дочерях других горных инженеров.

— Не хотите ли вы сказать, что состоите в родственных отношениях с этим Джошуа Хейзом Брюстером?

— Это мой родной дядя, брат матери. Я бы угостил вас еще стаканчиком, если вы не против, господин Доннер.

Янг подозвал официантку, заказал спиртное, затем сказал:

— А никаких вдовушек, как вы изволили выразиться, которые бы просили себе пенсию, господин Доннер, тут у нас нет и быть не может.

— У лжи короткие ноги, — сказал Доннер с виноватой улыбкой. — Вы, пожалуйста, извините меня за весь этот вынужденный маскарад.

— Так в чем же ваша настоящая проблема?

— Я бы предпочел пока об этом не распространяться.

— Но вы действительно из *правительства?*

Доннер показал ему свое удостоверение.

— Но я могу хотя бы спросить, почему вы заинтересовались моим давно умершим дядей?

— Я бы предпочел не распространяться, — повторил Доннер. — Во всяком случае, не сейчас.

— А что именно вас интересует?

— Все, что вы можете рассказать о самом Джошуа Хейзе Брюстере и той давней аварии на «Литтл Энджел».

Официантка принесла спиртное и салаты. Доннер вынужден был признать, что в этом ресторане неплохо готовят. Они ели молча. Когда Янг очистил свою тарелку и вытер тонкие седые усы, он удовлетворенно вздохнул и откинулся на спинку дивана.

— Дядя был типичным горным инженером начала века. Европеец, из среднего класса, увлеченный своим делом. Такой же, как многие его коллеги. Он был типичным инженером, и если чем и отличался, так это своим маленьким ростом всего пять футов два дюйма. В начале века романист написал бы про него примерно так: это был хорошо образованный, хорошо сложенный редкостного бесстрашия джентльмен, в котором все, от идеально вычищенных ботинок до шляпы а-ля Медведь Смоки, выдавало идеального горного инженера.

— У вас он получается кем-то вроде персонажа мыльной оперы.

— С той только разницей, что мой дядя был не персонажем, но вполне живым человеком, так сказать, — уточнил Янг. — Это в наши дни автоматизировали всю отрасль, а когда работал дядя, горный инженер должен был быть тверд как скала, должен был знать в совершенстве профессии механика, электрика, инспектора, металлурга, геолога, юриста, должен был уметь находить компромисс между скаредными управляющими и тупыми работягами. Только такие широкопрофильные и смелые инженеры могли тогда работать на шахте. И как раз таковым был Джошуа Хейз Брюстер.

Доннер внимательно слушал, вертя в руках бокал с виски.

— После окончания школы в Мейне, — продолжал Янг, мой дядя работал на шахтах Канады, Австралии, России. В f908 году он возвратился в Рокиз и был назначен управляющим «Сор Рок» и «Буффало», это были две шахты в Лидвилле, они принадлежали группе французских банкиров, которые ни разу не побывали в Колорадо, а слали распоряжения сюда из своего Парижа.

— Французы владели шахтами на территории Соединенных Штатов?

— Именно так. Они наводнили капиталами весь западный мир, эти французы. Чем только они не занимались! Тут вам и добыча золота, и разведение скота, и торговля недвижимостью… Назовите любую отрасль промышленности — и можете быть уверены, что туда вложены французские капиталы.

— Как вы думаете, что заставило Брюстера после долгого перерыва открыть шахту «Литтл Энджел»?

— Это, скажу я вам, загадочная история. Шахта гроша ломаного не стоила. Например, неподалеку от «Литтл Энджел», за триста ярдов, находилась шахта «Алабама Барроу», которая приносила до двух миллионов чистого дохода, пока грунтовые воды ее не уничтожили. До двух миллионов, заметьте! «Литтл Энджел» не имела и приблизительно такой выработки. Она была вообще зряшным предприятием. — Янг отхлебнул из бокала и посмотрел на свою выпивку, как будто на ее поверхности разворачивались, как на экране, события тех далеких лет. — Когда мой дядя впервые заявил, что собирается открыть «Литтл Энджел», все, кто был в курсе, удивились не на шутку. Да, господин Доннер. Джошуа Хейз Брюстер слыл редкостным аккуратистом, уж если он что-то предпринимал, каждый его шаг был тщательно просчитан — до вероятной прибыли включительно. Он позволял себе играть с судьбой только в случае, когда у него на руках оказывались сплошь козыри. Для него было немыслимо публично обнародовать такой необдуманный проект. Все расценили это как поступок сумасшедшего.

— Может, ему было известно что-то такое, чего не знали другие?

Янг отрицательно покачал головой.

— Я сам был геологом, отработал более шестидесяти лет кряду, господин Доннер, и кое-чему научился. Много позже, когда появилась возможность, я спускался в «Литтл Энджел», доходил до уровня затопления. Я хорошо изучил и соседнюю шахту — «Алабама Барроу» и могу сказать с большой долей уверенности: ни теперь, ни тогда никакой серебряной жилы там не было.

Официантка поставила перед ними сэндвичи «Монте-Кристо», ловко убрала со стола грязные тарелки.

— Не хотите ли вы сказать, что ваш дядя и вправду сошел с ума?

— Подобное приходило мне в голову, не скрою. Тем более, что в те годы симптоматику психических заболеваний не умели идентифицировать.

— Это же можно сказать о диагностировании возможных нервных срывов.

Янг согласно кивнул, примерился и откусил огромный кусок сэндвича, запив его изрядным глотком мартини.

— Как вам «Монте-Кристо», господин Доннер?

— Спасибо, — Доннер прожевал, проглотил и повторил: — Все очень вкусно, благодарю.

— Мне тоже нравится. Хотите совет? Не старайтесь быть чрезмерно вежливым. У вас хорошая улыбка. Когда вы улыбаетесь, также хочется улыбаться, на вас глядя.

— Спасибо, — серьезно сказал Доннер.

— Чтобы сделать настоящий «Монте-Кристо», нужно добавить чуточку варенья. Тогда получается еще вкуснее, верьте на слово. Да, так вот, относительно моего дяди. Он был очень опытным и, я бы сказал, талантливым инженером, из тех, кто сто раз отмерит, прежде чем отрезать. У меня остались его дневники, записные книжки, книги с его пометками на полях. Там чего только нет. Скажем, его профессиональный анализ шахт «Сор Рок» и «Буффало» занимает, если не ошибаюсь, пятьсот двадцать семь страниц убористого текста, причем эта пространная записка снабжена чертежами, рисунками, диаграммами. Но вот на что я обратил внимание. Он ведь много лет проработал в этих краях, интересовался положением на большинстве шахт. В одном из дневников я даже нашел его рукой сделанный заголовок: «Литтл Энджел». То есть он собирался написать и об этой, сделавшейся для него роковой, шахте, но почему-то не написал ни слова. Так и осталось: заголовок — а дальше чистые листы.

— Может, в другом месте где-нибудь? В письмах, скажем?

Янг пожал плечами, задумался, затем отрицательно покачал головой.

— Я думаю, что на этой шахте не было ничего, что могло бы дядю заинтересовать. А может, и наоборот. Может, он повел своих восемь шахтеров, чтобы более не возвращаться на поверхность.

— То есть как это?

— Звучит странновато, согласен. Но мне иногда приходила в голову мысль, что все случившееся могло быть этаким, знаете, массовым самоубийством. По собственной инициативе наводя справки об аварии, я отметил одну закономерность. Все девять человек были холостяками или же вдовцами. Большинство из них были, как принято говорить, перекати поле. Всю жизнь — с места на место, с одной шахты — на другую. Надоест в одном месте, или с начальством конфликт выйдет, или еще что, они раз — и уходят. А когда такие люди становились слишком старыми, чтобы работать на шахте, у них не хватало денег на самую скромную жизнь.

— Но ведь у Джесона Хобарта была жена?

— Как? Простите, как вы сказали? — в глазах Янга было удивление. — Я не обнаружил никаких свидетельств, чтобы у кого-то из них была жена.

— Верьте мне на слово.

— Боже праведный! Если бы мой дядя знал это, он никогда бы не нанял Хобарта.

— Почему?

— Неужели вы не понимаете? Он брал только тех парней, о которых в случае исчезновения никто не будет выспрашивать.

— Не вполне разделяю ваш цинизм, господин Янг, — грубовато сказал Доннер.

— Видите ли, так называемое новое открытие работ на шахте «Литтл Энджел» было всего лишь декорацией, инсценировкой. Я более чем убежден, что дядя сошел с ума. Причем никто никогда не узнает, что послужило причиной. Незадолго до своей гибели он настолько изменился, словно в его тело поместили другую душу.

— Новая ипостась?

— Да, что-то вроде этого. Изменились его душевные качества, да все изменилось… Он друзей очень любил, был чутким, компанейским — и все, как корова языком… Когда я был моложе, я разговаривал с людьми, которые помнили его. Все они сходились на одном: Джошуа Хейз Брюстер, какого они все знали и любили, умер за много месяцев до аварии на «Литтл Энджел».

— А каким образом это связано с инсценировкой, как вы выразились?

— Сошел он с ума или не сошел, я не буду об этом. Но дядя оставался знающим, опытным инженером. И уж кто-кто, а он прекрасно знал, что в «Литтл Энджел» никаких миллионов он не получит. И я даже примерно не представляю, за каким чертом он полез туда. Одно вам скажу. Когда воду откачали, никаких костей, никаких останков не обнаружили.

— Вы хотите сказать, что те девять человек… —

Доннер посмотрел на бокал своего «Манхэттена», затем быстро перевел взгляд на собеседника, — исчезли?

— А никто, между прочим, не видел, как они *входили* туда. — Янг улыбнулся. — Они должны были там быть, и все думали, что они именно там, затем шахту залило водой, после чего никто у нас не слышал о ком-либо из тех девяти парней. И вот именно поэтому считается, что все они погибли в «Литтл Энджел».

— Интересно получается…

— О, я еще не то знаю!

— Я весь внимание.

— Итак, первое. Я измерял нижний уровень той шахты. Он расположен значительно выше чем уровень затопившей шахту воды. Я все это выяснил потом. Кроме того, там были не подземные воды, а те, что просачивались с поверхности и собрались где-то выше горловины шахты. И какой бы там ни произошел взрыв динамита, шахтеров не должно было затопить, поскольку речь идет совсем о других водах, понимаете?

— Второе. После того, как воду откачали, в стволе шахты нашли инструменты. Якобы те, с которыми отправились в забой дядя и восемь других. Но почему-то никто не заметил, что все найденные инструменты — старые и негодные. А те люди, господин Доннер, были профессионалами, знали толк в инструментах и с подобным гнильем в шахты бы ни за что не отправились.

Третье. Хотя мой дядя всем в городе сказал, что реанимирует закрытую шахту, он почему-то не поставил в известность Эрнста Блезера, которому закрытая шахта принадлежала. Для такого деликатного человека, как мой дядя, залезть без разрешения владельца в «Литтл Энджел», равносильно тому, как мне, извините, залезть вам в карман.

Четвертое. Только на следующий после взрыва на шахте день некто Билл Магоуни, он в то время был мастером на шахтах, нашел у себя под дверью записку следующего содержания: «На помощь! Скорее. Шахта „Литтл Энджел"!» Вам не кажется, что в самом этом способе передачи информации об аварии есть что-то ненатуральное? Подсунуть, да еще под дверь… Записка, разумеется, без подписи.

Пятое. Шериф Сентрал-Сити, как выяснилось, получил от моего дяди список шахтеров, отправлявшихся реанимировать шахту. На тот случай, если произойдет что-то непредвиденное. Мягко сказать, со стороны дяди деликатная предосторожность. Такое чувство, что дядя Джошуа больше всего беспокоился, как бы после аварии не остались неопознанные тела.

Доннер отставил от себя тарелку и глотнул воды из стакана.

— То, что вы рассказываете, господин Янг, все это очень любопытно, только, уж извините, несколько бездоказательно.

— Может быть. А вот теперь — главное. Шестое. Через несколько месяцев после той трагедии мои родители поехали в Европу. И вот, прошу внимания, в Англии, точнее, в Саутгемптоне они вдруг увидели дядю Джошуа. Он стоял на пароме. Мать часто потом рассказывала, как она подошла к нему и говорит: «Джошуа, ты ли это?». Он бороду отпустил, глаза блестят, но узнать-то можно. Так вот, он при этих ее словах смертельно побледнел и говорит: «Забудь, пожалуйста, обо мне». Сказал, повернулся и убежал. Отец пытался догнать его, но там кругом было столько людей.

— Обознались, может?

— Чтобы сестра не узнала родного своего брата?! — Янг саркастически улыбнулся. — Перестаньте, господин Доннер. Вы, например, узнали бы своего родного брата в толпе?

— Не уверен. Я в семье был единственным ребенком. Чадо, так сказать.

— Жаль. Вы не знаете прелестей большой семьи.

— По крайней мере, мне в детстве не приходилось делить свои игрушки с кем бы то ни было.

Официантка принесла счет, и Доннер положил кредитную карточку на поднос.

— Значит, вы считаете, что трагедия на «Литтл Энджел» чистой воды инсценировка?

— Но это сугубо частное мнение, вы понимаете. — Янг тщательно вытер салфеткой губы. — Доказательств у меня, естественно, никаких, однако считал и продолжаю считать, что за всем этим стояло «Сосьете де Мин дё Лоррен».

— Это кто?

— Французский аналог германской компании Круп-па. То же, что «Митсубиси» для Японии, или «Анаконда» для Соединенных Штатов.

— А чем конкретно занимается это «Сосьете»?

— Финансирование. Они наняли Джошуа Хейза Брюстера управляющим на их собственных разработках. В то время лишь они могли уплатить девятерым специалистам за факт их исчезновения.

— Но зачем? Каковы мотивы?

Янг развел руками.

— Не знаю. — Он подался чуть вперед, глаза его заблестели. — Но могу вам одно сказать наверняка. Какую бы сумму они дяде ни предложили, каким бы образом они его ни уговорили, но дядя Джошуа покинул Америку.

— Покуда не отыщутся трупы, с вами не поспоришь.

— Вы тактичный молодой человек, если разобраться. Спасибо за угощение.

— Помилуйте, не за что. Счет оплатит мое ведомство.

— Спасибо, что не попытались высмеять старика, — мягко пояснил Янг.

Доннер молча кивнул. Хоть тонкий луч, но осветил-таки загадку горы Бедная. А смеяться Доннер и не собирался, да и не над чем тут было смеяться.

Глава 15

Сигрем напоследок улыбнулся симпатичной стюардессе компании «Юнайтед», вышел из самолета и приготовился пройти четверть мили, отделявшей самолет от выхода из Международного аэропорта Лос-Анджелеса. Однако в отличие от Доннера, который воспользовался выходом № 2, Сигрем предпочел выход №1. В офисе «Герца» он взял себе «линкольн», вырулил на бульвар Сенчури и вскоре уже катил по направлению к Сан-Диего, по широкой Сан-Диего-фриуэй. День выдался безоблачный, смог над городом был на удивление легким, как облако, так что можно было при желании даже рассмотреть очертания гор Сьерра-Мадре. Он неспешно держался в правом ряду, не насилуя двигатель и не выжимая более шестидесяти миль в час. Слева один за другим его обгоняли автомобили, водители которых предпочли более высокие скорости, несмотря на то, что разрешенная скорость в Лос-Анджелесе не должна превышать пятидесяти пяти миль. Оставив позади химические резервуары Торранса и нефтяные вышки Лонг-Бич, он въехал в бескрайнюю Апельсиновую Страну с бесконечным потоком туристических фургонов.

Немногим более часа понадобилось Сигрему для того, чтобы добраться до поворота на Лейжер-Уорлд. Тут была сказочная обстановка: сплошные поля для гольфа, бассейны, конюшни, ухоженные парки и газоны. Загорелые обитатели дома престарелых, как заправские спортсмены, гоняли на велосипедах.

Возле центральных ворот пожилой охранник проверил его документы и указал дорогу к 261-"Б", Кол Арагон. На поверку это оказался аккуратный домик с двумя подъездами, расположенный на пологом склоне, фасадом обращенный в сторону парка. Сигрем припарковал свой «линкольн» у обочины, прошел через компактный дворик-патио, где росло множество ярких роз, и позвонил в дверь. Едва ему открыли, как всяческие былые сомнения исчезли сами собой. Аделайн Хобарт была определенно не выжившей из ума старухой.

— Господин Сигрем? — голос ее был свежим и веселым.

— Насколько понимаю, вы миссис Хобарт?

— Прошу вас, проходите. — Сигрем собирался обозначить рукопожатие, но, к удивлению, почувствовал, что рука у миссис Хобарт сухая и сильная. — Семьдесят лет никто меня не называл «миссис Хобарт». Когда вы позвонили по междугородному и сказали, что интересуетесь судьбой Джейка, я, признаюсь, так разволновалась, что даже позабыла принять свой геритол.

Аделайн была дородная, но легкая в движениях. Ее взгляд оставался дружелюбным, а на лице играла неявная улыбка. Внешне она походила на всеми обожаемую бабушку из мыльной оперы.

— Вы так хорошо выглядите, — сказал он.

— Буду считать, что ваш комплимент удачен, — она покровительственно похлопала Сигрема по руке, затем указала на стул возле окна хорошо обставленной комнаты. — Проходите и садитесь. Вы останетесь на ленч, не правда ли?

— Почту за честь, если это вас не затруднит.

— Конечно, нет! Ничего нет затруднительного, тем более, что Берт играет в гольф, а я люблю компанию.

Сигрем встрепенулся.

— Берт, вы сказали?

— Мой муж, Берт.

— Да, но мне казалось…

— Что я вдова Джейка Хобарта? Так я вдова и есть. Хотя в действительности еще шестьдесят два года назад я стала миссис Бертрам Остин.

— А в военном ведомстве об этом знают?

— Разумеется. Но хотя я даже письмо послала в их управление, они в ответ прислали мне какую-то отписку и как ни в чем не бывало продолжают присылать пенсию.

— Даже после того, как вы повторно вышли замуж?

Аделайн пожала плечами.

— Я ведь живой человек, господин Сигрем. Да и зачем спорить с правительством? Хотят присылать деньги, пускай присылают, это их проблемы.

— Все же дополнительный доход, так? Она кивнула.

— И впредь не откажусь. К тому же за смерть Джейка мне перечислили десять тысяч долларов.

Сигрем подался к ней.

— Военное ведомство выплатило вам десять *тысяч* компенсации?! В 1912 это была, насколько я понимаю, весьма приличная сумма.

— Вы и наполовину не удивлены так, как была поражена я. Да, вы правы, в те годы это было целым состоянием.

— А какое-нибудь объяснение?

— Никакого, — сказала она. — Я и теперь вижу тот чек, там было напечатано: «Вдовья выплата». Передали чек — и все.

— Погодите, погодите… Давайте лучше начнем все с самого начала.

— С момента, когда я встретила Джейка?

Сигрем кивнул.

Она прищурилась, обратив лицо в сторону окна, как будто припоминая какую-то особенную подробность, затем сказала:

— Зима в 1910 выдалась чудовищно суровой. Мне было шестнадцать лет, я жила в Лидвилле, Колорадо. Мой отец собирался проинспектировать там один шахтерский район, чтобы определить, в какие шахты имеет смысл вкладывать больше денег. А тут как раз Рождество, нас в школе распустили на каникулы, и отец взял меня и маму с собой. Едва мы сели в поезд, как налетела снежная буря. Это была, как оказалось, самая страшная буря за полвека. Буря бушевала целых две недели. То еще, знаете, удовольствие. Особенно если учесть, что Лидвилль расположен на высоте десять тысяч футов над морем.

— Для шестнадцатилетней девушки это было настоящее приключение.

— Да притом какое! Отец, помню, все прохаживался нервно по холлу отеля, как загнанный бык. Мама просто сидела и переживала, ну а мне это все так понравилось.

— А что касается Джейка?

— В один из дней мы с мамой идем по улице, направляемся в магазин. А когда мороз в двадцать градусов, да ветер миль под пятьдесят в час, идти в магазин одно сплошное удовольствие. И тут из пурги возникает некий великанище, одной рукой берет меня, другой маму, и ни слова не произнося, прямо-таки втаскивает в магазин. Как вам это нравится?!

— И это был Джейк?

— Точно! Именно Джейк.

— Как он выглядел?

— Такой, знаете, огромный, больше чем в шесть футов роста, грудь с турецкий барабан. Юношей он работал на шахтах в Уэльсе. Его можно было распознать за милю, такой был каланчой. У него были рыжие волосы, рыжая борода, к тому же он постоянно улыбался.

— Рыжие волосы и борода?!

— Да, и он очень гордился тем, что не похож на остальных мужчин.

— И вас он покорил своей улыбкой, разумеется?

— Это не была, признаюсь, любовь с первого взгляда, — она застенчиво улыбнулась. — Мне поначалу Джейк казался этаким медведем — В мое время девушкам нравились совсем другие парни.

— Но вы тем не менее вышли за него? Она согласно кивнула.

— Пока длилась пурга, все дни он ухаживал за мной. На четырнадцатый день буря утихла, просветлело, выглянуло солнце, и я согласилась быть его женой. Мать и отец поначалу были в ужасе, однако Джейк очаровал и родителей.

— Вы прожили недолго?

— Да. Последний раз, когда я видела его, это было через год после свадьбы.

— То есть, в день, когда он вместе с остальными восемью шахтерами погиб в «Литтл Энджел»? — не столько спросил, как именно заявил Сигрем.

— Да, — подтвердила она. — Ох, Бог мой, я же предложила вам позавтракать. Вы, наверное, голодны, мистер Сигрем?

Лицо Сигрема оживилось — ничего не осталось от сухого чиновничьего вида.

— Скажите, а не приходилось ли вам что-нибудь слышать про Джейка после того, как случилась эта авария на «Литтл Энджел»?

Лицо ее приобрело недоуменное выражение.

— Простите, я не вполне понимаю вас?

— А мне показалось…

— Ничего подобного!

— А почему вы так разволновались?

Ее руки заметно дрожали.

— Я рассказала вам все, что знаю.

— Ну что вы, миссис Остин, вы знаете больше, значительно больше, чем сейчас мне рассказали. — Он осторожно взял ее за руку. — Расскажите мне, чего вы так испугались? — повторил он.

— Я дала слово, — прошептала она.

— А именно?

— Ну вы же сами из правительства, господин Сигрем, и хорошо знаете, что такое разглашение секретов.

— Это Джейк обязал вас молчать?!

Она отрицательно покачала головой.

— Кто же в таком случае?

— Поймите, ради Бога, — взмолилась она, — я действительно не могу… ничего вам больше не могу сказать…

Сигрем поднялся со стула и посмотрел на нее. Казалось, за эти несколько минут она сделалась вдвое старше. На лице ее резко обозначились морщины. Требовалось придумать что-то, что бы могло заставить ее все рассказать.

— Я могу воспользоваться телефоном, миссис Остин?

— Да, разумеется. Удобнее вам пройти на кухню.

Семь полновесных минут прошли, прежде чем Сигрем услышал в трубке знакомый голос. Он торопливо объяснил ситуацию, затем вернулся назад в гостиную.

— Миссис Остин, вы не могли бы на одну минуту…

Она покорно подошла к нему. Он передал ей телефонную трубку.

— Алло. Аделайн Остин слушает.

В первую секунду ее лицо оставалось неуверенным, затем на нем появилось выражение сильнейшего изумления. Она, ни слова не произнося, молча кивала в такт словам невидимого собеседника. Единственное, что сумела она произнести:

— Да, сэр… Конечно. Всего доброго.

Она положила трубку и некоторое время оставалась стоять с застывшим выражением крайнего недоумения.

— Это… Это был в самом деле Президент Соединенных Штатов?

— Разумеется. Желаете получить подтверждение? Можем позвонить в Белый дом и уточнить. Я вам скажу номер, вы его наберете. Там снимет трубку Грегг Коллинз, он главный помощник Президента. Вы спросите у него.

— Невероятно, — произнесла она. — Сам Президент Соединенных Штатов просил меня помочь! Никак не могу поверить, что все это не сон…

— Не сон, можете мне поверить, миссис Остин. И постарайтесь понять, что всякая информация относительно вашего покойного мужа, которую вы сообщите мне, окажется исключительно важна для Америки. Я понимаю, это звучит несколько патетически, но…

— Разве кто может не прийти на помощь такому мужчине, как Президент! — она сказала эту фразу, и на лице ее вновь появилась приятная улыбка. Руки перестали дрожать. Внешне, казалось, она взяла себя в руки.

Сигрем тактично взял ее под руку и проводил на стул, где она сидела в продолжение их беседы.

— А теперь я попрошу вас рассказать мне о том, каковы были отношения вашего покойного мужа с Джошуа Хейзом Брюстером.

— Джейк был специалистом по взрывному делу. Взрывником. Причем одним из лучших. Он обращался с динамитом столь же ловко, как кузнец с металлом и молотом. А поскольку мистер Брюстер предпочитал иметь дело с самыми лучшими специалистами, то он, как правило, привлекал Джейка.

— А знал ли Брюстер, что Джейк женат?

— Странный вопрос. Мы жили в небольшом доме в Боулдере, это довольно далеко от шахт. Джейк не хотел, чтобы шахтеры знали о том, что он женат. Он мне говорил, что мастера неохотно нанимают женатых шахтеров, а тем более — подрывников.

— И значит, Брюстер ни о чем не знал.

— Я в курсе того, что печатали тогда газеты, мистер Сигрем. Только ни Джейк, ни остальные даже близко к шахте «Литтл Энджел» не подходили.

Сигрем пододвинул свой стул поближе и уселся таким образом, что касался коленями стула миссис Остин.

— Значит, вся трагедия была разыграна?

— Вы и об этом знаете? — промолвила она.

— Догадываемся, только у нас абсолютно нет доказательств.

— Если нужно, я могу предложить вам одно из доказательств.

Она поднялась, отклонила руку желавшего помочь Сигрема, вышла в соседнюю комнату, откуда возвратилась, держа в руках коробку из-под обуви.

— За день до того, как произошли события в «Литтл Энджел», Джейк и я поехали в Денвер, решили походить по магазинам. На него тогда что-то нашло. Он покупал маскарадные маски, драгоценности, повел меня в самый дорогой ресторан и заказал какого-то немыслимого шампанского. Потом мы сняли комнату в том же «Браун Палас-отеле», где провели нашу первую брачную ночь.

— У меня в том отеле друг остановился.

— А рано поутру Джейк сказал, что отправляется с неким заданием в Россию. Он просил, чтобы я делала вид, будто верю газетным сообщениям и вела бы себя соответственно. Обещал вернуться через несколько месяцев. Джейк сказал, что возвратится богатым, как Крез. А потом он еще сказал, только я не вполне поняла…

— Что именно?

— Сказал, что французы обо всем позаботятся и что скоро мы с ним будем жить в Париже. Представляете? — Ее лицо приобрело мечтательное выражение. — Утром он ушел. На подушке оставил записку: «Я тебя люблю». И еще конверт, в котором лежали пять тысяч долларов.

— А откуда у него были такие деньги?

— Представления не имею. В то время на счету в банке у нас лежали сотни три, не больше.

— И больше мужа вы не видели?

— Видела. — Она протянула Сигрему выцветшую открытку с видом Эйфелевой башни. — Месяц спустя я получила вот это.

«Дорогая моя, тут погода дрянь, сплошь дожди, да и пиво паршивое. Я и парни в порядке. Выше нос. Я совсем не погиб. Не подписываюсь, ибо ты знаешь — кто».

Судя по почерку, открытку надписал человек, не вполне друживший со школьными учителями. Печать удалось разобрать: «Париж, 1 декабря 1911 года».

— А еще через неделю я получила другую открытку, — сказала Аделайн и протянула Сигрему вторую — с изображением Сакре-Кёр, хотя штамп был почему-то Гаврский.

«Дорогая моя, мы отправляемся в Арктику. Это последняя весточка, которую могу тебе послать. Будь молодчиной. Французы оказались людьми слова. Хорошая кормежка, хорошее судно. Твой — ты знаешь — кто».

— Вы совершенно уверены, что это рука Джейка? — поинтересовался Сигрем.

— Абсолютно. У меня сохранились другие его письма. Если хотите, вы можете сличить.

— Нет, я так просто уточнил. А еще что-нибудь от Джейка было? Она кивнула.

— Третья и последняя, которую я получила. Наверное, Джейк накупил их в Париже. Эта — с видом Сен-Шапелль, хотя послана из Абердина, Шотландии. Дата 4 апреля 1912 года.

«Дорогая моя, это жуткое место, холод здесь собачий. Не знаю, выживем ли. Если открытка достигнет тебя, о тебе позаботятся. Храни тебя Господь. Джейк».

На той же открытке сбоку другим почерком было приписано:

«Уважаемая миссис Хобарт, мы потеряли Джейка. Это произошло в снежную бурю. Перед смертью над ним прочитали молитвы. Соболезнуем. В. Х.»

Сигрем достал список команды, продиктованный Доннером по телефону.

— «В. Х.» это, скорее всего. Вернон Холл, — сказал он, изучив фамилии.

— Да, возможно. Вернон и Джейк были очень дружны.

— А потом? Что случилось потом? Кто потребовал, чтобы вы никогда не рассказывали о том, что вам известно?

— Месяца два прошло, да, пожалуй, в июне некто, представившийся мне как полковник Патмен или, может, Патмор, сейчас мне уже не припомнить точно, пришел ко мне в Боулдер и потребовал, чтобы я никому и никогда не смела рассказывать о том, что происходило после аварии на шахте.

— А как он объяснил это свое требование? Она отрицательно покачала головой:

— Собственно, никак. Сказал, что в интересах правительства не разглашать этих сведений. После этого он протянул мне чек на десять тысяч долларов и ушел.

Сигрем, не поднимаясь со стула, потянулся всем телом, как будто с его плеч только что свалился тяжелый груз. Ему казалось невероятным, что эта вот девяностотрехлетняя старуха, сама того не подозревая, оказалась причастной к проекту стоимостью в миллиарды долларов. Причем, не просто оказалась причастной, но и располагала ключом к шкатулке с огромными ценностями.

Сигрем посмотрел ей в глаза и улыбнулся.

— Вот теперь обещанный вами ленч был бы в самый раз.

Она улыбнулась ему в ответ — понимающе и хитро так улыбнулась.

— В подобной ситуации Джейк Хобарт сказал бы: «Да ну его к черту, этот ленч, сейчас бы пивка холодненького!»

Глава 16

Пурпурные лучи заходящего солнца еще дрожали на горизонте, когда первые звуки далекого грома возвестили о приближавшемся ливне. Воздух был теплым, а мягкий океанский бриз приятно ласкал лицо Сигрема, сидевшего на террасе клуба «Бальбоа Бей» и потягивавшего свой послеобеденный коньяк.

Было восемь часов, то есть как раз то время, когда жители чистенького респектабельного Ньюпорт-Бич предпочитали общаться друг с другом. Сигрем поплавал в клубном бассейне и затем раньше обычного пообедал. Он сидел, отдыхая и вслушиваясь в мощное ворчание штормовой волны. Воздух был тяжелым, насыщенным электричеством. Ни ветра, ни ливня. В момент, когда с яркостью фотовспышки сверкнула молния, он разглядел множество лодок и прогулочных катеров в заливе. На кораблях уже зажгли красные и зеленые навигационные огни, а из-за белой краски сами корабли были похожи на этаких плавающих фантомов. Молния еще раз осветила ночное небо неверным пляшущим светом. Сигрем заметил, как огненная стрела ударила куда-то за крыши этого уютного курорта — и почти в тот же миг раздался оглушительный удар грома, словно выстрел из гигантской пушки. У Сигрема даже в ушах зазвенело.

Все, кто были на берегу, заспешили под крышу открытого ресторана, так что через считанные минуты Сигрем остался на веранде в гордом одиночестве. Он с удовольствием наблюдал за лихим разгулом матери-природы, ее чудовищными по яркости и звуку фейерверками. Он допил коньяк, откинулся в кресле, ожидая следующей вспышки молнии. Наконец молния полыхнула — и в ее свете Сигрем разглядел фигуру высокого темноволосого, с грубыми чертами лица мужчину, который спокойно, не мигая, уставился на него. Но наступила темнота, и незнакомец вновь слился с темнотой.

Едва отгрохотали и стихли вдали раскаты очередного удара грома, невыразительный голос произнес:

— Насколько я понимаю, вы Джен Сигрем?

Сигрем несколько поколебался с ответом, дожидаясь, когда минутное ослепление светом молнии пройдет, и наконец сказал:

— Именно.

— Судя по всему, именно я был вам нужен, да?

— Если бы я еще плюс ко всему имел удовольствие…

— А, прошу простить. Я Дирк Питт.

Небо вновь озарилось ярким светом молнии, и Сигрем, к явному своему облегчению, заметил, что стоявший перед ним человек широко улыбается.

— Я делаю заключение, что вы, господин Питт, любите эффектные появления. Не вы ли вообще устроили этот гром с молнией, признайтесь?

Питт в ответ на слова Сигрема звучно расхохотался, и последние раскаты его хохота плавно перешли в раскаты очередного удара грома.

— Нет, этой сферой я пока что не овладел, хотя преуспеваю в разделе Красного моря.

Сигрем показал на свободное кресло рядом с собой.

— Может, присядете?

— Благодарю вас.

— С удовольствием заказал бы вам чего-нибудь выпить, но, мне кажется, здешние официанты все как один боятся грозы.

— Она уже заканчивается, — посмотрев на небо, сказал Питт. — Скоро пройдет. — Голос его звучал спокойно и властно.

— Как вам удалось разыскать меня? — поинтересовался Сигрем.

— Постепенно, шаг за шагом, — ответил Питт. — Сначала позвонил вашей жене в Вашингтон. Она сказала, что вы в командировке в Лейжер-Уорлд. А поскольку это неподалеку, я поехал и поговорил с тамошней охраной. Один джентльмен, дежуривший на воротах, сказал мне, что некий Джен Сигрем действительно приезжал навестить миссис Бертрам Остин. С ней затем переговорил. Она, в частности, вспомнила, что порекомендовала вам клуб «Бальбоа Бей», когда услышала, что вы хотели еще немного задержаться в этих краях. А остальное дело техники.

— Вы так все хорошо разъяснили. Питт утвердительно кивнул.

— Как видите, все элементарно.

— Надо же такому было случиться, чтобы я и вы оказались вдруг в одной, образно говоря, упряжке, — сказал Сигрем.

— Я люблю в это время года оставить на несколько дней все дела и заняться серфингом. У моих родителей дом тут неподалеку, на другой стороне залива. Я мог бы разыскать вас и раньше, но адмирал Сэндекер сказал, что это не срочно.

— Так вы и адмирала знаете?

— Он мой шеф.

— Значит, вы из НУМА?

— Да, работаю директором агентства спецпроектов.

— То-то я подумал, что слышал уже ваше имя раньше. Значит, это моя жена упоминала вас.

— Дана?

— Да. Вы разве с ней работали?

— Было дело. Когда прошлым летом НУМА снарядила экспедицию за останками «Баунти», я доставлял вашей жене и ее археологам всякую всячину на остров Питкэрн.

Сигрем изучающе посмотрел на собеседника.

— Стало быть, адмирал Сэндекер сказал, что спешить некуда, если я вас правильно понял? Питт улыбнулся, поправил рукой волосы.

— Слышал, что вы подняли его с постели однажды среди ночи.

Темные тучи ушли на запад, и молния в очередной раз предпочла ударить куда-то за Каталину, расположенную на противоположной оконечности залива.

— Ну, а раз уж мы с вами встретились, чем могу быть вам полезен? — спросил Питт. — Может, нужна какая-то помощь?

— Да. Я бы хотел, чтобы вы рассказали мне о Новой Земле.

— Особенно и рассказывать-то нечего, — Питт пожал плечами. — Мне поручили возглавить экспедицию по вызволению вашего человека с русского острова. Было условлено время встречи. Он не пришел. Тогда я подождал еще немного, сел в вертолет и отправился на остров.

— Но вы же ужасно рисковали. Русские могли вас обнаружить своими радарами. У них вполне современные приборы.

— Да, такую возможность я не исключал, признаюсь. Я старался двигаться над самой водой, не выше десяти футов над поверхностью, на скорости не больше пятнадцати узлов. Даже если бы они поймали меня на экране радара, мой едва двигавшийся вертолет, скорее всего, был бы принят за рыбацкую шхуну.

— А что произошло, когда вы сели на острове?

— Я облетел береговую линию, заметил шлюп, на котором Коплин приплыл туда. Рядом со шлюпом я и посадил вертолет. Затем отправился на поиски Коплина. В тот момент я услышал автоматные очереди. Хорошо еще, что услышал: была пурга, ветрище завывал, как не знаю кто…

— Как вам удалось обнаружить Коплина? Ведь его в тот момент уже конвоировал русский пограничник. В пургу обнаружить на таком острове двух человек все равно, что иголку найти в стоге сена.

— Не скажите, не скажите… Если в стоге сена потерялась иголка, она лежит себе тихо. А у пограничника была собака, которая громко лаяла. Она служила мне своего рода радиомаяком. С помощью собаки я только и сумел обнаружить Коплина, И пограничника.

— Которого вы тут же и шлепнули, — пробубнил Сигрем.

— Ну, в некотором смысле — да, что-то в этом роде… — Питт сделал неопределенный жест рукой. — А что, позвольте вас спросить, мне еще оставалось делать?

— А что, если тот пограничник тоже был моим агентом? Вы об этом не подумали?

— Насколько мне известно, братья по оружию не ведут один другого под дулом автомата. Не принято, знаете… Тем более, что один из них истекает кровью.

— А собаку зачем убили?

— Сначала не хотел ее трогать, а потом подумал: что, если она приведет сюда других пограничников? К телу своего хозяина? А так неизвестно еще, найдут ли того парня вообще в обозримом будущем.

— Вы что же, всегда носите с собой пистолет с глушителем?

— Видите ли, адмирал Сэндекер уже несколько раз отправлял меня на задания, связанные, я бы сказал, с несколько проблематичными в отношении закона действиями. Не знаю, ответил ли я на ваш вопрос достаточно внятно.

— Так, а прежде, чем вы перевезли Коплина на корабль, вы, надеюсь, догадались уничтожить шлюп? — спросил Сигрем.

— И смею надеяться, что сделал это вполне профессионально, — ответил Питт. В его тоне Сигрем не почувствовал даже намека на возможную обиду. — В корпусе я проделал дыру, поднял парус и отправил шлюп, что называется, по морям, по волнам… Думаю, что мили за три-четыре от берега он благополучно затонул.

— Вы так уверены, — сказала в раздражении Сигрем. — При том, что позволили себе чрезвычайно расширительно истолковать задание, ради которого вас послали на Новую Землю. И потом, стоило ли так выставляться перед русскими и тем самым подвергать, будем откровенны, не только себя, но Коплина и всех нас опасности. А вы тут сидите и спокойно рассказываете о том, как шлепнули пограничника и его собаку впридачу… Извините меня, но если бы американцы были сплошь такими как вы, мистер Питт, мир не мог бы чувствовать себя спокойно.

Питт поднялся и, оперевшись руками о разделявший их столик, вплотную приблизил лицо к Сигрему.

— По-моему, вы несправедливы в данном случае, — произнес он раздельно, и при этом глаза его полыхнули неприятным холодным блеском. — Несправедливы уже потому, что избирательно вычленяете факты. Например, раз уж вы говорите про убийство, не худо было бы упомянуть, что, когда Коплину делали операцию и срочно понадобилась кровь, я отдал ему добрые две пинты своей. Кроме того, именно я сумел убедить капитана «Фёрст Аттемпт» не заходить в Осло, а вместо этого идти прямиком к ближайшей американской военной базе, имеющей свой аэродром. И ведь именно я упросил начальника этой базы, чтобы он предоставил свой транспортный самолет для переправки Коплина в Америку. Так что, извините

меня великодушно, только и вам следует быть более объективным в отношении кровожадного и бессердечного Дирка Питта. Хотя я, разумеется, готов признать, что виновен… Во многом я виновен, причем не в последнюю очередь виновен в том, что вся ваша затея с Новой Землей окончилась благополучно. Во всяком случае, против того, чем она могла и должна была бы завершиться. Так что спасибо вам огромное. Я, конечно, не ожидал, что после всех затраченных усилий меня будут встречать как национального героя Соединенных Штатов, однако разговора, подобного нынешнему, я тоже не заслужил. Ведь за все это время я слова доброго от вас не услышал. Вас не хватило даже на элементарную благодарность. Я не знаю, Сигрем, кто вы, что вы и чем занимаетесь, но одно совершенно ясно. Вы дурак высшего разряда. И мягко выражаясь, катитесь вы к черту.

С этими словами Питт резко повернулся, ушел в тень и исчез.

Глава 17

Профессор Петр Баршов провел заскорузлой рукой по седеющим волосам и концом раскуренной трубки указал через стол — в сторону Превлова.

— Нет, нет, позвольте вас уверить, капитан, мой человек, посланный на Новую Землю, галлюцинациями никогда не страдал и не страдает.

— Да, но посудите сами, он говорит не больше, не меньше, как о шахтном стволе, — при этих словах Превлов издал неопределенный, должный означать крайнее возбуждение, горловой звук. — Подумайте, пожалуйста, сами: не известная никому, ни в каких документах не зафиксированная шахта на территории нашей страны?! Что касается меня, то подобное кажется мне маловероятным. Я говорю о самом факте.

— И тем не менее, это факт, — сказал Баршов. — Сначала мы обратили внимание на странные линии, обнаруженные нами на аэрофотоснимках этого района. Как сообщили геологи, побывавшие там, шахта, о которой идет речь, очень старая, ей может быть и семьдесят, и восемьдесят и больше лет.

— И откуда она могла появиться?

— Не совсем правильно формулируете, капитан. Проблема не в том, откуда, но в том, кто именно ее вырыл. Кто и для каких целей.

— Значит, вы говорите, что в Леонгородском институте геологии никаких сведений о ней нет, — уточнил Превлов.

Баршов покачал головой.

— Ни слова. Может, имело бы смысл просмотреть соответствующие документы за дореволюционный период. Царская охранка могла быть в курсе.

— Охранка? Это что, царская тайная полиция, так кажется? — Превлов выдержал паузу. — Нет, не думаю. В те годы царская полиция интересовалась

исключительно революционерами и революционным движением в России. Что им было до какой-то Богом забытой шахты!

— Богом забытой, говорите? У меня, например, для подобных утверждений нет решительно никаких оснований.

Превлов отвернулся и уставился в окно.

— Вы меня извините, профессор, но моя работа научила меня отдавать безусловный приоритет фактам. Впрочем, так поступали и поступают все аналитики. Это единственный путь к истине, если вы намерены таковую установить.

Баршов вынул трубку изо рта, показав при этом крупные желтые зубы заядлого курильщика, и постучал трубкой по столешнице.

— Мне доводилось встречать в специальной литературе упоминание о так называемых шахтах-призраках в Западном полушарии. Там встречаются подобные феномены. Однако никогда мне не доводилось читать о подобного рода явлениях в России. У меня даже проскальзывала в прежние годы мысль о том, не присвоили ли себе американцы абсолютное право и на сей геологический феномен?

— Почему вы переводите разговор в такую плоскость? — спросил у него Превлов. — При чем тут американцы, когда речь идет о шахте на Новой Земле?

— Никогда, капитан, не знаешь заранее. Может, они и не имеют к этому никакого отношения, а может статься, имеют, причем самое что ни на есть непосредственное. Давайте не будем забывать тот факт, что найденное в шахте оборудование и инструменты изготовлены не где-нибудь, а в Соединенных Штатах.

— Не считаю ваш аргумент доказательным, — не скрывая скепсиса, вставил Превлов. — Изготовлено оборудование, действительно, в Америке, однако это еще не доказывает причастность американцев. Может быть, оно было приобретено в Америке, а использовал его кто-нибудь другой.

Баршов при этих словах собеседника широко улыбнулся.

— Что ж, не лишенное оснований предположение, капитан, я готов признать это. Но только вы забываете о трупе мужчины, найденном в этой шахте. У меня есть все основания доверять полученной информации, что эпитафия покойнику написана по-английски, причем не просто по-английски, но в сугубо американских традициях.

— Интересно, — протянул Превлов.

— Конечно, мне нужно извиниться перед вами за то, что не сообщил вам сразу некоторые подробности, касающиеся найденной шахты. — Вежливо признал Баршов. — Хотя, с другой стороны, сам я в той шахте не был, и, следовательно, вся моя информация доставлена моими сослуживцами. Но как бы там ни было, а завтра утром на вашем столе уже будет лежать подробный отчет, в котором

подробнейшим образом будет перечислено все, что мои сотрудники обнаружили на Новой Земле. А кроме того, если вам потребуется, вы всегда сможете вызвать и детально расспросить моих коллег в случае, вдруг бедствию будут нужны дополнительные факты.

— От лица Военно-морского флота, который я имею честь тут представлять, я приношу вам искреннюю благодарность за вашу помощь, профессор.

Баршов поднялся из-за стола, прочистил горло и со старомодным поклоном в сторону собеседника сказал:

— Леонгородский институт во всех случаях готов оказывать вам содействие. Если у вас все, капитан, тогда позвольте откланяться, меня ждут дела.

— Да, только вот еще что, профессор…

— Слушаю вас.

— Вы не упомянули о находках ваших геологов, обнаружили они какие-нибудь месторождения на Новой Земле?

— Ничего стоящего, увы.

— Совсем ничего?

— Цинк, никель, но в очень незначительных количествах. Уран, торий, бизаний также в небольших количествах, как показали радиоактивные измерения…

— Торий и бизаний? Я не слышал о таких элементах.

— Торий используется сегодня для получения ядерного топлива, его атакуют нейтронами для этого, — объяснил Баршов. — Также торий широко используют при изготовлении различного рода магниевых сплавов — существуют специальные технологии.

— А бизаний?

— Это чрезвычайно редко встречающийся элемент и мало что известно о нем. Еще не удалось собрать такое количество бизания, чтобы провести полномасштабные исследования его свойств в лабораторных условиях. — Баршов ловко опрокинул выкуренную трубку в пепельницу, легкими постукиваниями удалил остаточный пепел. — За последние годы только французские исследователи проявили выраженный интерес к бизанию.

Превлов взглянул на собеседника.

— Французы, говорите?

— Да. Только за последние годы они потратили миллионы франков, снарядили несколько экспедиций за бизанием. По всему миру ищут. Насколько мне известно, пока так ничего и не нашли.

— Раз тратят такие суммы, значит, имеет смысл, нет? Не думаете ли вы, профессор, что французы могли узнать о свойствах бизания что-то такое, о чем наши ученые пока еще не догадываются?

Баршов пожал плечами.

— Видите ли, капитан, русские ученые далеко не во всех областях занимают лидирующие позиции. В противном случае, не американцы, а мы запускали бы один за другим спутники к Луне.

— Еще раз спасибо, профессор, за консультацию. И буду с нетерпением ожидать вашего отчета.

Глава 18

За четыре квартала от здания Морского управления лейтенант Павел Марганин сидел, развалившись на скамейке, на бульваре. В руках у него была раскрытая книга. Был полдень, вокруг на дорожке и травянистых лужайках прогуливались, стояли, сидели служащие. Некоторые предпочли укрыться от солнечных лучей в тени деревьев, где с видимым удовольствием поедали принесенные с собой бутерброды. Когда мимо скамейки, где сидел Марганин, проходила какая-нибудь хорошенькая женщина, он охотно поднимал глаза от книги и оценивающе изучал формы.

В половине первого на ту же скамейку уселся толстый, неопрятного вида мужчина в рабочей униформе, развернул жуткого вида бумагу, извлек бутерброд с черным хлебом. Тут он поднял глаза на Марганина, поймал брезгливый взгляд лейтенанта и широко улыбнулся.

— Компанию составить хочешь? А, моряк? — Незнакомец явно был настроен самым что ни на есть дружелюбным образом. Он похлопал рукой свой внятно обозначенный под одеждой живот. — У меня тут на двоих хватит. Это моя жена специально кормит меня как на убой, чтобы я всегда был в теле, чтобы девушки на меня не зарились.

Марганин отрицательно покачал головой и уткнулся в книгу.

Незнакомец пожал плечами и сделал вид, что откусил бутерброд. И начал изображать тщательное пережевывание с пустым ртом.

— Что у вас? — между жевательными движениями прошептал он.

Марганин продолжал читать, как ни в чем не бывало. Он лишь приподнял раскрытую книгу, прикрыв ею губы и, не поворачиваясь, сказал:

— У Превлова связь с женщиной. Пока не знаю, с кем именно. У нее темные, коротко подстриженные волосы, носит она туфли на невысоких каблуках. Туфли очень дорогие, тридцать седьмого размера. Пить предпочитает шартрез. Приезжает на автомобиле с номерным знаком посольства США, номер один-четыре-шесть.

— Насколько проверены ваши данные?

— Говорю лишь то, в чем абсолютно уверен, — сдержанно парировал Марганин и сердито перевернул страницу. — Думаю, вам надлежит срочно принять меры. Похоже, мы имеем дело с крупной игрой.

— Сегодня же мы установим личность этой брюнетки. — Работяга откусил большой и вполне всамделишный кусок бутерброда. — Что-нибудь кроме этого?

— Срочно требуется информация о начале «Сицилианского проекта».

— Даже не слышал о таком.

Марганин опустил книгу на колени, потер пальцами глаза и, загораживая губы рукой, сказал:

— Это оборонительный проект, имеющий какое-то отношение к Национальному агентству надводных и подводных коммуникаций.

— Если произойдет утечка информации о подобного рода проектах, они могут насторожиться.

— Скажите, что беспокоиться не о чем. Все то, что мне станет известно на сей счет, я буду использовать порционно, не все разом.

— Через шесть дней. Мужской туалет ресторана «Бородино». Вечер, шесть-сорок.

Марганин захлопнул книгу и потянулся. Незнакомец еще раз откусил от своего бутерброда и решительно не обратил внимания на то, что сосед по скамейке поднялся и направился в сторону здания морского управления.

Глава 19

Секретарь Президента приветственно улыбнулся и поднялся из-за стола. Он был высоким, стройным, молодым мужчиной с приятным интеллигентным лицом.

— Миссис Сигрем, пожалуйста, пройдите за мной.

Он проводил Дану к дверям одного из лифтов Белого дома, пропустил ее первой в кабину.

Дана старалась внешне сохранять спокойствие. Пока кабина поднималась, она предпочла избегать взгляда секретаря и смотрела прямо перед собой, в стенку. Если бы он был более прозорлив, то уже по одному этому чрезмерному желанию казаться спокойной мог бы угадать состояние Даны. Она бросила быстрый взгляд в сторону секретаря. Молодой человек следил за перемещением индикатора этажей на панели.

Наконец двери лифта распахнулись, и она последовала за секретарем в холл, откуда они попали в одну из спален третьего этажа.

— Обратите внимание на каминную полку, — сказал секретарь Президента. — Мы обнаружили его в одном из ящиков в подвальных помещениях. Изумительная работа. Президенту настолько понравился, что он распорядился поставить эту игрушку гак, чтобы всегда была на виду.

Прищурившись, Дана увидела над камином солидных размеров стеклянный футляр, внутри которого находился миниатюрный парусник, выполненный, очевидно, как точная копия какого-то старинного корабля.

— Президент выразил надежду, что вы как специалист, может, прольете свет. Сам Президент понятия не имеет, что это за корабль. Как видите, ни на корпусе, ни на футляре нет никакого указания на сей счет.

Она направилась к камину, чтобы получше разглядеть мастерски выполненную модель. Дана чувствовала явное замешательство, поскольку приехала в Белый дом совсем не за тем, чтобы устанавливать название старинных кораблей. Утром, по телефону секретарь Президента уточнил, будет ли ей удобно приехать в Белый дом около двух пополудни. У Даны возникло странное ощущение во всем теле. Она не была уверена, было ли это чувство разочарования или облегчения.

— По виду — это торговый корабль начала XVIII века, — ответила она после паузы. — Я бы могла зарисовать его, чтобы потом сравнить с чертежами в морском архиве.

— Адмирал Сэндекер сказал, что если кто и может идентифицировать модель, так только вы.

— Адмирал Сэндекер?

— Да. Именно по его рекомендации Президент решил обратиться к вам. — Секретарь двинулся в направлении двери. — Карандаш и бумага на ночном столике у кровати. Я же вынужден покинуть вас и вернуться на свое рабочее место. Пожалуйста, чувствуйте себя, как дома. Сколько времени вам понадобится, столько и занимайтесь.

— А разве Президент?..

— В это время он играет в гольф. Так что вас никто не побеспокоит. Когда все закончите, спуститесь на этом же самом лифте. — И прежде чем Дана успела что-либо еще спросить, секретарь Президента повернулся и вышел.

Дана уселась на постель и тяжело вздохнула. Она как дура после утреннего звонка начала суетиться, приняла ароматизированную ванну, на черное белье надела платье, выбрав белое, которое делало ее похожей одновременно и на девочку-старшеклассницу, и на невесту… И все коту под хвост! Президент, оказывается, не желал ее. Президент просто пожелал, чтобы она явилась в Белый дом, чтобы срисовать модель какого-то идиотского корабля.

Дана чувствовала себя подавленной и порядком униженной таким оборотом дела. Она прошла в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Вернувшись, она увидела,

что внешняя дверь спальни плотно закрыта, а возле камина стоит Президент. Он выглядел загорелым и моложавым в спортивной рубашке и слаксах.

Дана была чрезвычайно удивлена его появлением. В первые мгновения она не нашлась что сказать.

— А мне сказали, что вы в гольф играете, — глупо сказала она, чтобы как-то заполнить молчание.

— Именно так записано в моем журнале.

— Скажите, а вот эта модель корабля…

— А, это известный вирджинский бриг «Роаноук», — сказал Президент, кивнув в сторону модели. — Он был заложен в 1728 году и сошел со стапелей верфи в Нова Скотия в 1743 году. Мой отец сделал эту модель по рисунку около сорока лет назад.

— И значит, вы устроили весь этот спектакль только лишь ради того, чтобы пригласить меня сюда? — с некоторой неуверенностью в голосе уточнила Дана.

— На сей счет двух мнений и быть не может. Она уставилась на Президента. Он ответил ей спокойным взглядом уверенного в себе мужчины, так что Дана тотчас же покраснела.

— Видите ли, — сказал он, — мне хотелось немного побеседовать с вами в неофициальной обстановке. Так, чтобы только я и вы. Чтобы нас никто не прерывал, включая моих доверенных лиц и ближайших сотрудников.

Комната вдруг стронулась с места и поплыла у Даны перед глазами.

— Вы… вы хотите только поговорить со мной?

Президент изучающе посмотрел на нее и негромко прищелкнул языком.

— Вы мне льстите, миссис Сигрем. Соблазнять вас не входило в мои планы. Мне вообще кажется, что все расхожие сплетни о моих отношениях со слабым полом несколько преувеличивают мои действительные возможности.

— Да, но на приеме…

— Мне кажется, я понимаю… — Президент взял Дану за руку и усадил на стул. — Когда я шепнул вам, что хотел бы встретиться с вами наедине, вы восприняли это как предложение старого развратника. Простите меня, это не входило в мои намерения.

Дана вздохнула.

— Меня удивило, что мужчина, который одним мановением своего мизинца может уложить к себе в постель любую из миллионов женщин, вдруг ни с того, ни с сего позарился на морскую археологессу, к тому же разменявшую четвертый десяток лет, замужнюю и совсем не привлекательную.

— Вы к себе несправедливы, — возразил он, сделавшись вдруг серьезным. — Вы действительно очень симпатичная.

И вновь Дана почувствовала, как лицо ее вспыхнуло.

— Мужчины давно уже перестали интересоваться мною.

— А не думаете ли вы, что причина этого совсем не в вас. Вероятно, вас окружают интеллигентные и порядочные мужчины, которые не делают такого рода предложений замужним женщинам.

— Хотелось бы думать, что так.

Президент пододвинул свой стул и сел напротив Даны. Она чувствовала себя провинившейся школьницей, сидела выпрямившись, ноги вместе, руки на коленях. К разговору подобного рода она оказалась совершенно неподготовленной.

— Скажите мне, пожалуйста, миссис Сигрем, вы все не любите его?

Она уставилась на Президента недоуменным взглядом.

— Кого?

— Вашего мужа, конечно.

— Джена?

— Да, Джена, — с улыбкой подтвердил он. — Если у вас нет кого-нибудь еще.

— А, собственно, почему вас это интересует?

— Мне кажется, что Джен сейчас на грани срыва.

Дана удивленно посмотрела на Президента.

— Нет, бывает, разумеется, всякое, но я не думаю, что он на грани нервного срыва.

— Нет, вы не совсем правильно меня поняли, миссис Сигрем, — несколько сурово произнес Президент. — Я не имею в виду нервный срыв и вообще говорю не в категориях психиатрии. Дело в том, что, мне кажется, он сейчас испытывает огромное давление, связанное с той работой, которой в настоящее время занят. И если плюс ко всему у него будут еще и семейные неурядицы, тогда он действительно может не выдержать. А этого-то я и не могу допустить в настоящее время. Во всяком случае, я бы хотел предотвратить подобную возможность как минимум уже потому, что Джен занимается весьма серьезным проектом, который может существенно повлиять на безопасность Соединенных Штатов.

— Этот уж мне проект! Он стоит между нами *как* неприступная стена, — воскликнула она с чувством.

— Не только проект, миссис Сигрем, но также и некоторые более приватные проблемы. Скажем, тот факт, что вы не хотите иметь детей.

Она ошарашенно посмотрела на Президента.

— Но откуда вам это может быть известно?

— Оттуда, оттуда, миссис Сигрем. Это сейчас неважно, поэтому не будем отнимать у себя время. А лучше поговорим с вами о другом. Предстоящие шестнадцать месяцев окажутся очень трудными для Джена. Он будет выкладываться, пытаясь максимально быстро завершить проект. И мне бы хотелось, чтобы в это время вы проявили по отношению к нему предельную заботу, абсолютное внимание, на которые вы только способны.

Она нервно сжала и тут же расцепила руки.

— Это в самом деле настолько важно? — спросила она тихо.

— Это более чем важно, — ответил Президент. — Вы поможете мне?

Она молча кивнула.

— Хорошо, — он погладил ее по руке. — Между нами, может, нам удастся уберечь Джена от срыва.

— Я постараюсь, господин Президент. Раз это так важно, я постараюсь. Большего я вам обещать не могу.

— Я верю вам, миссис Сигрем.

— Только я не изменю своих взглядов относительно ребенка, поймите правильно.

Президент усмехнулся той самой своей знаменитой ухмылкой, которую так любили запечатлевать фотокорреспонденты всего мира.

— Если я сочту это необходимым, то могу начать войну, и по моему приказу сотни и тысячи мужчин пойдут в бой и умрут за интересы страны, однако всей моей власти недостаточно для того, чтобы вынудить одну-единственную женщину забеременеть от собственного мужа.

Она улыбнулась при этих словах — впервые за все время их разговора. Только сейчас она по-настоящему ощутила реальную власть Президента страны, и почувствовала даже некоторую робость от мысли, что запросто разговаривает с человеком, желаниям которого повинуется огромная и сложная государственная машина. Власть казалась ей обольстительной материей, и Дана почувствовала горечь разочарования от того, что не попала в постель этого человека.

Президент поднялся со стула и взял Дану за руку.

— Я должен идти, через несколько минут у меня назначена встреча с экономическим советником. — Он проводил ее до дверей, потом неожиданно взял обеими руками ее голову, притянул и поцеловал ее в губы. Затем он медленно оторвался от Даны, посмотрел ей в глаза и негромко сказал:

— Вы очень желанная для мужчины женщина, миссис Сигрем. Помните об этом.

С этими словами он повел ее к лифту.

Глава 20

Дана ожидала мужа в главном вестибюле аэровокзала, что само по себе было весьма необычным.

— Взбрело же тебе в голову, — Сигрем изучающе посмотрел на жену. — Даже не вспомню, когда в последний раз ты приезжала в аэропорт, чтобы меня встретить.

— Неконтролируемый любовный импульс, — сказала она, широко улыбнувшись Джену.

Он дождался своего багажа, после чего они прошли на автомобильную стоянку. Дана крепко сжимала его ладонь. Происшедшее в спальне Белого дома казалось ей далеким и не вполне достоверно запомнившимся сновидением, от которого в памяти остались разве только поцелуй в губы и слова о том, что она желанная для всякого мужчины женщина.

Дана села за руль и уверенно вырулила на дорогу, ведущую к автостраде. Час пик подходил к концу, чрезмерный поток, еще недавно заполнявший все полосы, заметно схлынул, и потому Дана с удовольствием ехала, наслаждаясь погодой и умиротворяющим видом сельской Вирджинии.

— Ты знаешь Дирка Питта? — прервав молчание, спросил ее Джен.

— Да, это директор спецпроектов у адмирала Сэндекера. А почему ты о нем спросил?

— Да вот хочу поставить наглеца на место, — ответил Сигрем.

Она изумленно посмотрела на мужа.

— Что может быть у тебя с ним общего?

— Обгадил мне важнейшую часть проекта.

Она крепче вцепилась в руль.

— Поставить его на место будет не так-то просто.

— Ты в этом уверена?

— Не то слово! Среди сотрудников НУМА о нем легенды ходят. С тех пор, как Дирк Питт начал работать на агентство, список его личных достижение уступает разве только списку его необыкновенных военных трофеев.

— И что дальше?

— А то, что, плюс ко всему, он любимчик адмирал Сэндекера.

— Ты забываешь, что мое влияние на Президент Соединенных Штатов несколько уравнивает меня с адмиралом, если уж на то пошло.

— Ты полагаешь, что благодаря доброму отношению к тебе со стороны Президента ты можешь считать себя более влиятельным, чем сенатор от штата Калифорнии Джордж Питт? — спросила его Дана.

— Они родственники? — Джен повернулся и внимательно посмотрел на жену.

— Отец и сын.

При этих словах Сигрем ссутулился и следующие несколько минут сидел, раздумывая.

Дана положила правую руку ему на колено. Когда красный светофор вынудил ее остановиться, она подалась вправо и поцеловала Джена.

— По случаю чего? — полюбопытствовал он.

— Считай это желанием подмазаться. Вроде взятки.

— Интересно, во что выльется мне эта сегодняшняя взятка? — добродушно проворчал он.

— Знаешь, в голову пришла одна неплохая мысль, — объявила ему Дана. — Почему бы нам с тобой не сходить в кино, а? Сейчас идет новый фильм с Марлоном Брандо… А после мы отправились бы в ресторан. В гостинице «Олд Потомак» замечательные омары. А после ресторана — домой и в постель, в постель, в постель…

— Подбрось меня на работу, будь добра, — мягко сказал Сигрем. — Если бы ты только представляла, сколько у меня дел…

— Ну, Джен, ты совсем себя не бережешь… — взмолилась Дана. — Завтра будет день, и ты сможешь пойти на свою работу.

— Смогу, ты права. Только мне нужно туда сегодня, сейчас.

В этот момент Дана окончательно убедилась, что стена меж ними — непробиваемая, и что с этого самого мгновения у них никогда больше не будет прежней легкости и прежних отношений.

Глава 21

Сигрем посмотрел на металлический атташе-кейс на рабочем столе. Потом перевел взгляд на стоявших по другую сторону стола военных, полковника и капитана.

— Тут не может быть никакой ошибки, как вы полагаете?

Полковник отрицательно покачал головой.

— Заверено ни больше, ни меньше, как самим Директором военного архива, сэр.

— Очень оперативно, благодарю вас. Полковник кивнул и остался стоять.

— Извините, но только я не могу вернуться в Министерство обороны без этой бумаги. Таков полученный мною приказ.

— Кто именно приказал вам?

— Секретарь, — коротко ответил полковник. — Согласно правилам, установленным для всех сотрудников Министерства обороны, все документы, на которых проставлен код «Секретно», должен постоянно находиться под контролем ответственных сотрудников министерства.

— Понимаю, — сказал Сигрем. — По крайней мере, позвольте мне изучить бумаги в одиночку, если это допустимо.

— Конечно, сэр. Мы с помощником, с вашего разрешения, обождем в соседнем кабинете, но я должен подчеркнуть, что, пока документы находятся в вашем распоряжении, никто не должен входить в кабинет или выходить.

Сигрем согласно кивнул.

— Хорошо. Располагайтесь удобно, джентльмены. Мой секретарь к вашим услугам, если вы захотите перекусить или выпить кофе.

— Вы очень любезны, господин Сигрем, спасибо.

— Да, и вот еще что, — сказал Сигрем и чуть улыбнулся. — У меня тут есть персональная ванная, так что на время я исчезаю.

После того, как дверь за обоими военными закрылась, Сигрем несколько секунд просидел не двигаясь. Перед ним на столе находилось главное оправдание той работы, которой Сигрем отдал пять лет жизни. Только вот — оправдание ли? Не получится ли так, что лежащие перед ним документы окажутся лишь очередной дверью, за которой поджидают новые загадки, если не новые проблемы и неприятности. А может — и тупик?! Он специальным ключом открыл замки кейса, откинул крышку. Внутри лежали четыре канцелярские папки и тетрадка. Надписи гласили:

СД5С

7665

1911

Отчет о научном и монетарном значении редкого химического элемента БИЗАНИЯ

СД5С

7687

1911

Переписка между Секретарем по военным вопросам и Джошуа Хейзом Брюстером о возможном накоплении бизания

СД5С

7720

1911

Меморандум Секретаря по военным вопросам Президенту о выделении денежных средств на секретное финансирование военного проекта 371-990-Р-85

СД5С

8039

1912

Отчет о проведении закрытого расследования обстоятельств исчезновения Джошуа Хейза Брюстера.

На тетрадке было просто написано: «ДНЕВНИК ДЖОШУА ХЕЙЗА БРЮСТЕРА».

По логике вещей, Сигрему нужно было бы начать с изучения содержимого папок, но логика уступила место любопытству, и он уселся поудобнее в кресле и раскрыл дневник.

Четыре часа спустя он положил тетрадь на папки и надавил клавишу селектора. Почти тотчас открылась незаметная постороннему взгляду дверь в нише кабинета, и оттуда вышел человек в белом халате, какие носит технический персонал.

— Сколько нужно времени для изготовления ксерокопий всех этих документов?

Человек в халате взял тетрадь, пропустил страницы через большой палец, заглянул в каждую из канцелярских папок.

— Мне понадобится минут сорок пять.

Сигрем согласно кивнул.

— Хорошо, сразу и займитесь. В приемной сейчас ждут двое военных, они должны будут увезти эти бумаги.

После того, как потайная дверца в торце ниши закрылась, Сигрем устало поднялся из кресла и на затекших ногах двинулся в ванную. Заперев за собой дверь, он привалился спиной к стене, его лицо в этот момент напоминало страдальческую маску.

— О, Боже, нет, — прошептал он, — это несправедливо, это несправедливо.

Он нагнулся над раковиной, и его вырвало.

Глава 22

Президент вышел к дверям своего рабочего кабинета Кемп-Девидской резиденции и обменялся рукопожатием — сначала с Сигремом, затем с Доннером.

— Прошу меня простить, что пригласил вас сюда, да еще в такую рань, но только в семь утра у меня и бывает свободная минутка.

— Нет проблем, господин Президент, — сказал Доннер. — Я, в любом случае, в это время совершаю пробежку.

Президент с некоторым удивлением оглядел более чем плотную фигуру Доннера.

— Как знать? Возможно, я спас вас от закупорки коронарных сосудов этим утром, а? — заметив обиженное выражение Доннера, Президент с удовольствием рассмеялся и жестом пригласил их в кабинет. — Проходите, прошу вас, усаживайтесь и вообще — чувствуйте себя как дома. Я заказал легкий завтрак.

Они втроем расселись на софе и стульях лицом к широкому окну, за которым открывался роскошный вид на Мэрилендские Холмы. Почти тотчас же принесли кофе со сладким печеньем; взяв поднос в руку. Президент жестом гостеприимного хозяина предложил каждому из гостей отведать сладостей.

— Ну, Джен, хоть сегодня-то, надеюсь, вы сможете сообщить мне что-нибудь вдохновляющее. В последнее время все надежды я связываю только с «Сицилианским проектом». Это единственный реальный способ прекратить тягаться с русскими и китайцами в наращивании вооружений. Получается какая-то сумасшедшая гонка! — Президент устало потер глаза. — Я вообще считаю, что с тех самых пор, как Господь сотворил человека, люди никогда не вели себя более глупо. На земном шаре уже скопилось столько вооружения, что его хватит, чтобы всю Землю взорвать пять раз кряду. Пять раз! А мы все продолжаем изобретать новые виды вооружения! — Он сделал отчаянный жест рукой. — Ладно, хватит с утра пораньше о плохом. Расскажите мне лучше что-нибудь хорошенькое. Как там наши с вами дела?

Сигрем тупо уставился на кофейный столик. Как бы очнувшись, он посмотрел на зажатую в руке папку с архивными документами из Министерства обороны, и наконец сказал:

— Я понимаю, господин Президент, что вас проинформировали о состоянии наших дел на сегодняшний день.

— Да, я читал рапорт о ходе ваших исследований.

Сигрем приподнялся и протянул Президенту ксерокопию дневника Джошуа Брюстера.

— Думаю, вы не без интереса ознакомитесь с этим захватывающим рассказом начала XX века. Чего тут только нет, господин Президент! И страдания, и интрига… Первая запись датирована 8 июля 1910 года. Начинается с того момента, как Джошуа Хейз Брюстер выехал с Таймыра, это в северной части

Сибири. Он там пробыл девять месяцев, добывая свинец по контракту с «Сосьете де Мин дё Лоррен». Он добывал свинец для России. Затем он продолжает, как он плыл на маленьком пароходике в Архангельск, был туман, пароход сбился с курса и вынужден был пристать к северной оконечности острова Новая Земля. К счастью, корабль не разбился о скалы, и все пассажиры много недель томились в холодной жестянке, пока месяц спустя не были спасены русским военным фрегатом. В ожидании помощи Брюстер времени понапрасну не терял и исследовал Новую Землю. Он пишет, что приблизительно на восемнадцатый день с начала изысканий он наткнулся на обломок странной скалы на склоне горы Бедная. Он обратил внимание на необычный, ранее никогда не виданный состав породы. Он захватил с собой несколько сколков породы, привез их в Соединенные Штаты. Через шестьдесят два дня после того, как отплыл с Таймыра, Брюстер был уже в Нью-Йорке.

— Значит, именно таким образом бизаний оказался в Америке? — уточнил Президент, ни к кому конкретно не обращаясь.

Сигрем утвердительно кивнул и продолжил:

— Брюстер передал своим работодателям все сколы за исключением одного. Этот последний он оставил себе, просто как сувенир на память о Новой Земле. Проходит сколько-то месяцев, все тихо. Брюстер интересуется у директора американского филиала «Сосьете де Мин» о судьбе обнаруженных на Новой Земле сколов неизвестной горной породы. Брюстеру сказали тогда, что были проведены анализы, ничего интересного не обнаружилось, и доставленную с острова породу выбросили на помойку. Его такой ответ насторожил. Засомневавшись, он взял оставшийся скол, отвез его в Вашингтонское Бюро геологии — для исследования. Брюстер был потрясен, когда ему сказали, что найденный на острове скол — самый настоящий бизаний, то есть фактически неизвестный химический элемент, отдельные крупицы которого были видны лишь в некоторых породах — да и то при огромном увеличении, в самые мощные микроскопы.

— А сообщил ли после этого Брюстер в «Сосьете», где именно он добыл экземпляры породы? — спросил Президент.

— Нет. Он предпочел отделаться неопределенным ответом. Фактически он направил французов по ложному следу, сказав, что обнаружил сколы породы на юге острова Новой Земли.

— А к чему все эти ухищрения?

— Обычное дело среди геологов-разведчиков, — ответил Доннер. — Не раскрывая настоящего местоположения обнаруженных залежей, обнаруженного месторождения, жилы, наконец, геолог получает козырь в торговле с предпринимателем. Он таким образом может себе выторговать значительно больший процент будущих прибылей.

— Да, вы правы, — негромко прокомментировал Президент. — В том, что вы говорите, есть своя логика. В этой ситуации не совсем понятным для меня остается поведение французов. Чем именно могла быть обусловлена в 1910 году строгая секретность? Иначе говоря, что могли они узнать про бизаний такое, чего до сих пор, хотя прошло уже семь десятилетий, не знаем про этот химический элемент мы с вами? Вот чего я не понимаю.

— Ну, с одной стороны, сыграло свою роль сходство бизания с радием, — сказал, немного подумав, Сигрем. — «Сосьете де Мин» переправило найденные Брюстером образцы породы в парижский радиологический институт, и там специалисты установили, что в определенных количествах бизаний обладает всеми свойствами радия.

— А поскольку в те годы производство одного грамма радия обходилось минимум в пятьдесят тысяч долларов, — добавил со своей стороны Доннер, — то французское правительство неожиданно увидело в добыче бизания реальный шанс сделаться монопольными производителями бизания, этого фантастически дорогостоящего элемента. Если бы у французов было достаточно времени, они сумели бы добыть несколько фунтов первосортного бизания, продав который, они получили бы в качестве чистой прибыли несколько сот миллионов долларов!

Цифра настолько поразила Президента; что он даже головой покрутил.

— Боже мой, ну и цены! Если только я сейчас не ошибаюсь, в нашем распоряжении сегодня находится что-то около двадцати восьми граммов этого бизания. Или унция, что, впрочем, почти одно и то же.

— Совершенно верно, сэр. А в 1910 году одна унция бизания оценивалась в миллион четыреста тысяч долларов.

Президент медленно поднялся со своего места и уставился в окно.

— Ну, а что же потом сделал этот Брюстер?

— А потом он передал свою информацию Военному министерству Соединенных Штатов. — Сигрем взял папку с шифром 371-990-Р-85 и надписью: «Меморандум секретаря по военным вопросам Президенту о выделении денежных средств на секретное финансирование», распахнул ее. — Если бы только была известна вся предыстория этого вопроса, то нынешние сотрудники ЦРУ имели бы основания гордиться своими предшественниками на ниве разведки. Потому что в тот же момент, когда генералы из Армейского Бюро Разведки поняли, какую именно информацию сообщил им Брюстер, у них появился план о двойной игре. Причем, то был наиболее грандиозный план подобного рода. Они приказали Брюстеру проинформировать «Сосьете де Мин», что он провел свои собственные исследования найденной породы и теперь, установив, что к чему, намерен образовать добывающий синдикат и собственноручно заняться добычей бизания — на свои собственные средства. К тому времени французы уже поняли, что Брюстер направил их по ложному следу и что в южной части Новой Земли никакого бизания нет и быть не может. Для них ситуация сводилась к дилемме: не

хотите иметь дело с Брюстером, не видать вам никакого бизания. Вот именно так. У них не осталось других вариантов, кроме как пойти на попятный и согласиться с назначением Брюстера главным инженером за очень хорошенькое вознаграждение его труда.

— Но почему же правительство Соединенных Штатов не захотело финансировать все эти предприятия, если Добыча сулила такие огромные прибыли? — поинтересовался Президент. — Зачем вообще было подпускать французов к кормушке?

— По двум причинам, как минимум, — ответил Сигрем. — Первая. Так как залежи бизания находились на территории иностранного государства, все работы по рытью шахты надлежало производить в строжайшем секрете. Если бы русские захватили работавших на Новой Земле шахтеров, то виновником нарушения закона была бы французская сторона, но никак не Америка. И вторая. В те дни Конгресс Соединенных Штатов держал военное ведомство на таком голодном пайке, какой сегодня и представить себе невозможно. У тогдашнего Военного ведомства просто-напросто не было денег для проведения шахтерских работ в Арктике, вне зависимости от того, какую прибыль сулили эти экскавации.

— Несчастные французы!

— Брюстер зато очень счастливый, можно подумать?! Помяните мое слово, господин Президент, Брюстеру даже в голову не приходила та тривиальнейшая мысль, что если бы он и вправду открыл свое дело на склоне горы Бедная, если бы начал добывать бизаний, то первая же партия бизаниевой руды для Брюстера и его людей оказалась бы и последней. «Сосьете де Мин дё Лоррен» сумела бы нанять головорезов, чтобы они стерли в порошок всех старателей. Это более чем очевидно. Свидетельством служит та плотная завеса секретности, которой французы окружили свое предприятие. Да, еще тут была одна прелюбопытная подробность. Не Брюстер, но один француз инсценировал трагедию на «Литтл Энджел».

— Во всяком случае, мы должны признать, что свою часть замысла французы выполнили весьма профессионально, — добавил Доннер. — Спектакль с аварией на «Литтл Энджел» не только был хорошо сыгран, но и мог бы послужить в дальнейшем падежным прикрытием для того, чтобы преспокойно разделаться с Брюстером и его коллегами-шахтерами. Причем, французы не рисковали ничем! Кто бы решился инкриминировать им убийство американских граждан в Арктике, если всем давно было известно, что эти конкретные девять человек погибли в результате затопления водой шахты «Литтл Энджел» за шесть месяцев до того?!

— Мы более чем уверены, — продолжил Сигрем, — что «Сосьете де Мин дё Лоррен» перевезло Брюстера и его людей в Нью-Йорк, использовав для этого частный вагон. А из Нью-Йорка они отправились, скорее всего, на французском корабле, и думаю, под вымышленными именами.

— Мне бы хотелось, чтобы вы внесли ясность еще в один вопрос, — прервал его Президент. — Изучая ваш доклад, я на это обратил внимание, к тому же в этой

части мистер Доннер сейчас подтвердил информацию. Речь идет о том, что снаряжение экспедиции было американского производства. И более того, в докладе сказано, что заказ был оформлен по правительственным каналам, и таким образом, многие люди были в курсе, что оборудование и инструменты заказаны именно правительством Соединенных Штатов. Тут концы с концами не сходятся.

— Французские хитрости, — тотчас же откликнулся Сигрем. — Я изучил платежные документы компаний «Дженсен» и «Тор». В обоих случаях а графе «клиент» указано, что чек был послан из Вашингтона, ДК, хотя счет, с которого были переведены деньги, как я впоследствии выяснил, принадлежал тогдашнему послу Франции в Штатах. Иначе говоря, тут речь идет о дополнительной степени защиты с французской стороны.

— Не сочли излишним?

Сигрем согласно кивнул.

— Задумано неплохо, но беда в том, что французы до конца так и не раскусили американскую игру.

— Значит, если я правильно понял, эти девять парней направились в Париж, так сказано в докладе, а потом?

— Колорады провели две недели в Париже, в особняке, принадлежавшем «Сосьете де Мин». Шахтеры делали последние закупки оборудования, прочих необходимых вещей. Когда же, наконец все было подготовлено, они сели на французское судно в порту Гавра и поплыли через Ла-Манш. Кораблю потребовалось двенадцать дней, чтобы пройти в Баренцевом море через ледяные заторы. В конце концов судно бросило якорь у побережья Новой Земли. После того, как шахтеры вместе со своим оборудованием были переправлены на остров, Брюстер начал действовать в точном соответствии с планом, разработанным американскими разведслужбами. Брюстер потребовал, чтобы капитан судна, на котором предполагалось вывезти с Новой Земли первую партию бизаниевой руды, прибыл за грузом не ранее начала июня, иначе говоря, через семь месяцев.

— Поскольку, согласно американскому плану, через семь месяцев на острове уже не будет ни бизания, ни шахтеров. Таким образом, «Сосьете де Мин дё Лоррен» останется, фигурально выражаясь, с носом.

— Именно. Американские спецслужбы рассчитывали, что добыча бизания, погрузка руды и транспортировка шахтеров займет не более пяти месяцев. Парням, однако, пришлось работать все эти пять месяцев, как проклятым. Это была убийственная работа, если учитывать не только ее темпы, но и погодные условия. Шахтерам приходилось бурить, закладывать динамит, взрывать, выбирать наверх руду, складировать, снова бурить, снова взрывать — и так до бесконечности. Там ведь сплошной гранит, а это адова работа. При температуре пятьдесят градусов мороза. Хотя у парней был богатый опыт, однако ни одному из них не доводилось прежде работать в таком холоде, да еще вдобавок при постоянных полярных ветрах с моря, которые если и прекращались, то ненадолго,

словно только для того, чтобы не весь снежный покров со склона горы Бедная был сдут на материк. Для тех ребят Новая Земля была настоящим испытанием на прочность. Джейк Хобарт, например, заблудился в снежную бурю, долго плутал по снегу — и умер от обморожения. Все парни страдали там от морозов, от чрезмерной усталости. В дневнике Брюстера есть такие слова: «Это настоящее ледяное чистилище, не достойное хорошего плевка!».

— Это чудо, что они все не погибли, — сказал Президент.

— Да, им крепко досталось, ничего не скажешь, — продолжил Сигрем. — Но все-таки они вышли победителями. Как бы ни тяжела была работа, но ребята Брюстера показали, на что они способны в случае необходимости. В невероятно тяжелых условиях они сумели найти бизаний, добыть его в необходимом количестве — и при всех тяготах никто из парней не решился на предательство или дезертирство. Что касается инженерных решений и воровского фарта, — то была идеально проведенная операция, классика своего рода.

— И, стало быть, они сумели покинуть Новую Землю вместе с бизаниевой рудой?!

— Да, господин Президент, именно так, — Сигрем утвердительно кивнул. — Брюстер вместе со всей оставшейся командой засыпали шахту, уничтожили, насколько это было возможно, все следы своих работ, перетащили собранный бизаний к берегу. Специальный пароход, снаряженный для этой цели военным департаментом, под видом научного судна, которое находилось в тех широтах для проведения сугубо научно-исследовательских экспериментов, принял груз на борт. Корабль находился под командой офицера военно-морских сил лейтенанта Пратта.

— Сколько бизаниевой руды было у них?

— Если верить подсчетам Сида Коплина, у них должно было оказаться около полутонны высококачественной бизаниевой руды.

— А в пересчете на чистое содержание бизания?

— Ну, если очень приблизительно, получим где-нибудь около пятисот унций чистого вещества.

— Этого с лихвой хватило бы на весь «Сицилианский проект», — заметил Президент, явно воодушевленный услышанными цифрами.

— И даже еще осталось бы на следующий проект, — безапелляционно сказал Сигрем.

— И что же, сумел тот корабль достигнуть американского берега?

— Увы, сэр. Каким-то непостижимым образом французы разгадали игру, поняли замысел американской разведки, спрятались и терпеливо дожидались часа, когда Брюстер и его парни сделают всю работу. В момент, когда руда была уже переправлена на берег, французы начали действовать. Когда корабль лейтенанта Пратта находился на расстоянии буквально нескольких миль от побережья Норвегии и уже собирался лечь на курс, чтобы двинуться дальше на восток, вдруг

на него напал непонятный, без всяких опознавательных знаков и даже без флага катер с паровым движком.

— Ну, разумеется, неизвестна национальная принадлежность катера — и нет причин для конкретных обвинений! — с чувством сказал Президент. — Это так характерно для французов: ударить исподтишка.

Сигрем улыбнулся в ответ на эту эмоциональную филиппику.

— Только на этот раз они, смею вас уверить, очень здорово просчитались! Как многие европейцы, они считали американцев мужичьем и сущими дураками. А в военном ведомстве у нас сидели тогда отнюдь не самые глупые парни! И они знали, какие меры имеет смысл предпринять для того, чтобы обезопасить экспедицию от возможных неприятностей… И прежде, чем французский катер в третий раз выстрелил по кораблю лейтенанта

Пратта, американцы сбросили в воду камуфляжные бор та, и на месте безопасного тихохода вдруг оказался во оружейный военный корабль с пятидюймовыми орудиями на борту.

— Вот это я понимаю! — с жаром воскликнул Президент. — Как воскликнул бы в подобной ситуации Тедди Рузвельт: «Знай наших!»

— Завязалась настоящая битва, и длилась она до самой темноты, — продолжил Сигрем свой рассказ. — Капитан Пратт выстрелом пробил двигатель пиратского судна, и оно загорелось. Но и американскому корабли тоже крепко досталось: он получил серьезные пробоины в трюмы начала заливаться вода. У лейтенанта Пратта один из команды был убит и еще четверо серьезно ранены. Добравшись до места назначения, Пратт обсудил с Брюстером создавшееся положение. Было решено идти в ближайший порт дружественной страны, высадить раненых на берег, поставить корабль на ремонт, а уж оттуда пытаться другими путями переправить руду в Нью-Йорк. На следующее утро, когда рассвело, корабль уже подошел к Абердину.

— А почему было попросту не погрузить там весь груз на какой-нибудь американский военный корабль? Это ведь было бы куда надежней, чем собственноручно тащить груз, добираясь до Америки на пассажирское судне?

— Никогда в таких случаях нельзя быть совершение уверенным, — ответил на это Сигрем. — Брюстер, вне всякого сомнения, опасался, что французы, не сумев захватить руду силой, могут попытаться заполучить бизаний через дипломатические каналы. Для этого достаточно было бы доказать, что корабль под флагом Соединенных Штатов перевозит ворованный бизаний. А до тех пор, покуда руда находится лично у Брюстера, никто ни в чем не сумел бы упрекнуть американцев. А если бы даже и упрекнули, официальные лица заявили бы о полной своей непричастности.

— Да… — Президент восхищенно покрутил головой. — Этот Брюстер, каким вы его обрисовали, видимо был настоящим титаном.

— И при всем том, — сказал Доннер, — росту в нем было лишь пять футов два дюйма.

— И все-таки он был удивительным человеком! Посудите сами: пройти через такие испытания, не рассчитывая при этом на какую-нибудь личную выгоду, из одних лишь патриотических соображений! Очень бы мне хотелось, чтобы Брюстер добрался до дому живым и здоровым!

— Ему бы и самому хотелось, господин Президент, только ведь, как известно, человек предполагает… Свою одиссею ему не суждено было завершить на родине… Сигрем нервно потер руки. — Французское консульство в портовом городе спустило всех собак на Брюстера, равно как и на его колорадов. Однажды вечером, когда груз еще не был отправлен в багажное отделение, на Брюстера и его людей было совершено возле причала бандитское нападение. Это было делом рук французских агентов, без сомнения. Ни единого выстрела не прозвучало. Бандиты обошлись ножами и кулаками. И хотя шахтеры из нынче легендарных городов Криппл-Крик, Лидвилль, Фэрплей сами были крепкими парнями, любили подраться и умели при случае за себя постоять, им пришлось нелегко. Правда, наши парни отразили нападение и даже пять-шесть трупов сбросили в морские волны, прежде чем остальная часть подонков ретировалась. Но, к сожалению, игра пошла по-крупному. Практически на каждом перекрестке вдоль всего их пути, почти в каждой деревушке ребят Брюстера ожидал если не один сюрприз, так другой, не другой — так третий. Сколько им пришлось пережить! За каждый деревом мог подстерегать бандит… Покуда парни пробирались по Англии, нескольких из них ранили, нескольких убили. Там шла настоящая война за выживание. Ребятам из Колорадо противостояла огромная и хорошо слаженная организация: которая могла себе позволить потерять пятерых за каждых двоих из числа шахтеров Брюстера. Силы оказались неравными, тем более, если принять в расчет, что парни до того провели столько времени в изнурительной работе. Джон Колдуэлл, Олвин Коултер и Томас Прайс умерли неподалеку от Глазго. Чарлз Уидни нашел свое последнее прибежище в Ноюкастле. Уолтер Шмидт закончил жизнь недалеко от Стаффорда, а Уорнер О’Деминг погиб в Бирмингеме. Один за другим уходили из жизни сильные, крепкие ребята, их кровью оказалась обагрена земля вдали от родины. Только Вер-нон Холл и Джошуа Хейз Брюстер сумели добраться в Саутгемптон, где они погрузили бизаниевую руду на корабль.

— И после этого, — Президент сжал кулаки и нехорошо сощурился, — французы сумели-таки захватить груз?

— Нет, господин Президент. Французы так и не получили бизаний. — Сигрем взял дневник Брюстера, быстро перелистал пожелтевшие страницы. — С вашего разрешения, прочитаю только самую последнюю запись. Она датирована 10 апреля 1912 года. Послушайте:

"Мои приключения, судя по всему, заканчиваются. Я чуть жив. Благодарение Господу, та самая руда, которую мы добывали в стужу на горном склоне и за которую пришлось всем нам заплатить столь высокую цену, теперь находится наконец в безопасности, в трюме. Один только Вернон сумеет рассказать все

перипетии нашей экспедиции. Через час я отправляюсь в Нью-Йорк на корабле «Белой звезды». Мысль о том, что руда находится в надежном месте, позволяет мне поставить точку в своих записях. Дневник я оставляю помощнику американского консула в Саутгемптоне — Джеймсу Роджерсу. Он позаботится о том, чтобы настоящие записи попали в надлежащие руки. Я, наверное, долго не протяну. Да благословит Господь парней, ушедших ранее меня. Я отдал бы все на свете за возвращение в Сотби".

Когда последняя строка была прочитана, в комнате установилась тяжелая тишина. Президент подошел к окну, некоторое время простоял бездвижно, затем возвратился и сел на свое место. Он собрался с мыслями и наконец задал мучивший его вопрос:

— Правильно ли я понял, что из вышеизложенного должно следовать, что бизаний в настоящее время находится на территории Соединенных Штатов? Неужели же Брюстеру все-таки удалось…

— К сожалению, нет, господин Президент, — вынужден был признать Сигрем, лицо которого побледнело, на лбу выступили капли пота.

— Объясните! — резко сказал Президент. Сигрем поглубже вдохнул.

— Видите ли, господин Президент, дело в том, что на линии «Белой звезды» единственным кораблем, который 10 апреля 1912 года вышел из Саутгемптона, был корабль Королевского флота под названием «Титаник».

— «Титаник»?! — Президент выдохнул это слово с таким выражением лица, как если бы его ранили в живот. Такого оборота он никак не мог предполагать. — Что ж, — после паузы, несколько придя в себя, заключил Президент, — все сходится. Теперь становится понятно, почему все эти годы никто не сумел обнаружить бизаний.

— Да, судьба сыграла с колорадами злую шутку, нечего сказать! — негромко прокомментировал Доннер. — Девять парней положили свои жизни лишь ради того, чтобы погрузить бизаниевую руду в трюм корабля, которому судьбой было уготовано в первом же рейсе затонуть.

Вновь в комнате повисла тишина. Никто из троих не решался нарушить молчание.

Президент сидел с усталым, прямо-таки изможденным выражением лица. Наконец он произнес:

— Ну так и каковы же будут ваши предложения, джентльмены?

Прошло секунд десять, прежде чем Сигрем поднялся из-за стола и сверху вниз в упор посмотрел на Президента. Напряжение последних дней, перемноженное на осознание своего поражения, явилось для Сигрема непомерным ударом. У него более не оставалось выбора. Он должен был идти теперь до самого конца.

Сигрем откашлялся.

— Следует поднять «Титаник», — сказал наконец он. Президент и Доннер вскинули головы.

— Повторю, — произнес Сигрем голосом, который вдруг приобрел твердость и командные нотки. — Мы должны поднять «Титаник»!

Часть третья

ЧЕРНАЯ БЕЗДНА

Сентябрь 1987

Глава 23

Немыслимая, запредельная красота абсолютной черноты предстала взгляду и заставила начисто позабыть о самом существовании земной тверди. Альбер Джиордино знал по опыту, что через несколько минут пребывания в абсолютной темноте человеческий мозг начинает работать в режиме легкого расстройства. У него возникло такое чувство, будто в безлунную ночь, крепко зажмурившись, он сиганул с огромной высоты в бездонную пропасть. При этом Джиордино не испытывал страха, тошноты, головокружения — он просто падал.

Пот градом катился по лицу и заливал глаза. Джиордино зажмурился, отчаянно замотал головой, вытер лицо манжетой и мягко положил руку на знакомый до мелочей, выученный в подробностях, нюансах и всех шероховатостях пульт управления. Пробежав пальцами по выступам, оконечностям тумблеров, он наконец обнаружил искомое и резко перевел выключатель в крайнее верхнее положение.

Прожекторы, с внешней стороны прикрепленные к корпусу глубоководной подлодки, вспыхнули и прочертили искрящиеся, как бриллиантовая пыль, две дорожки. Пучки яркого света окрасились в сине-голубой цвет. Встречавшиеся в толще воды крошечные организмы, попадая в свет прожекторов, напоминали лесных светляков, отдавая аккумулированный свет, и затем исчезали, пропадая в темноте. Отвернув лицо, чтобы не затуманилось толстое плексигласовое стекло, Джиордино выдохнул воздух и откинулся на мягкую спинку капитанского кресла. Прошла минута или даже больше, прежде чем Джиордино вновь склонился над панелью управления и принялся возвращать лодке временно утраченную способность двигаться. Изучив показания множества приборов на пульте, удостоверившись в нормальном положении стрелок на всех циферблатах, убедившись, что все цветные индикаторы светят зеленым, подтверждая полную работоспособность всех систем подлодки, он повторно включил систему электрического привода своей «Сапфо-1».

«Сапфо-1». Джиордино сел на край кресла и уставился за корму. С точки зрения специалистов из Национального агентства надводных и подводных коммуникаций, эта подлодка была самой большой и самой современной среди аналогичных субмарин такого класса. У Ала Джиордино на сей счет имелось свое мнение. Когда он увидел эту лодку, она показалась ему этакой разросшейся до чудовищных размеров гаванской сигарой, упавшей на лед.

Подлодка «Сапфо-1» по своему дизайну и техническим характеристикам не шла ни в какое сравнение с военными субмаринами. Она была сконструирована для исследований морского дна, только для этого и ни для чего иного, и поэтому каждый винтик был сделан так, чтобы команда из семи исследователей могла чувствовать себя максимально комфортно на борту, где помимо людей находилось две тонны океанографического оборудования, инструментов, прочего научного снаряжения. «Сапфо-1» в принципе не была рассчитана на то, чтобы из нее можно было выпустить торпеду или пройти в ней через весь океан, выжимая до семидесяти узлов в час. Хотя, с другой стороны, эта лодка могла работать в таких условиях, где не сможет никакая другая. «Сапфо-1» была рассчитана на погружение на глубину до двадцати четырех тысяч футов. Однако всякий раз, когда приходилось садиться за пульт управления, Джиордино испытывал некоторый плохо объяснимый дискомфорт. Он посмотрел на показания глубиномера: 12 500 футов. Давление воды увеличивается в пропорции — пятнадцать фунтов на квадратный дюйм при погружении на каждые следующие тридцать футов. Он сосредоточился, сосчитал в уме и ухмыльнулся, получив жуткий ответ: шесть тысяч двести фунтов на квадратный дюйм. Именно с такой чудовищной силой вода в данную минуту сжимала титановый корпус окрашенной в ярко-красный цвет подлодки «Сапфо-1».

— Как насчет того, чтобы взять новую пробу грунта? Джиордино поднял голову и посмотрел в вечно хмурое лицо Омара Вудсона, фотографа научной экспедиции. В руках у Вудсона дымилась чашка только что приготовленного ароматного кофе.

— Створчатый пушер-манипулятор взял бы пробу пять минут назад.

— А я без претензий к тебе. Какой-то идиот вырубил свет, — Вудсон протянул ему чашку кофе. — Ты проверил, сейчас все нормально?

— Абсолютно все, — ответил Джиордино. — Я дал возможность кормовой батарее немного отдохнуть. Следующие восемнадцать часов пусть поработают батареи центральной секции.

— Нам чертовски повезло, что в момент, когда свеч вырубился, мы не въехали в какую-нибудь скалу.

— Повезло — не то слово! — Джиордино поглубже уселся в кресло, потер уставшие глаза и широко зевнул. — В последние шесть часов сонар не выявил ничего более существенного, чем камень размером с бейсбольный мяч. Тут такое же плоское дно, как живот у моей подружки.

— Ты хотел сказать не живот, а грудь, — уточнил Вудсон. — Я видел ее фотографию, — Вудсон широко улыбнулся, что бывало чрезвычайно редко.

— У каждого свои недостатки, — согласился Джиордино. — Но если принять в расчет, что ее папаша крупный торговец спиртным, то на фоне его капиталов дочкина плоская грудь даже и незаметна, между нами говоря.

Он оборвал себя в тот самый момент, когда Руди Ганн, командир экспедиции, заглянул в отсек управления. Капитан был невысокого роста, жилистый.

Увеличенные мощными линзами очков, его глаза смотрели внимательно, отчего казалось, что он видит всякого насквозь. Крупный римский нос придавал лицу несколько хулиганское выражение. Однако внешность была обманчива. Руди Ганн на самом деле был мягкий и покладистый человек и всякий, кому когда-нибудь доводилось работать под началом Руди Ганна, проникался к нему огромным уважением.

— Вы двое опять болтаете? — с мягкой улыбкой не то спросил, не то констатировал он.

— Старые раны болят, — серьезно сказал Вудсон. — Опять он завел про свою девушку.

— И это вполне понятно. Когда пятьдесят первый день длится плавание, тут хочешь не хочешь, заговоришь про женщин, — Ганн оперся о приборную доску и заглянул в пилотский окуляр. Первые несколько секунд он видел перед собой лишь голубоватый дым, затем постепенно разглядел и неяркое красное мерцание донных осадочных пород, оказавшихся в лучах прожекторов. На короткое время перед окуляром в пучке света оказалась креветка дюймовой длины: медленно, торжественно проплыла и исчезла во тьме.

— Даже обидно бывает порой, что нельзя вылезти и побродить по дну, — сказал Ганн, освобождая место. — Будь у нас такая возможность, чего только мы не сумели бы там обнаружить.

— А не больше, чем можно обнаружить в центре пустыни Мохав. — Джиордино подумал и добавил: — Одна помойка… — Он приподнялся из кресла и постучал ногтем по стеклу одного из приборов. — Холодает, однако же, еще недавно было тридцать четыре и восемь по Фаренгейту.

— Нет, кто бы что ни говорил, а однажды спуститься сюда — это класс! Хотя постоянно здесь торчать я бы ни в жизнь не согласился… — заметил Вудсон.

— Что-нибудь на сонаре? — спросил Ганн. Джиордино кивком показал на вмонтированный в середину панельной доски большой зеленоватый экран. Согласно показаниям, лодка сейчас двигалась над совершенно гладким участком дна.

— Прямо по курсу и по сторонам — решительно ничего. Несколько часов профиль не меняется.

Усталым жестом Ганн снял очки и помассировал веки.

— Ладно, джентльмены, будем считать нашу миссию близкой к своему логическому концу. Еще исследуем небольшой участок, и через десять часов я командую к всплытию, — инстинктивным движением он вскинул голову и посмотрел на панель приборов, расположенную под потолком — Мамочка с нами, нет?

— Как раз над нами, прямо над головой, — ответил Джиордино.

Ему достаточно было поднять глаза и увидеть мелко подрагивающую стрелку датчика, чтобы сказать наверняка, что их родная «мамочка», их катер сопровождения, находится рядом и постоянно сонирует все их перемещения.

— Свяжись с ними, — скомандовал Ганн, — и передай, что мы начинаем всплытие в девять ноль-ноль. У них будет достаточно времени взять нас на борт и принять «Сапфо-1» до захода солнца, чтобы они потом не жаловались на нехватку времени.

— Знаете, а ведь я практически уже позабыл, каков он, заход солнца, — признался Вудсон. — Чтобы прийти в себя, мне понадобится незамедлительно отправиться на пляж, всласть поглазеть на ягодички, буфера и прочие плохо закамуфлированные женские прелести, чтобы вновь ощутить себя прежним папой Вудсоном… С меня, честно говоря, уже хватит всех этих многодневных купаний.

— Слава Богу, что скоро все это кончится, — сказал Джиордино. — Проведи я под водой еще неделю, и точно съехала бы крыша.

Вудсон с любопытством посмотрел на коллегу.

— Крыша настолько дырявая, что не жалко, пускай съезжает.

Ганн широко улыбнулся, слушая болтовню подчиненных.

— Разумеется, все очень устали и заслуживают хорошего отдыха. Вы, парни, поработали на сей раз прекрасно. Теперь мы привезем столько всякой всячины, что всем нашим лабораториям на месяц работы хватит: пускай исследуют, что мы тут для них надыбали.

Джиордино посмотрел на Ганна долгим внимательным взглядом и раздельно произнес:

— Да, Руди, на этот раз нам выпала прямо-таки дьявольская по сложности экспедиция. Тут хочешь не хочешь, а запомнишь.

— Не совсем понимаю тебя, — сказал Ганн.

— Я про то, что у нас получилось что-то вроде спектакля, для которого не хватает актеров, или правильнее было бы сказать, где ролей больше, чем самих актеров. Вот именно это я и имел в виду. — Он указал рукой в сторону кормового отсека, где в эту самую минуту вовсю трудились четверо из команды подлодки: Бен Драммер, долговязый южанин с типично алабамской замедленной манерой произносить слова; Рик Спенсер, невысокий плотный блондин из Калифорнии, у которого была привычка постоянно насвистывать сквозь зубы; Сэм Меркер, космополит, чистюля, интеллигент, похожий на уоллстритовского брокера, а также Генри Манк, вялый интеллектуал, по лицу которого можно было безошибочно сказать, что сильнейшим его желанием было исчезнуть куда угодно, хоть к чертовой матери, с борта «Сапфо-1». — Посмотри на свою команду. Эти шуты на корме, ты, Вудсон да я — мы все тут сплошь инженеры, специалисты по

гайкам и болтам, так сказать. В экипаже нет ни одного ученого, хоть самого завалящего, с какой-никакой научной степенью.

— Слушай, но ведь когда люди впервые прилетели на Луну, в космическом экипаже тоже не было ни одного интеллектуала, одни простые парни вроде нас, — заметил ему Ганн. — Я считаю, что именно инженеры и механики, специалисты по гайкам и болтам, как ты выразился, и должны налаживать такое сложное, как на «Сапфо-1», оборудование. Мы столько времени находились на борту этой лодки именно для того, чтобы отладить работу всех систем и на практике показать возможности судна. А вот после нас, во вторую очередь, сюда придут океанографы. Можешь мне поверить, что все наши имена после этой экспедиции окажутся занесенными в анналы. Наше плавание будет названо, увидишь, не иначе как выдающимся научным достижением.

— Скажешь тоже, — с важным видом сказал Джиордино, — какой я тебе герой…

— Старик, так ведь я не об этом, — сказал Вудсон. — Я себя тоже героем не считаю. Но признайся, что продажа страховки — это всегда геройская, хотя и адова работенка.

— Он пока еще этого не понимает, — сказал Ганн. — Подумай, дурная башка, о тех сногсшибательных историях, которые после этой вот экспедиции ты сможешь рассказывать своим девочкам! Только подумай, какие у них будут лица, когда ты скажешь, что пилотировал самую большую в мире исследовательскую глубоководную субмарину! И пилотировал-то мастерски!

— Мастерски, как же… — произнес Джиордино — Вы потом спросите у меня, что это, мол, я как пилот этой превосходной научной глубоководной субмарины решил вдруг отклониться на пятьсот миль от заданного курса.

Ганн повел плечом.

— Приказано было.

Джиордино с изумлением посмотрел на Ганна. — Насколько я понимаю, мы должны были плыть под Лабрадором, а вместо этого адмирал Сэндекер вдруг приказал изменить курс и утюжить эти бескрайние равнины возле берегов Ньюфаундленда. Я, признаться, не вижу в том большого смысла.

Ганн растянул губы в подобие сфинксовой улыбочки. Несколько секунд продолжалась эта пауза, причем Ганну не требовалось быть чрезмерно догадливым, чтобы сообразить, какая именно мысль мучила в этот момент его парней. А они, без сомнения, думали о том, что же в мыслях у капитана. И Ганн и его парни мысленно вернулись на три месяца и две тысячи миль назад, в офис Национального агентства надводных и подводных коммуникаций, в Вашингтоне, ДК. Именно там адмирал Сэндекер, Генеральный директор агентства, впервые огласил решение предпринять самый невероятный из всех когда-либо задуманных подводных проектов.

— Черт побери! — Голос адмирала Джеймса Сэндекера был подобен раскатам грома: — Верьте или нет, но я отдал бы свое годовое жалованье за право оказаться рядом с вашими людьми!

Джиордино еще тогда подумал, что со стороны адмирала это все чистейшей воды демагогия, красивые слова, не более. По сравнению с адмиралом Сэндекером диснеевский Дядюшка Скрудж был завзятым экономом. Джиордино поудобнее уселся в мягком кожаном кресле и повернулся, чтобы лучше видеть лицо вдохновленного собственным прекраснодушием адмирала. Джиордино с удовольствием попыхивал старой, которую потихоньку стащил из коробки, стоявшей на адмиральском столе в тот самый момент, когда адмирал Сэндекер, объяснявший свой проект, отвернулся к висевшей на стене огромной карте Атлантического океана.

— Вот именно тут он и находится, — при этих словах адмирал звучно хлопнул указкой по карте. — Тут проходит течение Лорелея, которое берет свое начало от западной африканской оконечности, далее следует к северной оконечности среднеатлантической гряды, после чего начинает петлять между Гренландией и Баффиновыми островами и в итоге завершает свой путь в Лабрадорском море.

Джиордино сказал в тот момент:

— Знаете, адмирал, я, конечно, не специализировался в океанографии, но после всего услышанного подумал, что ведь тогда течение Лорелея должно пересекаться с Гольфстримом?

— Нет, поскольку Гольфстрим относится к числу так называемых верхних течений, которые движутся в верхних водных слоях, тогда как Лорелея — самое холодное, самое мощное течение в мировом океане, — проходит на глубине около четырнадцати тысяч футов.

— Значит, Лорелея проходит под Гольфстримом, — мягко уточнил Спенсер, впервые за все время брифинга позволивший себе задать вопрос.

— Да, в этом есть доля истины, — Сэндекер замолчал, благожелательно улыбнулся и затем продолжал. — Если рассматривать глобально, то мировой океан состоит из двух слоев. Из поверхностного, или, как его иногда еще называют, верхнего слоя, который нагревается солнечными лучами, перемешивается ветром, и плотного, холодного слоя, состоящего из промежуточных и глубинных вод. Причем тот и другой слои никогда не конвертируют, не перемешиваются между собой.

— Звучит прямо как лекция, — без особого энтузиазма заявил Манк. — И потом это название из категории черного юмора, — назвать холодное течение по имени рейнской нимфы, которая была весьма охоча до развлечений и заманивала моряков. Если есть такое место, куда мне хотелось бы попасть, в последнюю очередь, так это Лорелея.

На лице адмирала появилась узкая улыбочка.

— К названию вы скоро привыкнете, джентльмены, тем более, что следующие пятьдесят дней вам предстоит провести именно там.

— И каков же характер работы? — вызывающе поинтересовался Вудсон.

— Я бы сказал, что «Подводная экспедиция по изучению Лорелеи» уже в самом своем названии содержит ответ на ваш вопрос. Вы спуститесь в глубоководной научно-исследовательской субмарине под воду, пройдете пятьсот миль на северо-запад от Дакара и начнете подводное плавание в течение Лорелея. Главная ваша задача будет заключаться в том, чтобы опробировать ходовые качества судна и функциональность всех исследовательских систем, расположенных на борту «Сапфо-1». Если окажется, что все системы судна работают нормально то есть, если не возникнет аварийной необходимости в срочном всплытии, вы завершите вашу экспедицию в середине сентября, достигнув к тому моменту середины Лабрадорского моря.

Меркер мягко откашлялся, прочищая горло.

— Насколько мне известно, ни одна подводная лодка прежде не оставалась столь продолжительное время на таких глубинах.

— Вы хотите воздержаться от экспедиции, Сэм? Я правильно вас понял?

— Собственно… Нет, я не воздерживаюсь, я только спросил.

— Джентльмены, я очень хочу быть правильно понятым. Предпринимаемая нами экспедиция сугубо добровольное дело, и никто не собирается силком вас запихивать в подлодку.

— А почему выбор пал именно на нас? — спросил Бен Драммер, поднимаясь с пола, где он удобно устроился. Со стороны казалось, что он осторожно раскручивает свое необыкновенно длинное тело. — Я, скажем, инженер по кораблям. Находящийся тут с нами Спенсер специалист по оборудованию. Меркер эксперт по исследовательским системам. Не вполне понимаю, каким именно методом вы руководствовались при отборе экипажа.

— Все вы профессионалы высокого класса. Вы не упомянули еще Вудсона, он превосходный фотограф и приглашен нами потому, что «Сапфо-1» имеет на борту массу специально сконструированных систем для ведения подводной фотосъемки. Присутствующего здесь Манка я считаю, и не без основания, лучшим специалистом по блокам во всем нашем Агентстве. Вы будете находиться под командованием Руди Ганна, который в разное время возглавлял практически все корабли, находящиеся в распоряжении НУМА.

— А что касается меня? — спросил Джиордино. Сэндекер изучающе посмотрел на окурок сигары, дымившейся во рту молодого человека, сразу же узнал сорт, понял происхождение сигары и нехорошо сощурился. Впрочем, Джиордино никак не отреагировал на прищур адмирала.

— Как помощник директора Агентства по проектам вы будете осуществлять общий контроль за выполнением задачи. Ну а кроме того, если вы возьмете на себя управление лодкой, это будет как нельзя более кстати.

Джиордино изобразил плутовскую улыбку и, уставившись на адмирала, сказал:

— Дело в том, что моя пилотская лицензия дает право пилотировать самолеты, включая наиболее современные, однако не дает мне решительно никаких прав в отношении подлодок.

По лицу адмирала пробежала легкая тень неудовольствия.

— Я думаю, вам не следует обсуждать произведенный мной выбор кандидатур. И если я говорю, что было бы очень кстати вам сесть за пульт управления, значит, действительно было бы весьма кстати, — голос Сэндекера звучал сухо и холодно. — Однако, если уж мы решили поговорить начистоту, я признаюсь, что в настоящий момент у меня попросту нет лучших кандидатур для запланированной экспедиции. Тем более, что все вы знаете друг друга по работе во время Босфорской морской экспедиции. У всех вас богатый опыт подводных работ и более чем достаточно умения и сообразительности. Вы умеете пользоваться всеми инструментами на борту, лодки, любым прибором из арсенала океанографической разведки, который до настоящего времени произведен. Кстати, все то, что вам удастся обнаружить во время экспедиции, будет самым тщательным образом исследовано в наших лабораториях. Но еще раз повторю, каждый из вас — каждый, джентльмены! — волен пойти в плавание только по желанию. Никаких принудительных мер быть не может.

— Ну разумеется… — как эхо откликнулся Джиордино с непроницаемым лицом.

Сэндекер подошел к своему месту и уселся за стол.

— Вы все соберетесь послезавтра, и тогда мы начнем программу подготовки. Подготовка будет проходить в одном из наших береговых центров, в Ки-Уэст. Авиакомпания «Пелхолм» уже провела большую серию тестов на нашей новой субмарине, так что вам предстоит лишь изучить конкретные приборы и привыкнуть к лодке. Кроме того, вы должны будете ознакомиться с программой запланированных на время экспедиции экспериментов.

Спенсер по своей привычке негромко присвистнул через зубы.

— Авиакомпания «Пелхолм»? Вот это я понимаю… Только скажите мне ради всего святого, что могут знать о дизайне и управлении глубоководной субмариной специалисты по самолетам?

— Да будет вам известно, — терпеливо начал разъяснять Сэндекер, — что уже добрый десяток лет «Пелхолм» успешно применяет свои наработки в области самолетостроения для конструирования кораблей. И за эти десять лет они уже сконструировали четыре многофункциональные подводные лаборатории и еще две подводные лодки по заказу военных моряков. Кстати, обе лодки зарекомендовали себя с самой лучшей стороны.

— Я чрезвычайно рад, хотя мне хотелось бы, чтобы и наша лодка оказалась не хуже, — заметил Меркер. — Видит Бот, меньше всего хочу обнаружить на глубине четырнадцати тысяч футов, что лодка протекает.

— Ты хочешь сказать, что поджилки дрожат, — пробормотал Джиордино.

Манк потер глаза и уставился под ноги с таким видом, как будто увидел дно моря. Когда он заговорил, слова его звучали чуть слышно:

— Скажите, адмирал, действительно ли вы считаете, что задуманная экспедиция так уж необходима?

Сэндекер, осознавая серьезность вопроса, со значением кивнул.

— Да, именно так я считаю. Океанографам чрезвычайно необходимо выяснить общую картину и структуру течения Лорелея с тем, чтобы они могли дальше разрабатывать проблемы глубоководной циркуляции в мировом океане. И, верьте на слово, экспедиция, которую вам надлежит совершить, будет значить не меньше, чем первый пилотируемый полет вокруг Земли. А, кроме того, когда вы будете испытывать самую совершенную на сегодняшний день подлодку, то сможете заглянуть в такие глубины и изучить такие явления, о которых сегодня никто еще и не догадывается. Так что не должно быть никаких сомнений на этот счет. Немаловажно для вас и то обстоятельство, что «Сапфо-1» имеет на борту все известные на сегодняшний день средства безопасности. И потому я даю вам слово, что ваша экспедиция будет не только совершенно безопасной, но также и максимально комфортной.

Легко ему говорить, думал Джиордино. Его-то там не будет.

Глава 24

Генри Манк переменил положение тела, поудобнее устроился на длинной виниловой подстилке, с трудом подавил зевок и вновь уставился в кормовой иллюминатор «Сапфо-1», за сверхпрочным стеклом которого простиралось безбрежное ровное дно, столь же неинтересное для исследователя, как для читателя книга с чистыми страницами. Однако, вопреки формальной логике, Манк изучал океанский ландшафт с огромным интересом. Наблюдая каждую ложбину, камень, каждого попавшегося на глаза глубоководного обитателя океана, он приходил в тихий экстаз от самого факта, что видит все это самым первым среди жителей планеты. Это была скромная, однако более чем достаточная награда за те бесконечные часы изнурительных поисков, проведенные Манком за сканнером и прочими приборами, вмонтированными в носовую часть подлодки.

Немалых усилий стоило заставить себя оторваться от плексигласового иллюминатора и сфокусировать внимание на приборах «С-Т-СВ-Д» — сенсор все эти дни не прекращал работу, ни на час: измерял соленость воды за бортом, температуру, скорость посылаемых звуковых сигналов, глубину и давление; все эти данные автоматически записывались на ленту. Глубоководный прибор для вычерчивания рельефа дна с помощью акустического устройства определял минимумы и максимумы поверхности океана, а также определял состав пород,

находящихся под океанским дном. Гравиметр каждые четверть мили автоматически фиксировал показания. Сенсор для отслеживания подводных течений постоянно обращал свое недреманное око в направлении Лорелеи, фиксируя направление течения. Магнитометр измерял магнитный фон дна и фиксировал показания, включая аномальные, вызванные присутствием на дне металлических предметов.

Манк едва не проскочил по инерции. Амплитуда движения на магномегрической ленте была настолько мала, буквально в несколько миллиметров, что если бы в ту самую секунду Манк не перевел взгляд на ленту, выведении автоматом крошечный бугорок посреди длинной прямой линии мог бы остаться незамеченным. Стремительно прильнув к плексигласовому иллюминатору, Манк впился в донный рельеф, напряженно сощурившись, как будто бы такая мера могла улучшить видимость. Затем, обернувшись в сторону Джиордино, который в тот самый момент находился возле пульта управления лодкой, Манк закричал:

— Полный стоп!

Джиордино резко обернулся в сторону кормового иллюминатора, но из своего кресла пилота он мог видеть только ноги Манка, тогда как сам Манк был буквально погребен в штабелях различных приборов.

— Что там еще?!

— Только что мы проследовали над каким-то металлическим объектом. Дай задний ход, хочу посмотреть.

— Даю назад, — внятно, чтобы Манк на своем месте мог услышать, сказал Джиордино.

Два мотора, расположенные в центральной части корпуса лодки, были немедленно включены в реверсивном режиме с половинной нагрузкой. Еще несколько секунд «Сапфо-1» двигалась вперед, увлекаемая силой инерции и водами Лорелеи, затем замедлила свое поступательное движение, замерла и лишь после начала обратное движение, преодолевая мощное подводное течение. Ганн и остальные члены команды плотным кольцом обступили рабочее место Манка.

— Конкретнее не разобрал? — спросил Ганн.

— Пока нет, — ответил Манк. — Что-то торчит из дна позади нашей кормы, футов за двадцать. Я могу лишь разобрать неясные очертания, кормовые огни не дают достаточного освещения.

Все затаили дыхание.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Манк нарушил напряженную тишину:

— Ну вот, есть, кажется…

Ганн обернулся к Вудсону:

— Приготовить к работе две стереоскопические донные кинокамеры и захват. Как минимум, мы должны заснять на пленку.

Вудсон понимающе кивнул и рванулся к своему оборудованию.

— Внешний вид описать можешь? — спросил Спенсер.

— Похоже на корабельную дымовую трубу. Голос Манка прозвучал так, что очевидными для собравшихся стали его волнение и попытки выдать это волнение за сосредоточенно-деловой тон.

Ганн изобразил на лице скептическую гримасу:

— Труба?

Драммер от нетерпения и переполнявшего любопытства грубо облокотился на плечо Манка:

— Что еще за труба?

— Труба с отверстием конического сечения, похожая на раструб или воронку, — раздраженно откликнулся Манк. — Правый борт находится над объектом. Пусть Джиордино остановит лодку, как только предмет будет виден через иллюминатор.

Ганн подошел к Джиордино.

— Ты можешь сохранять статичную позицию?

— Попробую. Но только сразу предупреждаю, если течение начнет разворачивать лодку, я не смогу контролировать движение судна, и мы однозначно потеряем из вида предмет, что бы он собой ни представлял.

Ганн отступил, подался вперед, спружинил на руки и, улегшись, чуть оттер головой Меркера и Спенсера от донного иллюминатора. Почти в то же самое мгновение все трое увидели сам предмет. Он выглядел в точности так, как описал Манк: колоколообразная труба с коническим отверстием дюймов пяти в диаметре. Труба поднималась прямо из донного ила. Тусклая поверхность трубы была покрыта темными пятнами, его металл казался вполне крепким, без видимых разрушений и совсем без следов ржавчины.

— Пока застыли, — прокомментировал свои действия Джиордино. — Но я не могу гарантировать, что нас в ближайшие секунды не начнет сносить течением.

Не отрывая взгляда от иллюминатора, Ганн сделал знак Вудсону, который навис над окулярами обеих камер, снабженных мощным объективами.

— Ну же, омар!!!

— В фокусе… Снимаю.

Меркер обернулся и посмотрел в упор на командира:

— Давай рискнем, вдруг сумеем захватить ее? Ганн поначалу никак не отреагировал на предложение, даже не шевельнулся: он весь обратился в зрение, и создавалось впечатление, что командир боится оторвать взгляд от странного предмета.

Меркер подождал, затем сощурился и повторил обращение:

— Ты слышишь, Руди? Я говорю, давай щупальцем попробуем, вдруг повезет?!

Наконец смысл произнесенных слов дошел до капитана.

— Да, да, разумеется, — не поворачивая головы, как во сне ответил Ганн.

Меркер снял с креплений металлический ящик, который был прикреплен к передней переборке пятифутовым кабелем, и занял место возле центрального иллюминатора, через который обыкновенно обозревал пространство пилот подлодки. Открыв крышку ящика, Меркер оглядел несколько рядов кнопок и большой конический круг в центре. Так выглядел пульт металлического манипулятора, своеобразной четырехсотфутовой металлической клешни, которая была смонтирована под самым днищем «Сапфо-1».

Меркер нажал кнопку, приводящую в действие автоматическую клешню. Когда манипулятор выдвинулся на всю свою длину, Меркер положил руки на тумблеры управления, и семифутовая металлическая рука начала плавное движение в сторону обнаруженного предмета. В этом районе океана дно было покрыто толстым, дюймов в восемь, слоем ила.

— Мне нужен еще один фут, — сказал Меркер. — Чуть вперед.

— Слушаюсь, — ответил Джиордино. — Только имей в виду, любое продвижение может привести к тому, что лодку развернет.

Как во сне, когда предметы вдруг приобретают не свойственную им и нарочито медленную подвижность, труба с удручающей неспешностью проплыла под самой клешней из нержавеющей стали. Меркер привел в действие зажимы автоматической клешни: металлические пластины на конце манипулятора разошлись и тотчас сомкнулись, прихватив трубу за самый край. Нажатием очередной кнопки он зафиксировал захват. И хотя для всех этих действий потребовались мгновения, время было упущено. Подводную лодку начало разворачивать течением, и добыча выскользнула из нержавеющей клешни. Меркер спешно предпринял еще одну попытку захватить трубу, однако на сей раз клешня, выдвинутая на всю свою длину, прошла в каком-нибудь дюйме от находки.

— Разворачивает, — закричал Джиордино, — мне ее не удержать.

Пальцы Меркера забегали по кнопкам, клавишам и тумблерам дистанционного пульта: со стороны казалось, что он прикасается сразу ко всем рычагам управления. Меркер хотел попробовать еще раз. Если сорвется и на этот раз, им не удастся снова подогнать лодку именно в эту точку, тем более, что здесь была

очень паршивая видимость. Руки Меркера сделались деревянными, на лбу выступили крупные капли пота.

Отогнав клешню в крайнее правое положение, Меркер чуть развернул саму захватывающую головку, градусов на шесть по ходу лодки, таким образом заранее пытаясь скомпенсировать неизбежное начало очередного поворота судна. Стремительным движением железная рука опустилась, Меркер раскрыл и тотчас же резко захлопнул захватывающий механизм, зафиксировав пойманный предмет. Самый край неизвестной трубы оказался хорошенько прихвачен.

Удалось!!!

Теперь, справляясь с естественной в таких случаях торопливостью, Меркер поднял клешню, осторожно дюйм за дюймом высвобождая трубу из многолетнего толстого ила. От напряжения пот прямо-таки лился со лба Меркера, мешая следить за движениями механизма. Тут нельзя было допустить даже малейшей неточности: одна ошибка, и выпавший предмет окажется вне пределов досягаемости — теперь уже навсегда. Наконец донная грязь выпустила из своих объятий трубу, которая была сразу поднята повыше над дном и подтянута к центральному иллюминатору.

— Боже мой… — прошептал Вудсон, — а ведь это совсем не труба.

— На рог похоже, — сказал Меркер.

— Нет, — Ганн авторитетно мотнул головой, — это корнет.

— Почему это ты так уверен? — Покинувший свое место возле пульта управления, Джиордино, положив подбородок на плечо Ганну, напряженно всматривался в мутную воду, пытаясь различить очертания пойманного клешней предмета.

— В школе, уже старшеклассником, я играл на таком в оркестре.

Теперь и все остальные различили предмет. Да, конечно, этот раструб, как у колокола, множество сложно переплетенных труб, кнопки для пальцев и, наконец, мундштук, в который дует трубач.

— Судя по виду, — заметил Меркер, — она из латуни или сплавов примерно такого же состава.

— Поэтому стрелка магнетометра почти и не отреагировала на нее, — сказал Джиордино. — Там только мундштук из железа да еще некоторые детали клапанного механизма.

— Вот бы узнать, сколько времени она тут пролежала? — Драммер ни к кому конкретно не обращал свой вопрос.

— Не знаю, не знаю, меня, например, больше интересует, как эта труба здесь оказалась, — Меркер продолжал внимательно изучать находку.

— Тут столько разных кораблей ходит, — как само собой разумеющееся сказал Джиордино. — Кто-нибудь уронил или, может, специально выбросил. Может, какой-нибудь пацан, которого замучили уроками музыки…

— А может и так быть, что владелец этого корнета лежит где-нибудь неподалеку, — произнес Меркер, не поднимая головы.

— Бр-р-р… — при этих словах Спенсера буквально передернуло. — Скажешь же такое!

Весь экипаж «Сапфо-1» погрузился в задумчивое молчание.

Глава 25

Старинный фордовский трехмоторный аэроплан, известный в истории авиации под именем «Тин Гуз», то есть «оловянная гусыня», выглядел настолько неуклюжим, что вид его не позволял даже подумать о том, что эта огромная конструкция вообще способна перемещаться по воздуху. И однако же аэроплан летел и даже, повинуясь воле пилота, заложил изящный крен, прежде чем выбрать курс, параллельный взлетно-посадочной полосе Вашингтонского национального аэропорта.

Питт закрыл все три двигательных дросселя, и неуклюжий аэроплан приземлился с такой же грацией, легкостью и изяществом, как легчайший осенний лист, спланировавший с ветки на траву. Он подрулил к одному из авиационных ангаров, принадлежавших НУМА, в северной части аэродрома. Ожидавшие самолет механики тотчас же закрепили специальными блокировочными колодками колеса «гусыни» и начерно, как это и принято, осмотрели все основные системы аэроплана. Вырубив зажигание, Питт следил за тем, как снижается скорость вращения лопастей пропеллеров. Вот наконец моторы замерли, их лопасти отражали солнечные блики. Только когда стих грохот, он снял с головы наушники, повесил их на штурвал, повернул фиксаторную защелку пилотского окна и открыл его, впустив в кабину струю тугого свежего воздуха.

На лбу Питта вдруг обозначилась глубокая морщина, свидетельствующая об удивлении. На асфальте, прямо под его кабиной, стоял и делал руками какие-то отчаянные знаки человек.

— Эй, — закричал Джен Сигрем, — вы позволите мне подняться к вам?

— Я сейчас сам спущусь, — крикнул в ответ Питт.

— Оставайтесь, пожалуйста, на месте.

Ничего не понимая, Питт пожал плечами и откинулся на спинку пилотского кресла. Сигрему понадобились буквально считанные секунды, чтобы вскарабкаться на борт оловянного трехмоторника и открыть дверь в пилотский отсек. Он был одет в модный светло-коричневый костюм с жилеткой в тон. Впечатление заметно портили многочисленные складки на брюках и пиджаке,

которые явно свидетельствовали о том, что последние сутки выдались у Сигрема не самыми спокойными в жизни.

— Слушайте, где вам удалось раскопать такую превосходную машину? — спросил Сигрем.

— Я увидел этот аэроплан в местечке Кефлавик, в Исландии, — ответил Питт. — Сторговался, так что машина обошлась мне не особенно дорого. Правда, в Штаты ее пришлось везти по морю.

— Настоящий шедевр.

Питт знаком указал Сигрему на свободное место, предназначенное для второго пилота.

— Вы хотите о чем-то со мной переговорить именно в кабине, или все-таки выйдем на свежий воздух? Через несколько минут солнце все здесь нагреет, что будет жарко, как в инкубаторе.

— То, что я собираюсь вам сказать, не отнимет много времени, — Сигрем уселся в кресло и, собираясь с мысами, шумно выдохнул.

Питт изучающе наблюдал за ним. Сигрем походил сейчас на человека, которому волею обстоятельств приходилось поступать явно против желания. Даже, точнее, на гордеца, которому нужно было пойти на некоторый компромисс, небезусловный, как и все компромиссы.

Наконец Сигрем заговорил. При этом он предпочел смотреть прямо перед собой, в ветровое стекло, избегая взгляда собеседника.

— Я, конечно, понимаю, что вы сидите сейчас и пытаетесь понять, что это мне вдруг понадобилось от вас, так ведь?

— Ну что ж, я признаюсь, что подобная мысль у меня действительно появилась.

— Мне нужна ваша помощь.

Вот оно что! Никакого упоминания о недавнем хамстве. Никаких общих рассуждений, никаких подготовительных фраз. Только просьба — без обиняков.

Питт сощурился, как от яркого света.

— Не знаю почему, но только у меня такое чувство, что я вам нужен не больше, чем, скажем, порция сифилиса.

— У вас чувство… У меня чувство… Все это сейчас не суть важно, постарайтесь понять правильно. Что действительно важно, так это то, что правительство Соединенных Штатов нуждается в вас, ваших способностях, ваших талантах.

— В талантах? Правительство нуждается в моих талантах?! — Питт даже не попытался скрыть изумление. — Бросьте, Сигрем, вы не иначе, как разыгрываете меня.

— Верьте на слово. Я и сам не чужд розыгрышей, только нынешнее положение особенное. Не так давно я разговаривал с адмиралом Сэндекером, так вот он убедил меня в том, что единственный человек, который в состоянии помочь, кому по силам попытать счастья в одном очень, прямо скажем, непростом деле — это вы.

— Что это за дело?

— Поднятие «Титаника».

— Ну, разумеется! Когда жизнь делается удручающе монотонна, для того чтобы сделать ее хоть чуточку… — тут Питт оборвал себя на полуслове, словно запнулся, его зеленые глаза изобразили вдруг живейшее изумление, краска прилила к лицу. — Простите, как вы сказали?! — Его голос при этих словах сделался сдавленным и негромким.

Сигрем с удивлением посмотрел на своего собеседника.

— Поднятие «Титаника». Знаменитого океанского лайнера. Да вы ведь наверняка слышали о нем.

Несколько последующих секунд прошли в обоюдном молчании. Питт сидел в своем кресле, не двигаясь. Наконец он заговорил:

— Скажите, а сами-то вы понимаете, о чем идет речь?

— Можете быть абсолютно уверены.

— Спрашиваю потому, что задуманное предприятие в принципе невыполнимо. — Лицо Питта исказила напряженная судорога, его голос выдавал волнение. — Даже в том случае, если удастся разрешить все технические проблемы такой чудовищной сложности, а это никому не удастся, можете мне поверить, но я повторю, даже если удастся разрешить все технические проблемы, понадобится сумма в несколько сотен миллионов долларов на воплощение замысла. И все только лишь ради того, чтобы в ту минуту, когда лайнер ценой невероятных усилий будет-таки извлечен с океанского дна и доставлен в Америку, всех вас встретит огромная толпа адвокатов и бесчисленных наследников тех самых людей, которые потонули вместе с «Титаником». А еще ведь есть страховые компании… Ой, да вы и отдаленно даже не представляете всех неизбежных проблем!

— Теперь послушайте меня. В настоящее время, в эти самые минуты, более двухсот специально отобранных инженеров и ученых решают технические проблемы, — сказал Сигрем. — Все финансирование проекта осуществляется по линии секретных правительственных фондов. А что касается проблем с наследниками, страховыми компаниями, короче говоря, что касается всех юридических вопросов, пусть это вас не беспокоит. Согласно статьям международного права, если судно затонуло, и нет никакой возможности поднять его со дна, то всякий, кто согласится вложить деньги, время и силы в операцию по спасению судна, автоматически становится хозяином всего, что удастся поднять. — Сигрем замолчал и уставился в лобовое стекло. — Скажу вам еще вот

что. Значимость всей этой операции для Соединенных Штатов измеряется не только затратами средств на подъем судна. Все это предприятие значит куда больше. «Титаник» значит для нас много больше, чем обычный реликт начала века, да и вообще историческая ценность судна не принимается в расчет. Дело в том, что в трюме «Титаника» находится груз, который сегодня имеет чрезвычайно важное значение в обеспечении безопасности страны и нации.

— Вы не обидитесь, если я скажу, что это чуть-чуть, самую малость, попахивает больным воображением.

— Возможно. Однако, как бы это ни попахивало, я пользуюсь вашими собственными словами, факт того, о чем я сказал, остается фактом. А ваше отношение к факту — это уж совершенно другое дело.

Питт недоумевающе покачал головой.

— Это все сплошная фантазия, честное слово. В том месте, где «Титаник» лег на грунт, глубина до двух с половиной миль. На подобных глубинах давление воды достигает нескольких тысяч фунтов на квадратный дюйм, мистер Сигрем. Я знаю, о чем говорю. Тысячи фунтов не на квадратный фут или квадратный ярд, а на квадратный дюйм. Уже одно только это неимоверно осложняет всю задачу. Давайте посмотрим правде в глаза. Уж, казалось бы, куда более простая задача по вызволению затонувшей «Андреа Дориа» или известной вам «Лузитании»: оба эти корабля находятся на глубине всего трехсот футов, но даже эти корабли никто не попытался всерьез поднять на поверхность. Что уж говорить о «Титанике»…

— Раз Америка сумела послать управляемый корабль на Луну, она уж как-нибудь сумеет поднять «Титаник», я полагаю, — мягко возразил собеседнику Сигрем.

— Но это некорректное сравнение. Чтобы четырехтонную капсулу забросить на Луну, Соединенным Штатам потребовалось десять лет интенсивных исследований и разработок. Поднятие с океанского дна сорока пяти тысяч тонн ржавого железа — это, согласитесь, несколько иная по масштабам задача. Ведь придется потратить месяцы и месяцы только для того, чтобы найти сам «Титаник».

— Мы уже начали эти поиски.

— Да, но я ничего пока не слышал…

— О наших условиях, вы хотите сказать? — закончил за оппонента Сигрем. — Вы и не могли услышать. До тех пор, пока службе безопасности удастся препятствовать распространению информации о наших работах, вся операция будет оставаться секретной. Даже ваш помощник директора по специальным проектам Альбер Джиордано…

— Джиордино…

— Да, Джиордино, благодарю вас. Так вот, несмотря на то, что в эту самую минуту он пилотирует научно-исследовательскую подводную лодку в Атлантике,

то есть фактически уже ищет «Титаник», даже он не догадывается о настоящей цели своей подводной миссии.

— Но ведь подводная экспедиция по изучению течения Лорелея… Насколько я знаю, перед «Сапфо-1» была поставлена задача по отслеживанию глубоководных океанских течений в Атлантике.

— Своевременное совпадение, организованное нами, и не более того. Адмирал Сэндекер сумел переменить маршрут экспедиции и направил «Сапфо-1» в район предполагаемого залегания «Титаника» буквально за считанные часы до того, как субмарина, согласно первоначальному плану, должна была подняться на поверхность.

Питт повернул голову и уставился в направлении реактивного авиалайнера, который, разогнавшись, как раз в эту минуту пошел на взлет.

— Почему я? Чем я заслужил честь быть приглашенным для осуществления, пожалуй, наиболее масштабного проекта века.

— Но ведь вас приглашают не на правах гостя, мой дорогой Питт. Вам предлагают взять на себя общее руководство всей этой операцией.

Питт мрачно посмотрел на Сигрема.

— И все-таки я позволю себе повторить вопрос, тем более что вы не ответили. Почему именно я?

— Сразу хочу вам сказать, данный выбор принадлежит не мне, — сказал Сигрем. — Поскольку Национальное агентство надводных и подводных работ является единственным признанным в стране авторитетом в области океанографии и поскольку ведущие специалисты этой науки и эксперты по проведению подводных спасательных работ возглавляют Совет НУМА, а кроме того, поскольку вы являетесь Директором специальных проектов, выбор пал именно на вас.

— Ну вот, господин Сигрем, туман несколько рассеивается. Чтобы перевести ваши слова на доступный уровень, следовало бы сказать, что я оказался единственным из возможных кандидатов, кто не присутствовал на обсуждении вопроса. И потому не мог за себя постоять, так ведь?

— Вам оставляется право на абсолютно любую трактовку событий, однако факт есть факт: предложили именно вас, — устало сказал Сигрем. — Хотя вынужден признать, что после того, как я ознакомился с отчетами о проведенных вами спасательных операциях, ваши достижения и количество удачно проведенных операций меня очень впечатлили. — Он вытащил из кармана платок и промокнул влажный лоб. — А еще одним доводом в пользу вашей кандидатуры, если хотите знать, был тот факт, что вас считают кем-то вроде эксперта по «Титанику».

— Ну знаете, это у меня хобби такое: я собираю все материалы, так или иначе связанные с проблемой спасения лайнера. Только хобби, не более того. И

подобный интерес еще не дает оснований, чтобы назначать меня главным спасателем «Титаника».

— И тем не менее, господин Питт, адмирал Сэндекер именно вас назвал, я воспользуюсь его словами, гением по управлению людьми и проведению координационных работ. Именно так он выразился. — Сигрем в упор посмотрел на Питта оценивающим взглядом. — Ну так… Вы принимаете назначение или отказываетесь?

— Но ведь вы совершенно не уверены в том, что я сумею справиться с такого рода заданием, ведь Правда? Ответьте, Сигрем.

— Откровенно говоря, да. Именно так я думаю. Но когда вот-вот готов сорваться с утеса, не приходится выбирать своего возможного спасателя.

Питт слабо улыбнулся при этих словах.

— Ваша откровенность растрогала меня до глубины души, господин Сигрем.

— Ну, и?

Несколько секунд Питт сидел не двигаясь. Затем он едва заметно, не поворачивая головы, кивнул и прямо взглянул в глаза собеседнику.

— Пусть так, друг мой. Я — твой. Только не нужно делать никаких скороспелых выводов до той минуты, пока «Титаник» не пришвартуется в Нью-Йоркском порту, договорились? Тем более, что такого рода затею не оставит без внимания ни один лас-вегасский букмекер, можете быть уверены. Когда мы найдем «Титаник», если, конечно, мы вообще сумеем ею найти, может оказаться, что корпус проржавел насквозь и поднятие судна окажется в принципе невыполнимой задачей. Хотя говорят, что Абсолютно невыполнимых задач не существует. И хотя я не могу перестать думать о том, что же там, на борту, может быть такого ценного для сегодняшней Америки, я сделаю все от меня зависящее. В этом вы можете быть уверены, Сигрем. Хотя я никому и ничего не могу обещать.

Питт широко улыбнулся и поднялся из-за штурвала. — Будем считать, что переговоры окончены. Теперь давайте-ка поскорее выбираться из этого раскаленного ящика, пока мы тут заживо не изжарились. Найдем где-нибудь прохладный бар с кондиционером, чтобы вы могли угостить меня. Это самый минимум из того, что вы можете сделать, взвалив на мои плечи чудовищную проблему.

Сигрем продолжал сидеть, чувствуя себя слишком усталым, его хватило только на то, чтобы беспомощно пожать плечами.

Глава 26

Сначала корнет был для Джона Вогеля просто еще одной реставрационной работой. Художественной ценности дизайн инструмента не представлял, да и его конструкция не заинтересовала бы ни одного коллекционера музыкальных инструментов. Когда корнет впервые оказался в руках у Вогеля, он вообще не

вызвал у него интереса, клапаны коррозировали и вообще не двигались, латунь покрылась странным налетом, напоминающим плесень. Внутри воздухо-проводящих труб было полно какой-то, похожей на гниль, склизкой дряни со стойким рыбным запахом.

При первом взгляде на инструмент Вогель решил, что мастеру его квалификации негоже вычищать грязь из рядового корнета, и хотел передать его кому-нибудь из помощников. Сам Вогель предпочитал возвращать к жизни экзотические инструменты; именно это было его специальностью: китайские и римские трубы с непомерно вытянутыми телами и пронзительным звучанием, сплюснутые трубы, некогда принадлежавшие мэтрам американского джаза, инструменты, связанные с кем-нибудь из известных исторических личностей. Эти последние Вогель реставрировал с таким видом, будто имел дело не с металлом, а с хрупким тонким стеклом, и возвращал инструментам первозданный вид и звучание.

Вогель аккуратно завернул корнет в старую наволочку и положил в дальний угол мастерской, от глаз подальше.

Стоящий на рабочем столе экзекьютон издал мягкий сигнал.

— В чем дело, Мэри?

— К вам адмирал Джеймс Сэндекер из Национального агентства надводных и подводных работ, звонит из города. — Голос секретарши, пройдя через селекторную систему, делался скрипучим и неприятным, как будто на том конце кто-то царапал ногтем по линолеуму. — Он просит вам передать, что хотел бы переговорить по неотложному вопросу.

— Ладно, соедини меня. — Вогель поднял трубку: — Джон Вогель слушает.

— Господин Вогель, с вами говорит Джеймс Сэндекер.

Удивление вызвало то, что адмирал Сэндекер позвонил сам, не передоверив этого секретарше, а кроме того, Вогель был приятно удивлен тем, что собеседник не поспешил назвать свое, без сомнения, высокое звание.

— Слушаю вас, адмирал, чем обязан?

— Скажите, пожалуйста, вам эту штуку передали?

— Какую еще штуку?

— Ну, этот, как его, горн!

— А, вас, должно быть, интересует корнет? — догадался Вогель. — Да, я нашел корнет у себя на столб сегодня утром. Никакой записки, никаких объяснений Я решил, что кто-то готовит подарок музыкальному музею.

— Прошу меня извинить, господин Вогель, мне, разумеется, следовало бы прежде позвонить вам и объясниться, однако я был настолько занят, что вовремя не успел этого сделать.

Разговор начинался с извинений, стало быть…

— Чем могу быть полезен, адмирал?

— Я очень бы просил вас посмотреть эту штуку и рассказать мне все, что вы сможете рассказать о ней буквально каждую мелочь. Кто и когда производил такие корнеты, ну и так далее, поскольку меня интересует решительно все.

— Лестное предложение. А почему вы решили обратиться именно ко мне, если не секрет?

— Как же! Ваша кандидатура показалась мне и моим коллегам самой подходящей, поскольку вы главный консультант Музыкального музея. А кроме того, один наш общий знакомый, услышав во время обсуждения ваше имя, сказал, что в ту минуту, когда вы приняли решение избрать научную стезю, мир потерял нового Гарри Джеймса.

«Боже мой, — подумал Вогель, — это, должно быть, Президент. Да, этому Сэндекеру не так-то просто отказать, когда у него такие советчики и знакомые…»

— Ну, спасибо, конечно… А когда именно вам нужен мой отчет, назовем его так?

— Когда вам удобнее. Что же касается меня, то чем скорее я его получу, тем лучше.

Вогель беззвучно усмехнулся: тонкий намек на толстые обстоятельства, так это называется.

— Металл очень старый, придется долго отмачивать в растворителе, прежде чем сойдет вся грязь. Это длительный процесс, так что в случае, если все будет нормально, к завтрашнему утру я, возможно, что-нибудь и смогу вам сообщить.

— Спасибо, господин Вогель, — сказал Сэндекер. — Буду вам очень признателен.

— Будьте добры, а не располагаете ли вы какой-нибудь информацией о том, где, при каких обстоятельствах был найден этот корнет. Мне бы такого рода сведения очень помогли.

— Если позволите, я воздержусь от объяснений. Мне и моим коллегам очень важно получить сведения от человека, который абсолютно не связан с находкой этого корнета и даже не знает, где был обнаружен инструмент.

— Иными словами, вы хотите сравнить мою информацию с той, которой уже располагаете?

Голос Сэндекера, сохраняя вежливые ноты, сделался более категоричным:

— Мы хотим, господин Вогель, чтобы вы подтвердили наши надежды и наши догадки. К сожалению, больше вам ничего не могу сказать.

— Сделаю все, что сумею, адмирал. Всего доброго. До встречи.

— Успехов.

Несколько мгновений Вогель сидел, держа руку на телефоне и глядя на наволочку в углу мастерской. Затем он очнулся, нажал клавишу экзекьютона и отчетливо распорядился:

— Мэри, меня ни для кого нет. Никаких звонков. Пошлите за пиццей с канадским беконом. Да, и полгаллона бургундского.

— Вы опять собираетесь запереться в мастерской? — проскрипел ее голос по селекторной связи.

— Да, — признался он. — У меня очень много работы.

Начал Вогель с того, что сделал несколько фотографий корнета, всякий раз помещая объектив фотоаппарата под новым углом. Затем он составил словесное описание инструмента, отметив размеры, общее состояние видимых простым глазом частей, размеры коррозированных участков, характер внешнего загрязнения. Все эти и многие другие наблюдения он записал в особый гроссбух. Чем внимательнее приглядывался он к инструменту, тем более отчетливым становился его профессиональный интерес. Оказалось, что перед ним не просто рядовой инструмент, но корнет очень высокого класса. Латунь была весьма качественная, а по фактуре внутренней стороны канала и устройству клапанов он мог безошибочно сказать, что произведен этот корнет был до 1930 года. Также он понял, что части, показавшиеся сначала ржавыми, были просто-напросто покрыты слоем сухой грязи, которая легко счищалась обыкновенным резиновым мастихином.

Затем Вогель наполнил специальную ванночку разбавленным средством для смягчения воды — «калгоном», перемешал раствор, ненадолго погрузил в него корнет, а вытащив и обтерев, убрал отставшую грязь, после чего снова наполнил ванночку и повторил процедуру, а затем еще и еще раз.

К полуночи вся поверхность инструмента была уже совершенно очищена от грязи. После этого, взяв специальную щетку, Вогель принялся с помощью слабого раствора хромовой кислоты наводить блеск, добиваясь идеального состояния поверхности. И вот очень медленно, как из некоего сна, принялись выступать на поверхности инструмента тонкий рисунок и несколько сложно выписанных букв.

— Боже! — простонал в тиши мастерской Вогель. — Презентационная модель!

Он взял с полочки большое увеличительное стекло и внимательно исследовал надпись. Когда же он положил наконец увеличительное стекло и потянулся за телефонной трубкой, его руки дрожали.

Глава 27

Ровно в восемь ноль-ноль Джон Вогель был приглашен в кабинет адмирала Сэндекера, помещавшийся на одиннадцатом, самом верхнем, этаже современного здания из солнцезащитного стекла. Здание принадлежало НУМА. Глаза у мастера

после бессонной ночи были красными, он боролся с зевотой и от прилагаемых усилий зевал еще мучительнее и чаще.

Сэндекер вышел к нему из-за стола и крепко пожал руку Вогеля. Коротышка адмирал вынужден был задрать голову, чтобы взглянуть на Вогеля, в котором было росту шесть футов пять дюймов. На голове Вогеля в совершеннейшем беспорядке торчали клочья коротко подстриженных седых волос, окаймлявших роскошную гладкую лысину. Обратив взгляд карих глаз Санта-Клауса на адмирала, мастер улыбнулся сдержанной улыбкой победителя. Хорошо вычищенное пальто Вогеля находилось в очевидном противоречии с мятыми и порядком забрызганными грязью брюками. От него пахло дешевым красным вином.

— Ну, — приветствовал его Сэндекер, — рад с вами познакомиться.

— Равно как и я с вами, адмирал, — сказал мастер, опуская на пол специальный футляр для трубы. — Прошу простить мой неряшливый вид.

— Как раз я хотел сказать, что одного взгляда на вас достаточно, чтобы понять, у вас была трудная ночь.

— Когда любишь свою работу, время и бытовые неудобства не играют большой роли.

— Совершенно с вами согласен. — Сэндекер повернулся в сторону человека, молча стоявшего у стола, внешне похожего на доброго гнома, произнес:

— Господин Вогель, позвольте вам представить, — капитан Руди Ганн.

— Очень приятно, капитан Ганн, — с вежливой улыбкой сказал Вогель. Я был одним из миллионов людей, которые каждый день по газетным сообщениям внимательнейшим образом следили за тем, как продвигается ваша экспедиция по изучению Лорелеи. Я в восхищении от того, что вы совершили, капитан. Это выдающееся научное достижение.

— Спасибо, — сказал Ганн.

Сэндекер жестом указал еще на одного человека, который также присутствовал в кабинете. Обернувшись в сторону дивана, Сэндекер произнес:

— А это директор спецпроектов нашего Агентства Дирк Питт.

Вогель чинно поклонился и с улыбкой произнес:

— Очень приятно…

Питт в свою очередь встал с дивана и вежливо поклонился.

Усевшись, Вогель вытащил из кармана старую, порядком поцарапанную трубку:

— Вы не будете против, если я закурю?

— Ради Бога, как вам удобнее, — сказал Сэндекер и вытащил из коробки одну из своих сигар сорта «Черчилль». — Составлю вам компанию.

Вогель раскурил свою допотопную трубку, откинулся в кресле и, пыхнув дымом в потолок, сказал:

— Ответьте, адмирал, не был ли этот корнет обнаружен на дне Атлантического океана? В северной части? Нет?

— Да, именно так. Мы обнаружили его южнее Ньюфаундленда, — сказал он и с восхищением посмотрел на Вогеля. — Скажите, а как вы узнали?

— Метод дедукции, все элементарно.

— И что же вы можете рассказать?

— Да уж могу кое-что поведать, не скрою. Ну, прежде всего скажу вам, что мы имеем дело с высокопрофессиональным инструментом, который был изготовлен специально для профессионального музыканта.

— Иначе говоря, вы не думаете, что корнетом владел какой-нибудь дилетант, я правильно вас понял? — спросил Ганн, припоминая слова, сказанные Джиордино на борту «Сапфо-1».

— Не думаю, — прямо ответил Вогель. — Такой инструмент у дилетанта — маловероятно.

— А удалось ли вам установить время и место, когда этот корнет был изготовлен? — спросил мастера Дирк Питт.

— Приблизительный месяц — октябрь или даже ноябрь. Год назову вам точно — 1911. А сделали его в одной британской очень уважаемой в музыкальных кругах фирме, которая называется «Бузи-Хокс».

На лице Сэндекера появилось выражение неподдельного уважения.

— Вы превосходно справились с нашим зданием, господин Вогель. Если уж совсем начистоту, мы очень сомневались, удастся ли когда-нибудь выяснить страну, где инструмент был изготовлен. Я уж не говорю о конкретном изготовителе, тут мы даже не чаяли…

— Ничего особенного я не сделал, смею вас уверить, — возразил Вогель. — Если уж быть совсем откровенным, моя работа значительно была облегчена, поскольку инструмент оказался презентационным экземпляром.

— Презентационным? Вот как?!

— Да, именно. Среди тех, кто производит высококлассные металлические инструменты принято ставить инициалы изготовителя или гравировать посвящение, увязывая тем самым свою работу с каким-нибудь крупным событием в мире музыки.

— Такая практика распространена и среди изготовителей огнестрельного оружия, — вставил Питт.

— И среди производителей музыкального оборудования, в равной степени. В нашем случае корнет был посвящен одному из служащих компании в знак уважения за его многолетнюю работу. Дата презентации, фирма-изготовитель, имя сотрудника и имя производителя — все эти сведения выгравированы великолепной вязью на инструменте.

— И вы можете нам сейчас сказать, кому именно принадлежал этот корнет? — спросил Ганн. — Можно прочитать посвящение?

— Господи, ну конечно, о чем речь… — Вогель нагнулся и раскрыл футляр. — Вот, сами можете прочитать.

Он положил корнет на стол Сэндекера. Собравшиеся в кабинете некоторое время молча пожирали глазами инструмент, не решаясь прикоснуться к нему. Инструмент мягко сверкал, отражая золотистой гладкой поверхностью падающие в комнату лучи утреннего солнечного света. Выглядел корнет как новенький, как будто его только что приобрели в магазине. На безукоризненно сияющей бронзе по внешней стороне раструба шла похожая на морские волны сложно переплетенная гравированная вязь, которая выглядела не хуже, чем в день инскрипции. Всякий желающий без труда мог прочитать. Сэндекер оторвался от инструмента и перевел взгляд на Вогеля, не зная, верить всему этому или не верить, иначе говоря, не вполне доверяя собственным глазам.

— Господин Вогель, извините меня, но мне кажется, что вы не вполне понимаете всю серьезность ситуации. Мне бы не хотелось, скажу вам прямо, чтобы все это оказалось в конечном итоге ловким розыгрышем.

— Да, вы правы, я не понимаю серьезности ситуации, — резко парировал Вогель. — Положение создалось, прямо скажу, не вполне ординарное, только поверьте, адмирал, с моей стороны тут нет никакой шутки. Я не любитель подобного рода розыгрышей. Последние сутки я только тем и занимался, что приводил в божеский вид вашу находку, — он выложил рядом с корнетом канцелярскую папку. — Вот здесь мой отчет. Там фотографии, внешнее описание инструмента, каким тот был до восстановления, и там же — подробнейшее изложение всех моих восстановительных работ. Все, что я делал, шаг за шагом. Кроме того, я приложил несколько конвертов. Там — пробы патины и той грязи, которую я извлек из корнета. Также в одном из конвертов — фурнитура, которую пришлось заменить. Как видите, ничего не упустил из виду.

— Прошу меня простить, — сказал Сэндекер. — Я не специалист в таких вопросах, как вы знаете, однако еще вчера эта самая груба была старой и грязной, тогда как сегодня… Не могу поверить, что это один и тот же инструмент. — Сэндекер сделал паузу, переглянулся с Питтом. — Видите ли, дело в том, что мы…

— …знаем, что корнет находился на океанском дне многие годы, если не десятилетия, — продолжил Вогель за своего собеседника. — Я очень хорошо понимаю, к чему вы клоните, адмирал. И мне, признаюсь, тоже не совсем понятно, как корнет мог сохраниться столь хорошо, пробыв долгое время в соленой воде. Ранее мне доводилось восстанавливать инструменты, которые пролежали в соленой воде три, четыре, пять лет, и они оказывались в значительно худшем состоянии, чем этот корнет. В значительно худшем, адмирал. Но поскольку я не океанограф, то и не стану ломать голову над этой загадкой. Пускай уж специалисты разбираются, что к чему. Но вы еще не услышали главного. Я могу с точностью до одного дня сказать вам, сколько именно времени инструмент пролежал в океане. И как он туда попал.

Вогель подошел к столу и взял инструмент в руки. Повернув корнет раструбом вверх, мастер надел очки и принялся вслух читать:

— "Этот инструмент подарен Грэхаму Фарли в знак признательности за его выдающееся выступление и развлечение наших пассажиров — от благодарного руководства маршрута «Уайт Стар». — Вогель снял очки и торжественно улыбнулся адмиралу Сэндекеру. — Как только я прочитал про маршрут «Уайт Стар», я с утра пораньше звякнул одному из друзей и попросил его уточнить некоторые детали в Морском архиве. За полчаса до того, как я собирался уже выехать на встречу с вами, он перезвонил мне и… — Вогель замолчал, вытащил из кармана носовой платок и несмотря на нетерпение собравшихся преспокойно высморкался, аккуратно сложил платок, вернул его на прежнее место и лишь после совершения всех этих действий продолжил: — Такое, знаете, впечатление, что этот Грэхам Фарли пользовался на линии «Уайт Стар» очень большой известностью. На одном из тамошних лайнеров он три года кряду выступал как солирующий кларнетист. Корабль, насколько я сейчас припоминаю, назывался «Океаник». И вот когда компания построила новый лайнер, когда этот лайнер был только-только спущен со стапеля и отправился в свой первый рейс, компания собрала на борту всех самых лучших музыкантов, которые работали на кораблях «Уайт Стар». Из собранных исполнителей получился великолепнейший оркестр, самый лучший, можно сказать, плавучий оркестр в мире. Одним из первых получил приглашение Грэхам, что было вполне очевидно… Да, джентльмены, долго же этот корнет находился в океане, ничего не скажешь… На этом самом инструменте Грэхам Фарли играл утром, 15 апреля 1912 года, то есть в тот самый день, когда, говоря высоким штилем, волны океана поглотили «Титаник».

Реакция на последние слова Вогеля была резкой. Лицо Сэндекера выразило напряжение и одновременно невысказанный вопрос. Лицо Ганна сделалось жестким. Дирк Питт посмотрел на Вогеля с живейшим интересом. Тишина, воцарившаяся в кабинете адмирала, казалась концентрированной. Вогель преспокойно снял очки и положил их в нагрудный карман.

— «Титаник», — негромко произнес Сэндекер, и было такое чувство, что сам он испугался вылетевшего слова. — «Титаник» — повторил он, на этот раз таким тоном, каким мужчина произносит имя любимой женщины. — Это невероятно, — сказал он и посмотрел на Вогеля.

В глазах адмирала Вогель еще явственно различал тень недоверия, которое, однако, уступало место восторгу.

— И тем не менее, это именно так, — сказал Вогель. — Насколько я понимаю, капитан Ганн, этот инструмент был найден вами во время экспедиции на «Сапфо-1», так или нет?

— Да, мы обнаружили инструмент в самом конце нашей экспедиции.

— Что ж, значит, вы оказались на редкость удачливыми, капитан, вытащили, что называется, счастливый билетик. Жаль, вы не обнаружили сам «Титаник».

— Жаль, вы правы, — признал Ганн, отводя взгляд.

— И все-таки меня продолжает мучить мысль о том, почему корнет так хорошо сохранился. Никак не могу взять в толк, — сказал Сэндекер. — Ведь, по сути, металлическая труба, пролежала в соленой воде ни много, ни мало — семьдесят пять лет, а выглядит такой новенькой, что страшно брать в руки.

— Да, вы совершенно правы, нужно разобраться, почему латунь за все эти годы практически не коррозировала, — согласился Вогель. — Ладно бы еще сохранились бронзовые части, все-таки бронза не так быстро ржавеет. Но я обратил внимание на то, что великолепно, с учетом времени и среды, сохранились даже те детали инструмента, в которых было много железа. Вы только взгляните на мундштук, он же совершенно новенький.

Ганн приблизил лицо и посмотрел на корнет с таким видом, как будто речь шла не о трубе, а о Святом Граале.

— А играть на ней можно?

— Ну разумеется, — сказал Вогель. — Я более чем уверен, что на корнете можно замечательно играть.

— Вы сами не пробовали?

— Нет… Я сам не пробовал. — Вогель взял инструмент и легко пробежал пальцами по кнопкам. — До сего дня я опробировал всякий инструмент, который кто-либо из моих помощников или сам я восстановили. Проверял на чистоту звучания, поскольку для музыкального инструмента это главное. А этот корнет я не опробовал. Не могу.

— Не вполне вас понимаю, — сказал адмирал Сэндекер.

— Видите ли, дело в том, что этот корнет — своего рода памятник не особенно значимого, но очень отважного поступка. Поступок этот был совершен в тот самый момент, когда на море разворачивалась самая ужасная трагедия нашего столетия, — сказал Вогель. — Не нужно обладать большим и богатым воображением, чтобы представить себе, как Грэхам Фарли вместе с другими музыкантами вместо того, чтобы попытаться спастись, своей музыкой пытались успокоить мятущихся пассажиров «Титаника». Они, эти музыканты, до самого

конца не прекращали играть, так и утонули вместе с кораблем. Так что в последние минуты перед тем, как утонуть этот корнет касался губ очень отважного музыканта. И я подумал, что всякий, кто теперь попытается исполнять на инструменте мелодию, окажется кем-то вроде святотатца. Так мне кажется…

Сэндекер внимательно смотрел на Вогеля, разглядывая лицо мастера столь напряженно, как будто бы видел впервые.

— «Осень», — чуть слышно, как бы говоря сам с собой, произнес Вогель. — Старинная мелодия под названием «Осень»… Это была последняя мелодия, которую Грэхам Фарли исполнил в своей жизни.

— А я слышал, что последней мелодией была «Я приближаюсь к Господу…» — негромко сказал Ганн.

— Это уже придумали после, — уверенно возразил Питт. — Последней, мелодией, прозвучавшей с палубы «Титаника» перед тем, как корабль погрузился в океан, была именно «Осень».

— Вы так уверенно говорите, как будто расследовали обстоятельства гибели «Титаника», — полувопросительно сказал Вогель.

— Этот удивительный корабль и его трагическая судьба чем-то сродни инфекции, — сказал Питт. — Если вы однажды заинтересовались этим, интерес останется с вами на всю жизнь.

— Не знаю… Сам по себе «Титаник» для меня, например, особенного интереса не представляет, — Вогель осторожно взял корнет, положил его в футляр, защелкнул замки и передал инструмент адмиралу Сэндекеру. — Но поскольку я считаюсь историком музыки и поскольку я кое-что знаю о музыкальных инструментах, их подчас необыкновенных судьбах — да, признаюсь, что сага об оркестре «Титаника» не оставляла меня равнодушным… Если у вас больше нет вопросов ко мне, адмирал, я бы, с вашего разрешения, пошел перекусил да и в постель. У меня была очень трудная ночь, как вы понимаете.

Сэндекер поднялся из-за стола.

— Господин Вогель, вы нас необычайно выручили. Я ваш должник.

— Я был уверен, что вы скажете что-нибудь в этом роде, — глаза усталого Санта-Клауса несколько раз мигнули.

— Если хотите, могу вам подсказать, как именно вернуть долг. Если, разумеется, вы хотите?

— Слушаю вас.

— Передайте этот инструмент в Вашингтонский музыкальный музей. Он будет самым замечательным экспонатом в Зале Музыки.

— Могу обещать, что, как только наши специалисты проведут необходимые химические исследования, ознакомятся с вашим отчетом, этот корнет будет незамедлительно доставлен в вашу мастерскую.

— От имени директоров музея позвольте вас поблагодарить.

— Но это, разумеется, не будет обычным даром. Вогель вопросительно посмотрел на адмирала Сэндекера.

— Простите, я не совсем…

Сэндекер широко улыбнулся.

— Давайте будем считать это бессрочным хранением. Это избавит нас от юридических неприятностей, если когда-либо в будущем нам понадобится на некоторое время этот инструмент. Тогда мы попросим его у музея.

— Договорились.

— Да, и вот еще что, — сказал Сэндекер. — Об этой нашей находке мы никому пока ничего не рассказывали. Ни одна газета пока не знает. Так вот я был бы вам весьма признателен, господин Вогель, если бы пока вы также сохранили все, что узнали, в тайне.

— Разумеется, раз уж вы меня об этом просите, я буду молчать. Хотя и не совсем понимаю ваши мотивы… Вогель со всеми раскланялся и вышел из кабинета.

— Черт! — вырвалось у Ганна в ту самую секунду, когда дверь за мастером закрылась. — Только подумаю о том, что мы проследовали на «Сапфо-1» в каких-нибудь считанных метрах от корпуса «Титаника».

— Да уж, — согласился Питт. — Вы были где-то совсем рядом с ним. Сонары, установленные на «Сапфо-1»" прощупывают пространство радиусом в двести ярдов. Не исключаю, что был какой-нибудь момент, когда вашу лодку и «Титаник» разделял двести один ярд.

— Если бы только у нас было больше времени. Если бы нам прямо сказали, что именно нужно искать…

— Вы забываете, что главными задачами предпринятой экспедиции были тестирование «Сапфо-1» и слежение за течением Лорелея. Вы и ваши парни и без того оказались на высоте, поверьте мне. В ближайшие два-три года океанографы будут отмечать в календаре тот день, когда «Сапфо-1» вернулась из своего первого плавания. Единственное, о чем сожалею, так это о том, что обстоятельства не позволили нам поставить вас в известность о главной цели экспедиции. Но тут уж ничего не поделаешь. Обстоятельства подчас сильнее нас. Джен Сигрем и его коллеги настояли, чтобы мы держали в секрете всякую информацию, пусть даже только косвенно связанную с операцией по вызволению «Титаника». Мы и впредь будем сохранять в секрете все предпринимаемые шаги — до тех пор, пока будет такая возможность.

— Не уверен, что нам удастся долго сохранять такую информацию в тайне, — сказал Питт. — Все крупные газеты и агентства очень скоро все разнюхают. Тем более, что со времени обнаружения гробницы фараона Тутанхамона ничего столь значительного исследователи не предпринимали.

Сэндекер поднялся из-за рабочего стола и прошел к окну. Когда он наконец заговорил, голос его звучал мягко, отчего создавалось впечатление, что и его слова издалека приносит ветер.

— Стало быть, корнет Грэхама Фарли…

— Простите?..

— Корнет Грэхама Фарли, — так же негромко повторил Сэндекер. — Если только этот корнет можно считать вехой, отметившей положение «Титаника», то корабль находится в настоящей бездне. Более черной и более мрачной, чем та ночь, когда затонул «Титаник».

Глава 28

Случайному наблюдателю, оказавшемуся на берегу Реки Раппаханнок, равно как и всем, кто от избытка Семени, сил и праздности проплывал по этой небольшой реке, трое мужчин в надвинутых шляпах, сгрудившихся в ветхой лодке, показались бы самыми обыкновенными рыбаками, решившими провести уик-энд на воде. Все трое были одеты в линялые рубашки и грубые хлопчатобумажные брюки. Спортивные кепки с большими козырьками были украшены, по рыбацкой моде, крючками и наживкой, чтобы то и другое всегда находилось под рукой. Даже внимательный соглядатай не обнаружил бы ничего подозрительного. Под скамейкой упаковка баночного пива, возле лодки, в воде, рыболовная сеть…

Самый низкорослый из троих, рыжеволосый, с вытянутым лицом мужчина привалился на корме, и казалось, подремывал. Его руки едва удерживали удочку, лежавшую одним краем на кормовой банке. Красно-белый поплавок застыл на воде в каких-нибудь двух футах от борта. Второй мужчина ссутулился, отгородившись раскрытым журналом от всех и вся. Третий рыбак сидел так, словно кол проглотил, с напряженной спиной и неотрывно следил за своим поплавком. Этот последний был крупный мужчина с прилично выпирающим из-под одежды животом. Глубоко расстегнутая рубашка открывала клин полной волосатой плоти. На его круглом лице жуира и весельчака обращали на себя внимание нарочито сонные ярко-голубые глаза. Внешне он выглядел этаким собирательным образом любимого дедушки.

Адмирал Джозеф Кемпер мог себе позволить выглядеть всеми любимым дедушкой. Когда у человека оказывалась такая власть, как у адмирала Кемпера, ему совсем не нужно было сохранять отрешенно холодный тон в обращении с людьми, и тем более не нужно было каждым словом и каждым взглядом подчеркивать свое положение. Адмирал повернул голову и благожелательно, даже пожалуй, участливо посмотрел на дремлющего человека.

— Смотрю на вас, Джим, и ловлю себя на мысли, что вам не слишком-то нравится рыбная ловля.

— В некотором смысле. Вообще я считаю, что человечество придумало себе не много столь же никчемным занятий, как ловля рыбы удочкой, — ответил Сэндекер.

— А вы что думаете по этому поводу, господин Сигрем? С тех пор, как мы бросили якорь, вы, мне кажется, еще ни разу даже не забросили удочку?

Сигрем поверх журнальной страницы взглянул на Кемпера:

— Знаете, если бы в такой помойке, как эта Раппаханнок, могла жить рыба, то выглядела бы она примерно, как все эти мутанты из видеофильмов, а уж о вкусе такой рыбы я и говорить не берусь! Это что касается моего отношения, адмирал.

— Только одна деталь, джентльмены, — решил напомнить Кемпер. — Мне кажется, что не я вас, а вы меня притащили сюда. И посему у меня есть некоторые основания считать, что вы в сговоре.

Ни спорить, ни, тем более, переубеждать Сэндекер не решился.

— Самое лучшее, Джо, что в твоем положении можно сейчас придумать — это расслабиться и попытаться получить удовольствие. Расслабься и попробуй на время забыть, что ты начальник штаба флота Соединенных Штатов.

— Это совсем несложно, когда вы рядом. Тем более, адмирал, что вы один из немногих людей, кто умеет поставить меня на место.

— Знаешь, никому еще не удавалось, — с улыбкой сказал Сэндекер, — пройти по жизни, всем угождая и вызывая тотальной восторг. Кто-то должен и таким, как ты, устраивать отрезвляющий душ. В рамках приличия, разумеется. А ведь у тебя так сложилась жизнь, что, куда бы ты ни пришел, все норовят поцеловать твой зад. Так что рассматривай общение со мной как своего рода терапию.

Кемпер наигранно вздохнул.

— Знаете, когда я увольнял вас со службы, то был абсолютно уверен, что наши пути никогда и нигде не пересекутся. А вы, как оказалось, снова рядом и такой же, как прежде. То есть тактичный, мягкий, деликатный человек.

— Ну конечно! Я думаю, когда ты уволил меня, весь Пентагон ликовал.

— Я бы сказал то же самое чуть мягче. Когда вы ушли, не все сотрудники Пентагона рыдали по этому поводу. — Кемпер вытащил из воды крючок, осмотрел наживку и снова забросил удочку в пахучую воду реки Раппаханнок. — Ладно, ладно, Джим, я столько лет знаю нас, что, услышав приглашение, сразу понял: что-то у вас на уме. Скажете вы с господином Сигремом наконец или нет, что именно задумали. Ведь задумали же что-то, я по лицам вижу!

— Да, действительно. Мы хотим «Титаник» поднять, — как бы между прочим ровным голосом сказал Сэндекер.

Кемпер обернулся, в упор посмотрел на адмирала:

— Только-то и всего?!

— Только и всего.

— И чего это ради, могу я вас спросить? Поднять корабль, чтобы на его фоне сфотографироваться?

— Поднять, чтобы перегнать его в Нью-Йорк и взять кое-что из трюма.

Кемпер застыл на несколько секунд, в упор разглядывая Сэндекера.

— Вы, кажется, произнесли слово «Титаник», или я ослышался?

— Именно это слово.

— Джим, дорогой мой, это называется — мимо пристани. Если вы и вправду полагаете, что я поверю, будто вы…

— Какой смысл мне рассказывать байки, — вмешался Сигрем. — Эту нашу операцию курирует напрямую Белый дома.

Кемпер изучающе посмотрел на Сигрема.

— Иначе говоря, я должен сделать вывод, что вы здесь находитесь и ведете со мной переговоры, с ведома Президента, так, что ли?

— Да, сэр, именно так.

— Должен вам сказать, — продолжил Кемпер, — у вас весьма странная манера делать предложение, господин Сигрем. Если бы вы потрудились мне объяснить…

— Именно для того мы и приехали сюда, адмирал.

Кемпер обернулся вновь к Сэндекеру.

— И вы в этом замешаны, не так ли, Джим?

Сэндекер кивком признал правоту собеседника.

— И я тоже — вместе с господином Сигремом, который по врожденной деликатности мягко стелет…

— …да жестко спать, вы это хотели сказать? — уточнил Кемпер и, обернувшись к Сигрему, сказал:

— Вам слово. Я хотел бы услышать прямой, без всяких там оговорок, ответ на вопрос, зачем вам понадобилось поднимать со дна океана тысячи тонн ржавого металла?

— Позвольте начать с главного, адмирал. Прежде всего я хочу представиться, чтобы уж все встало на свои места. Я возглавляю сверхсекретный отдел, финансируемый по линии правительственных фондов. Отдел этот называется Мета Секшн.

— Впервые слышу, — признался Кемпер.

— не удивительно, нас нет ни в одном списке федеральных учреждений и организаций. Ни ЦРУ, ни ФБР или АНБ не имеют представления о характере наших исследований.

— Глухая контора, стало быть, и сплошь состоит из одних профессоров? — сказал со свойственной ему прямотой Сэндекер.

— Из профессоров — да, только не из пустых, как некоторые думают, фантазеров, — уточнил Сигрем. — Наши парни разрабатывают проекты, рассчитанные на технологии будущего, однако после разработки мы пытаемся уже сегодня, сейчас воплотить отдельные разработки в дееспособные функциональные системы.

— Ну и денежки же на вас идут, я думаю… — заметил Кемпер.

— Скромность не позволяет мне назвать точную цифру нашего бюджета, адмирал, но самолюбие вынуждает меня сказать, что мы имеем дело с десятизначными величинами.

— О, Господи! — воскликнул Кемпер, словно в его присутствии кто-то позволил себе очевидную бестактность. — То есть вам на игры дают миллиарды долларов, ни много, ни мало. И это для какой-то группы ученых, о которых и слыхом-то никто не слыхивал. Да, господин Сигрем, вынужден признаться, что вы меня удивили. Не знаю, хотели или нет, но удивили.

— Как, впрочем, и меня, — с нескрываемым ехидством в голосе отозвался Сэндекер.

— Все то время, что мне приходилось, как главе НУМА, иметь с вами дело, я знал вас, господин Сэндекер, как помощника Президента. К чему были эти уловки?

— Потому что Президент просил держать всю операцию в строжайшем секрете. Только поэтому, адмирал. Чтобы информация, не дай Бог, не просочилась на Капитолийский холм. Президент менее всего заинтересован в том, чтобы конгрессмены начали совать свои грязные носы в вопросы финансирования Мета Секшн.

Кемпер и Сэндекер переглянулись и, не говоря ни слова, понимающе кивнули друг другу. Затем они вновь уставились на Сигрема, ожидая, что еще интересного он им расскажет.

Мета Секшн разработала оборонительную систему под кодовым названием «Сицилианский проект».

— «Сицилианский проект»?

— Да, в шахматах есть такая сицилианская защита, вы наверняка знаете. Проект основан на разработанном задолго до нас принципе. Скажем, если мы посылаем звуковую волну определенной частоты через медиум или, иными словами, через промежуточную материю, в которой имеются возбужденные атомы, то мы резко увеличиваем мощность первоначальной звуковой волны.

— Что-то похожее на лазер? — уточнил Кемпер.

— До некоторой степени — да. С той лишь оговоркой, что лазер испускает узкий луч высокоэнергетического света, в то время, как наш прибор испускает веерообразный пучок звуковых волн этаким раструбом.

— Которые приводят к тому, что лопаются барабанные перепонки, — поспешил вставить Сэндекер. — А каков смысл всего проекта?

— Если вы помните из школьной программы, звуковая волна распространяется концентрическим образом, как волны на воде от брошенного камня. Так вот, наш «Сицилианский проект» дает возможность при необходимости увеличивать мощность начальной звуковой волны в миллионы раз. И если мы образуем множественный импульс; посылая звуковые волны сразу из множества источников и усиливая мощность каждого сигнала в миллионы раз, то фронт звуковой волны приобретает столь огромную энергию, что оказывается способным толкать перед собой огромное количество молекул воздуха — так что мгновенно может быть образовано что-то вроде непроницаемого занавеса площадью в сотни квадратных миль, — Сигрем сделал паузу, чтобы почесать нос, после чего продолжил: — Я не стану утомлять вас формулами и техническими деталями нашего проекта и его отдельных тактических характеристик. Все это слишком сложно, но уже из сказанного вы можете представить проблему в целом. Всякая вражеская ракета, пущенная в сторону Соединенных Штатов, приходя в соприкосновение с невидимым защитным барьером, будет немедленно взрываться прямо в воздухе, за многие сотни миль до границы.

— Это… Это что же, у вас уже сконструирована подобная система? — спросил Кемпер с сомнением.

— Да, адмирал. И смею вас заверить, вся система более чем дееспособна. В настоящее время, то есть вот в эти самые минуты, пока мы разговариваем, по всей нашей границе строятся десятки образующих единую систему станций, чей совокупный импульс окажется способным остановить и предотвратить любую вражескую ракетную атаку.

— Боже праведный, — выдохнул Сэндекер. — Так это же альтернативное оружие!

— «Сицилианский проект» нельзя считать оружием в буквальном смысле этого слова. Это лишь научный метод защиты страны от любого внешнего нападения.

— Даже не верится… — признался Кемпер.

— А вы представьте, что речь идет о выхлопах, скажем, двигателя реактивного самолета. Но просто у нас имеется двигатель в сотни тысяч раз более мощный, чем те, которые вы видели на самолетах. Чтобы представить, нужна лишь некоторая фантазия.

Кемпер был подавлен и не скрывал этого.

— Но столь мощная звуковая волна… Она же способна уничтожить вообще все вокруг, не только в воздухе, но и на земле.

— Нет. Мы направляем источники звука в небо, а усиление звуковой волны происходит уже в воздухе, по мере ее распространения.

— А какое отношение все, рассказанное сейчас вами, имеет к проблеме поднятия «Титаника»?

— Дело в том, что элемент, необходимый для получения оптимального в каждом конкретном случае уровня звуковой волны, — это бизаний. А вот тут у нас большие проблемы. И проистекают они из того, что единственное месторождение бизания было разработано еще в самом начале века, а единственную в мире крупную порцию бизаниевой руды везли в Соединенные Штаты на «Титанике».

— Вот оно что… — Кемпер понимающе кивнул. — Значит, поднятие «Титаника» это для вас как бы заключительная стадия работы над вашим научным проектом, так получается?

— Только у бизания строение атома, которое нам нужно для «Сицилианского проекта». Мы заложили в компьютер основные характеристики бизания, и машина выдала ответ, что наши шансы на успех — тридцать тысяч к одному.

— А зачем поднимать весь корабль? — поинтересовался Кемпер. — Почему бы не сделать проем в корпусе и не проникнуть таким образом в багажное отделение и не вытащить ваш бизаний?

— Проблема лишь в том, что без взрывчатки при работах такой сложности не обойтись. А если будем взрывать, то существует серьезная опасность разрушения бизания — и тогда уже навсегда. Мы обсуждали вопрос с Президентом и пришли к общему выводу, что лучше затратить несколько больше средств на подъем «Титаника», чем рисковать потерей бизания.

Кемпер вытащил задуваемый в сторону лодки крючок и по новой закинул удочку.

— Да, Сигрем, должен признаться, что таких, как вы, фантазеров, с таким размахом я еще не встречал. Скажите, а почему вы так уверены, что состояние корпуса «Титаника» выдержит поднятие корабля на поверхность. После того, как он пролежал семьдесят пять лег в воде, металл вполне мог превратиться в груду ржавой трухи.

— У наших специалистов есть своя теория, — сказал Сэндекер. Он отложил опостылевшую удочку в сторону, вытащил и открыл коробку для снастей и

вытащил конверт. — Посмотри, что тут, — с этими словами он протянул несколько фотографий размером с открытку.

— Выглядит как самый обыкновенный металлический лом под водой… — сказал Кемпер, посмотрев на первую фотографию.

— Так и есть, — откликнулся Сэндекер. — Камеры наших подлодок много раз фиксировали металлические фрагменты и целые механизмы, находящиеся под водой. Чего только не бывает! То с борта корабля что-нибудь уронят, то еще что случится… Вот, например… — Сэндекер указал на фотографию, которую в этот момент рассматривал Кемпер. — Это камбузная плита, ее обнаружили подводники в районе Бермудских островов… Вот это — блок автомобильного двигателя, сфотографированный на глубине шесть тысяч четыреста футов… Дальше всякий хлам, его не удалось датировать… А вот на этом снимке запечатлен самолет времен второй мировой войны «Грумман-Ф4Ф», его обнаружили неподалеку от побережья Исландии на глубине десять тысяч футов. Удалось выяснить, что некий лейтенант Штраусс 17 марта 1946 года покинул свой самолет, когда в баках кончилось горючее. Самолет совершенно целый, опустился на дно и лежит.

Кемпер отставил фотографию подальше, как это делают дальнозоркие люди, чтобы лучше видеть предмет:

— Боже ты мой, а это что еще такое?!

— Этот снимок был сделан подводной камерой во время экспедиции «Сапфо-1», когда проводилось изучение течения Лорелея. Внешне этот предмет напоминает самую обыкновенную кухонную трубу. На самом же деле это рожок, вроде музыкального горна.

Взяв у Кемпера фотографии, Сэндекер умело перетасовал их и вытащил из пачки нужную, протянул ее собеседнику.

— Тот же самый горн после восстановления, этим Вогель занимался…

— Это корнет, — поправил его Кемпер. — Так вы говорите, он был обнаружен «Сапфо-1»?

— Да, на глубине двенадцать тысяч футов. Он пролежал там с 1912 года.

Кемпер сдержанно приподнял бровь, выказывая удивление.

— И вы хотите сказать, что этот корнет с «Титаника»?

— Могу показать документальное тому подтверждение, если нужно.

Со вздохом Кемпер возвратил фотографию Сэндекеру. Вид у Кемпера был усталый; опущенные плечи и морщины на лице делали его похожим на человека, которому пришлось слишком долго нести тяжелый груз на своих плечах. Он выудил из-под скамейки упаковку пива, достал одну банку и открыл ее.

— И что все это должно означать в контексте нашего с вами разговора?

Сэндекер деланно улыбнулся.

— Вот, скажем, самолет на этом снимке. Мы обнаружили его еще два года назад, и не заметили некоторых особенностей. Конечно, время от времени заходила речь о том, что он находится в очень приличном состоянии, однако никто из моих океанографов не видел в подобных оценках смысла. И лишь только после того, как «Сапфо-1» поднял со дна корнет, и Вогель реставрировал инструмент, несформулированная ранее идея сделалась вдруг очевидной.

— Слушаю, слушаю вас, — бесстрастным тоном сказал Кемпер.

— Прежде всего, — продолжил Сэндекер, — около девяноста процентов всего самолета «Грумман» изготовлено из алюминия. А как всем известно, соленая вода точит алюминий очень сильно. И тем не менее даже сейчас, по прошествии более сорока лет, самолет, пролежавший так долго в соленой воде, выглядит вполне прилично, чтобы не сказать — как новенький. Так же в точности обстоит дело и с этим горном. Он пролежал восемьдесят лет под водой, а блестит, как детская задница.

— У вас имеются тому объяснения? — поинтересовался Кемпер.

— Два наших специалиста в настоящее время работают с компьютерами, загрузив в машины всю необходимую информацию. На сегодняшний день рабочая гипотеза такова, что сохранность металлов в воде — производная от целой совокупности условий. Чтобы металл долго сохранялся под водой, нужно, чтобы вокруг не было животных, рыб и растений, способных наносить ущерб металлу. Нужно, кроме того, чтобы соли в воде было не особенно много. Чтобы температура не поднималась выше определенного уровня. Да плюс ко всему, чтобы недоставало кислорода, поскольку он ускоряет реакцию окисления, или проще — ржавление. При наличии хотя бы одного из перечисленных факторов, — а на больших глубинах так и бывает, — реакция окисления замедляется. И если бы у нас была возможность взглянуть на «Титаник», то я мог бы сказать более конкретно, как обстоят дела с состоянием его обшивки и корпуса в целом.

Кемпер задумался на некоторое время, затем спросил напрямик:

— Ну а от меня вы чего добиваетесь?

— Покровительства, — ответил Сигрем, видимо, давно уже приготовивший это слово и лишь дожидавшийся подходящего вопроса. — Иначе, как только Советы пронюхают, что у нас на уме, они сделают все возможное, — я не исключаю, что они даже не остановятся перед развязыванием локальной войны, — и непременно постараются перебежать нам дорогу и захватить бизаний.

— Ну, если вас беспокоит только это, вы можете быть спокойны, — сказал Кемпер, в голосе которого послышались командные нотки. — Дело в том, что русские сто раз подумают, прежде чем один раз сунуться на нашу сторону Атлантики. Ваша операция по поднятию «Титаника», господин Сигрем, будет ограждена от возможного вторжения со стороны русских, или с какой-либо иной стороны. Если мое слово что-нибудь для вас значит, то я даю вам слово.

Сэндекер еле заметно усмехнулся.

— Раз уж ты в таком благодушном настроении, Джо, может, переговорим, не откладывая в долгий ящик, о возможности использования «Модока» при поднятии «Титаника»?

— «Модока», вы сказали? — переспросил Кемпер. — Но это самая современная лодка из всех, какие только есть на флоте.

— Мы бы нашли работенку и для экипажа «Модока», если уж на то пошло, — с невозмутимостью убежденного нахала добавил Сэндекер.

При этих словах Кемпер взглянул на адмирала, перевернул пивную банку и приложил прохладным донышком ко лбу.

— Хорошо, будет вам и «Модок» с командой вместе. Все берите, и людей сколько нужно — берите, и оборудование — тоже берите…

Сигрем облегченно вздохнул.

— Ну, спасибо тебе, старина, век не забуду.

— Вы такое тут придумали, такого нагородили… — Кемпер недоумевающе покрутил головой. — Одних только проблем вагон и маленькая тележка.

— Да, легко подобные проекты не даются, — подтвердил Сигрем. — Тут вы совершенно правы.

— И что же вы собираетесь предпринять в ближайшее время, если не секрет? Сэндекер ответил:

— Прежде всего, мы пошлем к «Титанику» несколько групп с видеоаппаратурой, чтобы они все засняли, разведали как следует. Состояние корпуса — вот что меня в первую очередь волнует. Корпус и механические повреждения.

— Одному Богу известно, что там такое, — сказал раздумчиво Кемпер, — и вдруг глаза его загорелись. Поплавок исчез под водой: — Эй, Джим, у вас клюет!

Сэндекер лениво повернул голову, улыбнулся:

— Ну! И никакого тебе труда. «Титаник» бы так поймать…

— Что ж, желание хорошее, только очень уж дорогостоящее, — философски заметил Кемпер, не сочтя возможным ответить коллеге даже легкой улыбкой.

Питт захлопнул дневник Джошуа Хейза Брюстера и посмотрел на Мела Доннера, сидевшего по другую сторону большого стола.

— Вот оно, стало быть, как…

— Тут как в хорошем суде, — заметил Доннер, — правда, одна только правда и ничего, кроме правды.

— А не может так получиться, что за столько лет пребывания в воде этот ваш бизаний, или как его там, потерял все первоначальные свойства?

Доннер решительно покачал головой, отрицая саму по себе мысль, а затем вдруг пожал плечами.

— Впрочем, кто его знает… Надеюсь, что не потерял. Хотя еще ни один человек не держал в руках большие количества бизания, чтобы сказать, как именно он ведет себя…

— Иначе говоря, будут грохнуты в этот проект жуткие суммы, а в итоге может оказаться, что все напрасно, все зря, так, что ли?!

— Если бизаний надежно спрятан и герметично закрыт, а я очень надеюсь, что закрыт, тогда не напрасно.

Питт откинулся на спинку кресла и уставился на обложку дневника Брюстера.

— Получается примерно как в рулетке.

— Что ж…

— Мне все это несколько напоминает игру. Мы с вами, например, собрали бы пацанов на берегу Эри, там, где танк «паттон» затонул, дали бы этим самым пацанам бельевую веревку и сказали: «Тащите танк!» Так вот примерно получается и у нас.

— Что ж… — с тем же выражением повторил Доннер, как бы давая понять собеседнику, что на все подобные вопросы будет только один ответ.

— Даже если оставить все прочие моменты в стороне и вести речь исключительно о цене проекта — цена-то чудовищная! — с некоторым даже возмущением сказал Питт.

— А конкретнее?

— В 1974 году подводники из ЦРУ обнаружили в океане русскую субмарину, развалившуюся при аварии на части. Цены в семьдесят четвертом, как вы понимаете, были несколько иными. Так вот, для того чтобы поднять на поверхность один только носовой отсек, пришлось затратить более трех миллионов. Я решительно не представляю, во сколько нам обойдется «Титаник», лежащий на глубине двенадцати тысяч футов, тем более что общий вес корабля больше сорока шести тонн.

— Ну хорошо, а могли бы вы назвать хотя бы примерную сумму во что обойдется вся операция?

— А расходы на кого повесят?

— На Мета Секшн. Она будет финансировать, — ответил Доннер. — Мне бы хотелось узнать ваше мнение. Давайте представим, что я ваш добрый друг банкир.

А вам требуется провести операцию по вызволению «Титаника». Сколько денег нужно будет перевести из секретного фонда на счет НУМА, по вашему мнению?

— Для начала я бы попросил не меньше двухсот пятидесяти миллионов.

— Вот видите, — невозмутимо сказал Доннер. — Вы охали, вы так возмущались, а назвали весьма скромную сумму. Наши парни посчитали, так у них вышло много больше, это — если по секрету. Хорошо, а вот давайте представим, что у вас есть лишь одна возможность попросить денег. Чтобы потом локти не кусать, сколько бы вам потребовалось? Как насчет дополнительных пяти, а? Хватит?

— Пять миллионов?!

— Ну зачем же так… Пяти сотен миллионов. Это — плюс к названной вами сумме.

После того, как охранник по заведенному здесь обычаю проводил Питта до ворот, Питт вырулил, притормозил у столба и оттуда взглянул — теперь уже новыми базами — через забор на невыразительное здание «Смит Вэн энд Сторидж К°».

— Не укладывается в голове, — вслух произнес он — Просто-таки не укладывается в моей голове… Невероятно! — Словно избавляясь от наваждения, Питт потряс головой, врубил скорость и направился в город.

Глава 29

День выдался у Президента горячий. Одну за другой пришлось провести несколько встреч с конгрессменами от оппозиции: как ни старался Президент, как ни убеждал их поддержать новый законопроект по изменению налогообложения — все напрасно. Точнее, почти напрасно, что практически одно и то же. Потом пришлось еще выступать перед губернаторами штатов, что тоже было удовольствием ниже среднего. Во второй половине дня Президент разговаривал с госсекретарем: министр был напорист, чтобы не сказать — агрессивен.

На часах было чуть больше десяти. Президенту оставалось еще одно дело, столь же, впрочем, неприятное, как и большинство дел этого, слава Богу, завершающегося дня. Президент позволил себе небольшую паузу, уселся в мягкое кресло и неспешно потягивал из бокала; так он успокаивался, обретал душевное равновесие: бокал в правой руке, левая рука поглаживает, почесывает, теребит ухо любимой гончей.

На длинном диване перед Президентом восседали директор ЦРУ Уоррен Николсон и Маршалл Коллинз — главный советник Президента по делам России и стран Восточной Европы.

Президент сделал небольшой глоток и мрачно посмотрел на обоих мужчин.

— Скажите, а сами-то вы понимаете, о чем просите меня?

Коллинз нервно поежился под тяжелым взглядом.

— Если быть откровенным, то не совсем, сэр. Но мы сейчас ведем речь о беспрецедентном случае. В таких ситуациях говорят, что цель оправдывает средства. Я уверен, что у Николсона уже имеются кое-какие практические соображения на этот счет. И еще раз повторю, сэр, что в данном случае мы можем получить такую информацию, которая окупит любые затраты. Я сам не любитель этого слова, но мы сможем получить невероятную информацию.

— Да, но эта ваша информация обойдется нам в кругленькую сумму, — негромко, но жестко напомнил собеседнику Президент.

Николсон, возбужденный собственной тирадой, энергично подался в сторону собеседника:

— Поверьте, сэр, эти сведения стоят того!

— Вам легко говорить, — заметил на это Президент. — Хотя бы уже потому, что ни один из вас не имеет полного представления о «Сицилианском проекте».

Коллинз понимающе кивнул.

— Не спорю, господин Президент, все это действительно так. Тем более, что проект держат в строжайшем секрете… И тем более чудовищным кажется мне тот факт, что о самом существовании «Сицилианского проекта» мы узнали от агента КГБ, а не по каналам наших служб безопасности.

— Ладно, скажите мне лучше, что могли узнать русские?

— Об этом мы не беремся судить даже приблизительно, — сказал до этого молчавший Николсон. — По некоторым косвенным данным я мог бы заключить, что русским вообще ничего пока не известно, кроме самого названия проекта.

— Черт! — выругался Президент. — Ума не приложу, как они сумели пронюхать…

— Думаю, это была — есть такое понятие — спорадическая утечка информации, — сказал Коллинз. — Мои сотрудники в Москве обязательно сообщили бы, если бы КГБ сел на хвост в том, что касается этого сверхсекретного проекта. Они могут не знать подробностей, но сам факт, что КГБ разрабатывает что-то сверхважное, стал бы им известен, сэр. Тем более, раз речь идет о новейшем военном проекте.

Президент нехорошо взглянул на Коллинза.

— А почему, собственно, вы решили, что речь идет о новейшем, да еще военном проекте?! Вы-то откуда знаете?

— Что ж, я могу ответить. Раз мы имеем дело с проектом особой степени секретности, значит, речь идет о военном проекте. Это для меня более, чем очевидно. Тут особенно и гадать не приходится. И русские аналитики, можете не сомневаться, придут к тому же самому выводу. Раньше или позже, но придут.

— Я совершенно согласен с мнением Коллинза, — вставил Николсон.

— И кроме того, все случившееся нам на руку.

— То есть? — спросил Президент.

— Я предложил бы такой вариант. Мы принимаем решение и начинаем подбрасывать русской военно-морской разведке фрагментарную информацию. В каждом конкретном случае это должны быть очень небольшие объемы сведений, не дающие, разумеется, сколько-нибудь определенного представления о «Сицилианском проекте». Если русские заглатывают нашу приманку… Тогда мы буквально сможем завладеть их информационно-разведывательной службой.

Под монотонный звук мужских голосов гончая Президента, растянувшаяся на ковре возле ног хозяина, преспокойно уснула. Несколько секунд Президент смотрел на мирно дремлющее животное. Он так и этак прикидывал, просчитывая варианты. Очень непросто было сделать выбор в этом конкретном случае. У него было такое чувство, что друзья из Мета Секшн сочтут его тривиальным предателем общего дела.

— В общем, сделаем так, — сказал после раздумий Президент. — Я попрошу человека, возглавляющего проект, составить для начала отчет. Вы, Николсон, со своей стороны продумайте, как именно мы сможем навести русских на эту информацию, чтобы они, не дай Бог, чего не заподозрили, иначе все насмарку. И запомните, Николсон, со мной и только со мной оговаривать любую мельчайшую подробность, так или иначе связанную с игрой вокруг «Сицилианского проекта». Я понятно выражаюсь?

Николсон кивнул.

— Этим я займусь лично.

Президент ссутулился и опустил голову.

— Да и вот еще что, джентльмены, — сказал он. — Мне об этом неприятно говорить, однако я вынужден вам напомнить, что в случае, если наша с вами игра сделается достоянием гласности, с нами поступят так, как искони поступали с предателями. Так что, имейте, пожалуйста, это в виду.

Глава 30

Сэндекер склонился над огромной контурной картой донного рельефа северной части Атлантического океана. Он держал карандаш в руке с такой решительностью, словно намеревался острием проткнуть противника, окажись таковой на поверхности карты. Слева и справа выжидающе застыли Ганн и Питт. Оба изучали океанский ландшафт. Посмотрев на них, Сэндекер сказал:

— Как хотите, но я не понимаю! Если обнаруженный корнет указывает место, где затонул корабль, тогда придется признать, что «Титаник» находится совершенно не там, где он должен быть.

Ганн взял карандаш и поставил на карте птичку.

— Последнее установленное местоположение «Титаника» было вот здесь: 41°46С — 50° 143. Это известно наверняка.

— Именно тут вы нашли корнет?

Ганн сделал еще одну отметину.

— Вот здесь находилось наше судно обеспечения, когда «Сапфо-1» обнаружило корнет Фарли, шесть миль к юго-востоку.

— О чем и речь. Разница в шесть миль. Понятия не имею, чем это можно объяснить.

— Прежде всего, — сказал Питт, — место затопления «Титаника» установлено совсем не столь уж безусловно, это раз. Кроме того, шкипер одного из спасательных судов, «Маунт Темпл», называл район, значительно дальше к востоку. Причем он уверял, что установил точное местоположение по солнцу. А это, согласитесь, куда надежнее, чем расчеты четвертого помощника, к тому же определявшего координаты в нервной обстановке, когда корабль налетел на айсберг и начал тонуть. Когда люди тонут, им уж не до точности.

— Все это так. Но «Карпатия», судно, которое взяло на борт уцелевших пассажиров «Титаника», шло именно в район, указанный связистом тонущего судна, — сказал Сэндекер. — Причем, «Карпатия» целых четыре часа находилась на связи с «Титаником». Это, по-вашему, как можно объяснить?

— До сих пор не установлено, что «Карпатия» подобрала тонущих людей именно в районе, указанном капитаном «Карпатии», — заметил Питт. — И если моя догадка верна, то подлинное место спасательной операции должно находиться на юго-востоке от официально признанного места аварии.

Завладев карандашом, Сэндекер осторожно постучал грифелем по карте.

— Это называется, иди туда, не знаю куда, образно говоря. Вот и думайте, джентльмены, как тут поступить… Должны ли мы сосредоточить поиск в районе 41° 46 С — 50° 143? Или поставим денежки на то место, где был найден корнет Грэхама Фарли, иначе говоря, будем искать в шести милях к юго-востоку от якобы известного места нахождения? Если с самого начала выберем неверный район, одному Богу известно, сколько денег и, главное, сколько времени придется потерять впустую. Что думаете по этому поводу, Руди?

Ганн, казалось, ожидал именно этого вопроса.

— Мое мнение таково. Во время экспедиции на «Сапфо-1» мы несколько раз проходили над тем местом где формально должен был находиться затонувший «Титаник». Однако приборы ничего не показали. А наш сонар был отнюдь не так плох, как думают некоторые. И раз уж мы там ничего не обнаружили, я предлагаю искать корабль в районе, где был найден корнет. Так я думаю.

— Ну а ваше мнение, Дирк?

Несколько мгновений Питт сидел неподвижно, раздумывая. Затем сказал:

— Я предлагаю обсудить это через сорок восемь часов. Мне понадобятся два дня.

Сэндекер с явным интересом взглянул на него.

— У нас часа лишнего нет, поймите. А вы говорите про сорок восемь часов.

Питт твердо посмотрел на собеседника.

— Кроме того, я не считаю нужным опускать телевизионную камеру.

— Что же вы собираетесь предпринять?

— Сразу отправить на поиск подводную лодку.

Сэндекер отрицательно покачал головой.

— Не могу с вами согласиться. Прикрепленная к днищу корабля телекамера в единицу времени по сравнению с подлодкой может исследовать в пять раз большую площадь, если не в десять. Управляемые подлодки слишком уж медлительны.

— Но в наших Силах точно определить район поисков.

— Как прикажете вас понимать? — поинтересовался Сэндекер. — Если вам известен секрет, почему бы не поделиться с коллегами?

— *Я* предлагаю свести воедино все мало-мальски установленные данные, касающиеся затопления «Титаника». Добавить к этому сведения о водном бассейне тех широт, течениях и их скоростях, об угле, под которым «Титаник» предположительно уходил на дно, затем все это заложить в компьютер аналитического центра НУМА. Если повезет, мы можем получить точное местонахождение «Титаника».

— Вы чрезмерно рациональны в вашем подходе к проблеме, — сказал Ганн.

— И вы предлагаете потратить на все это два дня? — спросил Сэндекер.

— Видите ли, сэр, если компьютер ничего конкретного не даст, мы едва ли что теряем, — сказал Питт. — Тем более, что адмирал Кемпер передал нам подлодку «Модок». Она сейчас в Норфолке, и ее можно послать на поиски хоть сейчас.

— Точно! — выпалил Ганн. — Лодку класса «Модок» под именем «Си-Слаг».

— Это самая современная подводная лодка, находящаяся на вооружении военно-морского флота, — сказал Питт. — Ее сконструировали специально для проведения спасательных работ на больших глубинах. Дня через два мы уже сможем запустить подлодку и корабль ее сопровождения в районе предполагаемого нахождения «Титаника».

Сэндекер почесал указательным пальцем подбородок.

— Ну а если компьютер все-таки сумеет нам помочь, я сразу же сообщу результат. По-моему, это не худший план.

— Разве что… — пожал плечами Ганн.

Сэндекер швырнул карандаш на карту, уселся в кресло, внимательно посмотрел на Ганна, затем на Питта, после чего объявил:

— Ну, джентльмены, думаю, что можно считать игру начатой.

Глава 31

Мел Доннер, нажимая на кнопку звонка у двери Сигрема, другой рукой прикрывал разведенный зевотной судорогой рот.

Сигрем открыл входную дверь и вышел на крыльцо. Они молча кивнули друг другу без обычного обмена любезностями и направились к тротуару, возле которого Доннер припарковал свой автомобиль.

Усевшись на переднее сиденье, Сигрем мрачно посмотрел через боковое стекло. Выглядел он усталым, под глазами обозначились контрастные тени. Доннер вставил ключ в зажигание, запустил двигатель и, обернувшись к коллеге, сказал:

— Ты сейчас похож на чудовище Франкенштейна до воскрешения. До которого часа ты работал прошлой ночью?

— Я домой вернулся совсем не поздно, — ответил Сигрем. — Досадный промах, лучше бы подольше поработал. Дела решил оставить, отдохнуть. Но вместо отдыха весь вечер ругался с Даной. Она вчера так меня достала, я на стенку готов был лезть! Я терпел, терпел, наконец, высказал ей все и заперся в кабинете. Уселся за стол, разложил бумаги и задремал. Сейчас все тело ноет. Чувствую в таких местах боль, где и болеть-то нечему. Черт знает что…

— Спасибо тебе, — с улыбкой сказал Доннер. Сигрем удивленно посмотрел на Доннера.

— За что именно?

— Этот разговор — лишний довод в пользу моего холостяцкого статуса. Не будь у нас с тобой подобных разговоров, я бы, чего доброго, мог и жениться.

Некоторое время, пока Доннер лавировал в час-пиковом потоке машин, оба они молчали.

— Джен, — сказал наконец Доннер, — я понимаю, конечно, что эта тема может показаться не вполне деликатной, и потому, если ты не захочешь, мы не будем ее обсуждать, но только у меня такое чувство, что ты превращаешься в этакого циника-мазохиста. Признайся-ка, а?

Сигрем никак не отреагировал, однако Доннер не успокоился:

— Почему бы тебе не взять недельку-другую и вместе с Даной не съездить куда-нибудь отдохнуть. Чтобы там были солнце, пляж, океан… Вырвись хоть ненадолго из этого вонючего Вашингтона. Строительство силовых станций на границах идет своим ходом, обнаружение бизания мы с тобой никак не можем ускорить. Сейчас наступило такое время, когда мы можем только просиживать в кабинетах штаны, моля Всевышнего, чтобы парни из НУМА вытащили «Титаник».

— Я здесь нужен больше, чем когда-либо прежде, — резко проговорил Сигрем.

— Это все ты сам себе придумал. Поверь, наступил такой этап, когда мы с тобой ни помочь, ни ускорить события не можем, — словно не расслышав собеседника, сказал Доннер.

Сигрем в ответ на слова коллеги усмехнулся.

— Боюсь, дружище, что ты прав. Настолько прав, что даже сам не понимаешь. Доннер приподнял бровь.

— Что ты имеешь в виду?

— Да то, что от нас с тобой сейчас ничего уже не зависит, — повторил Сигрем слова Доннера. — Президент распорядился, чтобы я подготовил информацию по проекту, которую будут дискретно передавать русским.

Доннер вильнул вправо, резко затормозил и круто повернулся к Сигрему.

— Но что случилось?!

— Уоррен Николсон, шеф ЦРУ, был у Президента и убедил его, что если мы будем понемногу давать информацию о «Сицилианском проекте», то таким образом наша разведка сумеет завербовать одного из высокопоставленных русских гэбэшников.

— Я в это не верю, — тотчас же отреагировал Доннер.

— К сожалению, твоя вера или, напротив, неверие никакой роли не играют, — ответил Сигрем.

— Ладно, пусть все будет, как ты сказал. Пусть. Но только я хотел бы знать, какой толк, если русские будут узнавать по крупицам о «Сицилианском проекте»? Крупицы — они крупицы и есть. Без цифр, без точных расчетов русским потребуется несколько лет, чтобы догадаться о полномасштабной картине нашего замысла. Но даже и тогда, если они захотят похитить наш проект, у них ни черта не получится, как ты понимаешь. Без необходимого количества бизания даже полная информация о «Сицилианском проекте» яйца выеденного не стоит, и ты сам это понимаешь.

— Все это так. Но если, а я говорю если, русские каким-нибудь образом сумеют первыми захватить бизаний, то при наличии общей концепции они запросто сумеют воплотить наш проект года за два, максимум — три.

— Это невозможно. Адмирал Кемпер никогда не позволит им захапать бизаний у него из-под носа. А если они все-таки попытаются завладеть «Титаником», он сумеет им показать, где раки зимуют! Кемпер свое дело знает! Его так просто не возьмешь…

— Кто может знать, как будут разворачиваться события… Ты не подумай чего, я просто философствую. Я подумал, а что, если в какой-то момент Кемпер получит приказ прекратить работы? Только представь себе на секунду. Получает Кемпер подобного рода приказ — и что тогда?

Поставив локти на руль, Доннер недоумевающе потер лицо.

— Погоди, ты что же, ты хочешь сказать, что Президент Соединенных Штатов работает на русских, так, что ли?!

Сигрем устало пожал плечами и сказал:

— Как я могу подобное говорить, с другой-то стороны, если я и сам окончательно во всем запутался? Настолько запутался, что уже и не пойму, чему можно верить, чему нет…

Глава 32

Павел Марганин, стройный и солидный в белом парадном кителе, вдохнул вечерний воздух, и направился ко входу иллюминированного ресторана «Бородино».

Назвав метрдотелю свою фамилию, Марганин был приглашен к столику, который обыкновенно резервировался для Превлова. Сидевший на своем «законном» месте, капитан читал газету. Когда приблизился Марганин, Превлов лишь на долю секунды поднял глаза и вновь обратился к недочитанной статье.

— Вы позволите мне рядом с вами?..

— Разумеется. Если ты будешь стоймя торчать возле меня, начну думать, что ты официант.

Марганин заказал себе водки и тактично замолчал, ожидая, когда заговорит старший по званию. Минуты через три, одолев наконец пространную статью в газете, капитан откинулся на стуле и закурил.

— Скажи, лейтенант, ты внимательно ознакомился с материалами подводной экспедиции по изучению Лорелеи?

— Нет, я лишь просмотрел по диагонали и сразу же передал все материалы вам.

— Вот и плохо, — надменно сказал капитан. — Ты вот представь. Современнейшая подводная лодка, снаряженная всевозможной электроникой по последнему слову техники, со скоростью пятнадцать узлов в час ползает по океанскому дну. И ползает не день, даже не недели, а почти два месяца, при этом

ни разу не поднявшись на поверхность. Ты вникни, лейтенант! Если бы наши конструкторы создали лодку, пусть даже вдвое худшую, и то было бы хорошо.

— Знаете, я попытался прочитать отчет, но не сумел. Там жуткая скукотища…

— Еще бы, конечно, скукотища. Для тебя все одна сплошная скукотища. А вот если бы ты внимательно изучил все материалы на трезвую голову, то обратил бы внимание на резкое, внезапное и не вполне понятное изменение курса лодки в последние дни экспедиции.

— На это я как раз обратил внимание. Но тогда не видел, и теперь не вижу тут скрытого смысла. Захотели изменить курс — и запросто изменили. Что здесь необычного?

— Эх, Марганин, Марганин. Запомни, пожалуйста, что истинно интеллигентный человек склонен усматривать скрытый смысл решительно всюду. Подчас даже там, где и быть не может никакого скрытого смысла.

Поскучнев от полученного выговора, Марганин нервно взглянул на часы, затем перевел взгляд на дверь мужского туалета.

— Я более чем уверен, нам следует выяснить, что именно могло заинтересовать американскую подлодку у побережья Ньюфаундленда, — продолжил свою мысль Превлов. — После того странного случая на Новой Земле я намерен внимательно изучать и анализировать любую операцию, предпринимаемую по инициативе Национального агентства надводных и подводных коммуникаций. В равной мере это относится ко всему, чем это Агентство занималось в последнее время, скажем, за последние полгода. Я нюхом чую, что американцы готовят что-то, что доставит немалые хлопоты России-матушке. — Заметив проходившего между столиками официанта, Превлов сделал ему знак и показал на свой пустой бокал, после чего вздохнул и откинулся на спинку стула. — Никогда нельзя верить тому, что на поверхности. Это — сплошь и рядом. Суть одна, но выглядит так, что и не подумаешь… у нас такая работа, что всякая запятая, всякий обрывок с непонятными на первый взгляд каракулями могут заключать в себе секрет государственной важности. и зачастую получается так, что наиболее ценную информацию удается получить именно там, где не думал получить хоть что-нибудь. Пришел официант с коньяком для Превлова. Капитан взял рюмку, одним махом опрокинул себе в рот, но прежде, чем проглотить с видимым удовольствием побулькал коньяком во рту.

— Вы извините, я сейчас…

Превлов вопросительно взглянул на собеседника. Марганин кивнул в сторону туалета.

— Иди, кто держит.

Марганин вошел в туалет. Здесь были высокие потолки, а само помещение напоминало конфигурацией знак «тильду». Войдя в кабинку, он встал напротив унитаза. В эту минуту он был в туалете не один. Под боковым щитом Марганин

мог видеть, что в соседней кабинке кто-то есть; ему был виден ботинок и край брючины. Марганин дождался, когда в соседней кабинке спустили воду. Тогда он подошел к умывальникам и принялся мыть руки. В зеркало ему было видно, как тот же мужчина, который недавно подсел на бульваре, толстый и круглолицый, вышел из кабинки, на ходу застегивая брюки. Мужчина приблизился вплотную.

— Извини, моряк, — добродушно пробасил толстяк. — Вот, у тебя вывалилось, — с этими словами он протянул небольшой конверт.

Марганин без раздумий взял у него конверт и положил в карман.

— Спасибо. Так ведь и потерял бы…

Когда Марганин потянулся к полотенцу, толстяк, занявший его место возле умывальника, игривым тоном сказал:

— Там такая информация… — он сделал акцент на слове «такая». — Поосмотрительнее с этим…

— Уж как-нибудь соображу…

Глава 33

На рабочем столе Сигрема лежало письмо. Включив настольную лампу, он передвинулся вместе со стулом, поудобнее облокотился и начал читать.

"Дорогой Джен,

я очень люблю тебя. Пожалуй, подобное начало покажется тебе банальным, но это так и есть. Я люблю тебя всеми силами души, как это было принято прежде говорить.

В последние месяцы, видя твое стрессовое состояние, я искренне пыталась сделать что в моих силах, чтобы облегчить твою жизнь. Мне очень хотелось, чтобы моя любовь, моя забота были тебе нужны. Мне было очень тяжело, однако я делала все что было в моих силах, надеясь разве только на некоторую взаимность. Знаешь, Джен, во многих отношениях я женщина сильная. Но моих сил недостаточно, чтобы противостоять твоему безразличию, невниманию и вообще — твоему наплевательскому ко мне отношению. Немногие женщины выдержат то, что довелось выдержать мне.

Вспоминаю сейчас нашу молодость, наши первые годы жизни. Тогда каждый из нас значил друг для друга куда больше, чем все профессиональные проблемы, вместе взятые. Нам было значительно проще и легче тогда друг с другом. Мы обучали студентов в университете, мы много смеялись, находя для этого поводы, а занимались любовью так, словно каждый раз мог оказаться последним. Я не исключаю, что в тот самый день, когда я впервые сказала тебе о своем нежелании иметь детей, между нами образовалась первая серьезная брешь. Возможно, если бы у нас был мальчик или девочка, сын или дочь, они сблизили бы нас больше. Может и так, хотя не стану сейчас уверять ни тебя, ни самое себя. Сейчас я хочу лишь сказать тебе, что мне жаль, как все в итоге вышло.

Уверена, что для нас наилучший выход — на некоторое время отдохнуть друг от друга. Как известно, время и расстояние способны изменить людей, дают им возможность более отстранение взглянуть на себя и друг на друга. Тем более, что за последнее время в нас оказалось столько эгоизма и злобы, о чем мы с тобой даже и не догадывались.

Я переезжаю к Мари Шелдон, она морской геолог из НУМА. Она милостиво согласилась поселить меня в свободной комнате ее дома в Джорджтауне. Там я надеюсь отдохнуть и подумать о нашей дальнейшей Жизни с тобой. Пожалуйста, не пытайся разыскивать меня. Нам сейчас лучше отдохнуть друг от друга. А если ты все-таки туда приедешь, мы опять разругаемся. Пойми это, Джен, и дай мне время побыть одной, умоляю.

Говорят, время лечит. Остается уповать на его целебные свойства. Я совсем не хочу сказать, что нам нужно расстаться навсегда. Тем более, что у тебя сейчас такое время, когда я, как мне кажется, очень тебе нужна. Я лишь надеюсь, что в отношении тебя поступаю правильно, что мой отъезд позволит тебе вздохнуть несколько свободнее.

Прости мне мои бабские глупости. Хотя мое поведение мне вовсе не представляется таким уж глупым. Давай же будем надеяться, что будущая наша любовь окажется похожей на самое ее начало.

Еще раз повторяю, что я тебя люблю.

Дана".

Четыре раза кряду Сигрем перечитал письмо. Он не мог заставить себя оторваться от аккуратных, написанных знакомым почерком строк. Наконец он протянул руку, нажал на выключатель лампы и в наступившей темноте откинулся на спинку стула.

Глава 34

В тот момент, когда Дана стояла перед распахнутым гардеробом, мучительно решая проблему выбора одежды, в дверь спальни постучали.

— Дана, ты готова?

— Заходи, Мари.

Мари Шелдон открыла дверь и заглянула в комнату.

— Ну ты даешь. Я столько времени ее жду, а она еще голая тут разгуливает.

Голос Мари был грудным, низким, при том, что она была невысокого роста худенькой женщиной с живыми голубыми глазами и небольшим нахально вздернутым носом девочки-шалуньи. Шапка ее густых, искусственно высвеченных волос, не имела выраженного образа, представляя собой прическу «я у мамы дурочка». Если бы не тяжелый и, что называется, волевой, подбородок, Мари была бы весьма хорошенькой.

— Ох, не говори, — пожаловалась Дана, — я через это мучение пробираюсь каждое утро. Вот чего мне в самом деле недостает, так это элементарной организованности. Насколько проще была бы моя жизнь, если бы я складывала вещи на место, если бы вставала — с запасом, чтобы не устраивать каждое утро гонку. А я всегда лежу до самой последней минуты, а после ношусь, как угорелая. Мари встала рядом с подругой.

— Ну, а как, скажем, насчет вот этой голубой юбки? Дана ловко вытащила вешалку, приложила юбку, затем раздраженно швырнула ее на ковер:

— Черт, совсем позабыла! Блузку к этой юбке я ведь отдала в химчистку. Черт побери…

— Не ругайся, не ругайся! Когда я была маленькая, мне говорили, мол, будешь ругаться, плесень во рту вырастет.

— Как тут не ругаться, — сказала Дана, — в последнее время все идет черт знает как. Сущие, казалось бы, пустяки — так и те через жопу об колено, что называется.

— В последнее время, это с тех пор, как ты от мужа сбежала, так, что ли?

— Вот только, ради Бога, не нужно меня учить, ладно? Не выношу, когда меня учат жить…

— Не кипятись, моя дорогая. Если хочешь плюнуть в кого-нибудь, подойди к зеркалу.

Дана в этот момент походила на куклу с туго заведенной пружиной. Увидев, что еще чуть-чуть, и подруга разрыдается, Мари сбавила тон, сочтя более благоразумным отступить:

— Будь проще. Все, что ни наденешь, все хорошо. А я пойду мотор в машине разогрею. Оденешься и сразу спускайся.

Когда шаги Мари затихли. Дана прошла в ванную и приняла сразу две капсулы либриума. Как только транквилизатор начал действовать, она спокойно подошла к шкафу, выбрала бирюзовое льняное платье, оделась, расчесала волосы, обула туфли на высоком каблуке и отправилась по лестнице вниз.

Пока они ехали к зданию НУМА, Дана почти совершенно успокоилась и даже принялась отбивать туфлей такт звучавшей из радиоприемника музыки.

— Одну капсулу или две? — как бы между прочим осведомилась Мари.

— То есть?

— Я спрашиваю, приняла одну или две капсулы? Иначе я никак не могу объяснить моментальное превращение. Была дешевкой, истерику мне закатила, а теперь — сама Мисс Доброе Сердце. Такое может быть только от транквилизатора.

— Просто я терпеть не могу, когда меня начинают учить, пойми. Дело совсем не в том, дешевка или не дешевка, а в том, что есть определенные моменты, которые я не выношу.

— Допускаю, однако ставлю на вид. Если однажды темной ночкой ты вдруг загнешься от сверхдозы, я возле тебя суетиться не буду, даже не рассчитывай. Подыхаешь — и подыхай себе. Говорю тебе, чтобы ты после не обижалась на меня. Терпеть не могу, когда кто-то принародно подыхает. Такие сцены портят настроение.

— Скажешь тоже! Вечно все преувеличиваешь…

Мари вопросительно взглянула на Дану.

— Ой ли? Ты жрешь эту гадость, словно витамины, целыми пригоршнями.

— Не переживай, со мной все в порядке, — оправдывающимся тоном сказала Дана.

— Только вот этого не нужно, я вижу тебя насквозь. Сейчас ты представляешь собой классический образец выведенной из себя депрессивной бабы. Насколько я понимаю, это самый мерзкий вид, какой только баба может принять.

— Знаешь, для того чтобы зарубцевалась рана, требуется какое-то время.

— Ну ты даешь! Сначала нагадила, а теперь ждешь, когда пахнуть перестанет. Чтобы не было запаха, нужно убрать!

— Я и не уверяю, что поступила наилучшим образом, когда оставила Джена. Но в некотором смысле я поступила правильно.

— А тебе никогда не приходило в голову, что ты нужна ему?

— Мне это столько раз приходило в голову и прежде, но когда мы с ним оказывались вместе, то сразу же начинались ругань, выяснение отношений, дрязги… Он меня выдавил из своей жизни примерно так, как выдавливают пасту из тюбика. Известная история, старая, как мир. Когда такой человек, как Джен, делается рабом своей профессии, он начинает лбом прошибать стены. Одну прошибет, другую, третью, десятую — а потом нарвется на непробиваемую стенку. И — привет! И потом причина, эта чертовски дурацкая, как ему кажется, причина: если, мол, я с ним, то должна так же, как он, бросаться на стены. Мужчины знают такое слово: ответственность. А женщины такого слова не знают! И я такого слова не знаю! У меня масса чувств, самых разных. Но вот именно такого чувства — нет!!! Женщине свойственно воспринимать и принимать жизнь как игру с периодом в один день. Новый день — новые проблемы. Но просчитывать на будущее, планировать женщина не умеет ей этого просто не дано. А мужчины наоборот, они хотят все спланировать… — лицо ее сделалось грустным и усталым. — Я должна сидеть тут у тебя и ждать, когда Джен падет от раны в своей приватной битве. Дождусь, прилечу к нему — тогда у нас, может, что-нибудь и образуется. Какое-нибудь подобие прежней семьи.

— А не получится ли так, что когда все это произойдет, то будет слишком поздно? — спросила Мари. — Из того, что ты рассказывала мне о муже, я сделала вывод, что он кандидат или в психушку, или в отделение кардио-хирургии. Одно из двух. На твоем месте я вернулась бы к нему. И немедленно.

Дана отрицательно покачала головой.

— Даже подумать не могу об этом. Я вернусь не раньше, чем буду абсолютно уверена, что у нас с ним начнется новая жизнь. Никак не раньше.

— А как насчет других мужчин?

— Разве только платоническая любовь, — Дана принужденно улыбнулась. — Я решительно против того, чтобы строить из себя этакую свободную американскую женщину, этакую убежденную феминистку, которая только и думает, в чью бы это постель ей запрыгнуть.

Мари улыбнулась, хотя и не очень уж весело.

— Твои желания, детка, достойны уважения, но желания — это одно, а возможности — нечто совсем иное. Жизнь не всегда принимает в расчет наши желания. Ты забываешь, что здесь Вашингтон, город, в котором на одну бабу приходится восемь мужиков. Численный перевес огромен. Здешняя жизнь принимает во внимание желания мужчин куда охотнее, чем желания женщин.

— Я считаю так: чему быть, того не миновать. Если уж суждено повеситься, не бойся утонуть. Но сама я напрашиваться в чужую постель не намерена. А кроме всего прочего, я и вкус-то этого дела уж позабыла, да и форму подрастеряла. Скажи мне, что надо мужчину завлечь, я не вспомню, как это делается…

— Завлекать мужчину все равно что ездить на велосипеде, — засмеялась Мари, — если когда-то умела, уже не разучишься.

Мари умело вписалась в вираж около въезда на стоянку. Они оставили автомобиль в месте, зарезервированном для работников НУМА. Поднявшись по лестнице в фойе, женщины влились в неспешный водоворот, образуемый многочисленными сотрудниками Агентства.

— Ленч сегодня — вместе? — спросила Мари.

— Непременно.

— Если ты не против, я приведу с собой пару мужчин. Так, чтобы ты хоть немного смогла поупражняться, восстановить форму, иначе говоря.

И прежде чем Дана успела отказаться от подобной перспективы. Мари растворилась в мельтешащей толпе, На площадке, ожидая вместе с другими сотрудниками, когда придет лифт, Дана с некоторым, более похожим на удивление, удовольствием поймала себя на мысли, что слова подруги ее взволновали.

Глава 35

Сэндекер оставил автомобиль на стоянке, принадлежащей Океанографическому колледжу в Александрии. Выбравшись с водительского места, он сразу направился в сторону мужчины, который стоял около электрического карта, какие используют при игре в гольф.

— Вы адмирал Сэндекер?

— Да, это я.

— Очень приятно. Я Мюррей Силверстейн. — Невысокого роста, лысеющий полный мужчина протянул руку. — Очень рад, что вы приехали, адмирал. Думаю, мы сможем быть вам полезными.

Сэндекер уселся в карт.

— Будем благодарны за любую помощь, за любую информацию, которую вы сможете сообщить.

Силверстейн уселся за рычаги и направил карт вдоль асфальтированной аллеи.

— Со вчерашнего вечера мы предприняли целую серию проверочных подсчетов. Я не ручаюсь за математическую безукоризненность, имейте в виду, но результаты получились, мягко говоря, весьма интригующие.

— Были проблемы?

— Не без того. Хотели поначалу обработать ваши данные в режиме строгого анализа, но пришлось довольствоваться приблизительным режимом. И главная тому причина — дефицит точных сведений. Например, в какую именно сторону был сориентирован нос «Титаника», когда лайнер начал погружаться под воду? Неизвестно, потому что никто не зафиксировал, а позднее никто не попытался это установить опытным путем. Отсутствие одного только этого фактора может привести к расхождению в три-четыре мили. А это, в свою очередь, увеличивает район поисков на многие квадратные мили, как вы понимаете.

— Не вполне вас понимаю. Мне казалось, что сорокапятитонный корабль тонет по вертикальной линии. Разве нет?

— Совсем не обязательно. «Титаник» еще на поверхности, то есть оставаясь на плаву, сильно накренился и под воду вошел как своего рода штопор, образуя угол в семьдесят шесть градусов или около того. По мере погружения носовые отсеки заполнялись водой, которая значительно увеличивала общий вес судна, так что «Титаник» вполне мог идти ко дну со скоростью четырех и даже пяти узлов в час. Далее, необходимо учитывать тот факт, что у судна была огромная сила инерции, а кроме того, «Титанику» пришлось сделать две с половиной мили, прежде чем лайнер лег на дно… Так что, боюсь, место залегания будет значительно отстоять от той самой точки, в которой судно погрузилось под воду.

Сэндекер с легко читаемым на лице изумлением уставился на океанографа.

— А разве возможно узнать, под каким именно углом «Титаник» опустился под воду? Ведь тем сведениям, которые были впоследствии сообщены спасшимися пассажирами, грош цена, образно говоря. Люди были настолько перепуганы, что им казалось такое… Словом, на их показаниях основываться едва ли можно.

Силверстейн указал на огромную цементную башню, расположенную в стороне от дороги.

— Во-он там ответ на ваш вопрос, адмирал, — он притормозил карт перед входом в здание. — Пойдемте со мной, и я смогу на практике вам продемонстрировать, что именно имеется в виду.

Сэндекер последовал за ним через небольшой вестибюль в комнату с просторным окном в торце. Силверстейн жестом пригласил адмирала подойти поближе. По другую сторону окна вдруг показался аквалангист в полном глубоководном снаряжении.

Аквалангист приблизился и помахал рукой. Силверстейн помахал в ответ.

— Глубоководный резервуар, — деловым тоном пояснил Силверстейн. — Внутренние стены изготовлены из стали. Внутренний диаметр тридцать футов, высота двести. Особая камера, куда нагнетается давление, служит своего рода люком, для входа-выхода. По вертикали имеются пять модернизированных шлюзов, которые позволяют исследователям проводить наблюдения за процессами на разных глубинах.

— Вот как… — сказал Сэндекер, осмысливая услышанное. — Иначе говоря, вы тут попытались смоделировать, как именно выглядел процесс потопления «Титаника», так, что ли?

— Именно так. Позвольте, я вам продемонстрирую… — С этими словами Силверстейн поднял телефонную трубку аппарата, спрятанного в нише под смотровым окошком. — Оуэн, через полминуты можно начинать.

— Вы что же, сумели сделать модель «Титаника»?

— Ну как вам сказать… Да, это модель, хотя ее и не приняли бы в Морской музей, — сказал Силверстейн. — Другое дело, что мы прежде всего смоделировали, в определенном масштабе, разумеется, основную конструкцию судна, размещение различных нагрузочных элементов. В этом смысле мы изготовили очень корректную модель «Титаника». Наш гончар великолепно исполнил свою часть работы.

— То есть как гончар?

— Так, ведь модель изготовлена из керамики, — Силверстейн сделал неопределенный жест рукой, как будто хотел в воздухе набросать контуры изготовленной гончаром модели «Титаника». — Мы изготовили керамическую модель еще и потому, что на ее изготовление ушла в двадцать раз меньше времени, чем потребовалось бы на металлическую тех же технических

характеристик. — Взяв Сэндекера повыше локтя, он пригласил адмирала вплотную приблизиться к окну. — Смотрите, тонет уже. Видите?

Сэндекер поднял голову и увидел продолговатый предмет футов четырех в длину, медленно оседающий в толще воды. Перед этим опускающимся предметом с той же скоростью двигалось нечто, внешне похожее на камни. Сэндекер сразу обратил внимание на то, что модель даже отдаленно не напоминала виденные им прежде модели кораблей: ни малейшего сходства с подлинным «Титаником». Предмет был похож на необработанный кусок самой обыкновенной глины: с одного конца — острый, с другого чуть закругленный. Над палубой, правда, находились три миниатюрные трубы, которыми, впрочем, и заканчивалось отдаленное сходство с оригиналом. Когда модель легла на дно, Сэндекер услышал сквозь толщу стекла негромкий отчетливый стук.

— Скажите, а не повлияет ли на ваши расчеты то, что модель совсем не напоминает «Титаник»? — спросил Сэндекер, постаравшись, чтобы вопрос не прозвучал обидно.

— В определенном смысле повлияет, — посмотрев на него, сказал Силверстейн. — Однако смею вас заверить, адмирал, что мы не упустили ни одной принципиальной подробности. Возможные погрешности моделирования, равно как и погрешности в расчетах, принципиальной ошибки не дадут.

Сэндекер показал в сторону модели.

— У настоящего «Титаника» было четыре трубы, а вы почему-то сделали только три.

— Перед тем, как полностью уйти под воду, — сказал Силверстейн, — корпус «Титаника» так перекосился, что корма оказалась перпендикулярна поверхности воды. Изменились механические нагрузки, и крепления первой трубы не выдержали и треснули, труба оказалась за бортом.

Сэндекер понимающе кивнул.

— Браво, доктор. Вот правду говорят, прежде чем вылезать с глупыми вопросами, выясни, с кем именно имеешь дело. Чувствую, что ваш эксперимент был подготовлен весьма тщательно. Еще раз — браво…

— Спасибо, адмирал. Не скрою, при постановке эксперимента я попытался использовать в значительной степени свой прежний опыт, это так. — Он повернулся к смотровому окну и поднял большой палец, выражая удовлетворение. Аквалангист кивнул в ответ и начал привязывать глиняную модель к фалу, спускавшемуся с верхнего порога бассейна. — Я еще разок проделаю эксперимент, а затем расскажу вам, каким именно образом мы получили наши результаты.

— Расскажите, а что такое опускалось перед моделью, на обвал похожее? Что это было?

— А, вот вы о чем… Это мы так имитировали паровые котлы.

— Паровые котлы?!

— Именно. Видите ли, в тот момент, когда корма «Титаника» резко поднялась над водой, то есть когда корма приняла вертикальное положение, не выдержали также и крепления паровых котлов. Котлы сорвались с мест, и, круша переборки, устремились по законам тяготения в носовую, разумеется, часть корпуса. На «Титанике» были установлены гигантские, тяжелейшие котлы, двадцать девять тонн весу в каждом. Снаряды — будь здоров. Диаметр самого большого котла был шестнадцать футов, длина двадцать футов, представляете?

— Да, но ведь у вас какая-то штука опускалась перед моделью.

— Все правильно. Мы сделали расчеты, и получилось, что как минимум девятнадцать котлов пробили своим весом все переборки, проделали огромную брешь в носу корабля и опускались именно перед самим «Титаником». Что, собственно говоря, мы и попытались сымитировать.

— Но ведь это все предположения, не так ли? Насколько они адекватны?

— Если бы котлы не пробили корпус и не вывалились бы наружу, они все оказались бы в носовой части корпуса. При этом распределение нагрузки было бы столь чудовищное, что все эти два десятка котлов потащили бы «Титаник» вниз под углом девяносто градусов, иначе говоря. Мы ознакомились с проведенным впоследствии опросом спасшихся пассажиров, так вот в большинстве своем они утверждали, что после того, как все котлы с чудовищным грохотом вывалились из корпуса корабля, корма чуть опустилась, и только потом «Титаник» скрылся под водой. Эту информацию я расценил как доказательство моей версии о том, что прежде, чем затонуть, корабль исторг из себя паровые котлы. Именно поэтому корма и опустилась. Причем не совсем опустилась, а именно немного, образуя с поверхностью океана угол в семьдесят восемь градусов. Этот наклон мы специально просчитывали, его же постарались сохранить в нашем эксперименте.

— И те камни, — или что там у вас, — которые падают перед моделью корабля, полностью имитируют падение котлов с настоящего «Титаника»?

— Да, получается в масштабе вполне корректная имитация. — Силверстейн поднял трубку телефона и произнес: — Не вижу вас, Оуэн. Вы готовы? — Положив трубку на рычаг, он объяснил Сэндекеру: — Оуэн Даган, мой ассистент. Он там наверху, наблюдает оттуда. Сейчас он снова опустит модель, причем опустит именно под углом семьдесят восемь градусов, о чем я и говорил. И по мере того, как вода начнет заполнять корпус модели, а мы специально там проделали соответствующие отверстия, чтобы все было, как в «Титанике» перед погружением, так вот, когда вода начнет заполнять корпус, модель будет тонуть носом вперед. В определенный момент положенные в корпус модели грузы скатятся в носовую часть, вывалятся наружу и будут опускаться перед судном. О чем я и говорил.

Как по команде грузы начали опускаться на дно резервуара, и вслед за ними, несколько отставая, опускалась и глиняная модель «Титаника». Наконец она опустилась на дно. Аквалангист подплыл и сделал на дне резервуара какую-то отметину, после чего обернулся в сторону Силверстейна и показал большой палец, а затем — указательный, что обозначало «один дюйм».

— Вот так вот, адмирал. Сто десять экспериментальных потоплении, ни много, ни мало. И не было ни одного случая, чтобы корабль уходил за пределы четырехдюймового радиуса.

Сэндекер еще раз заглянул в смотровое окно бассейна, затем обернулся к собеседнику:

— Так где же нам лучше искать?

— Еще какое-то время группа наших физиков будет занята расчетами и анализом собранных данных, — сказал Силверстейн, — хотя, по их предварительным расчетам, начать поиски следует в районе, расположенном на расстоянии тысячи трехсот ярдов к юго-востоку от того места, где «Сапфо-1» обнаружила корнет. Однако пока эти прогнозы весьма приблизительны. Скорее, это пока версия, и не более того.

— А почему вы не полагаете, что корнет тоже мог опускаться на дно по какой-то сложной траектории?

При этих словах на лице Силверстейна появилось обиженное выражение.

— Вы явно недооцениваете меня, адмирал. Если бы мы прежде не просчитали траекторию падения корнета от поверхности до момента касания дна, то всю нашу исследовательскую группу нужно было бы разогнать за некомпетентность. Непременно обратите внимание на то обстоятельство, что в итоговый счет включены два чека из магазина старых вещей. Это сотрудники по моей просьбе приобрели два подержанных корнета в магазине «Моуз».

Сначала мы неоднократно моделировали ситуацию в этом бассейне, а затем отвезли оба инструмента на двести миль от Кейп-Гаттерас и бросили корнеты в воду, там как раз глубина достигает двенадцати тысяч футов. Могу даже показать диаграммы, полученные после расшифровки данных сонара. Каждый из корнетов упал в радиусе не более пятидесяти ярдов от места вертикально спроецированного касания воды.

— Ради Бога, поверьте, я не хотел сказать ничего обидного, — мягко сказал Сэндекер. — Мне, право, неловко… Я сам, признаться, такую вот логическую некорректность ненавижу. — Он подошел к окошку и пристально посмотрел на керамическую модель «Титаника». Силверстейн оказался чуть поодаль, он сказал:

— Без сомнения, нам удалось сделать потрясающую модель. Уж сколько всякого, казалось бы, я сконструировал, а тут вот смотрю — и гордость переполняет.

— Странная все-таки штука, этот «Титаник», — проговорил Сэндекер с некоторой даже грустью в голосе. — Он обладает прямо-таки гипнотическим воздействием. Как только я узнал, что придется вытаскивать с океанского дна лайнер, ни о чем другом думать не могу. В мозгу одно — «Титаник», «Титаник», «Титаник»…

— А вы не задумывались, почему так? Я хочу сказать, что именно так сильно вас притягивает?

— Ну, как минимум, потому, что перед крушением «Титаника» все прочие морские катастрофы бледнеют и чахнут, — ответил Сэндекер. — Ведь на борту лайнера самый легендарный и в то же время самый недоступный клад. У меня повышается адреналин при одном только взгляде на еле различимую фотографию этого корабля. Как подумаю о подробностях трагедии, о тех людях. которые составили ту легендарную команду, о пассажирах, которые ходили по палубам лайнера в те немногие дни, которые, собственно, и составили историю корабля, — воображение разыгрывается настолько, что начинаю видеть отдельные эпизоды событий, как в кино. И вообще, Силверстейн, мне иногда приходит в голову, что «Титаник» — это своего рода затонувший архив эпохи которую никто из ныне живущих не видел и не увидит. Целый скол эпохи — под водой. Богу, разве что, известно, сумеем ли мы когда-нибудь вытащить лайнер на поверхность, или ему так и суждено лежать на дне. Но мы должны, мы просто обязаны попытаться вызволить «Титаник»!

Глава 36

Подводная лодка «Си-Слаг» имела простые, аэродинамически безупречные контуры. Смотреть на нее было одно удовольствие. Но стоило только Питту втиснуть свое мощное тело в пилотское кресло и оглядеться по сторонам, как интерьер лодки представился ему прямо-таки клаустрофобически-кошмарным: ни одного мало-мальски свободного места — одни только приборы, трубки гидравлических систем, электрические провода. Обтекаемой формы закругления на носу и корме придавали двадцатифутовой субмарине некоторое сходство с гигантским слизняком. Выкрашена лодка была в ядовито-желтый цвет. На носу были установлены четыре — по две с каждой стороны — телекамеры, над кабиной располагались два мощных прожектора, напоминающие радарные купола.

Внимательно посмотрев техническое описание, Питт обернулся к Джиордино, который сидел рядом, на месте второго пилота.

— Ну, как посмотришь, если я предложу нырнуть? Испробуем?

— Еще бы! — Джиордино сверкнул своей обложечно-журнальной улыбкой.

— А ты что скажешь, Руди?

Оторвавшись от разглядывания нижних иллюминаторов, Ганн выпрямился и с достоинством ответил:

— Если у вас все готово, я всегда поддержу, хоть сию минуту.

Включив все внешние камеры, Питт вооружился переговорным устройством и начал отдавать команды, следя за тем, как именно они исполняются. Корабль сопровождения «Модок» зацепил деррик-краном подлодку, приподнял ее над опорами, медленно вывел и затем бережно опустил на воду миниатюрную субмарину «Си-Слаг». Как только расторопный аквалангист отцепил подъемные тросы, Питт сверился с приборами и нажал кнопку загружения балласта. Субмарина начала послушно, медленно опускаться в воду.

— Включить контрольный таймер! — скомандовал Джиордино. — Час на спуск, десять часов на поиск, два часа на всплытие. В случае чего, еще пять часов останутся у нас в запасе.

— Не останутся, — сказал Питт. — Это время мы используем на поиск «Титаника», так будет лучше.

Джиордино представлял себе ситуацию более, чем хорошо. Если, не дай Бог, с лодкой что-нибудь случится на глубине двенадцати тысяч футов, а у них не останется резервного времени, то надежды на спасение не будет. Тогда нужно будет молить Господа уже не о чудесном спасении, но лишь о скорой смерти. Потому как скорая смерть — это ведь тоже своего рода благо, если сравнить, например, с пыткой медленного удушья. Джиордино вдруг поймал себя на мысли, что ему хотелось бы каким-нибудь образом оказаться вновь на ненавистной прежде «Сапфо-1», где все-таки он чувствовал себя увереннее и, если быть откровенным, спокойнее. Что ни говори, а когда в субмарине можно без риска набить шишку распрямиться, когда можно быть уверенным, что в случае чего тебя выручит восьминедельная система автономного обеспечения — как-то комфортнее себя чувствуешь. Сидя на своем месте, Джиордино наблюдал в иллюминатор, как вода за кормой делается все более темной, зловещей. Изредка поглядывая на Питта, Джиордино задавался вопросом, что за человек управляет их лодкой…

Джиордино вспомнил сейчас те замечательные денечки, когда был еще школьником, когда вместе с Питтом они гоняли на велосипедах по тихим улочкам Ньюпорт-Бич в Калифорнии. Никто не знал так хорошо Дирка Питта, как он, Джиордино, впрочем, никто и не мог так хорошо знать его, включая женщин, с которыми в разное время Питт оказывался близок. В некотором смысле можно было сказать, что у Питта под телесной оболочкой заключены две личины, две различные сущности, напрямую не связанные одна с другой. Один Дирк Питт был конгениальный, редко поступающийся здравым смыслом, веселый, бесхитростный парень, который был готов по первому зову прийти на помощь и одарить своей дружбой первого встречного. Но был и совершенно иной Дирк Питт — этакая расчетливая бездушная машина, которая практически никогда не допускала ошибок; этот другой Питт часто уходил в себя настолько, что все остальные вообще переставали для него что-нибудь значить. Если даже и существовала между двумя этими сущностями некая дверца, Джиордино не умел раскрыть ее.

Джиордино переключил свое внимание на показание глубиномера. Стрелка показывала тысячу двести футов.

Как только на циферблате стрелка перевалила за отметку две тысячи футов, последние проблески темной синевы исчезли, и теперь за иллюминаторами наступила плотная, неприступная, непроницаемая ночь. Заглядывая в нижний иллюминатор, Джиордино видел одну только черноту. Нажав кнопку включения прожекторов, он осветил ближайшую к дну лодки часть воды. Прожектора как бы образовывали в этом царстве темноты мутную светлую дорожку, спускаться вдоль которой было все-таки приятнее.

— Ты сам что думаешь, сумеем мы отыскать «Титаник» или нет? — спросил он.

— В том случае, если компьютер просчитал верно, «Титаник» лежит в радиусе нескольких миль от точки погружения. Сэндекер принес расчеты, из них следует, что если в точке затопления нарисовать вершину конуса, то угол в сто десять градусов и даст нам район исследования. А центр искомой окружности в тысяче трехстах ярдах на юго-восток от места, где был найден корнет.

— Лихо подсчитали, ничего не скажешь! — Джиордино покрутил головой. — Иначе говоря, если по шкале сложности на одном полюсе отметить поиски срезанного ногтя в песках Кони-Айленда, на другом — поиски яйца какого-нибудь, я не знаю, какого-нибудь долгоносика на хлопковом поле, то наша задача по той же шкале окажется примерно посредине, между тем и тем.

— Слушай, как же я терпеть не могу таких вот разговоров, — сказал Ганн. — Тебя послушаешь, потом весь День ходишь с паршивым настроением.

— Есть такой способ, — откликнулся со своего места Питт. — Если пришло паршивое настроение, не замечай. Вообще не обращай на него внимания, и настроение уйдет само, — довольный своей шуткой, Питт первым рассмеялся.

Джиордино, не желая прослыть занудой, тоже улыбнулся, но больше для того, чтобы поддержать компанию.

Вид по ту сторону иллюминатора не располагал к веселью.

— Меня на следующей остановке высади, ладно? — поддержал он шутливый тон.

— Сначала тебе найдем девочку, — с нарочитой серьезностью ответил Питт и показал рукой на светящееся табло часов. — Смотри, сейчас без двадцати минут семь. Если чуть поспешим, что в наших силах, будем на «Титанике» до двенадцати, иначе говоря, успеем на ленч.

— Имела место быть изысканная шутка, — прокомментировал вслух Джиордино.

— Шутка жить не помешает, — сказал Ганн. Закончив фиксацию одной из внешних камер, Ганн нажал на кнопку. В мгновение за стеклом иллюминатора блеснула ярчайшая вспышка, в свете которой, как на фотоснимке, вдруг обозначились мириады крупиц океанского планктона, висевшего на этой глубине как своего рода водная пыль.

Еще через сорок минут «Си-Слаг» опустилась на очередные десять тысяч футов. Питт связался с кораблем сопровождения «Модок» и сообщил давление и температуру воды за бортом. Температура составляла тридцать пять градусов.

На этих глубинах не слишком много встречалось живности, и потому подводники с таким интересом прилипли к иллюминатору, когда из толщи воды вдруг соткался и уставился на них снаружи маленький, неприятного вида, морской черт. Крошечный светлый шарик, росший из головы морского черта, светился, как одинокий маяк.

На глубине в двенадцать тысяч триста семьдесят пять футов наконец они смогли увидеть дно. Было такое странное чувство, словно субмарина в какой-то момент прекратила спуск и океанский ландшафт тогда двинулся ей навстречу.

Питт привел в действие тяговые двигатели и таким образом выровнял субмарину сообразно наклону дна. Остановив погружение, он двинул лодку вдоль поверхности, которая в этом районе была покрыта неяркой красноватого отлива глиной, похожей на выцветший ковер.

Океанскую неподвижную тишину наполнил звук работающих на «Си-Слаг» электромоторов. Сначала Питту было непросто адаптироваться к донному рельефу, где за подъемами следовали провалы, а весь ландшафт как бы копировал водную поверхность. Океанское дно напоминало двухмерную, плоскостную картину: ничто не указывало на наличие третьего измерения. Насколько хватало мощности прожекторов, тянулась одна только разноокрашенная плоскость.

Никакой жизни в иллюминатор нельзя было увидеть. Хотя внимательный наблюдатель без труда замечал ее признаки, указывающие, что и здесь есть жизнь. По всему обозримому участку дна зигзагами, каракулями и вообще черт знает как расходились следы, оставленные здешними обитателями. Могло показаться, что эти следы оставлены недавно, только что, однако в таких вопросах взгляду доверять было ни в коем случае нельзя. Море обманчиво, океан обманчив вдвойне. Тем более на таких глубинах. Следы, оставленные глубоководными морскими пауками, морскими огурцами и звездами в равной степени могли выглядеть свеженькими независимо от того, были ли оставлены только что или сотни лет тому назад. Специфика отложений на таких глубинах заключается в том, что при незначительности флоры и фауны за тысячу лет не всегда скапливается какой-нибудь сантиметр остаточного грунта, образуемый умершими организмами.

— Смотри, какая тут красавица! — сказал Джиордино, указывая пальцем.

Питт проследил за рукой коллеги и разглядел в толще воды некое странное черно-синее существо, этакий гибрид цветка и осьминога. У него были восемь своего рода щупальцев, напоминавших перепончатые лапы утки. Двумя огромными глазищами, которые составляли едва не треть всего тела, существо уставилось на «Си-Слаг» идиотическим тяжелым взглядом.

— Эта штуковина называется глубоководным вампиром, — голосом конферансье объявил Ганн.

— Спроси, она родом случайно не из Трансильвании, — Джиордино усмехнулся собственной, как ему представлялось, шутке.

— Честно говоря, — сказал ему Питт, — эта штука за стеклом очень напоминает твою подружку.

— Ту, которая плоская, как селедка, что ли? — уточнил Ганн.

— Ты ее тоже видел?

— Если уж завидно, так хоть не показывайте вида, — огрызнулся Джиордино. — Она от меня без ума, ее папаша торгует спиртным.

— Чем торгует-то?! — с явной издевкой сказал Питт. — «Олд Кресспул бурбон», джином «Аттила» водкой «Тихуана»… Кто-нибудь о таких сортах слышал?

К явной радости коллег Джиордино попытался оправ. дать своего потенциального родственника, что лишь привело к граду шуток, шуточек и потокам ерничанья. Подтрунивая над Джиордино, подводники не заметили как пролетел час, затем другой, третий… Не только и даже не столько причиной был насмешливый характер Ганна или Питта — сработали подсознательные механизмы, заставляющие людей использовать разговоры и шутки для того, чтобы справляться с чудовищной монотонностью работы на глубине. В отличие от того, что пишут в книжках про затонувшие корабли и искателей кладов, в отличие от того, что показывают в фильмах про подводные поисковые операции, работа, связанная с исследованием больших глубин, отличалась чертовской изнурительностью и была очень и очень монотонной. Добавьте к этому дискомфорт, возникающий от необходимости все время сидеть, согнувшись в три погибели, добавьте сюда же высокую влажность воздуха и более чем прохладную температуру на борту — и вы получите слагаемые не только возможных ошибок в работе подводников, но слагаемые просчетов, которые могут оказаться дорогостоящими и даже фатальными.

Питт не убирал рук с рычагов управления. Ему все время приходилось быть начеку, следить, чтобы лодка двигалась на высоте четырех футов над поверхностью дна. Внимание Джиордино было приковано к системам жизнеобеспечения. Ганн следил за показаниями магнитометра и вслушивался в сигналы сонара, прощупывавшего слепое пространство вокруг лодки.

Все прежние споры, предложения, проекты и гипотезы остались над водой. Теперь успех экспедиции целиком зависел от терпения подводников, их настойчивости, помноженных на врожденный оптимизм и любовь к неизвестному, которая во все времена двигала искателей сокровищ.

— Прямо по курсу что-то похожее на скалу, — объявил Питт.

Джиордино приблизил лицо к иллюминатору.

— Прямо из грязи скала вырастает. Я всегда хотел узнать, откуда на дне появляются скалы, вроде этой?

— Может, с какого-нибудь парусника в прошлые века балласт сбросили?

— Или с айсберга какого-нибудь камни насыпались… — раздумчиво сказал Ганн. — Мало кто знает, что почти все айсберги несут множество камней, осколков горных пород, а когда лед тает, все, условно говоря, содержимое вываливается в океан…

— Эй, вы… — прервал сам себя Ганн и даже рукой досадливо махнул, как будто не он сам, а кто-нибудь еще разговаривал в эту секунду. — Слышу отчетливый сигнал сонара… Вот, и на магнитомере стрелка поползла… Смотрите!!!

— Направление? — спросил Питт.

— Прямо по курсу, один-три-семь.

— Один-три-семь, принял, — четко отреагировал Питт. Он плавно пустил свою «Си-Слаг» в спокойно уводящий с курса вираж, словно то была не подводная лодка, а спортивный самолет. Субмарина легла на новую траекторию.

Джиордино изо всех сил тянул шею, пытаясь через плечо Питта заглянуть в круглый экран сонарскопа, на котором появлялись и гасли концентрические круги. Появлявшаяся и мягко пульсировавшая на экране яркая точка означала, что за пределами видимости, на расстоянии трехсот ярдов от лодки находится какой-то твердый объект.

— Только не радуйтесь раньше времени, — успокоил Ганн своих коллег. — Это может быть что угодно, только не «Титаник». Судя по импульсу, объект не очень велик.

— Как бы ты его сейчас оценил?

— Трудно сказать… Не больше двадцати — двадцати пяти футов длиной… Это может быть все что угодно, еще Раз говорю.

— Может, это один из паровых котлов «Титаника»? — встрял в разговор Питт. — Здесь этих котлов должно быть до чертиков…

— Умный како-ой… — протянул Ганн, хотя, судя по выражению лица, он подумал о том же самом. — Возьми с полки пирожок и садись на место. У меня еще одна аналогичная цель, направление по курсу один-один-пять… И еще один, направление один-шесть-ноль… По-следний в длину около семидесяти футов.

— Может, одна из дымовых труб «Титаника»? — подсказал Питт.

— Боже! — воскликнул Ганн, сделав такое движение словно собирался с головой забраться в сонарскоп. — Вы только поглядите, тут настоящая свалка металлолома!!!

Внезапно из мутной темноты по ту сторону иллюминатора проступили очертания круглого объекта, вокруг которого при направленном свете мощного прожектора появилось что-то наподобие венчика или ореола. Объект напоминал богатое,

основательно сработанное надгробие. Вскоре три пары взволнованных глаз, прилипшие к стеклу иллюминатора, смогли различить решетку топки большого котла, множество рядов аккуратных заклепок вдоль металлических швов скрепления, острые большие заусенцы того, что в прошлом представляло собой систему отводных труб.

— Живи вы в то время, вот бы попыхтели, работая истопниками на таких вот котлах! — восхищенно прошептал Джиордино. — Это сколько же нужно было топлива, чтобы загрузить такую вот штуку?!

— На сонаре еще один котел, по курсу… Нет, погодите! Сигнал сильнее! Показания длины объекта: сто футов… двести футов… триста…

— Господи, сделай так, чтобы это оказался «Титаник», — подняв глаза к потолку, внятно сказал Питт.

— Пятьсот, — с округлившимися глазами произнес Ганн. — Семьсот… восемьсот футов. Мы нашли его! Мы нашли его!

— Курс? — скомандовал Питт и почувствовал, что во рту его сухо, как в печке.

— По ходу ноль-девять-семь, — ответил Ганн таким тихим шепотом, что Питт не столько услышал, как угадал по артикуляции названные координаты.

Следующие несколько минут, пока «Си-Слаг» двигалась к цели, подводники сохраняли гробовое молчание. Их лица были бледны и напряжены, в глазах явственно прочитывалось предвкушение победы.

У Питта до боли колотилось сердце, в желудке возникло ощущение, словно он проглотил утюг. Болели буквально все внутренности. Он поймал себя на мысли, что допустил слишком опасное приближение ко дну и что лодка может буквально процарапать корпусом песчаный подводный бархан. Едва различимым нажатием на рычаги он мягко приподнял субмарину и чуть подался корпусом вперед, чтобы лучше видеть происходящее за иллюминатором. Что же за столько времени сделалось с «Титаником»? Неужели корпус судна прогнил насквозь, и лайнер превратился в груду ржавого и неподъемного железа?! Внезапно глаза различили огромную тень, выступившую из океанской жуткой темноты.

— Боже Праведный, — с благоговением и ужасом в голосе произнес Джиордино, — это же… он…

Когда расстояние сократилось до пятидесяти футов, Питт резко убавил обороты двигателей и развернул субмарину таким образом, чтобы «Си-Слаг» двигалась курсом, Параллельным ватерлинии затонувшего гиганта. Уже сам по себе внешний вид корабля приводил в трепет подводников. Даже пролежав без малого восемьдесят лет на дне, затонувший лайнер выглядел на удивление неплохо. Ржавчина почти не источила корпус корабля. Золотая кайма, идущая вдоль всего корпуса, мягко сверкнула в сильных лучах прожектора. Питт чуть приподнял субмарину. Через иллюминатор был виден восьмитонный стационарный якорь. Подлодка прошла еще несколько футов, и все трое подводников увидели золотые

буквы футов трех высотой, из которых складывалось гордое название «ТИТАНИК».

Питт чувствовал легкое головокружение. Он поднял трубку переговорного телефона и надавил на кнопку «связь».

— «Модок»… «Модок»… Говорит «Си-Слаг», как слышите?

Без промедления раздался голос оператора:

— «Си-Слаг», говорит «Модок», прием. Питт подрегулировал тумблер тона, чтобы несколько уменьшить фоновый треск.

— «Модок», передайте в Агентство, что нами обнаружен «Большой-Т». Повторяю, нами обнаружен «Большой-Т». Глубина двенадцать тысяч триста сорок футов. Время одиннадцать-сорок две. Как поняли?

— Одиннадцать-сорок две… — как эхо откликнулся Джиордино. — На две минуты ошибся…

«Титаник» лежал, погруженный в безмолвие черной глубины и торжественную спокойную скорбь. Повсюду на корпусе корабля были видны следы давней трагедии Рваная огромная рана от столкновения с айсбергом тянулась по правому борту до самой котельной № 5, почти триста футов. Загибающиеся наружу острые края в носовой части корпуса обозначали пробоины, полученные в момент, когда сорвавшиеся со своих мест паровые котлы разом устремились из чрева раненого судна, обгоняя друг друга и круша на своем пути оборудование людей, переборки и грузы.

«Титаник» лежал, тяжело навалившись на дно, немного накренившись на левый борт. Полубак судна был обращен на юг, словно лайнер еще не вполне смирился со своей участью и надеялся при благоприятном стечении обстоятельств выбраться на поверхность и доставить грузы, пассажиров и команду в тот самый порт, увидеть который «Титанику» так и не довелось. Лучи прожекторов «Си-Слаг» метались по надстройке лайнера, порождая стремительные контурные тени, которые казались суетливыми подводными привидениями. Бойницы корабельных иллюминаторов, частью разбитые или раскрытые, частью уцелевшие, ровными рядами шли вдоль корпуса гиганта. Теперь, после того, как третья дымовая труба черт знает куда подевалась, вторая труба оторвалась, когда лайнер опускался на дно, а труба № 4 лежала поперек палубы, внешний вид «Титаника» был вполне современным. Исключая вырванные с корнем металлические трубы коммуникаций, переплетенные, как змеиный клубок, на той самой палубе, где прежде были прикреплены спасательные шлюпки, лишь несколько килекторых вентиляторов застыли немыми стражами, охраняя безлюдные трапы, палубы и переходы.

В облике «Титаника» проглядывала чудовищная красота. Подводники, разглядывая корабль, мысленно представляли себе те дни, когда в обеденных залах и салонах пылал электрический свет, когда палубы и помещения «Титаника»

наполняли сотни праздных, в легком опьянении, беззаботных пассажиров: они мысленным взором оглядывали полки корабельной библиотеки, где на стеллажах ровными рядами выстроились новенькие книги, проникали в роскошно декорированные курительные комнаты, где под потолком плавали клубы ароматного табачного дыма… Подводники как будто даже слышали, как в танцевальном салоне оркестр «Титаника» лихо наяривал мелодию популярного в начале века направления «рэгтайм»… Пассажиры некогда дефилировали по просторным палубам корабля; знаменитые, состоятельные мужчины в строгих вечерних костюмах, необыкновенной красоты женщины в легких цветных платьях до колена, по тогдашней моде; тут же гуляли и няньки со своими подопечными, и у каждого малыша — в руке любимая игрушка, без которой не обходилась никакая прогулка… В первом классе «Титаника» ехали Асторы, Гугенхеймы, Штраусы и другие представители столь же хорошо известных, богатейших, влиятельных семейств. Каюты второго класса занимали школьные учителя, священники, студенты, писатели, люди среднего достатка. Эмигранты, ирландские фермеры с семьями, плотники, булочники, портные, шахтеры из крошечных городов Швеции, России, Греции — кого только не было на судне, всякому находилось место. Одна только команда насчитывала девять тысяч человек — от старших офицеров до инженеров, уборщиков и мальчиков-лифтеров.

Невероятное богатство лежало сейчас на океанском дне, распиханное по каютам, трюмам и сейфам корабля. Интересно, что сделалось за столько лет с бассейнами, кортами для тенниса и сквэша, турецкими банями и всем прочим, некогда составлявшим гордость лайнера? Неужели же в гостиной еще свисают с кронштейнов остатки некогда сказочно красивых штор? А что случилось с бронзовыми, некогда стоявшими около центрального трапа огромными часами? А как-то сейчас выглядят элегантные хрустальные люстры «Кафе Паризьен»? Неужели еще осталось что-нибудь от изящных лепных потолков в столовой первого класса? И вообще, не прогуливается ли тень покойного Эдварда Дж. Смита, капитана «Титаника», меж тенями, которые в прожекторном ослеплении отбрасывали сейчас трапы, надстройки и мостки?! Интересно, какие тайны будут раскрыты, если когда-нибудь лайнер увидит свет Божий?

Установленные на видеокамерах яркие лампы подсветки беспрерывно горели, а курсирующая возле «Титаника» казавшаяся по сравнению с гигантом-лайнером маленькой и как будто игрушечной «Си-Слаг» все записывала и записывала на пленку никем прежде не виденное подводное чудо.

Над верхней палубой «Титаника» медленно проплыла большая, футов двух длиной, узкохвостая, с огромными глазами и тупой мощной головой рыбина. Ни свет субмарины, ни сама подлодка решительно не показались океанской обитательнице интересными.

Участникам поисковой экспедиции казалось, что с момента обнаружения «Титаника» прошли уже многие часы.

Вид за иллюминаторами был настолько фантастическим, что подводники все продолжали и продолжали кружить возле корабля, Бог знает в который раз

выписывая эллиптическую траекторию вокруг судна. Наконец «Си-Слаг» поднялась над палубой первого класса, сбросила капсулу, в которой находился радиомаяк. Посылаемые прибором импульсы в диапазоне малых частот сделают элементарным поиски корабля для всякого, кто настроится на соответствующую волну.

Субмарина оторвалась наконец от «Титаника» и, сделав спиралеобразный разгон, плавно устремилась вверх. Прожекторы подлодки потухли, так что она слилась с темнотой бездвижного океана.

И вновь, как и все эти годы, «Титаник» остался один, если не считать нескольких мягко фосфоресцирующих существ, которые каким-то образом умудрялись существовать в холоде, темноте, при чудовищном давлении больших глубин. Скоро сюда придут другие подлодки, и «Титаник» почувствует, как множество людей начнут нарушать многолетний покой привыкшего к одиночеству судна. Это напомнит кораблю те дни, когда в доках фирмы «Харланд энд Волфф» около Белфаста множество людей трудились над медленно рождавшимся лайнером.

Может быть, о, вполне может быть, «Титанику» еще и будет суждено узнать радостное волнение первого захода в иностранный порт.

Часть четвертая

«ТИТАНИК»

Май 1988

Глава 37

Спокойным заученным движением Генеральный Секретарь ЦК КПСС Георгий Антонов зажег трубку, несколько раз пыхнул табачным дымом, затем молча оглядел собравшихся за большим, красного дерева, столом заседаний.

По правую руку от Генерального сидел начальник советской военно-морской разведки адмирал Борис Слоюк, чуть поодаль — помощник Слоюка капитан Превлов.

Напротив них, по левую от Генерального Секретаря руку, восседали начальник секретного отдела КГБ по работе за пределами России Владимир Полевой и Василий Тилевич, начальник службы безопасности, маршал Советского тайного фронта.

Антонов без околичностей сказал:

— Судя по всему, американцы намерены поднять «Титаник» со дна океана. — Он перебрал разложенные на столе бумаги и через несколько секунд продолжил: — Они сконцентрировали такие силы, что это впечатляет. Два корабля сопровождения, три плавбазы, четыре глубоководных субмарины. — Антонов посмотрел на адмирала Слоюка и капитана Превлова. — В районе проведения работ у нас есть кто-нибудь?

Превлов внушительно кивнул.

— Там наше океанографическое научно-исследовательское судно «Михаил Курков» под командой капитана Ивана Пароткина.

— Знаю Пароткина, — сказал Слоюк. — Хороший моряк.

— Не перестаю задаваться вопросом, зачем именно американцам понадобилось тратить сотни миллионов долларов на поднятие ржавого корабля, который потонул семьдесят шесть лет назад. Спрашиваю себя и не моту ответить. Для столь дорогостоящей операции должны быть веские причины, — сказал Антонов.

— У них имеются более чем веские причины, — тотчас же вступил адмирал Слоюк. — И это такие причины, которые могут поставить под угрозу всю нашу систему безопасности. — Он кивнул Превлову, и капитан, ожидавший разрешения, передал несколько красных папок Антонову и всем собравшимся. На каждой папке было написано «Сицилианский проект». — Именно поэтому я предложил всем собраться и обсудить наши дальнейшие действия. Дело в том, что мои агенты сумели напасть на след новой секретной американской системы обеспечения безопасности воздушного пространства. Ознакомившись с нашими материалами, вы будете неприятно удивлены, а может, и потрясены.

Антонов, а за ним и все остальные раскрыли переданные им фолдеры и углубились в чтение. Минут пять-шесть Генеральный Секретарь внимательно читал материалы, изредка поднимая глаза в направлении Слоюка. На лице Антонова отображался самый широкий эмоциональный спектр, от удивления до возмущения и недоумения. Прочитав документы, Антонов поднял голову. Лицо его сделалось строгим, неподвижным.

— Немыслимо, адмирал. Просто-таки немыслимо, даже в голове не укладывается.

— А как по-вашему, — спросил адмирала маршал Тилевич, — насколько осуществима такого рода оборонительная система?

— С тем же самым вопросом я обращался к пяти наиболее компетентным специалистам, и все они подтвердили, что теоретически, в случае, если будет создан достаточно мощный блок питания, эта система может быть реализована.

— И на этом основании вы полагаете, что в трюмах «Титаника» как раз и находится некий материал для создания блока питания? Я правильно понимаю? — уточнил Тилевич.

— Не просто полагаем, мы абсолютно уверены в этом, товарищ маршал. Как отмечено в рапорте, который вы только что прочитали, для завершения «Сицилианского проекта», а именно — для создания сверхмощного блока питания, американцам требуется очень редко встречаемый на земле элемент — бизаний. Мы имеем подтверждение того факта, что единственное на планете месторождение бизания находилось в России. Семьдесят шесть лет назад американцы разработали это уникальное месторождение и всю собранную бизаниевую руду попросту похитили. Украли, проще говоря. У нас украли. Они

погрузили добытое на корабль, но тут удача от них отвернулась, поскольку этим кораблем оказался «Титаник».

Антонов недоуменно покачал головой, подтверждая собственные слова о том, что такого рода истина не умещается в его сознании.

— Если все то, что изложено в вашем рапорте, адекватно действительной ситуации, то в самом скором времени американцы окажутся в состоянии завершить создание такой системы, которая сделает территорию Соединенных Штатов недосягаемой для наших межконтинентальных ракет. Наши ракеты, в случае конфликта, будут раздавлены так же легко, как мы давим комара.

Слоюк мрачным кивком головы подтвердил правоту только что прозвучавшего резюме.

— Боюсь, что все это вскоре может стать воплощенной реалией. Таковы перспективы.

Полевой подался в сторону собеседника, на лице начальника секретного отдела читался явный испуг.

— Насколько я понял, вы утверждаете в вашем рапорте, что все эти сведения добыты через высокопоставленного агента, который служит в министерстве обороны Соединенных Штатов.

— Совершенно верно, — с подобающим уважением к должности Полевого сказал Превлов. — Этот агент разуверился в американской так называемой демократии после того, как достоянием гласности сделалось Уотергейтское дело. Он стал сотрудничать с нашей службой и с тех самых пор снабжает меня всеми материалами, которые считает важными.

Антонов проницательно посмотрел на Превлова.

— Скажите, капитан, а сами вы — верите? Вы действительно, считаете, что проект подобного рода осуществим?

— Поднятие на поверхность лайнера?

— Именно, — Антонов кивнул. Превлов смело посмотрел в глаза Генерального Секретаря.

— Вы наверняка знаете о том, что в 1974 году Центральное разведывательное управление США сумело поднять с глубины семнадцать тысяч футов советскую ядерную подводную лодку, которая затонула неподалеку от Гавайских островов. Они, если не ошибаюсь, назвали тот свой проект «Дженнифер». Это, повторю, произошло в 1974 году. Это позволяет мне утверждать, что технически американцы в состоянии поднять затонувший «Титаник» и перетащить его в нью-йоркский порт. Так что, товарищ Генеральный Секретарь, что касается моего мнения, я уверен.

— Признаться, никак не могу разделить ваш проамериканский оптимизм, капитан, — сказал Полевой. — Субмарина это одно, а такое гигантское судно, как «Титаник» — это совсем другое, тут нельзя проводить параллели.

— Хочу сразу сказать, что в общих чертах я вполне согласен с капитаном Превловым, — решительным голосом сказал Слоюк. — У американцев есть противная особенность: если уж берутся за осуществление какого сложного проекта, то непременно доведут дело до конца.

— Допустим, а имеются ли какие-нибудь детали этого «Сицилианского проекта»? — спросил Полевой. — Поскольку нашему Комитету пока удалось лишь узнать о самом факте существования. Мы пока ничего, кроме названия, не можем сообщить о «Сицилианском проекте». Никаких цифр, никаких подробностей… Как мы можем быть уверены, что весь этот проект аутентичен? Вдруг все это — блеф, липа, которая американцам нужна как очередной козырь при обсуждении вопросов ограничения стратегических вооружений?! Тогда что?

Антонов уперся кулаками в стол.

— В данном случае американцы не блефуют. Об отношении американцев к политическому блефу мог бы рассказать покойный товарищ Хрущев, которому двадцать пять лет назад, во время так называемого Карибского кризиса был преподан один очень и очень хороший урок. И нам из этого урока надлежит сделать выводы. Мы никак не можем игнорировать возможность того, что, как только американцы извлекут бизаний из трюма затонувшего «Титаника», в распоряжении Соединенных Штатов окажется оборонительная система чудовищной потенции. — Он сделал паузу и несколько раз пыхнул трубкой. — Я предлагаю от разговоров о возможности и невозможности сразу перейти к вопросу: что в первую очередь нам предстоит сделать. Каковы должны быть первоочередные шаги?

— Нужно сделать все возможное для того, чтобы бизаний из трюма «Титаника» никоим образом не попал в руки американцев, — сказал маршал Тилевич.

Полевой побарабанил пальцами по папке с материалами «Сицилианского проекта».

— Саботировать, всеми возможными и невозможными способами нужно саботировать операцию по извлечению корабля. Другого пути я не вижу.

— Только все нужно будет сделать тихо, чтобы никакого, понимаешь, международного скандала. Уж что-что, попадать в дурацкое положение мы большие мастера, — решительно сказал Антонов. — Чтобы ни малейшего намека на военную акцию с нашей стороны. Я не хочу портить отношений с американцами только лишь потому, что их исследователи, их ученые и конструкторы оказались талантливее наших. Надеюсь, я внятно выразил свою мысль, товарищи.

— Но до тех пор, покуда мы не проникнем в район проведения спасательной операции, мы ничего не сумеем сделать, — продолжал гнуть в свою сторону Тилевич.

Полевой через стол посмотрел на сидевшего напротив него Слоюка.

— Вам что-нибудь известно о том, какие меры безопасности предприняли американцы? Они каким-нибудь образом пытаются закамуфлировать операцию или нет?

— Круглые сутки в том районе находится субмарина «Жюно». Это подлодка с ядерными ракетами, снабженная ядерным двигателем.

— Вы позволите высказать соображения? — с некоторыми даже унизительными, просительными нотками s голосе осведомился Превлов, и, не дожидаясь буквального разрешения, глядя на Генерального Секретаря, он сказал:

— Я должен довести до вашего сведения, что в некотором смысле нам уже удалось внедриться в район поисковых и спасательных работ.

— А поточнее? — попросил Антонов. — Не совсем вас понимаю…

Превлов бросил взгляд на адмирала: не захочет ли его шеф сам объяснить? Адмирал Слоюк едва заметным кивком дал понять капитану Превлову, что предпочтет выступить в роли слушателя.

— Дело в том, — начал Превлов, — что двое из числа подводников, занятых в проекте подъема «Титаника», это наши люди. Формально они причислены к НУМА, это американское Национальное агентство надводных и подводных коммуникаций. Оба наших агента — люди исключительного таланта. Вот уже два года, как они передают нам важнейшие сведения из числа тех, которые оказываются в распоряжении американских океанографов.

— Очень, просто очень хорошо! — сказал Антонов, хотя особенного удовлетворения в его голосе не чувствовалось. — Ваши люди умеют замечательно работать, адмирал. — Он перевел взгляд снова на капитана Превлова. — И насколько я вас понимаю, капитан, вы уже имеете некоторый план действий, не так ли?

— Да, товарищ Генеральный Секретарь.

Марганин ожидал своего шефа в служебном кабинете Превлова. Когда капитан возвратился, Марганин тотчас же отметил перемену. Впрочем, некоторая перемена бросилась также и в глаза Превлову: еще несколько часов назад он оставил у себя в кабинете совсем иного Марганина — простецки выглядевшего, недалекого холуя, каковых немало развелось в армии. Теперь же Превлов видел перед собой строгого, уверенного в себе, скорее даже самоуверенного лейтенанта, мало походившего ms прежнего Марганина. Перемена главным образом отразилась в выражении глаз. Теперь это были глаза человека, знающего в жизни, что почем.

— Как встреча? — спросил Марганин, даже не потрудившись при виде непосредственного начальника привстать.

— Я так тебе скажу. Надеюсь дожить до того дня, когда ты будешь обращаться ко мне словами «товарищ адмирал». После сегодняшней встречи для такой надежды появились дополнительные основания.

— Ваш интеллект дает все основания надеяться, равно как и ваши организаторские таланты, — холодно заметил Марганин.

Подобная манера разговаривать несколько сбила Превлова с толку. Лицо капитана побелело от гнева. Когда он заговорил, в голосе не было абсолютно никаких эмоций, как будто вместо него говорил автомат:

— Почему ты позволяешь себе так разговаривать, а?

— А почему бы мне не позволить себе так разговаривать? Ведь у Генерального вы наверняка сказали, что благодаря вашим каналам информации вам удалось раскусить суть «Сицилианского проекта», равно как и действительный смысл операции по поднятию «Титаника» на поверхность, так ведь? Можете не отвечать, я и сам знаю, что все происходило именно так. А ведь все это сделалось известным лишь благодаря мне. Я нисколько не сомневаюсь, что вы также выложили Генеральному Секретарю вашу замечательную идею, как именно вырвать бизаний у американцев. Не так, что ли? Опять же, украдено у меня. Иначе говоря, вы просто грязный вор, капитан!

— Довольно! — гаркнул Превлов. Внезапно он ощутил прилив сил, успокоился, взял полностью себя в руки, сделавшись тонким психологом и прежним профессионалом от разведки. — За вашу грубость, допущенную в отношении старшего по званию, вы будете наказаны, — проговорил он с видимым удовольствием. — Прежде, чем закончится месяц, я позабочусь, чтобы тебе было плохо, точнее говоря, чтобы тебе было чудовищно плохо. Это будет, поверь, хуже тысячи смертей. Такого ты *еще* не видел.

Марганин ничего не ответил. Он по-прежнему спокойно смотрел на капитана, и губы его сложились в тонкую нехорошую улыбочку…

От улыбочки веяло могильным холодом.

Глава 38

— Я думаю, что хватит с нас секретности, — сказал Сигрем, опустив газету на рабочий стол Сэндекера. — Это утренняя газета. Четверть часа тому назад я купил ее на углу.

Сэндекер развернул газету и прежде всего взглянул на Дату, затем пробежал глазами первую страницу. Более и искать не потребовалось — все было тут, на первой же полосе.

Он прочитал вслух:

— "НУМА поднимает «Титаник»… По крайней мере, можно приостановить, мягко говоря, весь наш спектакль. Мне ведь и самому чертовски надоело притворяться, что ж думаете?.. «Многомиллионный проект с целью вызволить с океанского дна недоброй памяти лайнер…» По меньшей мере, такие статьи хоть читать-то интересно. «Как стало известно из хорошо информированных источников, Национальное агентство надводных и подводных коммуникаций предпринимает операцию, цель которой — поднятие „Титаника“ на поверхность. „Титаник“ столкнулся с айсбергом в центре Атлантического океана 15 апреля 1912 года. В результате трагедии погибли и пропали без вести более полутора тысяч человек. Операция по поднятию лайнера оказалась возможной благодаря новой, более совершенной технике, которая поступила в распоряжение НУМА. За всю историю человечества еще никогда специалисты не отваживались предпринять столь дорогостоящую и, главное, столь технически сложную операцию. В случае удачи это будет самый ценный клад, когда-либо извлеченный учеными…»

— «Охота за сокровищами, которые оценивают в сотни миллионов долларов», — прочитал Сигрем название другой статьи и нехорошо усмехнулся. — Это название особенно должно понравиться Президенту.

— Смотрите-ка, — удивленно воскликнул Сэндекер, пролистнув несколько газетных полос, — даже мое фото напечатали! А снимок-то какой похабный… Наверняка этот снимок газетчики нашли у себя в архиве. Тут я на пять-шесть лет моложе, но снимок все равно паршивый.

— И надо же выбрать такое время! Хуже и не придумаешь, — сказал Сигрем. — Еще бы три недели, всего-навсего… Я разговаривал с Питтом, он сказал, что недели через три попытается поднять «Титаник».

— Ну, вы не очень-то раскатывайте губы, Сигрем. Питт сказал; Питт это еще не последняя инстанция. А кроме того, Питт со своими людьми работают возле «Титаника» уже добрых девять месяцев. Атлантика на них как будто и впрямь ополчилась. Девять месяцев непрестанной борьбы с океаном, девять месяцев противостояния зимним штормам, которые гробят оборудование, выводят из строя технику. Больше того, скажу вам, мне кажется просто чудом уже и то, что Питту и его людям удалось сделать за сравнительно короткое время. А сколько еще предстоит сделать… Там у них тысяча и одна неувязка, вы себе не представляете! Существует, скажем, опасность того, что при падении на океанское дно в корпусе появились принципиальные повреждения. Невооруженным глазом они не видны, а поднимут корабль на поверхность, тут-то он и треснет пополам… Или другой вариант: корпус настолько за эти годы врос в дно, что грунт не выпустит «Титаника». Тоже, если вдуматься, вариант… Так что, на вашем месте, Сигрем, я бы не раскатывал губы до тех самых пор, покуда корабль находится за пределами нью-йоркского порта. Как только «Титаник» поравняется со Статуей Свободы — тогда другое дело…

Сигрем выглядел обиженным. Адмирал, заметив выражение лица собеседника, ухмыльнулся и протянул Сигрему сигару, которая была, однако, отклонена.

— Хотя, с другой стороны, — более дружелюбным тоном сказал Сэндекер, — может всякое случиться. Не особенно удивлюсь, если нам удастся вытащить «Титаник» с первого же раза и при этом без всяких проблем. И такое иногда случается.

— Знаете, адмирал, что мне в вас нравится? Это ваш чудовищный оптимизм. Такое впечатление, что у вас имеется некий скрытый выключатель. Включили — вы оптимист, и вас очень приятно слушать, и оптимистические прогнозы у вас звучат аргументированно и в этом смысле — убедительно. Выключили — и вы тотчас же делаетесь пессимистом — и вас невыносимо слушать, а все пессимистические прогнозы оказываются не менее убедительными. Чертовщина какая-то…

— Видите ли, за свою жизнь я приучил себя всегда быть готовым к плохим известиям. Когда они приходят, не так больно…

Сигрем на это предпочел не отвечать. Некоторое время он молчал, наконец сказал:

— Мы с вами будем беспокоиться о конечном исходе, когда «Титаник» начнут поднимать на поверхность. Сейчас же, по-моему, следует побеспокоиться о том, как Дальше общаться с газетчиками. Что вы можете посоветовать?

— Все очень просто, — сказал Сэндекер, — мы поступим в точности так, как ведет себя прожженный политик, когда перед ним журналисты выкладывают материалы, разоблачающие истинное лицо этого самого политика.

— А именно? — поинтересовался Сигрем.

— Все предельно просто. Такой политик созывает пресс-конференцию.

— Вы полагаете…

— Я уверен, что нам следует поступить так же.

— Но это ведь самоубийство. Если только общественность, а главное — если Конгресс только узнает, что мы с вами потратили без малого три четверти миллиарда долларов на проект подъема «Титаника», они же нас сожрут с потрохами, Сэндекер. Вы подумали об этом?!

— Отчего же… И не только подумал, но пришел к выводу, что с журналистами следует играть примерно так же, как плут играет в покер. Для начала мы объявим, что сумма, израсходованная на проект, не семьсот пятьдесят миллионов, а вдвое меньше. Кто сможет проверить? В настоящее время никто не сможет добраться до подлинных цифр.

— Извините, только мне подобные игры не по душе, — признался Сигрем. — Когда заходит речь о том, чтобы как следует потрясти кого-нибудь на пресс-конференции, эти вашингтонские газетчики оказываются прямо-таки кудесниками. Им только дай волю… Они всех нас как индейку в День Благодарения: раз — и готово, извольте кушать!

— Говоря о пресс-конференции, я вовсе не хотел сказать, что согласен грудью встретить этих писак, — раздумчиво произнес Сэндекер.

— И я не согласен. Вообще меня в этом всем как бы и нет вовсе, надеюсь, вы не забыли, Сэндекер? Я тут как бы и вовсе не существую. А стало быть — кто тогда?

— Да есть тут у меня одна кандидатура… Человек, который знает о проекте много меньше нашего. Однако у него репутация большущего специалиста по затонувшим кораблям, и газетчики вынуждены будут относиться к нему крайне уважительно.

— И где это, интересно узнать, вы найдете такой образец добродетели?

— Мне чертовски приятно, что вы сейчас употребили именно это слово — «добродетель», — без улыбки сказал Сэндекер. — Дело в том, что, говоря о своем плане, я имел в виду вашу супругу.

Глава 39

Дана Сигрем выглядела очень уверенной. Стоя возле модернизированного аналоя, как это стало принято при организации пресс-конференций, она ловко парировала один за другим десятки разнообразнейших вопросов, которые, как из рога изобилия, сыпались от корреспондентов, пришедших в этот час в один из залов НУМА. Она беспрерывно улыбалась. Вид у нее был такой, словно она чувствовала себя на седьмом небе и рассчитывала там оставаться в ближайшем будущем. Дана была одета в терракотовую свободную юбку с бахромой и элегантный подчеркивающий грудь джемпер с глубоким коническим вырезом. Изящное ожерелье из красного дерева подчеркивало свежий цвет кожи. Дана была высокой, стройной, очень привлекательной, так что даже самые записные наглецы из числа журналистов вынуждены были соблюдать некоторое подобие приличия.

Крашеная блондинка в левой части зала поднялась со своего места и, взмахнув рукой, чтобы привлечь внимание Даны, осведомилась:

— Доктор Сигрем, если не ошибаюсь? Дана грациозно кивнула.

— Доктор Сигрем, читатели моей газеты, — а я представляю «Чикаго Дейли», — хотели бы знать, что именно движет правительством, которое согласилось потратить миллионы долларов только лишь для того, чтобы поднять из океана старый ржавый корабль. Почему бы эти самые деньги не направить в те области, где постоянно не хватает средств — на помощь безработным, или, допустим, на реконструкцию городского жилого фонда?

— Буду рада объяснить вашим уважаемым читателям положение дел, — сказала Дана. — Начну с того, что поднятие «Титаника» — это все что угодно, только не бессмысленная трата денег налогоплательщиков. Двести девяносто миллионов долларов, выделенные из бюджета, оказались для нас столь значительной суммой, а расходы сказались по ряду причин настолько небольшими, что мы, Бог даст, не используем всех этих денег. Кроме того, наши специалисты ведут работы со значительным опережением разработанного графика.

— Вы хотите сказать, что названная вами сумма невелика, так что ли?!

— Да, я хочу сказать и я говорю, что выделенная нам сумма сравнительно невелика, если вы примете в расчет будущую отдачу от этого проекта. Сейчас упускается из виду тот немаловажный факт, что «Титаник» — это истинный склад, доверху набитый драгоценностями. По предварительным подсчетам, одних только ювелирных изделий и ценных металлов там миллионов на триста, и это еще самые скромные цифры. О наиболее смелых прогнозах я пока умолчу. Поднимем корабль, подсчитаем — тогда и поговорим. Для примера скажу, что нашим специалистам известна, допустим, такая каюта, в которой драгоценностей минимум на четверть миллиона долларов. Но это, впрочем, так, к слову… Немалую ценность представляют корабельные фитинги, оборудование, равно как и могущие сохраниться элементы интерьера. Коллекционеры с радостью согласятся платить от полутысячи до тысячи долларов за каждую чашку или рюмку, поскольку речь идет о чашках и рюмках с «Титаника». Так что, уважаемые леди и джентльмены, в случае с поднятием «Титаника» мы имеем отнюдь не один из тех федеральных проектов, которые лишь пожирают, прошу прощения за некоторую резкость, деньги наших налогоплательщиков и ничего не дают взамен. После поднятия корабля на поверхность мы опубликуем цифры доходов и, кроме того, опубликуем перечень обнаруженных ценнейших предметов начала века. Я пока совсем не говорю о научном значении предпринятого эксперимента и о той информации, которую получат, исследуя лайнер, специалисты в области кораблестроения, морских технологий…

— Доктор Сигрем? — обратился к ней высокий журналист со следами оспы на лице; он поднялся из самого дальнего от Даны ряда. — К сожалению, не все, здесь присутствующие, смогли ознакомиться с розданным пресс-релизом. Я бы очень вас попросил в нескольких словах пояснить механику подъемных работ. Как именно будет поднят «Титаник»?

— Я рада, что вы задали этот вопрос, — Дана непринужденно улыбнулась. — Извините за банальность, но ваш вопрос, сэр, представляет удобный повод для демонстрации слайдов, которые помогут пояснить многие неясности, так или иначе связанные с осуществлением проекта. — Она на полшага отступила от микрофона и, обратившись за кулисы, попросила: — Пожалуйста, свет…

Освещение в зале было выключено, и на экран, занимающий значительную часть торцевой стены за спиной Даны, оказался спроецирован первый из серии заранее приготовленных слайдов.

— Для начала мне бы хотелось вам показать около восьмидесяти слайдов, на которых запечатлен «Титаник» в том виде, в каком он пребывает по сей момент. К счастью, корабль сел на дно в таком же самом положении, как и плавал, то есть, рубкой вверх. И не просто палубой вверх, а — что более важно — лайнер сел на грунт таким образом, что огромная пробоина, полученная в результате столкновения корабля с айсбергом, а также пробоины от падения сорвавшихся со своих мест паровых котлов могут быть заделаны без особенных усилий.

— Скажите, а как именно можно заделать столь большие пробоины, да еще под водой, да еще на столь большой глубине?

Негромко щелкнул аппарат, и вместо прежней на экране возникла новая картина: мужчина, в руках у которого находилась некая бесформенная масса, по виду напоминавшая мягкий пластик.

— Прежде чем ответить на последний из прозвучавших тут сейчас вопросов, я вам скажу, что на этом слайде вы видите доктора Амоса Стэнфорда, который демонстрирует изобретенное им вещество. Он назвал свое детище ветстил, мокрая сталь. Как и следует из содержащейся в названии подсказки, ветстил, который на воздухе может принимать любую форму и вообще легко деформируется, при погружении в воду буквально через полторы минуты затвердевает, приобретая характеристики хороших сортов стали. Это вещество может быть использовано для заделывания пробоин в металлических поверхностях, притом, что весьма важно, сам ветстил оказывается не менее прочен, чем сварной шов.

После этих слов Даны в полутьме зала из конца в конец пробежал удивленный шепоток журналистов.

— Алюминиевые цистерны с ветстилом, большие шары диаметром около десяти футов, сейчас опущены на дно, образуя как бы увеличенный абрис «Титаника», — продолжала Дана. — Сконструированы эти цистерны таким образом, что субмарина может через специальный соединительный узел состыковаться с емкостью. Это внешне похоже на стыковку космического корабля и орбитальной станции. В состыкованном состоянии подлодка, фактически несущая на себе цистерну с ветстилом, следует в район конкретных работ, где ветстил через определенную насадку, которая опять-таки несколько напоминает сопло, выстреливают в нужное место. И таким вот образом происходит заделывание той гигантской дыры, что пока еще зияет в корпусе «Титаника».

— А как именно выстреливается из емкости этот ваш ветстил?

— Вопрос понятен. Я вам проиллюстрирую на бытовом примере. Когда вы сдавливаете тюбик зубной пасты, содержимое выходит наружу, правильно? Практически то же самое происходит и в нашем случае. На больших глубинах, как вы знаете, огромное давление. Оно сплющивает алюминиевую цистерну, вынуждая ветстил устремляться к насадке. А там встроена специальная заслонка. Открываем эту заслонку — и ветстил вырывается наружу.

Дана сделала знак, и на экране возникло новое изображение.

— Сейчас вы видите небольшой фрагмент рисунка, на котором изображен район проведения работ. На поверхности — это плавбазы, где находится все необходимое. Ниже изображен лежащий на дне «Титаник». Вокруг него подлодки, ведущие подготовительные работы. В операцию по спасению лайнера вовлечены четыре управляемых субмарины. Одна из них «Сапфо-1», та самая лодка, которая, если вы помните, исследовала некоторое время назад Лорелею, наверняка известное вам глубоководное течение в Атлантике. «Сапфо-1» занята латанием

дыр в корпусе корабля. Ей нужно заделать трещину в правом борту, полученную при столкновении лайнера с айсбергом, и повреждения в носовой части паровых котлов, которые, как вы знаете, вывалились при аварии из корпуса и тем самым еще более ухудшили ситуацию. Еще одна лодка того же класса — «Сапфо-II». На ней установлено более современное оборудование, ее технические характеристики более современны. Задача «Сапфо-II» заключается в том, чтобы заделать все мелкие отверстия, будь они искусственного или естественного характера, через которые вода может попадать внутрь корабля. Имеются тут в виду вентиляционные отверстия, люки и прочее. Кроме того, в спасательных работах принимает участие «Си-Слаг» — это подводная лодка, принадлежащая военно-морским силам. В задачу «Си-Слаг» входит удаление с корабля ненужного груза, вроде оснастки, кормовой трубы, мачт, той трубы, что была сорвана со своего места и теперь лежит поперек палубы. Есть там и еще одна лодка под названием «Дип Фантом». Эта последняя принадлежит «Юрениус Ойл Корпорейшн», одной из нефтяных компаний. «Дип Фантом» получила задачу установить систему клапанов для уменьшения давления в корпусе и надстройке «Титаника».

— А не могли бы вы объяснить смысл установки этих самых клапанов?

— Да, конечно, я поясню, — сказала Дана. — Как только начнется подъем судна со дна, внешнее давление с каждым метром будет уменьшаться, как вы понимаете. Тот воздух, который находится внутри корабля, а внутри «Титаника» сейчас полно воздуха, начнет сразу же расширяться, потому что уменьшится внешнее давление. Это понятно, надеюсь? Если это растущее внутреннее давление не снять, то корабль может разорвать изнутри, как своего рода глубоководная мина. И для того, чтобы этого не произошло, как раз и нужны системы клапанов.

— Скажите, насколько верны сообщения, просочившиеся в печать, о том, что Агентство намерено использовать сжатый воздух для поднятия «Титаника»?

— Если одним словом, то да. Одна из плавбаз, находящаяся в районе проведения работ, а именно, плавбаза «Каприкорн» имеет на борту две мощные компрессионные установки. С их помощью специалисты надеются выкачать из корпуса «Титаника» воду, закачав вместо нее воздух. Иначе корабль не поднять.

— Доктор Сигрем, — прозвучал еще один голос из толпы журналистов, — я представляю «Сайенс Тудей», и в силу некоторого знакомства с предметом нашего сегодняшнего разговора мне известно, что на той глубине, где сейчас находится лайнер, давление воды на поверхность составляет величину, равную шести тысячам фунтов на квадратный дюйм. Кроме того, я навел справки и выяснил, что самые современные воздушные компрессоры способны создавать давление в четыре тысячи фунтов на квадратный дюйм. Что вы собираетесь делать с получающейся разницей между желаемым и возможным?

— Главный насос, расположенный на борту «Капри-корна», берет воздух из так называемой окружающей среды. Этот воздух подается не в «Титаник», но по специальному трубопроводу во второй воздушный компрессор, который установлен на самом «Титанике». Внешне этот второй компрессор напоминает

роторный двигатель, или, точнее, цилиндрический авиационный двигатель. Может, кто-нибудь помнит, на старых самолетах иногда устанавливали такие двигатели, круглые, как бочонок… Так вот, наш второй компрессор также имеет круглую форму, от ступицы по окружности размещаются клапана. Опять-таки, здесь мы используем огромное давление океана для того, чтобы активизировать работу насоса. К насосу подключен электродвигатель, также помогающий турбине вращаться с большей частотой. Мне очень жаль, что недостаточное знание технических подробностей не позволяет мне сейчас нарисовать схему компрессора. Дело в том, что я морской археолог, а не морской инженер и тем более не специалист по компрессорам. Если именно этот вопрос имеет столь принципиальное значение для уважаемого журналиста, он сможет переадресовать свой вопрос адмиралу Сэндекеру, который освободится чуть позже. Он как раз и сумеет дать более обстоятельный ответ с технической точки зрения.

— А что касается эффекта присоски? — не унимался тот же журналист из «Сайенс Тудей». — Ведь после стольких лет нахождения на дне «Титаник» должен был в буквальном смысле врасти в дно? Он сейчас приклеен так сильно, как не приклеили бы его и современным клеем, насколько я понимаю…

— Да, именно так и обстоит дело. Корабль врос в дно. — Дана подала знак, чтобы включили верхний свет. Когда лампы зажглись, она некоторое время постояла, привыкая к освещению. Когда глаза привыкли к свету, Дана смогла наконец разглядеть лицо своего оппонента. Им оказался мужчина средних лет с длинными каштановыми волосами, в очках в тонкой металлической оправе. — Как только будут проведены расчеты и специалисты установят, что в «Титаник» закачено достаточно воздуха, чтобы воздух мог вытолкнуть корабль на поверхность, соединительные воздушные трубы будут отсоединены от корпуса и по этим же самым трубам будут затем накачивать специальный химический электролит, изготовленный по нашему заказу фирмой «Мейерс-Ленц К?». Этот электролит будет направляться как раз между килем судна и донным илом, который выполняет роль клея. МЫ ожидаем, что при соприкосновении с электролитом молекулы ила начнут разлагаться, образуя слой воздушных пузырьков. Эти пузырьки должны резко уменьшить статическое трение, в результате чего корпус «Титаника» сможет освободиться из донного плена.

Еще один журналист поднял руку, привлекая к себе внимание Даны.

— Скажите, пожалуйста, в случае, если вся операция пройдет успешно, корабль оторвется от дна и начнет двигаться вверх, не думаете ли вы, что может возникнуть опасность, что «Титаник» перевернется? Ведь, сами посудите, до поверхности две с половиной мили, так ведь? А две с половиной мили — это большое расстояние, особенно для несбалансированной конструкции, каковой будет «Титаник» в момент всплытия. Да и вообще, сорокапятитонная железяка, всплывая на поверхность, сможет выкинуть любой фортель…

— В каком-то смысле вы правы. Особенно насчет перевертывания. Наши специалисты также опасаются, что наполненный воздухом корпус может оказаться легче верхней части корабля. Потому подводникам надлежит не выкачивать из

корпуса всю воду, оставив там ровно столько, чтобы эта вода выполняла роль балласта. Это называется — одним выстрелом убить двух зайцев. И работы меньше, и балласт уже на месте. Таким образом мы и надеемся решить эту проблему. Хотя, повторяю, сама по себе опасность перевертывания судна вполне реальна.

Невысокая женщина, внешним видом и лицом напоминающая мальчика-подростка, поднялась со своего места и призывно взмахнула рукой с зажатой авторучкой.

— Пожалуйста, доктор Сигрем! Меня зовут Конни Санчес, я из женского журнала «Фемейл Еминенс Уикли». Моим читателям было бы очень интересно узнать, какие личностные качества помогли вам, миссис Сигрем, отвоевать для себя своего рода лагуну в научной области, где традиционно все места были заняты мужчинами, отличающимися, мягко скажем, весьма и весьма свинским отмщением к коллегам женщинам?

Собравшиеся в зале репортеры встретили вопрос дружным тяжелым молчанием. «Боже мой, — подумала Дана, — рано или поздно что-нибудь подобное и должно было произойти…» Она подошла к кафедре, оперлась на нее обоими локтями, и ее без того привлекательный вид сделался прямо-таки провоцирующим.

— Я вам отвечу, мисс Санчес, но это только не для записи и уж тем более не для ваших читателей.

— Боитесь сглазить, не так ли? — с покровительственной ухмылкой поинтересовалась корреспондентка. Дана предпочла не вступать в дискуссию.

— Прежде всего, я хочу признаться, что о буквальном завоевании речи не шло. Мои коллеги мужчины уважают меня и потому относятся как к равной. Это касается меня персонально и моих научных мнений. Мне не приходится стрелять глазами, вертеть задом или ходить без лифчика чтобы обратить на себя их внимание. Внимание привлекают результаты моей работы. Теперь — второе. Я предпочитаю всегда играть на своем поле, соревноваться с представителями моего пола. Это не такая уж легкая задача, скажу я вам, если вы примете во внимание тот факт, что из пятисот сорока сотрудников Национального агентства надводных и подводных коммуникаций сто четырнадцать — женщины. Да, и еще один момент, мисс Санчес. За свою жизнь я сталкивалась со множеством людей. Иногда испытывала разочарование. Иногда мне приходилось иметь дело со свинским, как вы изволили выразиться, отношением к себе. Но всегда, мисс Санчес, буквально всегда по-свински вели себя лишь женщины, и ни разу — мужчины. Я ответила на ваш вопрос?

На несколько секунд в зале зависла абсолютная тишина. Затем неожиданно, разрывая тишину, прозвучал громкий восхищенный возглас:

— Вот это я понимаю, — голос принадлежал невысокой крашеной блондинке из «Чикаго Дейли», — вот это называется — отбрила!

Тотчас же за этой репликой раздался гром аплодисментов, восторженных восклицаний, так что аудитория напоминала восхищенных спортивных болельщиков. Один за другим все до единого мужчины, представлявшие здесь армию закаленных в боях работников пера и диктофона, поднялись со своих мест и устроили Дане настоящую овацию.

Осталась сидеть одна только Конни Санчес. Она ненавидящими глазами смотрела перед собой, лицо ее покраснело от гнева. По движению губ корреспондентки Дана без особенного труда сумела угадать произнесенное шепотом слово «сука» и одарила ее самодовольной, ироничной улыбкой, на которую способны одни только женщины. Лесть, подумала Дана, как она сладка.

Глава 40

С раннего утра дул северо-восточный ветер, сильный и непрерывный. К полудню ветер превратился в штормовой, скорость его достигла тридцати пяти узлов. Океан разыгрался не на шутку. Волны швыряли корабли обеспечения и плавбазы с такой легкостью и настолько немилосердно, словно то были бумажные кораблики. Вдобавок ко всему резко понизилась температура воздуха, поскольку арктический холод, принесенный бурей, достигал района проведения работ. Моряки без необходимости старались не появляться на ледяной палубе, предпочитая оставаться в тепле жилых отсеков. Они были опытными людьми и прекрасно знали, что организм охлаждается от ветра с максимальной скоростью. При двадцати градусах выше нуля по Фаренгейту, если эта температура приправлена тридцатипятиузловым ветерком, впору помирать, тогда как безветренная погода при двадцати градусах *ниже* нуля воспринимается большинством людей вполне нормально. Ветер из организма моментально выстужает все тепло, сколько бы организм его ни вырабатывал. По научному эта мерзость именуется *фактором охлаждения.*

Джоэл Фаркар, метеоролог с «Каприкорна», прикомандированный сюда администрацией Федеральной метеорологической службы, был одним из тех, кого разыгравшаяся за иллюминатором стихия, казалось, решительно не беспокоила. Он внимательно изучал разложенные на столе четыре снимка. Все эти снимки были сделаны со спутника с периодом в двадцать четыре часа. Расположенное на борту «Каприкорна» оборудование автоматически принимало посылаемые с околоземной орбиты сигналы, воплощало сигналы в изображение и распечатывало его на стандартных листах.

— Ну? — поинтересовался у него Питт. — Что твой могучий прогностический интеллект подсказывает тебе? Какой прогноз у нас на ближайшее время?

Стоявшему возле стола Питту приходилось напрягаться, чтобы противодействовать сильной качке судна.

— Через час ветер должен стать тише, — ответил Фаркар. — А завтра к утру ветер ослабнет узлов до десяти или около того.

Фаркар говорил, не отрывая взгляда от фотоснимков. Это был старательный, розовощекий, небольшого роста мужчина, напрочь лишенный чувства юмора, без тени дружеской симпатии к кому бы то ни было. И при всем при том, Фаркар пользовался большим авторитетом среди всех участников спасательной экспедиции, главным образом потому, что в нем видели высокого профессионала, целиком отдающего себя работе. Прогнозы его бывали, как правило, очень корректными: если уж он что сказал — так и будет.

— Лишь на это я и надеюсь, — пробурчал Питт себе под нос. — А то у нас опять день потерян. И так уже за последнюю неделю четырежды приходилось вытаскивать воздухопровод…

— Только Господь может устроить шторм, — безразличным тоном прокомментировал Фаркар. Он кивнул в направлении двух сплошных рядов, образованных поставленными друг к другу мониторами. Телевизионные экраны отражали значительную часть водного пространства, каковое открывалось с носовой площадки «Каприкорна». — Хорошо еще, там нет этого жуткого ветра…

Питт посмотрел на тот экран, где был виден корпус затонувшего корабля и подводные лодки, которые работали на глубине в двенадцать тысяч футов как ни в чем не бывало. Вода на глубине была, как обычно, спокойная. Сравнительно успешное выполнение графика работ главным образом объяснялось независимостью подводников от погодных условий наверху. За исключением субмарины «Си-Слаг», которая могла находиться в воде не более восемнадцати часов кряду и которая сейчас была накрепко сцеплена с кораблем обеспечения «Модок», остальные три подлодки работали по пять дней без подъема наверх, а каждые пять дней на субмаринах менялись команды, после чего они снова погружались и возобновляли работу возле «Титаника». Питт повернулся к Альберу Джиордино, который стоял, низко склонившись над столом, где была разложена среднемасштабная карта района проведения работ.

— Как там с надводными судами? И что сейчас под водой?

Джиордино кивнул на карту, где для наглядности были расставлены небольшие двухдюймовые модели всех задействованных в операции судов.

— «Каприкорн» на своем рабочем месте, в центре. «Молок» ушел далеко вперед, а «Бомбергер» движется тем же, что и «Модок», курсом, правда, в трех милях позади.

Питт посмотрел на миниатюрный кораблик, который использовался для обозначения «Бомбергера».

«Бомбергер» был новым судном, сконструированным специально для проведения подводных спасательных и ремонтных работ.

— Скажи капитану сократить расстояние до одной мили.

Джиордино кивнул головой лысому радисту, который уютно расположился на своем рабочем месте, за наклонным пультом, сплошь состоящим из приборов, тумблеров, кнопок и циферблатов.

— Слышал, Керли? Передай «Бомбергеру», чтобы он сократил расстояние до мили.

— А как корабли обеспечения? — спросил Питт.

— Тут никаких проблем. Для таких десятитонников, как эти два, что в нашем распоряжении, такая погода не опасна. «Альгамбра» берет сейчас влево, а «Монтерей Парк» справа от нас, где, собственно, он и должен находиться.

Питт указал на небольшую модель красного цвета на карте.

— Насколько я понимаю, русские друзья все еще тут?

— Ты про «Михаила Куркова»? — уточнил Джиордино. — Да, этот все еще болтается здесь… — Он взял синий кораблик из коробки и аккуратно поставил его вплотную к красному. — Наш «Жюно», у которого есть управляемые ракеты, ни на шаг не отпускает русских от себя: куда они, туда и наш крейсер, как приклеенный.

— Что с радиобуем, который на «Титанике» установлен?

— Работает нормально, — ответил Джиордино. — Сигнал по курсу ноль-пять-девять к юго-западу, от нас до сигнальной вертикали тысяча двести ярдов, один в один…

— Хоть не отнесло нас, и на том спасибо, — со вздохом сказал Питт.

— Расслабься, что ты, в самом-то деле… — с улыбкой сказал ему Джиордино. — Как чуть ветерок подует, ты прямо-таки делаешься похож на мамашу, чья дочка на свидание пошла.

— В каком-то смысле — да. И чем ближе к цели, тем сильнее волнуюсь, — признался Питт. — Десять дней еще, старик. Если мы будем работать еще десять дней по плану, все будет готово, представляешь?

— Это пусть тебе наш метеоролог скажет, сможем мы десять дней отработать или не сможем. — Джиордино обернулся к Фаркару: — Что на это скажешь, о, великий метеорологический пророк и повелитель туч?

— Ты получаешь от меня лишь то, что получаешь — прогноз на ближайшие двенадцать часов, — невозмутимо сказал Фаркар, даже не потрудившись при этом взглянуть на собеседника. — Не забывай, тут тебе не что-нибудь, а Северная Атлантика. Самый непредсказуемый район в мире. День на день не приходится. Вот, если бы твой разлюбезный «Титаник» затонул, скажем, в Индийском океане, я бы тогда дал тебе десятидневный прогноз с коэффициентом метеовероятности процентов в восемьдесят пять или, как минимум, в восемьдесят.

— Только и слышу от тебя, что объяснения и проценты, проценты и объяснения… Мне кажется, ты и с бабами так же: пока занимаешься любовью, поясняешь, что процентов сорок за то, что им это понравится. Или нет?

— А что, сорокапроцентная вероятность лучше, чем ничего, — невозмутимо прокомментировал Фаркар.

Заметив острожный жест оператора на сонаре, Питт немедленно подошел к нему:

— Что там?

— Какой-то странный свистящий звук, — сказал акустик, мужчина с бледным лицом, пропорциями и внешним видом напоминавший взрослую гориллу. — Последние два месяца я ловлю этот сигнал. Как будто кто-то передает сообщение.

— Что-нибудь более определенное?

— Нет, сэр. Я тут как-то попросил Керли, чтобы он послушал, так радист сказал, что никакой это не сигнал, а так, ерунда…

— Если на палубе «Титаника» находится плохо закрепленный предмет, он вполне может восприниматься соне ром как нечто неразличимое.

— Может, предмет. А может, привидение, — понизив голос, высказал свою версию акустик.

— Ты, конечно, из тех, кто в привидения не верит, но этих привидений чертовски боится, так?

— Не забывайте, что «Титаник» утащил с собой на глубину тысячу пятьсот душ, — напомнил акустик. — Из полутора тысяч кто-нибудь один вполне может обратиться в привидение и караулить покои всех остальных. Духи, они, знаете…

— Духи, привидения, — оборвал акустика Джиордино, подняв голову и пристально посмотрев в сторону коллег. — Настоящие моряки если уж разговаривают, так о бабах, деньгах и выпивке. А тут только и слышишь: привидения, привидения…

Сидевший возле мониторного блока мужчина с копной волос песочного цвета доложил:

— Отключилась камера в кабине «Сапфо-II».

Подойдя к нему, Питт склонился над погасшим монитором.

— Проблемы с этой или с той стороны линии?

— С той, сэр. Тут у нас полный порядок. Что-то произошло с «Сапфо-II». Такое впечатление, словно кто-то взял и накрыл объектив телекамеры тряпкой. Проходимость сигнала нормальная.

Питт резко обернулся в сторону радиста:

— Керли, свяжись с бортом «Сапфо-II» и скажи, чтобы они проверили телекамеру в кабине.

Джиордино взял в руки график и сверился с сеткой работы.

— Сейчас на «Сапфо-II» командиром Омар Вудсон.

Керли нажал на клавишу передающего режима:

— "Сапфо-II, эй, вы, «Сапфо-II»… Пожалуйста, ответьте «Каприкорну», ответьте «Каприкорну». — Подавшись чуть вперед, Керли заученным движением прижал левый наушник плотнее к уху. — Сэр, почему-то контакт еле различим. Сигнал слабый… Сплошные помехи, слышу, что там говорят, но не пойму, что именно.

— Включи динамик, дай звук на выход, — приказал Питт.

После громкого щелчка помещение заполнилось приглушенным голосом, который произносил какие-то неразличимые слова, и грохотом электрических помех.

— Что-то или кто-то глушит сигнал, — пояснил Керли. — Если бы у нас имелась воздушная связь и блок переключения, звук оказался бы куда сильнее.

— Вруби звук на полную мощность. До отказа тумблер, по максимуму. Может, услышим, что там Вудсон говорит?

— «Сапфо-II»… «Сапфо-II», пожалуйста, повторите, плохо вас слышим, плохо вас слышим…

Едва только Керли включил динамик, у всех даже в ушах зазвенело от оглушительных, многократно усиленных разрядов статического электричества.

— … </emphasis> *корн*. Мы… ></emphasis> у </emphasis> *шим*

— тер.

Питт схватил микрофон, нажал кнопку передачи:

— Омар, это Питт. Ваша телекамера вышла из строя или что там, я не знаю… Вы сами сможете ее починить? Так и не услышали вашего ответа. Как поняли? Прием.

Все взгляды были устремлены на микрофон в руке Питта. Никто не нарушал напряженной тишины. Минут пять, если не больше, длилось нервное ожидание какого-нибудь ответа Вудсона. Связи с подлодкой не было. Затем из динамика донеслись обрывками речи Вудсона:

— Ген… Манк </emphasis> *оот*… </emphasis> *ток*… пра… </emphasis>*на*… увер…

Джиордино был озадачен отрывочно приходящими на поверхность звуками, и это явно обозначилось на его лице.

— Кажется, он говорит что-то про Генри Манка. Я ничего разобрать не мог, но фамилию Манк слышал отчетливо. Треск жуткий…

— Смотрите, монитор заработал, починили, наверное. — Молодой человек, следивший за экранами, показал рукой. — Странно, такое впечатление, что кто-то там у них лежит на палубе. Все столпились вокруг него, одни спины и затылки.

Головы всех дружно повернулись в сторону экрана, в этом было что-то от зрительской реакции во время теннисного матча. Перед телекамерой туда-сюда расхаживали подводники. В углу экрана трое склонились над телом, которое в неестественной позе было простерто на свободном пятачке.

— Омар, что там у вас происходит? — схватив микрофон, взволнованно крикнул Питт. — Смотрю на экран и ни черта не могу понять. Монитор снова включился, слышишь? Повторяю, монитор работает, изображение хорошее. Не понимаю, что там у вас такое? Напиши, что ты пытался сказать, на листе бумаги и покажи нам. Подержи возле телекамеры. Конец связи.

На экране было видно, как один из троих людей, склонившихся над телом, распрямился, подошел к столу и стал писать на листе бумаги. Затем он почти вплотную поднес написанное послание к объективу.

«Генри Манк мертв. Просим разрешения на всплытие».

— Боже ты мой… — сдавленным голосом произнес Джиордино, на его лице было написано сильнейшее потрясение. — Ка… Как, то есть, мертв?! Генри Манк… Отчего мертв, кто-нибудь понял?! Может, розыгрыш?!!

— Омар Вудсон не из тех, кто может так шутить, — мрачно произнес Питт, нажал кнопку связи и раздельно произнес: — Не разрешаю. Омар, ты слышишь? Всплытие запрещаю, у нас тридцатипятиузловой ветер и шторм. У нас тут настоящее светопреставление. Повторяю, всплытие запрещаю. Как поняли? Прием.

На экране монитора Вудсон несколько раз отчетливо кивнул в знак того, что команду услышал и подчиняется. Затем он еще написал что-то на листе, явно торопясь и оглядываясь по сторонам, как будто чего-то боялся. Он распрямился и поднес бумагу к телекамере.

«Подозреваю, что Манк был убит».

Прочитав эти страшные слова, даже Фаркар, всегда сохранявший невозмутимый вид, вдруг побледнел и сжал губы.

— Надо им незамедлительно разрешить всплытие, — вполголоса произнес он.

— Будет так, как я сказал, — отрезал Питт. — Я должен постоянно помнить о том, что в подлодке сейчас находятся пятеро людей, жизни которых окажутся в опасности, как только лодка поднимется на поверхность. Я не имею права разрешать «Сапфо-Н» всплытие только для того, чтобы люди и лодка погибли в тридцатифутовых волнах. Потому дискуссию на сей счет полагаю беспредметной. Нам придется ждать до утра, джентльмены, только тогда мы, возможно, узнаем, что именно произошло на борту «Сапфо-II».

Глава 41

Когда ветер ослаб до двадцати узлов, у «Каприкорна» Появилась возможность продолжить работу. Питт распорядился снова подсоединить воздушный компрессор «Каприкорна» к воздухопроводу. Опять сжатый воздух под давлением пошел в чрево «Титаника». Все на «Каприкорне» тем временем ожидали всплытия «Сапфо-II», чтобы выяснить наконец, что там случилось.

Небо в восточной части горизонта уже начало розоветь, когда на корабле завершили все приготовительные мероприятия для того, чтобы «Сапфо-II» могла причалить. На палубе собрались водолазы в комбинезонах, готовые по первой команде спуститься к «Сапфо-II» и привязать всплывшую субмарину к специальным крепежным выступам, чтобы подлодку не разнесло в щепы о корпус собственного корабля обеспечения. Тросы повышенной прочности и лебедки были приведены в состояние готовности, чтобы максимально оперативно поднять «Сапфо-II» на специально оборудованную площадку в кормовой части палубы «Каприкорна».

В камбузе кок уже принялся готовить завтрак, чтобы как следует покормить членов экипажа подлодки, когда они поднимутся на корабль. Когда основные приготовления были завершены, все исследователи, равно как и большинство инженеров вышли на палубу. Ежась от утреннего холодка, они молча и внешне спокойно дожидались встречи, при этом каждый размышлял о возможной причине гибели Генри Манка.

Ровно в 6.10 над океанской зыбью, ярдах в ста от кормы «Каприкорна», показалась рубка подводной лодки. Через двадцать минут слаженной работы различных служб «Сапфо-II» была уже поднята и закреплена на своем месте. Как только зафиксировали последнее крепление и убедились, что подлодка надежно приторочена к судну сопровождения, тотчас же распахнулся люк, и наружу один за другим выбрались Вудсон и четыре члена его экипажа.

Вудсон сразу же направился на мостик, где его уже поджидал Питт. Красные от напряжения и бессонницы глаза подводника, его мятое, покрытое щетиной лицо отражали нервное состояние капитана «Сапфо-II», однако он нашел в себе силы улыбнуться, когда после рукопожатия Питт протянул ему чашку горячего кофе. Вудсон признался:

— Не могу даже сказать, чему я больше радуюсь, тому ли, что выбрался из глубины, тому ли, что тебя вновь вижу… или же вот этому кофе.

— В записке ты дал понять, что, возможно, имело место убийство, если я правильно понял, — сказал Питт, пренебрегая формальностями.

Вудсон с видимым удовольствием отхлебнул кофе, мечтательно зажмурился, сделал еще глоток и лишь после этого обратился в направлении членов своей команды, которые осторожно вытаскивали в этот момент через верхний люк субмарины тело Генри Манка.

— Здесь не самое лучшее место, — негромко сказал он.

Питт направился в жилой отсек судна. Как только дверь за ними закрылась, он выдохнул, как выстрелил, давно мучивший вопрос:

— Ну что, что там у тебя случилось? Вудсон спиной привалился к койке Питта и ладонями потер глаза.

— Даже и не знаю, что сказать. Мы тогда болтались на шестидесяти футах выше уровня дна, работы велись на третьей палубе «Титаника». Вдруг я слышу твое сообщение о телекамере, что, мол, не работает. Пошел на корму проверить, как да что. Гляжу, Манк лежит на полу. Присмотрелся: у него на левом виске рана, такая вмятина, как от удара.

— От чего?

— Ну, видишь ли, в определенном смысле все вроде бы ясно, как день, — сказал Вудсон. — На крышке, которая закрывает станину альтернатора, на самом ее углу — кровь, несколько прилипших волос. Так что по формальному признаку — никаких вопросов…

— Я плохо знаю оборудование у вас на «Сапфо-II». Как именно альтернатор укреплен?

— У правого борта, футов десять от самой кормы. Кожух приподнят футов на шесть от пола, чтобы можно было легко подобраться к альтернатору в случае необходимости.

— Может, просто несчастный случай? Манк мог поскользнуться и упасть, а в падении въехать виском в угол этой самой крышки альтернатора. Разве нет?

— Да мог-то он мог, спору нет. Вот только ноги у него были вытянуты совсем в другую сторону.

— При чем тут ноги?

— Манк лежал на полу таким образом, что ноги его были в сторону кормы…

— Ну и?..

— Не врубаешься? — Вудсон искоса посмотрел на собеседника. — Упасть именно так Манк мог лишь в случае, если шел прямиком на удар.

Понемногу общая картина начала проясняться для Питта. Он вдруг сообразил, что во всей этой истории имеется еще одна нестыковка.

— Слушай, ведь если альтернатор у вас на правой стороне, у правого, ты сам сказал, борта, тогда при обычном падении Манк должен был бы шарахнуться правым виском, но уж никак не левым, так ведь?

— О чем я и говорю.

— Ас телекамерой что там у вас приключилось?

— В том-то и вся штука, что ровным счетом ничего. Какая-то сука этак аккуратненько накрыла объектив камеры самым обыкновенным полотенцем.

— А команда? Ты можешь мне сказать, где в тот момент был каждый из членов команды?

— Я на носу был, Сэм Меркер был на пилотском месте, управлял лодкой. Манк от приборной панели направился в носовую часть, затем передумал и пошел на корму. Мы были из второй вахтенной смены. В первой у нас был Джек Донован…

— Такой блондин, сравнительно молодой, так? Инженер по строительству из Океанского Цеха?

— Ну! Он был, еще лейтенант Леон Лукас, техник спасательных работ, его к нам прикомандировали из ВМФ. Еще был Бен Драммер. Все трое спали после смены.

— Совсем не обязательно, что кто-то из этих троих и убил Манка, — сказал Питт. — Да и потом, на кой черт им было убивать?! Сам посуди, ты находишься на глубине в двенадцать тысяч футов, кругом океан, ситуация такая, что даже при желании никуда не убежать. Тут, знаешь, для того, чтобы убить, нужны какие-то очень уж веские основания, какой-нибудь совсем непробиваемый предлог. Согласен, нет?

Вудсон пожал плечами.

— Тебе проконсультироваться бы с Шерлоком Холмсом. Я просто рассказываю, что видел.

Питт продолжил рассуждения вслух:

— Слушай, а что, если Манк ударился все-таки сам, в падении налетел головой, но, пока оседал на пол, как-нибудь перевернулся ногами к корме, а?

— Не исключено. Но для того, чтобы обосновать эту версию, тебе как минимум придется доказать, что у Манка была резиновая шея, способная поворачиваться на сто восемьдесят градусов. Иначе никак не получается.

— Допустим. Давай тогда по-другому. Вот скажи мне, если ты задашься целью убить мужика весом в двести фунтов, причем так убить, чтобы он шарахнулся головой о металлический кожух, который расположен всего лишь в шести футах от пола… Каковы будут твои действия? Ты что, подкараулишь, ухватишь его за ноги и, как кувалдой, шарахнешь им по кожуху, так?

Вудсон развел руками.

— Ты к чему клонишь? Хочешь сказать, что я несколько сошел с резьбы и пытаюсь искать убийцу там, где такового нет и в помине? Знаешь, вообще-то все эти работы по вызволению «Титаника» действуют на нервы, что там ни говори… Тут явно есть некая чертовщина… Я никому не говорил, только тебе сейчас скажу. Понимаешь, было несколько случаев, когда я четко видел на палубе «Титаника» человеческие фигуры… Почти так же отчетливо, как вот сейчас тебя вижу… Мне

даже казалось, что эти люди смотрят на меня, что выражения лиц у них осмысленные… Видел одного, он шел по палубе, подошел к борту и заглянул через поручни…

Вудсон широко зевнул, прикрыв рот ладонью, и в завершение зевка махнул рукой, давая понять, что, мол, чего только на глубине не привидится, казалось, что ему с трудом удается держать глаза открытыми. Направившись к двери, Питт на полпути обернулся и сказал:

— Пойди, выспись как следует. А что касается происшедшего, мы еще обсудим.

Вудсон не заставил себя упрашивать. Не успел Питт сделать и двух десятков шагов, как подводник уже лег я провалился в глубокий сон.

Доктор Корнелиус Бейли был из числа тех, про кого за глаза говорят «человек-гора», «туша», «слон»… У него было широкое лицо с мощным квадратным подбородком, невероятной ширины плечи. Мордоворот, он мордоворот и есть… Его светлые, песочного оттенка, волосы висели, почти до плеч, бородка формой напоминала ван-дейковскую — тот же элегантный конус. Доктор пользовался немалой популярностью среди подводников, причем популярность эта в значительной степени объяснялась умением доктора пить за пятерых, при этом не косея и не теряя самообладания. Доктор не злоупотреблял своим талантом, но уж если все-таки оказывался в настроении, то моряки специально приходили поглазеть на человека, способного влить в утробу фантастическое количество спиртного.

Руки доктора Бейли, цветом и формой напоминавшие два больших куска ветчины, с профессиональной ловкостью перевернули тело Генри Манка на анатомическом столе. Сделал это доктор с той восхитительной легкостью, словно бы имел дело с невесомой куклой или надувной игрушкой. Впрочем, принимая во внимание время, прошедшее после наступления смерти, тело Майка и вправду походило на надувную игрушку чудовищной раскраски.

— Бедняга, — сказал доктор. — Еще слава Богу, что у Генри не осталось семьи. Такой был крепкий, такой спортивный. Прямо-таки образец настоящего мужчины. Все, что я смог перед похоронами сделать, так это чуть почистить серу у него в ушах.

— Что можно сказать о возможной причине смерти? — спросил его Питт.

— Никакой загадки тут нет, — ответил Бейли. — Сначала он получил повреждение височной кости…

— Постой, постой, я что-то не пойму. То есть, как это «сначала»? Что ты хочешь сказать?

— То, что хочу, дорогой мой Питт, то и говорю. Как минимум его убили дважды, дважды нанесли такие ранения, каждое из которых смертельно. Вот, посмотри, — с силой потянув воротничок рубашки вниз, доктор обнажил шею и часть спины

покойного. У основания черепа явственно были видны кровоподтеки темно-пурпурного цвета. — Спинной мозг поврежден как раз под medulla oblongata[1]. Сделано это каким-то тупым предметом. Более точно не берусь сказать.

— Стало быть, Вудсон был совершенно прав, утверждая, что Манка убили?!

— Разумеется убили, на сей счет двух мнений быть не может. Манка именно убили, — сказал Бейли таким обыденным голосом, как будто убийство среди подводников было вполне ординарным событием.

— Но тогда выходит, что убийца нанес удар сзади, и только потом ударил головой Манка о кожух альтернатора, чтобы придать убийству вид несчастного случая.

— Звучит вполне правдоподобно. Питт положил руку доктору на плечо.

— Док, я скажу откровенно. Мне бы хотелось, чтобы на ближайшее время наш разговор остался конфиденциальным.

— Клянусь мамочкой. Чок-чок, губы на крючок и все такое… Можешь не продолжать. Я все уже понял. Если понадобится отчет или мои показания, всегда можешь на меня рассчитывать.

Питт благодарно улыбнулся доктору и покинул мед-часть. Он направился на корму, где обсыхала, образуя на палубе лужи, «Сапфо-II». Ловко взобравшись по наружной лестнице, Питт нырнул в верхний люк и спрыгнул, оказавшись внутри субмарины. Техник по электронике возился над телекамерой, проверяя ее работоспособность.

— Что скажешь? — поинтересовался Питт.

— Тут полный порядок, — ответил техник. Как только инженеры проверят корпус, можно будет пускать подлодку вниз.

— Так и сделаем. И чем скорее, тем лучше. Ее место у «Титаника», — сказал Питт.

Осторожно огибая техника, Питт прошелся из конца в конец лодки. Все следы вчерашнего инцидента были уже замыты, так что кожух альтернатора и пол под ним были исключительно чистыми.

Питт стремительно соображал. У него было такое чувство, что само место совершения преступления каким-то образом выведет на убийцу Манка. Чтобы обследовать все уголки Питту понадобилось бы не меньше часа, однако тут ему улыбнулась удача. Минут через десять после начала поисков он обнаружил то, что и рассчитывал найти.

Глава 42

— Позвольте-ка, позвольте… — произнес Сэндекер, глядя на собеседника. — Если я вас правильно понял, вы хотите сказать, что один из команды, которая

занимается спасательными работами, был хладнокровно убит? И после этого вы полагаете, что я буду сидеть сложа руки, а тем временем преступник будет оставаться на свободе?!

Уоррен Николсон поежился.

— Понимаю, — сказал он, — что вам может быть не просто согласиться с моим предложением…

— Мягко сказано, — с нервным смешком вставил Сэндекер. — А вот представьте себе на одну только минуту, что убийца через какое-то время сочтет целесообразным убить еще кого-нибудь…

— Да, мы учитываем и такую возможность.

— Учитываете? Да неужели?! Боже ты мой, какая предусмотрительность с вашей стороны! Скажите, пожалуйста… — Сэндекер помотал головой. — Сидя в кабинете в вашей штаб-квартире, нет ничего проще, как делать такого рода предложения. Вы ведь не окажетесь вынужденным спускаться на тысячу футов под воду вместе с потенциальным убийцей, как, Николсон? Так или не так? И вам не придется всякий раз, глядя на коллег по спасательной операции, думать: этот? Или этот? Или тот. может быть?..

— Что касается меня, то я более чем уверен, что подобного более не произойдет, — сказал Николсон без особенной, впрочем, уверенности в голосе.

— А могу я спросить, что вам дает основание для такого заявления?

— А то и дает, что русские агенты без надобности не убивают. Профессиональные русские шпионы убивают лишь в случаях крайней необходимости.

— Русские агенты?! — Сэндекер поперхнулся и с выражением полнейшего недоумения на лице уставился на Николсона. — Вы хоть сами-то понимаете, о чем говорите? Какие тут еще русские?!

— Самые что ни на есть обыкновенные. Агенты, вроде того, который работает на военно-морскую разведку русских. И который убил Генри Манка.

— Да, но почему вы столь уверены? У вас же, насколько я понимаю, нет решительно никаких оснований?

— В обиходном смысле вы правы. Стопроцентных доказательств у меня пока что нет, и потому я готов предположить, что Манка убил кто-то, с кем Генри разошелся, скажем мягко, во мнениях. Подобная версия также не исключена. Однако же есть все основания предполагать, что это дело рук агента, находящегося на содержании у русских.

— Но при чем тут Манк? — недоуменно спросил Сэндекер. — Он ведь всего-навсего был специалистом по оборудованию. Какую, интересно, угрозу специалист по оборудованию мог представлять для русского шпиона?

— Я полагаю, что объяснение лежит в иной плоскости. Скажем, Генри Манк, неожиданно оказался свидетелем чего-то такого, что видеть не должен был никто. И его просто-напросто убрали, как элементарного свидетеля. Только и всего, — спокойным тоном резюмировал Николсон. — Но и это ведь еще не все. Видите ли, имеются также основания предполагать, что среди тех, кто принимает участие в операции по спасению «Титаника», не один, а два русских агента.

— Ну, это уж — извините…

— Конечно, я понимаю вас, только прошу иметь в виду, что мы в своей области профессионалы, адмирал. У нас есть некоторый опыт в обнаружении агентов.

— И кто же эти двое, по-вашему? — грозно спросил Сэндекер.

Николсон беспомощно развел руками.

— Прошу меня простить, адмирал, но я вам рассказал все, что считал возможным рассказать. Могу лишь добавить, что, согласно агентурным сообщениям, эти двое агентов проходят под кодовыми именами «Серебряный» и «Золотой». Пока, однако же, их настоящие имена остаются для нас неизвестными.

Взгляд Сэндекера сделался жестким.

— А что, если мои люди обнаружат этих агентов?

— По крайней мере, я надеюсь хотя бы на некоторое с вашей стороны сотрудничество. Если ваши сотрудники обнаружат, вычислят, короче говоря, если они узнают русских агентов, мне бы очень хотелось, чтобы до поры до времени они держали язык за зубами.

— Но ведь может так случиться, что те двое застопорят всю операцию по спасению «Титаника»?

— Скажу лишь, что мы искренне надеемся на сравнительно мирные намерения русских. Иначе говоря, я не думаю, что в задачу агентов входит уничтожение как принципиальный элемент деятельности.

— Сумасшествие, прямо-таки чистейшей воды сумасшествие, вот что я скажу, — пробормотал Сэндекер. — Вы-то хоть понимаете, чего хотите от меня?

— Несколько месяцев назад Президент задал мне тот же самый вопрос. Я ответил ему, и могу в точности так же ответить вам. Нет, я не понимаю. Я в курсе того, что ваши усилия преследуют не только поднятие «Титаника» со дна океана, но и что-то еще, о чем, однако, Президент не посчитал возможным рассказать мне.

Сэндекер плотно сжал губы.

— Ну, ладно, а если я соглашусь на ваше предложение, что тогда? Что я получу от вас?

— Тогда я буду вам сообщать обо всех новостях касающихся этого дела. А как только наступит подходящая минута, я дам знак, и вы сможете препроводить обоих этих агентов в каталажку.

Некоторое время адмирал сидел молча, не двигаясь и даже не изменяя выражения лица. Когда же наконец он заговорил, Николсон обратил внимание на чрезвычайную суровость тона:

— О’кей, Николсон, будь по-вашему. Но сразу хочу вам сказать, молитесь изо всех сил, чтобы больше ничего не произошло с моими людьми. Не дай Бог, случится какая авария, или тем более — убьют еще кого-нибудь… Тогда последствия для вас окажутся чудовищными. Вы даже представить себе не можете, что тогда произойдет, Николсон, даже отдаленно представить…

Глава 43

Пиджак весьма существенно пострадал от весеннего дождя: ткань промокла, на брюках появились отвратительные пузыри. Словом, Мел Доннер переступил порог дома Мари Шелдон не в самом своем презентабельном виде.

— Ничего страшного, — сказал он. — Это будет уроком. А то все никак не могу привыкнуть класть в машину зонт. Вот и поплатился. Впредь наука… — Вытащив из кармана носовой платок, Доннер попытался стряхнуть с ткани крупные капли.

Мари закрыла входную дверь и с видимым любопытством посмотрела на него:

— Скажите, пожалуйста… Все флаги в гости, так это называется.

— Пардон?

— У вас вид, между нами говоря, еще тот! — голос при этом был у Мари кокетливый, а слова прозвучали, как некий сложный музыкальный проигрыш. — В такой одежде выходить на люди, ей-богу, не стоит. Вам нужно обсохнуть и привести себя в порядок. А имела я в виду лишь то, что само, кажется, небо привело вас в мой скромный дом. Доннер на мгновение сощурился — но, впрочем, это длилось буквально мгновение. Затем он открыто улыбнулся:

— Прошу прощения, меня зовут Мел Доннер, я старинный приятель вашей подруги Даны. Могу ли я видеть ее?

— Я так сразу и подумала, что если незнакомый мужчина стучится в дверь моего дома — то это уж наверняка не ко мне. — Она приятно улыбнулась. — Меня зовут Мари Шелдон. Пожалуйста, присаживайтесь, располагайтесь поудобнее, а я тем временем поставлю кофе и позову Дану.

— Спасибо. Кофе очень кстати.

Мари направилась на кухню. Доннер оценивающе посмотрел ей вслед. Ноги хозяйки были голые, тем и хороши, бедра под короткой, теннисного образца, белой юбкой завлекательно покачивались из стороны в сторону в такт шагам владелицы.

Вернулась Мари с чашкой кофе.

— Прошу вас… По выходным Дана делается неженкой и лентяйкой, знаете. Часов до десяти не поднимается с постели. Я схожу и потороплю, с вашего разрешения.

Чтобы чем-то себя занять, Доннер принялся изучать корешки книг на полке, которая помещалась возле камина. Он часто развлекался подобным образом: разглядывал книги, чтобы понять характер и наклонности владельца дома. Книжная полка может сказать про хозяина гораздо больше, чем принято думать.

На этой полке был представлен обычный женский набор: чуть-чуть поэзии, «Пророк», "Рецепты блюд специалистов «Нью-Йорк Тайме», немного готики, несколько бестселлеров. В данном случае Доннера больше интересовали не сами книги, но их расположение по различным полкам. Любопытным показалось ему также и то, что между «Физикой интерконтинентальных лавальных сдвигов» и «Геологией подводных каньонов» обнаружился толстенький том «Толкование женских сексуальных сновидений» и тоненькая обложка «Истории О». Только Доннер потянулся было к этой последней, как услышал шаги по лестнице. Он обернулся как раз в тот момент, когда Дана входила в комнату.

Приблизившись, она обняла его:

— Мел, я так рада видеть тебя, если бы ты знал…

— Выглядишь ты изумительно, — сказал он. — На удивление просто.

И он не лукавил. Прежнее напряжение оказалось начисто смытым с ее лица. Выглядела Дана более раскованной, улыбка у нее получалась естественной и приятной.

— Как поживает холостяк? — поинтересовалась она. — Как ты заманиваешь бедных, невинных девушек на этой неделе? Небось, представляешься нейрохирургом или астронавтом?

Доннер погладил себя по животу.

— Знаешь, я решил отложить историю про астронавта до тех пор, когда немного похудею. Я скажу по секрету, что, если бы я мог сказать, что занимаюсь подводными работами, это прозвучало бы ничуть не хуже. Нет такой девочки в вашингтонских барах, которая не соблазнилась бы специалистом подводником. Тем более, что вокруг поднятия «Титаника» сейчас такой шум подняли. Обязательно представлюсь подводником, причем в самое же ближайшее время.

— А почему бы не сказать этим девочкам правду? В конце концов, ты один из лучших физиков в Америке, чудак человек. Этим гордиться нужно.

— Гордиться-то нужно, ты права, но получается как-то так, что если говорить правду, никакого кайфа. И потом, женщине, как правило, бывает нужно, чтобы партнер оказался немножечко актером.

Она кивнула в сторону почти допитого кофе:

— Может, еще сварить?

— Нет, спасибо, — он вежливо улыбнулся, а когда улыбка растаяла, лицо Доннера превратилось в этакую официальную маску. — Ты догадываешься, почему я здесь?

— Догадываюсь.

— Меня очень беспокоит Джен.

— Равно как и меня.

— Ты могла бы вернуться…

Дана решительно посмотрела в глаза Мелу.

— Ты никак не хочешь понять — Ему без меня плохо, но как только мы окажемся опять вместе, ему будет еще хуже.

— Ты нужна ему.

Она протестующе замотала головой.

— У него есть любовница, и эту любовницу зовут Работа. Обо мне он вспоминал разве только в минуты фрустрации. Он расстроен — он вспоминает про меня, у него все идет нормально — он меня в упор не видит.

И мне, поверь, прямо-таки осточертело быть на положении громоотвода. Я превратилась в какой-то прибор для снятия его стрессов, которые он наживает на своей работе. Разве это не понятно, Мел? Я для того и удрала от Джена, чтобы он не доконал себя и меня в том числе. — Дана отвернулась, прижала ладони к лицу, а через несколько секунд повернулась к собеседнику, такая же спокойная и уравновешенная, как и прежде. — Для того чтобы наши отношения изменились, не мне нужно бежать к нему, а как раз ему необходимо бросить эту чертову работу, вернуться к преподавательской деятельности, то есть, к тому, что он умеет и что он любит делать. Только лишь тогда может что-то измениться между ним и мной.

— Мне, пожалуй, не следовало бы тебе этого говорить, — сказал Доннер, — но если ничего не произойдет сверхъестественного, что маловероятно, то мы закончим работу над нашим проектом совсем скоро, может быть, уже через месяц. Это, конечно, в случае, если все и дальше пойдет по плану. И тогда Джена уже ничего более не будет удерживать в Вашингтоне. Если захочет, он вполне сможет тогда вернуться к преподаванию.

— А как насчет ваших контактов с правительством?

— Финита. Никаких контактов. Мы с ним подписали контракт лишь на время проведения работ по проекту. Завершится работа, и мы свободны, как ветер. Откланяемся и — привет горячий! Нужно будет вновь возвращаться в университет, туда, откуда мы пришли.

— Но ведь еще неизвестно, захочет ли Джен видеть меня…

— Я его хорошо знаю, — сказал Доннер. — Он из тех, кого называют однолюбами. Он будет тебя ждать… Если, разумеется, у тебя за это время никого не появилось…

Она посмотрела на него с некоторым недоумением.

— А почему у меня должен был кто-то появиться?

— Видишь ли, я случайно оказался в прошлую среду в ресторане Уэбстра.

«Боже ты мой, — подумала Дана. — За все месяцы у меня свиданий было — по пальцам можно пересчитать. И вот — пожалуйста…»

А ведь там и не было ничего. Просто она и Мари, да еще двое парней из НУМА, из научной морской лаборатории, устроили себе небольшой дружеский ужин, было немного флирта и никакого секса.

Она поднялась и посмотрела на Доннера.

— Почему-то ты, равно как и Мари, равно и сам Президент — все вы ожидаете, когда это я образумлюсь и на карачках приползу к Джену. Вы все уверены, что я для него как старая тюремная койка, без которой наш гениальный физик уснуть не может. И ведь за все это время никому из вас даже в голову не пришлю поинтересоваться, как Я себя чувствую. Какие я испытываю чувства, и какие у *МЕНЯ* огорчения. Так что, идите-ка вы все к чертовой матери. Я взрослая самостоятельная женщина и могу распоряжаться собой так, как считаю нужным. И запомни, что если я все-таки вернусь к нему, то вернусь только тогда, когда сочту необходимым, черт вам побери! А если у меня возникнет желание забраться в постель к кому-нибудь другому. и пойду и заберусь, не спрашивая при этом ваших советов.

С этими словами Дана повернулась и выбежала из комнаты, оставив смущенного и сконфуженного Доннера в одиночестве.

Поднявшись к себе в спальню, Дана бросилась на постель лицом в подушку. Никогда, никогда больше не будет в ее жизни такого человека, как Джен Сигрем. И она обязательно вернется к нему, она не может не вернуться… Дана перестала плакать лишь тогда, когда выплакала все накопившиеся слезы.

Одна стена, сплошь из зеркального стекла, отражала диск-жокея и огромные четыре динамика, подкрепленные всякой иной аппаратурой. На площадке яблоку негде было упасть. На стенах и потолке дискотеки вспыхивали яркие лампы, в лучах которых поднимались густые волны сигаретного дыма. Доннер сидел за столиком в одиночестве, флегматично рассматривая энергичные вихляющиеся под темпераментную музыку пары.

Неожиданно к нему подошла маленькая изящная блондинка, остановилась и спросила:

— Господин из-под дождя, не так ли?

Доннер взглянул на нее, тотчас же вскочил и, одернув пиджак, уточнил:

— Мисс Шелдон, если не ошибаюсь?

— Если не затруднит, то — Мари, — сказала она своим приятным певучим голосом.

— Вы тут одна?

— Хуже. Я с женатыми друзьями. Третье ухо, пятое колесо… Так это называется.

Доннер проследил взглядом за ее неопределенным жестом, однако решительно не смог понять, кого же именно в густой толпе Мари имела в виду. Он отодвинул для нее стул.

— Считайте, что у вас теперь появился кавалер. На счастье в этот момент проходила возле столика официантка, и Мел Доннер сумел не только привлечь ее внимание, но даже смог проорать заказ — пару коктейлей. Повернувшись к своей даме, он увидел на ее лице приятную и явно одобрительную улыбку.

— Знаете, господин Доннер, для физика вы обладаете вполне мужскими ухватками. В вас даже есть что-то от профессионального хвата.

— Черт, а я-то собирался сегодня закосить под шпиона из ЦРУ…

Мари улыбнулась.

— Дана как-то рассказывала мне о ваших, скажем так, эскападах. Как вы пудрите мозги молоденьким вашингтонским девочкам. Впрочем, вам должно быть стыдно, не так ли?

— А вы меньше слушайте и еще меньше верьте тому, что слышите. Поскольку на самом-то деле я очень застенчивый человек, а когда дело доходит до женщин, так просто теряюсь. Кроме того, я интроверт, если это вам что-нибудь говорит…

— В самом деле?

— Честное благородное! — он вовремя успел поднести ей зажигалку. — А могу я узнать, что в этот вечер поделывает наша дорогая Дана?

— А вы непростой человек, господин Доннер! Так я вам все и рассказала…

— Нет, вы, наверное, не совсем поняли. Я просто…

— Вы просто забыли о том, что жизнь Даны вас решительно не должна касаться, вот что вы забыли, мой чудный мистер Доннер. И тем не менее, я вам скажу, что в это самое время наша Дана плывет себе в Северной Атлантике.

— Отдых ей не помешает.

— Вы хотели у меня выведать насчет Даны, вы своего добились. Теперь подумаем о маленьком вознаграждении. Что вы могли бы предложить вашей очаровательной незнакомке? — осведомилась Мари. — Да, вот еще что. Раз уж вы в осведомителях у Джена Сигрема, то когда будете передавать ему, не забудьте упомянуть, что Дана вовсе не отдыхает, а напротив — работает. Ее послали в Северную Атлантику с группой журналистов, которым не терпелось прибыть на то место, где производятся спасательные работы над «Титаником». Наша Дана сейчас исполняет роль кого-то такого, вроде крутого специалиста, помноженного на очаровательную мадам с примесью любимой мамочки… Всем рассказать, на всех угодить — в таком роде.

— Именно это я и хотел от вас узнать.

— Вам достало мужества признаться, и это делает вам честь, — она кокетливо повела глазами. — Ну а теперь, после того, как выполнены ваши шпионские обязанности, почему бы вам, господин Доннер, не заняться мной, а? Не дать мне понять, что хотели бы меня видеть в менее, скажем, шумной обстановке?

Доннер изобразил на лице некоторое удивление.

— Мне казалось, что дамочки вашего сорта всегда носят с собой приготовленную фразу: «Но ведь мы едва знакомы?!» Или я не совсем прав?

Она на секунду задумалась, пожала плечами, взяла Доннера за руку и поднялась из-за стола.

— Пойдем?

— Могу я узнать, куда именно?

— К тебе, — на манер озорной девочки произнесла Мари.

— Ко мне?! — переспросил Доннер, не привыкший к столь быстрому развитию событий.

— Конечно. Мы ведь будем заниматься любовью, разве не так? Потому как если двое взрослых людей серьезно подумывают о браке, каким еще образом они могут определить, что именно подойдет, а что нет? Другого способа не существует.

Глава 44

Питт поудобнее устроился в кресле и принялся рассматривать, как за окном его вагона тянулся скучный Девонский сельский пейзаж. По хайвею в направления Доулиша мчались тяжелые грузовики. Какое-то время ему были видны небольшие траулеры, направлявшиеся на свой ежедневный рыбный промысел. Затем оконное стекло оказалось подернуто влажной пеленой: это был не дождь, а водная пыль, залепившая вагонное стекло, смешав до неразличимости предметы и краски по ту сторону окна. Питт вновь обратился к раскрытому журналу, который лежал на коленях. Послюнявив указательный палец, Питт начал скучающе перелистывать глянцевые страницы, не понимая смысла попадавшихся заголовков.

Если бы еще каких-нибудь два дня тому назад ему сказали, что нужно будет уехать из района проведения спасательной операции, он бы не поверил своим ушам. А если бы ко всему прочему те же самые два дня назад нашелся человек, предложивший съездить в городок Тенемаут, Девоншир, с населением в двенадцать тысяч двести шестьдесят человек, в крошечный курортный живописный городок на юго-восточном побережье Англии, причем, съездить для того, чтобы переговорить с умирающим стариком, — Питт небезосновательно решил бы, что у такого человека явно не все дома. И вот однако ж…

Именно адмирала Джеймса Сэндекера должен был Питт благодарить за эту поездку, или «пилигримаж», как сказал сам Сэндекер, разговаривая с Питтом в вашингтонской штаб-квартире НУМА. Речь шла о том, чтобы съездить к самому последнему из оставшихся в живых члену команды «Титаника».

— Спорить на эту тему считаю бесполезным, — заявил с присущей ему категоричностью адмирал Сэндекер. — Ты едешь в Тенемаут, и на этом целесообразно поставить точку.

— Как-то все это плохо состыкуется, — сказал Питт, нервно дефилируя вдоль свободной диагонали кабинета и при этом чуть покачиваясь, как если бы ноги продолжали по привычке противодействовать качающейся палубе «Каприкорна». — В самый ответственный момент операции вы снимаете меня с корабля и приглашаете на берег, где я узнаю, что у меня, оказывается, на борту находятся два русских агента неустановленной наружности и что у этих агентов, по существу, имеется карт-бланш на убийство любого, кого им вздумается устранить. Тут же я узнаю, что эту карт-бланш практически выписало им ЦРУ. А в довершение я получаю приказ ехать в Англию, чтобы присутствовать при последнем издыхании какого-то моряка, которому сто лет в обед…

— Этот, как ты выразился, «какой-то моряк» — единственный член команды «Титаника», кто еще жив.

— Да, но ведь мы заняты операцией по спасению лайнера, — еще раз посчитал необходимым напомнить Питт. — Согласно данным наших компьютеров, в ближайшие трое суток «Титаник» может освободиться от грунта, понимаете? В любую минуту может начаться заключительный этап операции.

— Спокойнее, Дирк. Завтра утром ты уже будешь на палубе своего «Каприкорна». У тебя еще уйма времени, прежде чем «Титаник» пойдет на всплытие. А в твое отсутствие Руди Ганн сумеет позаботиться сумеют обо всем не хуже тебя самого.

— С вами, признаюсь, очень сложно разговаривать, — Питт развел руками, как бы признавая капитуляцию. — Что тут еще скажешь…

Сэндекер покровительственно улыбнулся.

— Знаю, о чем ты сейчас думаешь… Ты уверен, что лучше тебя со всем этим делом никто не сумеет справиться. Если хочешь, я могу тебе кое-что рассказать. Там, в Атлантике, находится самая квалифицированная, самая талантливая и

хорошо оснащенная команда подводников, какую только знала современная история цивилизации. Ты вполне можешь положиться на меня, я знаю, о чем идет речь. Даже если «Титаник» и пойдет на поверхность, эти парни уж как-нибудь сумеют обо всем позаботиться. Во всяком случае, тридцать шесть часов без тебя они худо-бедно, но проживут.

Питт улыбнулся одними губами.

— Когда прикажете ехать?

В аэропорту Далласа, в одном из наших ангаров, тебя уже дожидается реактивный «Лир». Полетишь прямиком в Экстер, а уже оттуда на поезде доберешься да Тенемаута.

— Должен ли я по завершению поездки прибыть вновь в Вашингтон и доложить вам о результатах?

— Нет, зачем же. Из Англии ты прямиком отправишься на «Каприкорн», где встретишься со мной и расскажешь, как там и что.

Питт вопрошающе посмотрел на адмирала.

— На «Каприкорн»?

— Ну, разумеется. Ведь ты сам посуди, если тебе вздумалось в столь ответственный момент операции съездить отдохнуть в Англию, то для меня это еще совсем не повод пропускать момент всплытия «Титаника». Так ведь? В случае, если лайнер вдруг вздумает подняться раньше срока, а?

Сэндекер изобразил прямо-таки сатанинскую улыбочку. изо всех сил сдерживаясь, чтобы не расхохотаться при виде Питта, лицо которого выглядело одновременно обиженным и унылым.

На вокзале Питт взял такси и по узенькой улочке направился вдоль эстуария к небольшому коттеджу, фасадом обращенному в сторону моря. Заплатив таксисту, Питт открыл створку увитых декоративной лозой ворот и зашагал по дорожке, с обеих сторон обсаженной кустами роз. Он постучался в дом, и на его стук дверь отворила девушка с глазами такой васильковой глубины и с такими рыжими, аккуратно подстриженными волосами, что было на что засмотреться. У девушки, как только она заговорила, обнаружился забавный шотландский акцент.

— Доброе утро, сэр.

— Доброе, — сказал он и кивнул. — Меня зовут Дирк Питт, и мне хотелось бы…

— Ну разумеется, разумеется. Мы получили телеграмму адмирала Сэндекера и таким образом узнали, что вы скоро должны приехать. Входите, прошу вас, коммодор ждет вас.

Девушка была одета в чистенькую наглаженную белую блузку, заправленную в зеленую юбку. Поверх блузки был надет шерстяной свитер также зеленого цвета.

Вслед за девушкой Питт прошел в гостиную коттеджа. Она имела уютный обжитой вид: в камине весело потрескивали дрова, освещая и согревая комнату. Если бы даже Питт не знал о том, что тут живет отставной коммодор, то по интерьеру комнаты мог бы легко об этом догадаться. На всех полках и полочках во множестве стояли разные модели кораблей, от крошечных до вполне солидных, по всем четырем стенкам висела уйма репродукций и фотографий знаменитых судов прошлой эпохи. Перед окном на специальной подставке был Укреплен телескоп, выполнявший тут, судя по всему, функцию подзорной трубы. Объектив был обращен в сторону моря. На одной из стен висело массивное рулевое колесо старинного корабля: деревянная хорошо отполированная руками и воском поверхность поблескивала в лучах отраженного света, как бы ожидая прикосновения сильной руки рулевого.

— У вас такой вид, словно вы плохо спали, — сказала девушка Питту. — Может быть, позавтракаете с дороги?

— Сообразно канонам элементарной вежливости мне бы следовало отказаться, однако мой желудок не может себе позволить такой вежливости. Так что, если вам не трудно…

— О, я знаю, что американцы очень любят поесть, так что, если бы вы и попытались изменить этот ваш национальный имидж, я бы лишь расстроилась и все.

— В таком случае, я приложу все силы к тому, чтобы максимально укрепить миф об обжорах янки, мисс…

— О, ради Бога, извините, я даже не представилась… Меня зовут Сандра Росс, я правнучка коммодора.

— Насколько я понимаю, вы ухаживаете за ним, не так ли?

— В некотором смысле. Я ведь работаю с «Бристол Эрлайнз», интендант полетов. Так что когда у меня полет, за ним присматривает одна из здешних местных женщин, — Сандра изящно взмахнула рукой в направлении, где, очевидно, жила эта неназванная женщина. — Пока я вам готовлю перекусить, вы вполне могли бы поговорить с дедом. Он очень стар, как вы понимаете, но безумно хочет, чтобы вы рассказали, как именно обстоит дело с извлечением «Титаника».

С этими словами Сандра подошла к одной из дверей, легко постучала и, не дожидаясь разрешения, приотворила дверь.

— Коммодор, тут приехал господин Питт, он хочет вас видеть.

— Проси его, — раздался старческий надтреснутый голос, — пока я не помер.

Девушка распахнула дверь и чуть посторонилась, пропуская Питта в спальню.

Коммодор сэр Джон Л. Бигалоу полулежал на койке, подложив под спину подушку. Он посмотрел своими темно-голубыми глазами на вошедшего Питта: в этом взгляде прочитывалась некоторая трогательная мечтательность ушедшего

навсегда века. На голове у старика можно было различить несколько поседевших до снежной белизны волос. Столь же безукоризненно белым был и цвет его бороды. Лицо старца сохраняло красноватый оттенок, свойственный представителям сугубо мужских профессий, вроде профессиональных охотников или, скажем, тех же моряков, например. На старике был надет разорвавшийся свитер под самое горло, несколько напоминающий пижаму эпохи Чарльза Диккенса. Он протянул Питту сухую сморщенную руку, которая оказалась уверенной и на удивление крепкой.

Во время рукопожатия Питт внутренне поразился несоответствию между внешним видом руки и крепостью пожатия.

— Я необыкновенно рад встрече с вами, коммодор, тем более что много слышал и даже читал о том, как вам удалось спастись после крушения «Титаника».

— Если бы вы только знали, до чего мне все это осточертело, — ворчливо сказал он. — Ведь худо-бедно, я после того прошел через обе мировые войны, в мой корабль угодила торпеда, я спасся на одном из обломков судна — да и вообще, чего только в моей жизни не приключалось, однако стоит только мне встретиться с новым человеком, и меня почему-то начинают расспрашивать именно о «Титанике». — Он указал рукой на стул. — И ради Бога, не стойте столбом, как юнга в первом рейсе. Садитесь, прошу вас, садитесь.

Питт счел за благо последовать приглашению.

— И рассказывайте мне все, что вы знаете про «Титаник». Что с ним? Как он выглядит после стольких лет на дне? Ведь когда я был зачислен на «Титаник», я был совсем еще мальчишкой. Но тем не менее каждый винт на судне помню, каждый закоулочек, каждую палубу.

Сунув руку в карман плаща, Питт вытащил конверт с фотографиями.

— Вот тут, — сказал Питт, — несколько сделанных недавно снимков «Титаника». По ним вы сможете судить о том, как сейчас выглядит корабль. Снимки были сделаны буквально несколько недель назад с одной из наших подлодок.

Коммодор Бигалоу нацепил очки в старенькой оправе и принялся внимательно, с большим интересом, изучать фотографии. Массивные корабельные часы, укрепленные на стене как раз над койкой коммодора, отсчитывали минуту за минутой, покуда старый моряк, погруженный в воспоминания своей молодости, медленно перетасовывал снимки. Затем он как бы очнулся и задумчиво посмотрел на Питта.

— Да, скажу я вам, это был корабль что надо! Таких кораблей, как этот, немного. Всем кораблям корабль, вы уж поверьте мне, старику, на слово. Я ведь плавал на самых известных: на «Олимпике», на «Аквитании», на «Куин Мэри»… Они были все превосходно сделаны, спору нет, все были очень современными и маневренными для своего времени, однако же «Титаник» — это, скажу вам, совершенно особый случай. «Титаник» был так тщательно сделан, с таким вкусом, так роскошно… Одни гостиные чего стоили! А инкрустированные деревянные

панели?.. Это был совсем, совсем особенный корабль, самый, пожалуй что, изысканный.

— За эти годы «Титаник» сделался еще более загадочным, — позволил себе ремарку Питт.

— Во-он там, поглядите, — Бигалоу показал на один из фотоснимков на стене спальни. — Как раз на крыше, на фоне вентилятора, рядом с офицерскими каютами. Именно на этом месте я и находился в тот момент, когда «Титаник» погрузился под воду. Опора ушла из-под ног, и я очутился в океане… — В эту секунду коммодор заметно помолодел, словно нахлынувшие воспоминания стерли морщины с лица. — А вода-то была в ту ночь, доложу вам, такая холодная! Градуса четыре ниже точки замерзания, вот какая была в тот день вода.

Старик принялся подробно рассказывать Питту о том, как плыл в ледяной воде, как по чистейшей случайности рукой нащупал плававшую веревку, другой конец которой оказался прикреплен к перевернутой вверх дном шлюпке… Вокруг была каша из человеческих тел, причем каждый изо всех сил пытался выжить, спастись, каждый кричал и отчаянно барахтался в волнах. Предсмертные хрипы, отчаянные стоны висели в воздухе и делались тише лишь по мере того, как один за другим выбившиеся из сил люди уходили под воду. Бигалоу пришлось провести несколько мучительно долгих часов в океане, удерживаясь с помощью шлюпки на плаву: рядом с ним, также держась за киль, находились еще несколько десятков человек… А какими восторженными криками был встречен корабль «Карпатия», пришедший на место трагедии, чтобы подобрать тонущих!

Бигалоу ностальгически вздохнул, снял очки и протер увлажнившиеся глаза.

— Должно быть, утомил вас своим рассказом, господин Питт?

— Ну что вы, ни в коем случае, — откликнулся Питт. — Вы так красочно описали происшествие, как будто я сам был там и видел трагедию своими собственными глазами.

— Ну, если так, тогда я вам расскажу еще один небольшой эпизод, — сказал Бигалоу. — Ни одной душе на свете я не рассказывало том, что происходило в последние минуты, прежде чем «Титаник» скрылся под водой. Так что вы, господин Питт, будете первым, кто узнает об этом. Даже когда проводилось расследование, и выяснялись мельчайшие подробности катастрофы, я ни слова не сказал о том, что расскажу сейчас. Об этом ничего не знают ни члены комиссии Сената Соединенных Штатов, ни тем более члены Британского суда, которые в то время проводили расследование. Уж не говорю, что писаки-журналисты не услышали от меня на этот счет ни звука, как ни крутились около, как ни попрошайничали. Так что, сэр, вы — первый и, думаю, последний, кто услышит этот рассказ из моих уст.

Через три часа Питт уже находился в вагоне поезда, который мчал в сторону Экстера. Не чувствовалось ни усталости, ни обыкновенной для всякого дальнего

путешествия скуки. Если бы ему нужно было определить свое состояние, он бы, пожалуй, воспользовался словом «восторг». В эту самую минуту «Титаник», на седьмой палубе которого, в грузовом трюме №1 находилась фантастическая поклажа, — «Титаник» казался более, чем когда-либо прежде, желанным для Питта.

«Сотби… — мысленно раздумывал Питт. — Сотби-то какое имеет ко всему этому отношение?..»

В который уж раз он опустил глаза, посмотрел на пакет, переданный ему коммодором Бигалоу. Не осталось даже и тени сожаления из-за того, что пришлось проделать весь этот путь в Тенемаут.

Глава 45

У доктора Райана Прескотта, главы расположенного в городке Тампа, Флорида, Центра НУМА по изучению Ураганов, были все основания рассчитывать, что в этот день он сумеет вовремя уйти с работы, добраться без приключений домой, что у него будет возможность спокойно отдохнуть и поиграть с женой в крибедж. Однако часы показывали, что до полуночи оставались десять минут, а доктор Прескотт все еще сидел за своим рабочим столом, склонившись над снимками, сделанными высокочувствительной аппаратурой со спутника.

— И как только мы приходим к выводу, — ворчливо говорил он, — что знаем все, что имеет смысл знать о шторме, какая-нибудь мерзость вдруг портит нам всю картину, и все прежние наработки тотчас же летят к чертям.

— Ураган в середине мая… — его помощница, мучительно боровшаяся с зевотой, все же зевнула. — Извините… Ураган, хочу сказать, в мае — это как раз для книги рекордов.

— И решительно не могу понять, откуда он взялся… Обычно сезон ураганов длится с июля по сентябрь. И почему этот решил оформиться за два месяца до срока? Ума не приложу!

— Равно как и я, — ответила помощница. — Скажите, а как по-вашему, куда он направляется, этот наш торопыга?

— Пока еще рано что-либо на сей счет говорить, — сказал Прескотт. — Зародился он, как и всегда зарождаются ураганы: огромная область низкого давления, вдобавок сырой воздух, большая влажность, закрученность против часовой стрелки, под воздействием вращения Земли. Все, вроде бы, идет нормально, однако вот тут и начинаются сюрпризы. Обычно для того, чтобы как следует созреть, развиться, окрепнуть, воздушной волне в несколько сотен миль шириной требуется несколько недель, а то и несколько месяцев. А этот, как вы изволили заметить, торопыга управился в восемнадцать с небольшим часов.

Прескотт вздохнул, поднялся из-за стола и направился к стене, на которой висела огромная таблица. Заглянув предварительно в свои собственные записи, он отметил параметры: точка зарождения, условия атмосферы в том районе, скорость

передвижения урагана. После этого Прескотт начал фантазировать на тему возможного направления движения, отмечая чуть различным карандашным пунктиром путь к Западу от точки, расположенной в ста пятидесяти милях на северо-восток от Бермудских островов. Линия все ближе подходила к обозначенным на карте контурам Ньюфаундленда.

— Если этот торопыга не позаботится о том, чтобы хоть как-то намекнуть, куда именно он держит путь, я могу лишь так вот предсказать его возможный маршрут, — доктор Прескотт сделал небольшую паузу, ожидая, что услышит от своей ассистентки подтверждение своей версии. Но не дождавшись, вынужден был спросить: — А ваше мнение на этот счет?

Не услышав ответа, он обернулся, чтобы еще раз, более внятно, повторить обращенный к помощнице вопрос — но так и не повторил. Женщина спала, положив голову на локоть. Мягко, как бы одновременно и желая и боясь разбудить, он потряс ее за плечо. Женщина открыла глаза.

— Сейчас мы уже ничего тут не сможем сделать, — вполголоса сказал он. — Давайте-ка отправимся по домам. Выспимся… — Он махнул рукой в сторону настенной карты. — При некотором везении, хотя шансы не больше, чем тысяча к одному, но все-таки при некотором везении вся эта штука может к утру сама рассосаться. Так что мы с вами придем на работу, а вместо нашего торопыги останется лишь локальный шторм.

Доктор изо всех сил старался говорить уверенно, однако против его желания неуверенность явно сквозила в голосе.

На что доктор не обратил внимания, так это на тот факт, что прочерченная им на карте линия предполагаемого движения урагана проходила как раз через район с координатами 41°46 северной долготы и 50°14 западной широты.

Глава 46

Капитан Руди Ганн стоял на капитанском мостике «Каприкорна» и внимательно смотрел на запад, где из великолепной, безупречной синевы неба соткалось едва различимое пятнышко. Какое-то время это пятно висело неподвижно, не изменяя своих контуров и не перемещаясь: просто темно-синее пятно, крошечная точка, поставленная некоей рукой над линией горизонта. Почти в одно мгновение точка превратилась в овал, овал приобрел Различимые контуры вертолета.

Вертолет быстро приблизился, завис над палубой и, мягко сел на вертолетную площадку в кормовой части судна, визг турбин стих. Подъемный винт по инерции еще вращался, однако было заметно, что и он выдыхается.

Ганн направился к вертолету в тот самый момент, когда правая бортовая дверца открылась, и вышел Питт.

— Удачно съездил? — поинтересовался Ганн.

— Есть кое-что, — неопределенно ответил Питт. Дирк Питт обратил внимание на странное выражение лица Ганна: морщины вокруг маленьких глаз моряка образовали сетку, взгляд был угрюмым.

— Ты сейчас похож на ребенка, у которого отобрали рождественский подарок, Руди. Какие проблемы?

— Подлодка «Дип Фантом», которая принадлежит «Ураниус Ойл», угодила в капкан.

Несколько секунд Питт молчал. Затем спросил:

— Что адмирал Сэндекер?

— Поставил всех на уши. Он считает, что, поскольку судном обеспечения у «Дип Фантом» был «Бомбергер», то именно с «Бомбергера» нужно проводить спасательную операцию, не дожидаясь твоего приезда.

— Ты сказал — «Бомбергер» *был,* словно мы можем потерять «Дип Фантом», а?

— Похоже, ничего хорошего. Пойдем наверх, я познакомлю тебя с деталями случившегося.

В командной рубке «Каприкорна» явственно чувствовалось напряжение и даже отчаяние. Обыкновенно очень общительный и чрезмерно шумный, Джиордино при появлении Питта лишь молча кивнул, обойдясь без формальностей. Войдя в рубку, Питт застал Бена Драммера за переговорами с застрявшей около «Титаника» субмариной: преувеличивая не испытываемый в действительности прилив оптимизма, Драммер как мог, пытался вселить чувство уверенности в подводников «Дип Фантом». Контраст между бодрым голосом Бена Драммера и глазами, полными отчаяния, поразил Питта. Рик Спенсер, инженер по оборудованию, отрешенно смотрел на мониторы. Остальные члены команды молча и сосредоточенно занимались своими делами.

Ганн незамедлительно принялся рассказывать о том, как же обстоят дела:

— Еще два часа тому назад подлодка должна была всплыть и переменить команду. Сейчас на ее борту находятся Джо Киль, Том Чавец, Сэм Меркер…

— Тот самый Меркер, который вместе с тобой исследовал Лорелею на «Сапфо-1»? — поинтересовался у него Питт.

— Равно как и Манк, — грустно подтвердил Ганн. — Вообще у меня такое, знаешь, чувство, что мы словно проклятый экипаж, навлекли небесный гнев, что-то в таком духе…

— Дальше.

— Они находились у правого борта «Титаника», рядом с полубаком, устанавливали там очередной клапан для снятия давления. Неожиданно подлодка зацепила кормой за грузовой кран «Титаника». Не зацепила, собственно, а так,

чуть тиранулась. А там болты все насквозь прогнили и сорвались, и деррик-кран упал на них, на внешние баки «Дип Фантома», пробил металл. Через эту дыру в корпус лодки налилось тонны две воды, которая и прижала подлодку к палубе «Титаника».

— Когда это случилось? — спросил Питт.

— Три с половиной часа назад.

— Почему тогда у всех такое похоронное настроение? Посмотришь на твоих людей, так и впрямь пойдешь ко дну, даже и без пробитых баков. На «Дип Фантом» сжатого воздуха столько, что лодка может там лежать больше недели. За это время «Сапфо-1» и «Сапфо-II» сто раз успеют откачать из ее внешних баков воду; заделают дыру, и все будет в лучшем виде, капитан.

— Не все так просто, как ты думаешь, — сказал Ганн. — Если у нас и есть время, то не больше шести часов.

— Почему именно шесть?

— Я тебе главного еще не сказал, — Ганн сощурился, как от яркого света, и посмотрел в глаза Питту. — Понимаешь, когда деррик-кран упал на лодку, удар оказался настолько мощным, что один из сварных швов на корпусе разошелся. И под давлением вода просачивается уже прямо в кабину, причем собирается в минуту галлона по четыре. А чем больше просачивается воды, тем шире оказывается пробоина. А чем шире — тем больше собирается воды… Это еще чудо, что шов совсем не треснул, иначе бы весь корпус лодки оказался разорван, а из парней получилось бы желе, — он поднял голову и посмотрел на циферблат часов, укрепленных над компьютером. — В самом лучшем случае у них имеется часов шесть. Потом в кабине будет столько воды, что все утонут… И самое паршивое во всем этом как раз и заключается в том, что мы совершенно ничего не можем сделать, никак не можем помочь парням.

— А почему бы не залить трещину ветстилом?

— Легко сказать! Та часть корпуса, в которой образовалась пробоина, как раз и прижата к полубаку «Титаника». По распоряжению адмирала к месту проведения работ посланы три подлодки. Им дана команда хоть как-то попытаться раскачать «Дип Фантом», чтобы если не саму лодку высвободить, так хоть получить доступ к пробоине. Они пытались, и у них ни черта не вышло.

Питт опустился в кресло, взял карандаш и принялся делать в блокноте пометки.

— Вот что… На «Си-Слаг» имеется оборудование для резки металла. И вот если бы «Си-Слаг» сумела как-нибудь подобраться к этому деррик-крану…

— Увы… — Ганн в отчаянии помотал головой. — Когда нехорошо, так сразу все нехорошо. Покуда три лодки пытались раскачать «Дип Фантом», как-то так получилось, я не знаю, ну, в общем, у «Си-Слаг» оказался сломан манипулятор. Клешня, иначе говоря. Ее подняли на палубу «Модока», парни посмотрели,

говорят: так быстро не починить. — Неожиданно Ганн с силой шарахнул кулаком по застеленному картой столу. — Последняя надежда была на лебедку «Бомбергера». Если бы только нам удалось привязать конец троса к деррик-крану, то лебедкой вполне можно было бы приподнять его и таким образом высвободить подлодку.

— Вот тебе и вызволили «Титаник»! — с выражением сказал Питт, и по его лицу было видно, что он пытается сдержать себя и не выругаться. — Получается, что теперь в нашем распоряжении осталась одна только «Си-Слаг», на которой имеется клешня для проведения работ. И вот эта самая клешня вышла из строя. А без нее мы никак не сможем прикрепить трос к деррик-крану!

Ганн потер уставшие глаза.

— Черт побери, что же это такое… Тысячи часов потрачены, чтобы спланировать, сконструировать и отладить всякую спасательную систему, чтобы просчитать действия экипажа на случай возникновения критической ситуации, и вот происходит вдруг какая-то нелепость, даже глупость — и каждый из нас получает удар ниже пояса. Ни один компьютер не в состоянии предусмотреть и просчитать ситуацию, которая имеет степень вероятности единица к миллиону… То, что произошло, это в буквальном смысле слова — немыслимо! Чтобы вот так глупо, ни с того, ни с сего…

— Да при чем тут компьютеры, о чем ты вообще говоришь?! Компьютеры не выдумывают данных, они лишь обрабатывают те данные, которые туда закладывают, — сказал Питт.

Он подошел к переговорному пульту, взял микрофон из рук Драммера.

— «Дип Фантом», это говорит Питт. Ответьте.

— Рад тебя слышать, — донесся через динамик спокойный голос Меркера, настолько спокойный, что непосвященные могли бы подумать, будто Меркер сейчас лежит на постели у себя дома и разговаривает с Питтом — Нас тут сейчас трое. Если спустишься, будет как раз четверо, и тогда мы сможем сыграть партию в бридж. Как смотришь на такое предложение?

— Я плохо играю в карты, тем более в бридж, — сказал Питт таким голосом, как будто его и в самом деле пригласили сыграть в карты. — Сколько, по-твоему, пройдет еще времени, прежде чем вода зальет аккумуляторные батареи?

— Учитывая ту скорость, с которой вода прибывает, осталось минут пятнадцать-двадцать.

Питт повернулся к Ганну и произнес то, что и без слов было давно уже всем понятно:

— Как только полетят батареи, с ними невозможно будет связаться по радио.

Ганн утвердительно кивнул:

— Там рядом находится «Сапфо-II», чтобы парни не теряли присутствия духа. В настоящее время я не придумаю, что еще мы могли бы для них сделать.

Питт снова нажал на кнопку связи.

— Меркер, как обстоит дело с системой жизнеобеспечения?

— Какая к черту система?! Она приказала долго жить полчаса тому назад. Так что дышим испорченным воздухом.

— Я сейчас вам переправлю «Серц».

— Да, и поскорее. У Чавеца такой запашок изо рта… — Меркер запнулся и уже изменившимся голосом сказал: — Слушай, как бы там все ни обернулось, если мы больше с вами не увидимся, ты имей, пожалуйста, в виду, что в такой дружеской компании нам было приятно подыхать. Тут ведь, кроме всего прочего, столько жмуриков! Ну, будет еще тремя больше…

Все, кто слышал последние слова Меркера о покойниках на «Титанике», чуть побледнели. Все, за исключением разве что Питта.

Нажав кнопку на микрофоне, Питт сказал:

— Мы вас скоро вызволим, и мне хотелось бы, чтобы ваша подлодка, после того, как вы будете спасены, оставалась чистой. Так, чтобы мы могли захотеть еще использовать ее, договорились? Конец связи.

Интересно было наблюдать за тем, как в рубке «Каприкорна» прореагировали на жлобский юморок Дирка Питта. Джиордино, Ганн, Спенсер и другие недоумевающе уставились на Питта. Только Драммер выказал явное раздражение.

Питт коснулся плеча Керли, радиста судна.

— Свяжись с адмиралом, он на «Бомбергере». Только используй, пожалуйста, запасную частоту. Керли поднял голову.

— Это для того, чтобы парни с «Дип Фантом» не подслушали?

— Меньше знаешь, крепче спишь. Есть некоторые вещи, лучше их не знать, — спокойным голосом объяснил Питт. — Соедини меня, да побыстрее, если можно.

— Через считанные секунды в динамике послышался легко узнаваемый голос адмирала Сэндекера:

— «Каприкорн», говорит адмирал Сэндекер, прием.

— Адмирал, добрый день, это Питт. Сэндекер не посчитал нужным тратить время на приветствия:

— Ты уже в курсе?

— Только что Ганн доложил мне, — ответил Питт.

— Стало быть, ты знаешь и про то, что мы сделали все от нас зависящее. Как ни крути, а времени у парней остается в обрез. Если бы у нас было хоть десять часов, мы бы наверняка их спасли.

— Да, но есть же еще вариант, — сказал Питт. — Хотя шансы на успех и не очень велики, тем не менее, сама по себе такая возможность есть.

— Может, поделишься соображениями? Питт несколько секунд поколебался.

— Прежде всего, нужно на минуту позабыть о «Дип Фантом» и сориентировать наши усилия в ином направлении.

Драммер подошел почти вплотную к Питту:

— Сам-то ты понимаешь, что говоришь? Как прикажешь тебя понимать, Питт? Как… Как это вообще можно — *забыть* про «Дип Фантом»?! — последние слова Драммер выкрикнул в лицо Питту. — Ты с ума сошел?

Питт обезоруживающе улыбнулся своему коллеге.

— Нужно еще раз попытать счастья, но по-другому. Твои парни сделали все, что смогли, у них ни черта не вышло, так? Все, что вы смогли, вы сделали. Результат — ноль целых ноль десятых. Понимаешь, я лично тебя, как, впрочем, и всех твоих ребят очень уважаю, знаю, что вы отличные специалисты. Но дело в том, что вы — профессионалы по спасательным работам на воде, но, извини, ни хрена не смыслите в аварийных работах: тут вы дилетанты. Вы кое-что предприняли, причем предприняли не совсем то, что было нужно. Неудача лишь усугубила итоговый результат: Теперь вы сидите, поджав хвосты, и говорите мне, что все потеряно. А далеко еще не все потеряно, джентльмены. Мы попытаемся вытащить «Дип Фангом» до истечения шестичасового срока, отмеренного подлодке. Тем более, что пока мы тут с вами разговаривали, из шести часов, если мои часы точные, осталось пять часов сорок три минуты.

Джиордино с нескрываемой надеждой посмотрел на Питта.

— Думаешь, еще есть шанс?

— Уверен, что есть. И мы его используем.

Глава 47

Строительные инженеры и исследователи морских специальностей образовывали небольшие группы и, возбужденно переговариваясь, беспорядочно циркулировали от одной кучки собеседников к другой, задевая, а, случалось, и нечаянно толкая коллег. Время от времени кто-нибудь вдруг прерывал разговор, подходил к мониторам и принимался изучать компьютерные распечатки. За большим столом с вместительной чашкой кофе в руке сидел только что прибывший с «Бомбергера» адмирал Сэндекер. После того, что ему доложили, адмирал недоумевающе крутил головой, словно избавляясь от наваждения.

— Все это неслыханно, — сказал он вполголоса, ни к кому не обращаясь. — Подложить взрывчатку под «Титаник» и рвануть, чтобы лайнер начал всплывать, и одновременно, чтобы «Дип Фантом» была освобождена от деррик-крана? Какой-то бред, но уж никак не план по спасению…

— Какие иные способы остаются в нашем распоряжении? — спросил Питт. — Я имею в виду реально осуществимые в остающиеся у нас сроки способы аварийного спасения? А так мы действуем наверняка. Даже если деррик-кран и не отцепится, то все равно «Титаник», поднимаясь на поверхность, увлечет за собой субмарину.

— При всем моем уважении к Питту, я вынужден признать, что этот план — сущее безумие, — сказал Ганн. — При взрыве сотрясение будет столь мощным, что уже имеющаяся в корпусе подлодки трещина тут же превратится в широченный пробой и подводники будут расплющены немедленно.

— Будут расплющены. Но это лишь предположение. Может, будут, а может, нет, — уточнил Питт. — Но даже в том случае для Меркера, Киля и Чавеца куда лучше мгновенная смерть, чем длительная агония, вызванная нехваткой кислорода. Из двух смертей наиболее быстрая всегда предпочтительнее.

— Но ты забываешь о «Титанике», — сказал Ганн. — Мы тогда рискуем взорвать все то, что сделали за эти три жутких месяца работы на глубине.

— Считай, что такова цена нашего спасательного проекта, — ответил ему Питт. — И потом, знаешь, что я тебе скажу? Корпус «Титаника» сконструирован таким образом, что его запас прочности даже превышает соответствующие показатели самых современных судов. Стрингера, балки, переборки и палубы «Титаника» сегодня не менее прочны, чем в день, когда лайнер сошел со стапелей. Корабль выдержит взрыв, а если потребуется, то выдержит и не один такой взрыв. На сей счет ты можешь быть уверен.

— Ты и вправду считаешь, что план сработает? — поинтересовался Сэндекер.

— Безусловно.

— Ты ведь знаешь, что я могу приказать, и ты не посмеешь осуществить задуманное…

— Это я имею в виду, — ответил Питт. — Но тем не менее надеюсь на ваш здравый смысл. Надеюсь, что до момента окончания работ вы будете прислушиваться к моим советам.

Сэндекер потер глаза, медленно потряс головой, как бы желая очнуться. Наконец он сказал:

— О’кей, Дирк. Ты меня убедил.

Питт корректно кивнул и принялся за дело.

Оставалось пять часов десять минут.

На глубине двух с половиной миль, под поверхностью океана, замерзшие, одинокие, притихшие, находились члены команды «Дип Фантом». С ужасом наблюдали они за тем, как дюйм за дюймом прибывала вода. Это походило на погребение заживо. Всякий новый дюйм — как очередной шаг в сторону смерти. Воды набралось столько, что центральная система оказалась уже вне досягаемости. Один за другим коротили и выходили из строя электроприборы. В кабине с каждой новой потухшей лампочкой делалось все более сумрачно, все более жутко. В какой-то момент все трое смогли почувствовать, как холодная, тридцати четырех градусов, вода образует нечто вроде весеннего ручейка под ногами. И все-таки слабый огонек надежды еще теплился в душах подводников.

— Как только выберемся отсюда, — сказал Киль, — я устрою себе настоящий выходной. Пальцем не пошевельну, буду целый день отдыхать и делать, что захочет моя левая нога.

— Опять завел пластинку, — сказал в темноте Чавец.

— Если хотят, пускай меня увольняют, но завтра я целый день буду спать.

Чавец в темноте нашел руку Киля, сжал ее повыше локтя.

— Что ты тут бубнишь?!

— Спокойно, не нужно так волноваться, — сказал Меркер. — Как только вышла из строя система жизнеобеспечения, у него в организме скапливается углекислота. Она может так воздействовать на психику. Я, признаться, и сам начинаю испытывать некие странные ощущения.

— Хоть бы воздух был нормальным, — посетовал Чавец. — Если мы не потонем, то нас расплющит, когда они рванут корпус, а если даже и не расплющит, мы непременно тут задохнемся от собственной углекислоты.

В любом случае виды на будущее у нас не очень-то радужные.

— Ты забыл, что при такой температуре мы просто-напросто можем замерзнуть до смерти. И тогда уж никак не можем воспользоваться предложенными тобою вариантами смерти.

Киль ничего не ответил. Он позволил Чавецу запихнуть себя на верхнюю полку спального отсека. Чавец и сам уселся на нижнюю койку, свесив ноги в сторону.

Преодолевая довольно-таки глубокую воду, Меркер пробрался к переднему иллюминатору и выглянул наружу. Там он смог увидеть лишь неясный силуэт «Сапфо-II» в свете ее же собственных прожекторов. Трагизм создавшейся ситуации заключался в том, что, хотя «Сапфо-II» подошла буквально на расстояние в несколько футов, она ничего не могла сделать, ничего предпринять, чтобы как-то помочь попавшим в капкан подводникам с «Дип Фантом». Обе лодки были окружены чудовищной толщей воды, холодной, черной, враждебной человеку, отважившемуся спуститься сюда. Глядя на «Сапфо-II», Меркер с некоторым удовольствием подумал, что, пока вторая лодка здесь, остается еще

некоторая надежда на спасение. Сам же факт, что рядом находились и светили прожекторами коллеги, не оказывал успокаивающего действия на Меркера. Собственно, это не помощь, разве только обозначение участия. Впрочем, это лучше, чем ничего.

На корабле обеспечения «Альгамбра» находились съемочные группы трех крупнейших телевизионных компаний. Телевизионщики от нервного ожидания места себе не находили, слонялись по палубе, совершали массу мелких лишних движений, обменивались пустыми словами и более всего на свете хотели начать съемки. На правом борту плечо к плечу сгрудились корреспонденты множества телеграфных агентств, которые от вынужденного безделья томились не меньше телевизионщиков и в бинокли разглядывали находящийся от них в двух милях «Капри-корн». Фотокорреспонденты в который уж раз замеряли свет, поудобнее устанавливали штативы и целились через объективы на воду в пространство между «Альгамброй» и «Каприкорном», где, скорее всего, и должно произойти то самое чудо, ради которого все они и прибыли сюда.

Зажатая коллегами в углу этакого паллиативного пресс-центра, Дана Сигрем плотнее запахнула непромокаемую теплую куртку, после чего отважно поднялась навстречу десяткам журналистов, которые с профессиональной расторопностью тотчас же сунули ей в лицо свои диктофоны и микрофоны, словно бы то были сладости, которые Дане надлежало отведать.

— Скажите, миссис Сигрем, правда ли, что поднятие «Титаника» на три дня раньше запланированного срока на самом деле объясняется желанием ваших коллег спасти жизнь тем подводникам, которые сейчас оказались запертыми в «Дип Фантом»?

— Скажем так, изменение сроков поднятия «Титаника» объясняется также и этим, — признала она.

— Могу ли я в таком случае заключить, что все прежние попытки спасти подводников окончились полной неудачей?

— В предыдущих случаях возникали определенные сложности, — сказала Дана.

От нервного напряжения ладони Даны покрывались неприятной влагой, и чтобы ее промокнуть. Дана вынуждена была изредка опускать руки в карманы, где лежали платки. Многочисленные встречи с представителями прессы, через которые пришлось ей пройти, оказывали свое действие, и теперь Дана понемногу начинала испытывать недоброе чувство ко всей пишущей братии, профессионально-нахальной и профессионально-любопытствующей.

— Скажите, почему вы уверены, что команда «Дип Фантома» еще жива? Ведь у вас же нет с ними связи, так?

— Мы просчитали ситуацию на компьютере, и машина выдала сведения, согласно которым экипаж застрявшей на глубине подлодки может продержаться еще как минимум четыре часа и сорок минут, хотя положение их непростое.

— Скажите, пожалуйста, в том случае, если химический электролит не полностью растворил илистую породу вокруг «Титаника» и корабль, таким образом, не сможет вырваться из плена, каковы в этом случае будут действия вашего Агентства?

— К сожалению, я не могу вам ответить на этот вопрос, — сказала Дана. — Мы получили с «Каприкорна» последнее сообщение от господина Питта, и в этом сообщении лишь сказано, что аварийная команда намерена в ближайшие несколько часов предпринять попытку по вызволению «Титаника». О подробностях там не сказано ни слова, остается лишь догадываться.

— А что, если уже слишком поздно, и все трое. Киль Чавец и Меркер, погибли?

Лицо Даны сделалось суровым.

— Они живы, — сказала она, и глаза ее блеснули. — И я хочу вам откровенно сказать, господа. Тот из вас, кто первым, соблазнившись формальной эффектностью подобных слухов, передаст в свою газету или же свое телеграфное агентство о смерти подводников раньше чем сей факт будет документально и однозначно установлен, будет немедленно лишен аккредитации и выброшен к чертовой матери за борт этого гостеприимного корабля. Я хочу, чтобы мои слова оказались понятыми буквально.

Корреспонденты при этих словах несколько секунд пребывали в состоянии совершенного изумления. Неожиданный всплеск столь явной ненависти со стороны этой симпатичной женщины оказался до некоторой степени неожиданностью для большинства собравшихся тут. После небольшой паузы все они опустили микрофоны, убрали от лица Даны свои диктофоны и, по-прежнему не говоря ни слова, один за другим потянулись к выходу.

Рик Спенсер разложил большой лист бумаги, положил его на стол поверх лежавшей там карты и прижал по углам четырьмя полупустыми чашечками кофе. На листе был изображен «Титаник», лежащий на океанском дне. Художник тщательно изобразил многие детали корабля, тщательно скопировал рельеф дна, и сейчас Спенсер уверенно тыкал в рисунок острием авторучки в области, отмеченные крестиками.

— Вот таким именно образом выглядит сейчас «Титаник», — объяснил Спенсер собравшимся. — Согласно расчетам, сделанным на компьютере, мы должны положить восемьдесят зарядных устройств, по тридцать фунтов взрывчатки в каждом, в тех самых местах соединения корпуса и океанского ила, которые здесь у нас помечены крестиками. Восемьдесят мест по линии соединения с дном.

Сэндекер склонился над большим рисунком и внимательно изучил все помеченные места.

— Значит, вы решили закладывать в три ряда с каждой стороны?

— Совершенно верно, сэр, — ответил Спенсер. — Внешний ряд должен располагаться на расстоянии шестидесяти ярдов от корпуса «Титаника», средний — за сорок ярдов, и самый ближний — на расстоянии двадцати ярдов от обшивки судна. Сначала мы взрываем самый дальний ряд, через восемь секунд следует взрыв следующего, бывшего ранее средним. Потом — ближний.

— Это похоже на то, как раскачивают из стороны в сторону засевшую в грязь автомашину, — сказал Джиордино.

Спенсер утвердительно кивнул.

— Именно так, причем ваше сравнение кажется мне вполне корректным.

— Допустим, — сказал Джиордино, — а почему бы не сделать один мощный взрыв? Шарахнуть бы сразу все заряды, и порядок!

— Возможно, достанет и одного крупного взрыва. Однако после консультаций с океанологами и геологами мы пришли к выводу, что предпочтительнее все-таки было бы использовать несколько сильных взрывных волн разной направленности. Главное, на что мы делаем ставку, это — вибрация.

— Как обстоит дело со взрывчаткой? — спросил Питт.

— На борту «Бомбергера» находится почти целая тонна, взятая для проведения сейсмических исследований. Ею мы вполне сможем воспользоваться, — ответил Спенсер. — Только на «Модоке» четыреста фунтов, годных для использования под водой, а это — уже немало.

— Думаете, получится?

— С этим количеством может и не получиться, однако мы рассчитываем для большей уверенности получить и использовать еще триста фунтов, — сказал Спенсер.

— Мы могли бы на реактивном самолете доставить с континента взрывчатку и сбросить ее в воду, — предложил в свою очередь Сэндекер.

С видимым сожалением Питт покачал головой.

— Пока вы отдаете приказ, пока самолет летит со взрывчаткой — столько времени пройдет. А ведь нужно будет еще выловить ее из воды, загрузить в подлодку, спустить на дно, установить в определенным образом рассчитанных местах… Часа на два опоздаем, не меньше.

— Может, не будем тогда терять на разговоры время? — спросил Сэндекер. — Тем более, что времени, как ты правильно заметил, у нас в обрез. — Он повернулся к Ганну. — Сколько времени потребуется для закладки взрывчатого вещества?

— Часа четыре, — без малейшего колебания, как если бы давно уже сделал подсчеты, выпалил Ганн. Сэндекер прищурился.

— Не много, прямо вам скажу. На всякие промедления у нас остается четырнадцать минут.

— Мы должны успеть, — сказал Ганн. — Но только у меня есть одно пожелание, или, если хотите, условие.

— А именно? — нетерпеливо спросил Сэндекер.

— Должны быть задействованы все подлодки, которые у нас имеются.

— Ты хочешь, чтобы мы убрали «Сапфо-II» от «Дип Фантома» и задействовали также и ее? — уточнил Питт. — Но ведь наши парни в «Дип Фантом» могут подумать, что мы их бросаем на произвол судьбы…

— Другого выхода у нас нет, — с явным сожалением сказал Ганн. — Просто нет иного выхода, пойми.

Меркер давно уже потерял всякий счет времени. Он тупо смотрел сейчас на фосфоресцирующий циферблат своих часов, но глаза отказывались фокусироваться на мерцающих маленьких цифрах. Он даже приблизительно не смог бы ответить, сколько прошло времени с того мгновения, когда задетый краем лодки деррик-кран грохнулся и поймал их в ловушку. Пять часов назад? Или даже десять? Может, и десять. Меркер не смог бы даже ответить, произошло ли это несчастье сегодня или же еще вчера. Его мозг был затуманен и неповоротлив. Единственное, что Меркер мог, так это бездвижно сидеть в кресле, стараясь не напрягать ни один мускул, и осторожно медленно дышать. Казалось, на каждый вдох уходит все время, отпущенное на жизнь. Постепенно он начал осознавать некое стороннее движение. Протянув руку в темноту, он дотронулся до Киля и Чавеца, однако они не издали ни звука, никак не прореагировали на его жест. Они уже впали в состояние летаргического ступора.

Затем Меркер снова почувствовал движение. Что-то мгновенное, но вполне различимое, в неожиданном месте. Его сознание словно погрузилось в густой сахарный сироп, тормозивший всякую мысль. Наконец Меркер сосредоточился. Не считая постоянно прибывающей воды, внутри субмарины не было никакого физического перемещения. Оказалось, что движение происходит снаружи:

«Сапфо-Н», которая направляла один из своих прожекторов в сторону «Дип Фантом» внезапно дрогнула, отчего изменился угол луча прожектора. Выскочив из кресла и оказавшись в воде, почти как в кошмарном сне, он ринулся к рубке управления и приник к иллюминатору, пытаясь хоть что-нибудь различить.

Все его чувства были разбужены в один миг. Меркер вдруг испытал такой страх, какого не знал за всю свою прежнюю жизнь. Глаза его расширились от ужаса, пальцы намертво впились в пульт.

— Господи! — заорал он. — Они уходят. Они покидают всех нас!!!

Сэндекер нервно прохаживался по палубе, вертя в пальцах только что зажженную сигару. Радист поднял руку, привлекая к себе внимание адмирала, тот на пол-шаге запнулся и, резко повернувшись, подошел, встал у радиста за спиной.

— Сообщение с «Сапфо-1», сэр, — сказал ему Керли. — Они заканчивают устанавливать взрывчатку.

— Приказываю ей подниматься на поверхность с максимально допустимой скоростью. Как можно скорее. Чем выше лодка поднимется, тем меньше будет давление воды на корпус в момент взрыва. — Адмирал обернулся и посмотрел в упор на Питта, который неотрывно следил за ходом работ по четырем мониторам, камеры которых располагались на корпусе «Титаника» в наиболее важных местах: — Как там? Порядок?

— Да вроде бы, — ответил Питт. — Если швы ветстила окажутся достаточно прочными и выдержат ударную волну, то у нас есть неплохие шансы на успех.

Сэндекер посмотрел на один из мониторов, который давал в цвете подводный ландшафт. Было хорошо видно, как из корпуса «Титаника» вырвалась и устремилась вверх солидная цепочка воздушных пузырей.

— Много воздуха выходит, — заметил адмирал. — Черт побери.

— Избыточный воздух. Он выходит также через вмонтированные клапаны, — бесстрастным голосом сказал Питт. — Мы специально перешли с электроподкачки на обыкновенные компрессоры, чтобы закачать в верхние отсеки лайнера максимальное количество воздуха. — Он протянул к монитору руку, чуть коснулся регулятора надстройки и продолжил: — Компрессоры «Каприкорна» качают по десять тысяч кубических футов воздуха в час, так что скоро давление достигнет десяти фунтов на квадратный дюйм. Это максимум, на который рассчитаны отводные клапана.

Драммер легким шагом приблизился к мониторам, положил на стол несколько фрагментов компьютерной распечатки.

— Судя по этим данным, процентов девяносто замкнутых пространств «Титаника» освобождены от воды, — сказал он. — Главная, на мой взгляд, проблема сейчас заключается в том, что мы даем кораблю значительно большую подъемную силу, чем ему необходимо. Это по данным компьютера. И когда данное присасывание ослабнет, наш «Титаник» может взмыть как воздушный змей, не удержишь.

— «Си-Слаг» докладывает, они заложили всю имевшуюся у них взрывчатку, — сообщил Керли.

— Скажи, чтобы они прежде, чем подниматься па поверхность, сделали круг-другой возле «Дип Фантом», — сказал Питт. — Вдруг да смогут установить визуальный контакт с Меркером или с кем-нибудь из его команды.

— Одиннадцать минут остается, — объявил Джиордино.

— Черт побери, почему там заснула «Сапфо-II»?! — рявкнул Сэндекер, обращая свой вопрос ко всем сразу. Питт вопросительно взглянул на Спенсера.

— Можно взрывать?

Спенсер кивнул.

— У каждого ряда взрыватели настроены на свою определенную частоту. Осталось только послать команду, и вся взрывчатка рванет в точности, как мы запланировали.

— Как считаешь, с какой стороны лучше начать? С кормовой, или от носа?

— Тут и считать нечего. Нос корабля ушел в ил на целых двадцать футов глубже, чем руль. Я очень рассчитываю на то, что, как только высвободится корма, корпус приобретет иной наклон, и тогда сам собою освободится весь киль. Нужно бы сделать так, чтобы «Титаник» не просто освободился от донного притяжения, но освободился таким образом, чтобы всплытие началось в том же положении, в каком лайнер уходил на дно. Я, конечно же, имею в виду, что «Титаник» не заартачится и все-таки пойдет на всплытие.

— Загружен последний заряд, — отрапортовал Керли, — и теперь «Сапфо-II» уходит от места взрыва.

— Что-нибудь слышно с борта «Си-Слаг»?

— Да, они передают, что никакого визуального контакта с командой «Дип Фантом» установить не удается.

— Ладно. Скажи им, чтобы поднимались, — распорядился Питт. — Через девять минут с небольшим мы начнем взрывать.

— Они погибли! — внезапно заорал Драммер, перекрывая все остальные голоса и шум множества приборов. — Мы безнадежно опоздали, они погибли.

Питт сделал несколько шагов и взял Драммера за плечи.

— Прекратить истерику. Только вот заупокойной нам раньше времени и недоставало.

Плечи Драммера опустились, лицо его сделалось серым и измученным, словно бы в эти несколько часов он постарел на годы. Он издал горлом хриплый звук, согласно кивнул головой и неверным шагом отправился на свое место, к компьютерам.

Согласно нашим расчетам, вода в кабине «Дип Фангом» должна уже подняться настолько, что между поверхностью и потолком останется не более пары футов, — сказал Джиордино. — И это в самом лучшем случае. — От волнения голос его сделался на пол-октавы выше, чем обычно.

— Если бы пессимизм можно было продавать фунтами, все вы, парни, сделались бы миллионерами, — без улыбки сказал Питт.

Оператор на сонаре впервые нарушил молчание:

— «Сапфо-1» вышла из опасной зоны, расстояние между ней и «Титаником» составляет шесть тысяч футов.

— Еще две там… — вполголоса произнес Сэндекер. Теперь, когда все от них зависящее было сделано, оставалось лишь ждать, когда и остальные подлодки выйдут из опасной зоны, чтобы взрывная волна не смогла причинить им какие-либо повреждения. Прошли восемь минут, восемь бесконечно долгих минут, за которые у каждого на лбу выступили крупные капли пота.

— «Сапфо-II» и «Си-Слаг» приближаются к границе безопасной зоны.

— Как с метеопрогнозом? — потребовал Питт.

— Волнение четыре фута, небо ясное, ветер северо-восточный, пять узлов, — тотчас же откликнулся метеоролог Фаркар. — О лучшем и мечтать грешно.

Несколько секунд прошли в общем молчании. Наконец Питт распорядился:

— Ну что, джентльмены, я думаю — пора! — голос его звучал обыденно, в словах, как и в лице Питта, не чувствовалось напряжения. — Спенсер, начинай отсчет.

Уставившись на циферблат больших часов, следя за движением секундной стрелки, Спенсер принялся отсчитывать:

— Тридцать секунд… двадцать секунд… пятнадцать секунд… пять секунд… приготовиться сигнал… сигнал! — И тотчас же он начал давать финальный отсчет времени: — Восемь… шесть… четыре… Пошел!!!

Все сгрудились возле мониторов, так что единственным непосредственным контактом с дном остался сонар. После того, как произошел первый из серии взрывов, на поверхности океана практически ничего не произошло. По «Каприкорну» прошла лишь легкая дрожь, вызванная глубинной взрывной волной. Звук первого взрыва был скорее похож на далекий раскат грома. Все взгляды были прикованы к экранам мониторов. Напряженные, безмолвные, с застывшими лицами, мужчины пожирали глазами мутную картинку, при каждом новом взрыве делавшуюся все менее различимой; надеясь на лучшее, все опасались самого страшного.

Палуба «Каприкорна» стала вздрагивать — сначала мелкой дрожью, затем все более отчетливо, по мере того, как со дня океана одна за другой ударные волны достигали поверхности. Затем, как по команде, изображение на всех мониторах начало рябить, подрагивать — и наконец экраны погасли.

— Черт! — выдохнул Сэндекер. — Связь потеряна!!!

— Главный передатчик, должно быть, пострадал от взрывов, — сказал Ганн.

Все собравшиеся теперь обратили взгляды на оператора сонара. Кому-то удалось встать таким образом, чтобы заглядывать через плечо акустика на его зеленоватый

экран. Однако таких счастливчиков было немного, да и они практически ничего не могли разглядеть, поскольку от напряжения и ответственности момента акустик прямо-таки носом прилип к стеклу своего экрана. Спенсер первым распрямился. Он громко вздохнул, вытащил из нагрудного кармана носовой платок и промокнул влажное лицо и шею.

— Вот так вот, — сдавленным голосом сказал он. — Все, что было — все взорвалось. Полный привет…

— Движения объекта не наблюдается, — сказал акустик. — Большой "Т" неподвижен.

— Ну же, крошка… — молитвенно сложив руки, попросил Джиордино. — Задницу свою приподними!

— Господи ты Боже… — пробубнил Драммер. — Донный ил все еще держит его!

— Давай же, черт тебя побери! — присоединился Сэндекер. Поднимайся… поднимайся.

Если бы мозг собравшихся на «Каприкорне» обладал достаточной телекинетической способностью, чтобы с глубины океана поднять сорок шесть тысяч триста двадцать восемь тонн металла, пролежавшего семьдесят шесть лет в неподвижности и крепко сросшегося с донным илом, к солнечному свету, — мужчины, сгрудившиеся возле акустика, пожалуй, сумели бы вызволить «Титаник» одним совокупным импульсом коллективного интеллекта. Однако в тот день телекинетические способности у всех отказали. «Титаник» упрямо сохранял свое положение, навалившись всем своим весом на дно.

— Чертовский прокол! — сказал Фаркар. Драммер закрыл лицо руками, резко отвернулся и пошел на свежий воздух.

— Вудсон с «Сапфо-II» просит разрешения приблизиться к «Титанику» для проведения обследования, — сообщил Керли.

Питт без всякого интереса пожал плечами.

— Скажи, что разрешение я даю.

Почувствовав всю скопившуюся за последние сутки усталость, адмирал Сэндекер медленно опустился s кресло.

— Не просто неудача, но немыслимо дорогая неудача, так придется признать, — сказал он.

Горечь беспомощности чувствовали собравшиеся в комнате, переживая случившееся как свое личное поражение.

— И что теперь? — произнес Джиордино, невидящим взглядом уставившись через стекло на палубу.

— Продолжаем операцию, что же еще, — отрезал Питт. — Мы здесь для того, чтобы поднять «Титаник». Вот мы и будем делать все возможное, чтобы его поднять. Завтра утром мы вновь займемся расчетами, чтобы определить…

— Стронулся!

Сразу ни до кого не дошло.

— Он стронулся с места! — повторил акустик, голос его дрожал.

— Уверен? — прошептал Сэндекер.

— Жизнью клянусь, он подвинулся!!!

Спенсер почувствовал, как спазм сдавил горло. Он смотрел на зеленоватый экран сонара с выражением полнейшего недоумения. Наконец, обретя способность говорить, он выдохнул:

— Резонансный эффект. Резонансный эффект привел к тому, что корабль не сразу очнулся…

— Идет ВВЕРХ! — в полную силу своих легких заорал акустик и от полноты чувств шарахнул кулаком по подлокотнику рабочего кресла. — Эта ржавая калоша освободилась. Поднимается…

Глава 48

Поначалу никто не отважился шевельнуться. Все как будто приросли к полу. То самое мгновение, о котором они молились, ради которого они не щадили себя целых восемь месяцев кряду, — момент наконец настал, и в первые моменты никто не смел поверить в реальность такого исхода дела. Затем до каждого начала доходить невероятность происходящего, и все мужчины в одно и то же время хором закричали, невольно пародируя известную сцену, когда первая американская ракета оторвалась от земли и все техники, конструкторы, инженеры начали сходить с ума от радости.

— Давай, крошка, давай! — с непосредственностью школьника орал Сэндекер.

— Двигайся, мамочка ты моя! — истошно вопил Джиордино. — Пошевеливайся!

— Всплывай, калоша ты ржавая, всплывай же, не раздумывай, — умолял Спенсер.

Неожиданно Питт в два прыжка очутился возле радиста, схватил его за плечо и приказал:

— Срочно. Передай Вудсону, что «Титаник» всплывает. Пусть они сматываются. Они могут столкнуться.

— Объект движется в сторону поверхности, — сообщил акустик… — Скорость несколько возрастает.

— Слава Богу, хоть не в шторм все произошло, — сказал Питт. — По все равно, пока еще преждевременно радоваться. Пока «Титаник» всплывет, еще тысяча и одна неожиданность может произойти. Если бы только…

— Точно, что я и говорил всегда, — перебил его Джиордино. — Нужно, чтобы достало прочности у швов из ветстила, и чтобы отводным клапанам удалось справиться с резким уменьшением давления воды, и чтобы корпус «Титаника» не соизволил в один прекрасный момент взять и треснуть по швам, на радость нам, на зло врагам… Столько всего нужно, о-ей… Если бы спросили сейчас, чего я хочу, я бы спросил в ответ, а чего, мол, я не хочу…

— Продолжается подъем, скорость быстро увеличивается, — провозгласил акустик, нависнув над своим экраном. — За последнюю минуту объект прошел шестьсот футов.

Питт резко обернулся в сторону Джиордино.

— Эл, будь другом, найди сейчас же дока Бейли и пилота вертолета. Поднимайтесь в воздух, и ждите, когда появится «Титаник». Как только он вынырнет, немедленно опускайтесь на его полубак. Мне плевать, как вы сумеете это сделать. Мне нужно, чтобы вы сразу же высадились с вертолета на «Титаник». Нужно воспользоваться веревочной лестницей — воспользуйтесь лестницей. Нужна лебедка — ваша проблема. Может, придется воспользоваться аварийно-спасательным креслом, может, и так. Если не будет иного выхода, я разрешаю сесть на палубу, пусть даже при этом сломается сам вертолет. Но как бы там ни было, вы и док должны с максимальным проворством оказаться на корабле, добраться до «Дип Фантом», открыть снаружи люк и спасти наших парней, понятно?!

— Сделаем в лучшем виде, не беспокойся, — сказал Джиордино и ладонью сделал успокоительный жест. И прежде, чем Питт успел отдать следующую команду Спенсеру, Джиордино был уже возле самой двери.

— Рик, как только всплывет «Титаник», ты срочно приводишь в полную готовность дизельные помпы. Чем раньше мы возьмемся за пробоины, тем легче будет справиться с водой.

— Автогены нам понадобятся, чтобы взрезать обшивку и проникнуть внутрь, — сказал Спенсер, глаза которого от волнения и возбуждения сверкали лихорадочным огнем.

— Значит, займись автогенами.

Питт повернулся к акустику.

— Скорость всплытия?

— Восемьсот пятьдесят футов в минуту, — тут же откликнулся акустик.

— Слишком уж он торопится, — сказал Питт.

— Именно этого я и опасался, — сказал Сэндекер, жуя конец своей сигары. — Внутри у «Титаника» накачано столько воздуха, что корабль устремился на поверхность, и ничто его не может теперь сдержать.

— И тут возникает еще одна проблема. Если вдруг, — Питт поднял палец, — я говорю, если вдруг мы ошиблись в наших расчетах, и оставили в трюме «Титаника» меньше балластной воды, чем нужно, то лайнер запросто может выскочить из воды, как торпеда. А если он появится на три четверти, тогда возникнет опасность опрокидывания.

Сэндекер хмуро взглянул на Питта.

— Если такое произойдет, это будет верной смертью для экипажа «Дип Фантом», — с этими словами адмирал повернулся и стремительными шагами направился из оперативной рубки на палубу. За ним, как живой шлейф, устремились все остальные. Выстроившись возле борта, начали отыскивать в волнах какое-либо особенное оживление.

Питт предпочел оставаться возле акустика.

— Какая глубина?

— Проходит отметку в восемь тысяч.

— Вудсон на связи, — откликнулся из своего угла Керли. — Он только что видел "Большое "Т"". Говорит, что пронесся мимо его подлодки, как ошпаренная свинья.

— Скажи, что мы поняли. И приказ мой передай: пускай поднимается на поверхность. Такое же приказание сообщи на «Сапфо-1» и «Си-Слаг», — поскольку более Питту нечем было себя занять в рубке, он вышел на воздух и присоединился к той группе, где находились Ганн и Сэндекер.

Ганн взял трубку местного телефона:

— Акустик, как слышно?

— Акустик слушает.

— Ты не мог бы сейчас приблизительно сказать мне, в каком именно месте можно ожидать всплытия?

— Ориентировочно в шестистах ярдах по левому борту.

— А время? Последовала некоторая пауза.

— Через сколько его можно ожидать? — повторил свой вопрос Ганн.

— Уже можно, командир.

В эту самую секунду снизу поднялась широкая полоса, сплошь сотканная из пузырьков воздуха, отчего показалось, будто бы вода вмиг закипела. И вдруг в лучах полуденного солнца показалась гигантская корма «Титаника», похожая на

немыслимых размеров китовую спину. Была такая секунда, когда многим почудилось, что корабль и дальше будет продолжать свое мощное движение вверх, грозящее перейти в буквальный полет. Корма все более и более возносилась над водой, вот уже треть лайнера поднялась из океанских волн, обнажив то место, где некогда располагалась вторая труба. Вид «Титаника», в это мгновение был величественным. Накачанный внутрь корпуса воздух стремительно вырывался через клапана, производя оглушительную стрельбу и разбрасывая во все стороны фонтаны мельчайшей водной пыли, от чего немедленно зажглись в нескольких местах роскошные радуги. На несколько мгновений «Титаник» застыл, обращенный кормой к голубому небу, после чего киль лайнера начал медленно погружаться в океан. Осевший в воду корабль произвел волну футов десяти в высоту. Эта волна, раздвоившись, понеслась в направлении кораблей, присутствовавших в районе проведения операции. У всех людей при всплытии лайнера замерло сердце, когда вроде бы осевшее на корму и успокоившееся, судно принялось кренговать, заваливаясь на правый борт. Угол наклона стремительно изменялся: тридцать градусов, сорок, пятьдесят, шестьдесят градусов… В таком положении металлическая громада застыла, и несколько отчетливых мгновений опять-таки показались вечностью. Казалось, еще совсем чуть-чуть, и вся надстроечная часть окажется под водой. Медленно, словно во сне, «Титаник» начал бороться с креном, пытаясь выровняться. С невероятным усилием, как раненое животное, лайнер сумел-таки занять почти правильное положение.

Никто не мог и слова вымолвить.

Все люди, которые могли видеть сцену появления из бездны легендарного «Титаника», были прямо-таки загипнотизированы. Они лишь безмолвно глядели и не вполне верили своим же собственным глазам. В лучах яркого солнца особенно бросалась в глаза смертельная бледность адмирала Сэндекера.

Первым нашел в себе силы и заговорил Дирк Питт:

— Все-таки всплыл… — радостным шепотом произнес он.

— Поднялся… — таким же благоговейным шепотом сказал вслед за Питтом капитан Ганн.

Тишину нарушили начавшиеся вращаться лопасти подъемного винта вертолета. Геликоптер легко поднялся в воздух и без свойственной этим машинам медлительности, обратившись в сторону ветра, стремительно направился к «Титанику». Вертолет завис в считанных футах над палубой лайнера, и можно было видеть, как через распахнутый люк на корабль упали две черные точки.

Джиордино стремглав поднялся по наружному трапу, и вдруг перед ним оказалась крыша «Дип Фантома». Спасибо Всевышнему за такие вот маленькие чудеса: корпус подлодки выдержал все выпавшие нагрузки. Осторожно, сохраняя равновесие на покатой мокрой поверхности субмарины, он взобрался наверх и попытался вручную повернуть колесо, фиксирующее крышку люка. Крестовина

была холодной, как лед. Джиордино набрал побольше воздуха, поднатужился и со всей силы надавил на колесо. Ни малейшего движения.

— Хватит копаться, открывай эту чертову штуковину, — крикнул у него за спиною доктор Бейли. — Тут счет на секунды, успеем или нет…

Джиордино быстро обтер ладони об себя, подул ни руки, вцепился в крестовину и так надавил, что на вмиг покрасневшем лице даже проступили белые пятна. Колесо чуть поддалось. Он выдохнул, вдохнул, затаил дыхание и сделал еще одну попытку: на сей раз фиксирующее колесо повернулось почти что на пол-оборота. Как только в образовавшуюся щель начал поступать воздух, колесо завертелось практически без усилий. Джиордино торопился, как мог. Вот наконец он сделал последний оборот колеса и резким движением откинул верхний люк подлодки. Согнувшись, просунул голову внутрь. Там было темно, воздух имел отчетливый запах мочи и какой-то тухлятины, так что у Джиордино в первое мгновение сперло дыхание. Когда глаза адаптировались в темноте, Джиордино с ужасом разглядел, что от крышки люка до поверхности набравшейся в подлодку воды расстояние было дюймов восемнадцать.

Доктор Бейли оттолкнул замешкавшегося Джиордино, и ловко впихнул свой массивный торс в отверстие люка, нащупал ногой ступеньку внутреннего трапа, начал спускаться внутрь. Ледяная вода тотчас обступила его. Он спускался, покуда хватало рук, и покуда можно было держаться за верхний край люка, затем отпустил руки, оттолкнулся от трапа и неуклюже поплыл в направлении кормового отсека субмарины. Руки его нащупали что-то мягкое. Наощупь он определил, что это — человеческая нога. Тут же док нащупал и голову.

Приблизив лицо к поверхности воды, Бейли почти вплотную уставился на обнаруженного человека, однако в темноте так и не сумел определить, кого же именно обнаружил. Доктор попытался определить пульс, однако его пальцы замерзли до такой степени, что не могли нащупать лимфатический узел. Неожиданно человек открыл глаза, пошевелил губами и суровым шепотом приказал доктору:

— Пшел вон… Сказал же тебе… Я сегодня не работаю.

— На мостике, слышите меня? — раздался голос Керли.

— Слышим тебя, — ответил Ганн.

— Сможете откорректировать курс вертолета?

— Давай.

После некоторой паузы до капитанского мостика донесся незнакомый голос:

— «Каприкорн», говорит лейтенант Стерджис.

— Это лейтенант Ганн. Говорите, лейтенант. Я слышу вас хорошо. Прием.

— Доктор Бейли только что был в кабине «Дип Фантом».

Небольшая пауза позволила внимательнее посмотреть в сторону «Титаника». Без своих труб, мостика, мачты лайнер выглядел беззащитным и каким-то обнаженным. Стальные борта оказались в ржавых пятнах, через которые то здесь, то там проглядывали неровные островки белой и черной краски. Создавалось такое впечатление, что этот некогда величественный лайнер имел определенное сходство со старой и давно вышедшей в тираж проституткой, которая — нечесаная и неумытая — проводит целые дни в постели, занимая себя грезами о былых деньках и былой красоте, нынче безвозвратно утраченной… Все иллюминаторы, люки и дверцы были заделаны грязно-серым ветстилом. Некогда безупречно надраенные палубы покрылись коростой океанских отложений и обрывками ржавых труб. Некогда великолепно отлаженные шлюп-балки походили на протянутые руки нищих, умоляющих возвратить давно исчезнувшие шлюпки.

Общий же вид лайнера напоминал сюрреалистическую картину. Но при всех этих разрушениях в облике «Титаника» проглядывали некие ясные, благородные, незамутненные прошедшими десятилетиями черты.

— «Каприкорн», это опять Стерджис. Как слышите?

— Ганн говорит. Что там?

— Буквально только что господин Джиордино показал три пальца и победно взмахнул рукой. Думаю, что все трое с «Дип Фантом» живы.

Вслед за этим последовала странная тишина. Питт направился к приборной доске и надавил кнопку аварийной сирены. Над водой раздался глубокий оглушительный рев.

С «Модока» ответили сигналом. При этих звуках Питт вдруг увидел, как Сэндекер сорвал с себя фуражку и по-детски, восторженно швырнул ее в небо. Раздался гудок «Монтерей Парк», к которому почти сразу присоединились «Альгамбра» и «Бомбергер». В считанные секунды воздух вокруг «Титаника» наполнился оглушительной какофонией сирен, сигналов и свиста. От избытка чувств на «Жюно» шарахнули в воздух из восьмидюймовой пушки.

Это был поистине незабываемый момент. Никто из присутствующих не испытывал прежде столь сильных эмоций, как в этот самый миг.

Питт впервые в жизни вдруг ощутил странное пощипывание в носу и непонятное помутнение в глазах, которое вдруг разрешилось двумя крупными каплями, неизвестно откуда капнувшими на щеки.

Глава 49

Опускавшееся солнце освещало верхушки деревьев.

На одной из скамеек в восточной части Потомак-парка сидел, удобно привалившись спиной, Джен Сигрем, на коленях которого лежал кольт. Разглядывая револьвер, имевший серийный номер 204783, Джен думал о том, что

вот наконец и настало время поработать этому кольту, показать, на что именно он годен в работе. С нескрываемой любовью Сигрем провел пальцами по барабану, дулу, изящно выполненной рукоятке.

Самоубийство… Из всех вариантов, могущих как-то разрешить его сползание в область черной депрессии, этот казался Сигрему наилучшим. Сейчас он никак не мог ответить на вопрос, почему столь тривиальная мысль не пришла ему раньше. Так просто и так хорошо! И не придется просыпаться в слезах среди ночи, думая о том, что вся прежняя жизнь, по существу, была сплошным постыдным притворством, тем более унизительным, что многие годы напролет он упорно гнал от себя даже саму подобную мысль.

События последних нескольких месяцев, проходя перед мысленным взором, представлялись сейчас сплошным отчаянием. Самое ценное, что только было в его жизни — жена и «Сицилианский проект» — фактически более не существовали, поскольку Дана от него ушла, сделав их супружество насмешкой, а что касается «Сицилианского проекта», то никто иной, как Президент Соединенных Штатов по каким-то ему одному ведомым соображениям принял решение передать русским фрагменты информации, связанной с проводимыми работами. С точки зрения Сигрема, это был ненужный и ничем не оправданный риск, ставящий под вопрос претворение всего уникального проекта.

Адмирал Сэндекер доверительно сообщил о том, что среди специалистов, занятых спасением «Титаника», наводятся двое русских агентов. Уже тот факт, что ЦРУ официально обратилось к адмиралу с просьбой не вмешиваться в шпионскую игру с русскими, по мнению

Сигрема, должно было быть расценено как очередной гвоздь в крышку гроба «Сицилианского проекта». Одного из ведущих специалистов НУМА уже убили, а этим утром по каналам спецсвязи из штаб-квартиры Агентства пришло сообщение о том, что одна из подводных лодок, участвовавших в спасательной операции, попала в капкан и что шансы на спасение команды весьма невелики. Скорее всего, кто-то весьма влиятельный саботирует «Сицилианский проект». У Сэндекера на сей счет и сомнений не было. Расстроенный мозг Сигрема легко укладывал одну неудачу рядом с другой, получая неразличимый для других, вполне отчетливый рисунок. Можно считать, что «Сицилианский проект» погублен, а если так, что же мешает Сигрему погубить в такой ситуации себя?! В тот самый момент, когда Сигрем осторожным движением снял кольт с предохранителя, на него упала чья-то тень, и мягкий, вполне дружеский по тону голос сказал:

— Скажите, а вам не кажется, что убивать себя в такой чудесный день как-то даже неловко?

Питер Джонс сверху вниз смотрел на Сигрема.

Питер Джонс вышел на свой обычный моцион. Он шел вдоль дорожки, расположенной параллельно Охайо-драйв, когда в глаза бросилась одинокая фигура сидящего на скамейке мужчины. Сначала полицейский подумал, что это самый обыкновенный пьянчуга, принявший свои законные триста пятьдесят на

грудь и теперь тихо балдеющий на солнышке. Была даже мысль пригласить бедолагу в участок, но полицейский от этой мысли отказался, посчитав, что затраченные усилия окажутся во всех смыслах зряшными. Предъявить этому парню нечего, и, стало быть, через двадцать четыре часа его придется отпустить с миром на все четыре стороны. А прежде, подумал Джонс, придется составить целый ворох протоколов и всякой прочей сопутствующей документации. Уйма писанины — и все это ради чего? Однако что-то в облике сидящего мужчины показалось странным: не вполне он походил на одичавшего бедолагу.

Осторожно, стараясь не привлечь раньше времени к себе внимание, полицейский обошел большой вяз, росший неподалеку от скамейки, неслышно подошел и встал сзади, в полушаге от мужчины. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что подозрения полицейского были отнюдь не напрасными. Покрасневшие глаза человека и несвежее лицо в сочетании с помятой одеждой кого угодно могли сбить с толку, а сутулая спина и опущенные плечи «а-ля вечный неудачник» лишь усиливали первоначальное впечатление. Однако в облике мужчины были различные не особенно бросающиеся в глаза мелочи, которые разрушали версию о безвредном алкаше. Например, и полицейский сразу же обратил на это внимание, у мужчины были хорошо начищенные ботинки и дорогой, некогда тщательно выглаженный костюм. Лицо оказалось выбрито самым что ни на есть тщательным образом, ногти подстрижены и аккуратно обработаны. А в довершение всего — пушка, лежавшая на коленях.

Сигрем поднял голову и посмотрел в лицо чернокожего полицейского офицера. Вместо выражения брезгливой скуки лицо полицейского выражало искреннее сочувствие.

— Не торопитесь ли вы с выводами? — спросил Сигрем.

— Старик, если бы мне пришлось приводить классический пример того, что являет собой состояние суицидальной депрессии, я бы в качестве живого экспоната взял тебя. — Джонс рукой обозначил свое желание присесть рядом. — Вы позволите рядом с вами?

— Зачем спрашивать? Это муниципальная собственность, — без всякого воодушевления сказал Сигрем.

Джон тактично уселся в метре от Сигрема, отвалился на спинку, удобно вытянул перед собой ноги, а руки положил на колени, чтобы придать себе как можно более миролюбивый вид, несколько разрушаемый видом тяжелого табельного оружия, висевшего на бедре.

— Знаете, если уж я решил бы уйти из жизни, то выбрал бы ноябрь, вот уж, поистине, самый паршивый месяц, — вкрадчиво и как-то даже раздумчиво сказал Джонс. — Апрель — мой самый любимый месяц. Тут тебе травка, листики, цветы распускаются — красота да и только. А вот придет ноябрь, начнут задувать эти голодные ветра, которые пробирают до костей, как ни пытайся укутаться… А небо? Вы когда-нибудь обращали внимание на то, какое в Вашингтоне небо в ноябре? Один его цвет — это вполне достаточное основание для того, чтобы

сдохнуть. Нет, вы как хотите, а для самоубийства не придумаешь лучшего, чем ноябрь, времени.

Сигрем не глядя на собеседника покрепче сжал кольт и лишь затем повернулся, чтобы выяснить, какие же действия собирается предпринять черный полицейский.

— Судя по вашим словам, — сказал Сигрем, вы собаку, наверное, съели в вопросах самоубийств?

— Ну, не целую собаку, разумеется… — тактично возразил Джонс. — Если хотите знать, сейчас, когда вы наберетесь-таки храбрости и пустите себе пулю в лоб. сейчас я впервые смогу воочию увидеть, как именно человек уходит из жизни. А то прежде мне приходилось иметь дело, так сказать, с последствиями. А они ужасны. сэр. Сами посудите: приезжаешь на место — первым делом нужно указать на рисунке все видимые повреждения. А чтобы повреждения перенести на бумагу, требуется как следует труп изучить. А уж это — сущий ад. На теле сплошь одни только синяки, кровоподтеки, трупные пятна, если имеем дело с утопленником, так у него, как правило, рыбы глаза выедают… Любят, знаете, почему-то рыбы жрать глаза утопленника. Черт их разберет, что они в этих глазах такого находят… А то еще есть среди самоубийц такая порода — прыгуны. Тут совсем недавно видел молодого человека, прыгнувшего с тридцатого этажа. Он приземлился на ноги, большие берцовые кости торчали из спины…

— Я меньше всего нуждаюсь в том, — огрызнулся Сигрем, — чтобы черномазый фараон рассказывал мне страшные истории.

На мгновение в глазах Джонса блеснул недобрый огонь, однако полицейский справился с приливом ярости.

— Уж и не говорите, чего только в жизни не бывает… — как ни в чем не бывало сказал офицер, нарочито медленно вытащил из кармана платок и промокнул вспотевший круглый лоб. — А скажите мне, господин…

— Господин Сигрем. Не считаю нужным скрывать свое имя. Тем более, что теперь уже все равно…

— Скажите мне, господин Сигрем, как именно вы решили поступить? Я имею в виду, будет ли это выстрел в рот, в лоб, или в висок, а? Или, может быть, в глаз? Знаете, когда-то это считалось своего рода шиком — стреляться в глаз.

— Какая разница, результат один и тот же.

— Не скажите, не скажите… — Джонс изобразил в голосе некоторое разочарование, — Я не смею давать советов, господин Сигрем; но я бы не рекомендовал стреляться в лоб или в висок. Вообще я не советовал бы вам использовать кольт столь смехотворного калибра. На глаз, я бы сказал, тридцать восьмой калибр. Крови будет много, тут я не сомневаюсь, однако совсем не уверен, что такой игрушкой вы сумеете себя убить. Один парень шарахнул себе в висок из сорок пятого калибра, представляете? Сорок пятый калибр — это серьезно. Нажал на курок, грохнул выстрел. И что же? Половины мозгов как не

бывало, левый глаз улетел искать недостающие мозги, а парень-то живехонек… Вылечили, сейчас на инвалидности, в полном порядке… Представьте, все в розовых пенистых мозгах, левый глаз неизвестно где, вокруг суетятся полицейские, врачи, он просит, прямо-таки умоляет, пристрелить его, а эти гады делают все совсем наоборот… Так что помяните мое слово: самое лучшее — стрелять в рот. Глубоко вставляешь дуло и нажимаешь курок. Гарантированно отлетает задняя часть черепа, ну и мозги, разумеется, тоже. Хоть какая-то гарантия смерти.

— Если ты сейчас не заткнешься, — Сигрем повел дулом кольта в сторону полицейского, — я и тебя убью.

— Убьете меня? — уточнил Джонс. — У таких, как вы, Сигрем, кишка тонка, это на лице написано. Такие, как вы, не могут убивать.

— Глупости, убить может всякий.

— Ну, в некотором смысле я согласен. Убить не особенно трудно. Но только психопат не думает о последствиях.

— Слушай, а ведь ты, пожалуй, еще и философ?

— Мы, тупые черные копы, любим дурачить белых людей.

— Извини, если что сказал обидное… Джонс равнодушно пожал плечами.

— Вам кажется, господин Сигрем, что только у вас настоящие проблемы. Хотел бы я, чтобы у меня были *ваши* проблемы. Взгляните на себя со стороны. Вы белый, судя по вашей одежде вполне состоятельны, очевидно у вас есть семья и хорошая работа. Теперь скажите, согласились бы вы оказаться на моем месте, поменяться цветом кожи, стать черным копом: у которого шесть детей, жить в блочном доме, который был построен еще в прошлом веке, и выплачивать деньги за квартиру еще тридцать лет? Что вы на это скажете, господин Сигрем, тяжелая ли у вас жизнь по сравнению с моей. Ну же?

— Тебе никогда не понять.

— А что тут понимать? Нет и не было ничего такого в мире, из-за чего имело бы смысл убивать себя. Конечно, сперва ваша жена чуть поплачет, но потом она отдаст оставшуюся после вас одежду в Армию Спасения, а месяцев через шесть она будет в постели с другим мужчиной, а от тебя не останется ничего кроме фотографии в альбоме. Вы хоть вокруг-то себя оглянитесь. Весна, солнце… И всего этого вы можете лишиться. Вы слушали, что Президент говорил по телевизору?

— Президент?

— Он выступал около четырех, рассказал о том, что сделали его парни и вообще парни в последние годы. Через три года будет осуществлен пилотируемый полет на Марс, ученые наконец-таки сумели разгадать секрет рака, только представьте! Еще Президент показывал фотографии какого-то корабля, который был только что

поднят с океанского дна, где пролежал с начала века. Только подумайте, подняли корабль с глубины в три мили.

Сигрем недоверчиво уставился на Джонса.

— Что вы сказали? Подняли со дна корабль? Какой корабль?

— Я не запомнил.

— «Титаник»? — шепотом спросил Сигрем. — Это был «Титаник»?

— Точно, именно так его назвали. Много лет назад он наскочил на айсберг и потонул. Если не ошибаюсь, я даже видел как-то телефильм про «Титаник». Там еще играли Барбара Стенвик и Клифтон Уэбб… — Джонс замолчал и в некоторой нерешительности посмотрел на Сигрема, на лице которого обозначилось выражение крайнего смущения.

Сигрем протянул Джонсу свой кольт и отвалился на спинку скамейки, мечтательно задрал голову к небу.

Тридцать дней… Всего тридцать дней нужно для того, чтобы при наличии бизания апробировать сконструированную систему и ввести «Сицилианский проект» в рабочее состояние, все-таки, непросто иногда получается в жизни… Ведь если бы только праздно настроенный черный полисмен не потрудился свернуть с дорожки и взглянуть на одиноко сидящего на парковой скамейке человека, то несколько минут назад никакого Сигрема уже в природе бы не существовало…

Глава 50

— Скажите мне, а вы-то сами отдаете себе отчет, выдвигая столь чудовищные обвинения?!

Марганин посмотрел на вежливого невысокого мужчину с холодными голубыми глазами. Адмирал Борис Слоюк, больше похожий на продавца из ближайшего магазина, но уж никак не на главу второй по значению разведывательной структуры Советского Союза, приготовился слушать.

— Товарищ адмирал, я полностью отдаю себе отчет, что в данном случае на карту поставлена вся моя карьера и, может быть, жизнь, но за время службы я привык ставить интересы родины выше личных страхов и амбиций.

— Достойный ответ, лейтенант, очень достойный, — без всякого выражения сказал Слоюк. — Те обвинения, которые вы тут высказали, могут иметь, мягко говоря, весьма серьезные последствия. И однако же вы так и не привели конкретных доказательств того, что капитан Превлов предатель. А без доказательств, как вы понимаете, слова остаются всего только словами. Тем более, что в данном случае речь идет о вашем непосредственном начальнике.

Марганин согласно закивал. Он тщательно обдумал план этого своего разговора с адмиралом. Действительно, было очень рискованно, минуя Превлова, нарочито обходить субординационную форму докладов и обращаться напрямую к Слоюку.

Однако мышеловка была хорошо сделана, умело поставлена, да и выбранное время было как нельзя более удачным. Спокойным движением Марганин достал из кармана кителя конверт и без всякой суеты, исполненным достоинства движением положил конверт перед адмиралом.

— Здесь сведения о трансакциях по банковскому номеру А-Зет-Эф 7609 швейцарского «Банка дё Лозанн». На банковский счет постоянно приходят суммы для некоего В. Вольпера. Это у Превлова такая неуклюжая анаграмма взята в качестве псевдонима.

Слоюк изучил протянутые ему документы, счета и затем пытливо посмотрел в глаза Марганину.

— Вы уж, пожалуйста, извините мою профессиональную недоверчивость, лейтенант, но из этих бумаг прямо-таки торчат уши.

Марганин протянул адмиралу еще один конверт.

— А вот здесь вы найдете информацию о секретных контактах посла США в СССР и Министерства обороны Соединенных Штатов. Посол прямо говорит о том, что капитан Андрей Превлов является весьма ценным источником получения секретной информации, касающейся советских морских сил. В качестве иллюстрации посол прилагает полученный от Превлова план, по которому должны быть размещены корабли советского флота в случае начала ядерной войны, которую могли бы развязать мы против Соединенных Штатов. — Марганин не торопясь произнес заготовленные фразы и с удовольствием отметил мимическую реакцию Слоюка, чье всегда бесстрастное лицо вдруг стало растерянным. — Думаю, что тут все ясно, как день. Офицер моего, скажем, уровня просто физически не мог бы добыть столь секретную и доступную лишь узкому кругу людей информацию, тогда как капитан Превлов, с другой стороны, пользуется абсолютным доверием членов Морского комитета по стратегическим вопросам.

Все, что считал нужным, Марганин высказал. Его позиция была предельно ясна. Слоюку в этой ситуации не оставалось ничего иного как молча согласиться с собеседником. Адмирал недоуменно покачал головой.

— Невероятно… Сын высокопоставленного члена КПСС, и вдруг предает свою родину ради каких-то материальных выгод… Не могу поверить…

— Хотя, с другой стороны, принимая во внимание экстравагантный образ жизни капитана Превлова, нетрудно понять, что требования были у него вовсе не ординарные и явно превосходили его финансовые возможности.

— Да, я знаю вкусы капитана Превлова.

— А знаете ли вы, что у капитана Превлова в любовницах женщина, которая называет себя женой главного консультанта посла США в СССР?

При этих словах Слоюк сделал раздраженную гримасу.

— Вы, стало быть, и про нее знаете? — осторожно спросил адмирал. — Меня капитан Превлов в свое время информировал, однако он уверил меня, что с помощью этой женщины он узнает секретную посольскую информацию.

— Еще бы, — сказал Марганин. — На самом же деле эта женщина — агент ЦРУ. И мужа никакого у нее в посольстве нет, равно как и за пределами посольства. Она разведена. — Тут Марганин выдержал небольшую паузу, чтобы его следующие слова были как можно лучше услышаны. — Да и секреты этой женщине известны лишь те, которыми ее снабдил капитан Превлов. Ведь именно *Он* является *Ее* агентом, но никак не наоборот.

Несколько секунд Слоюк сидел неподвижно, словно в нокауте. Затем он поднял тяжелый взгляд на Марганина.

— И каким же, позвольте узнать, образом вам стала известна вся эта информация?

— Мне бы не хотелось пока разглашать имя моего источника, товарищ адмирал. Ради Бога не сочтите за нахальство с моей стороны, но дело в том, что я выпестовал и буквально взрастил этого человека, потратив на него два года работы, сил, нервов. И одним из пунктов нашего с ним соглашения я взял на себя обязанность сохранять его имя в абсолютнейшей тайне. Кроме меня этот человек пока не известен никому.

Слоюк кивнул. Будучи сам профессиональным разведчиком, он понимал и принимал такого рода правила профессиональной игры.

— Надеюсь, лейтенант, вы понимаете, каким образом все это может сказаться на нашем положении?

— То есть, вы про бизаний?

— Да, про него, — подтвердил Слоюк. — Если только Превлов раскрыл американцам наш план, то последствия такого разглашения могут быть непредсказуемы. Как только в их руках окажется бизаний и они осуществят свой «Сицилианский проект», на ближайшее десятилетие стратегическая инициатива окажется в их руках.

— Да, но может, капитан Превлов еще не передал американцам наш план? — предположил Марганин. — Не исключаю, что он как раз придерживал информацию до момента поднятия «Титаника»?

— «Титаник» уже поднят со дна, — мрачно сказал Слоюк, каждое слово его имело вес гири. — Не далее, как три часа тому назад капитан Пароткин с «Михаила Куркова» сообщил в штаб-квартиру, что «Титаник» поднят на поверхность и находится в таком состоянии, при котором возможна его буксировка.

Марганин был весьма удивлен услышанным.

— Но наши агенты «Серебряный» и «Золотой» уверяли, что операция по извлечению лайнера не начнется в ближайшие трое суток, и не верить этому у нас нет оснований.

Слоюк меланхолично пожал плечами.

— Американцы вечно спешат, о чем бы ни зашла речь.

— Значит, нам нужно отказаться от разработанного капитаном Превловым плана по захвату бизания и немедленно предпринять какие-то иные шаги?

Когда Марганин вел речь о разработанном капитаном Превловым плане, ему приходилось сдерживать улыбку. Настала пора ниспровергнуть гипертрофированное капитаново эго с того пьедестала, на который оно было возведено. С этой минуты начиналась наиболее ответственная для Марганина часть операции. Тут требовалось хорошенько продумывать каждое слово и каждый жест.

— Стратегию менять уже слишком поздно, — медленно, взвешивая каждое слово, произнес адмирал Слоюк. — Все люди и все корабли уже разведены по местам, и потому единственное, что нам остается, так это идти напролом, выполнять утвержденный план.

— А что будет с капитаном Превловым? Вы, я полагаю, прикажете его арестовать?

Слоюк смерил Марганина тяжелым мрачным взглядом.

— Нет, лейтенант, Превлов будет выполнять возложенные на него функции.

— Но ему же нельзя доверять?! — воскликнул Марганин с отчаянием в голосе. — Я представил вам доказательства…

— Ни одно из представленных вами доказательств не может считаться абсолютным. Все эти бумажки можно легко подделать, — резко сказал Слоюк. — И потом, лейтенант, ваш конвертик что-то слишком уж аккуратно запакован, чтобы содержимому можно было безоговорочно доверять. И если представленные мне документы в чем-то меня и убедили, так, пожалуй, разве только в том, что один молодой разведчик из моего ведомства слишком уж горит желанием обскакать своего непосредственного начальника и занять таким образом его место. Такого рода уловки вовсю практиковались задолго до того, лейтенант, как вы появились на свет.

Вы решили сыграть в очень опасную игру, и вы — проиграли. Увы.

— Позвольте заверить вас…

— Довольно! — голос Слоюка был тверд, как гранит. — Меня лишь утешает мысль о том, что бизаний все-таки окажется на борту советского корабля — и не позднее, чем через три дня. Именно тогда я смогу сказать, что у меня имеются неопровержимые доказательства вашей клеветы и безупречного поведения капитана Превлова.

Глава 51

Огромный, неподвижный, лежал «Титаник» на воде. Мелкие волны с обеих сторон обтекали его ржавый корпус, вновь сходились за кормой и продолжали свой путь к далеким и никогда прежде не виданным берегам. Течение медленно увлекало корабль, отделанные деревом палубы которого подсыхали в лучах теплого солнца. Это был корабль-покойник, которому судьба дала возможность вновь пополнить собою ряды настоящих, вполне дееспособных судов.

Корабль-покойник не был, однако, судном-призраком. Расположенная над салоном первого класса навигационная башня была на скорую руку срезана автогеном под корень с тем, чтобы освободившееся место могло быть использовано в качестве вертолетной площадки. Вскоре весьма солидная команда специалистов прибыла на «Титаник». Они привезли с собой оборудование, инструменты, необходимые материалы — и тотчас же закипела работа по тщательной подготовке корабля к долгому буксированию в нью-йоркский залив.

Была, была такая минута, когда всех едва живых подводников с «Дип Фантом» взяли на борт вертолета, а специалисты еще не прибыли на «Титаник», и Джиордино оказался полновластным хозяином извлеченного из океанской бездны лайнера. Ему в тот момент даже не пришло в голову, что за последние семьдесят шесть лет он был первым, кому довелось ступить на палубу легендарного корабля.

Хотя был полдень, самое что ни на есть подходящее время для работы. Джиордино воздержался от каких бы то ни было изысканий в одиночку. Всякий раз, когда он смотрел вниз с восьмисот восьмидесятидвухфутовой высоты корабельного борта, у него появлялось ощущение, что он заглядывает в сырой и мрачный склеп.

Нервно закурив, Джиордино присел на металлический выступ и принялся ждать возвращения вертолета.

Питт решительно не испытывал неудобства или же волнения в тот момент, когда ступил на палубу «Титаника». Чувство Питта было сродни благоговению. Он прошел к капитанскому мостику и застыл в одиночестве, раздумывая о невероятной судьбе, выпавшей на долю этого корабля. Вновь и вновь пытался Питт представить себе, каким был тот далекий, отделенный почти восемью десятилетиями, день, когда капитан Эдвард Д. Смит с этой же самой точки наблюдал за тем, как вверенное ему судно вместе с командой и пассажирами медленно уходит под воду. О чем думал он, зная, что все шлюпки, имеющиеся на корабле, могут вместить не более тысячи ста восьмидесяти человек? Ведь в тот злополучный рейс на борту находилось две тысячи двести человек. И еще Питт пытался представить, какова была бы реакция старого морского волка, если бы в момент потопления ему сказали, что через много десятилетий его судно вновь увидит солнечный свет? И что по палубам корабля будут прохаживаться люди, ни один из которых еще не родился в том далеком трагическом году? Поистине, неисповедимы пути…

Питту показалось, что прошли многие часы, хотя в действительности он отвлекся на какие-нибудь полторы-две минуты. Очнувшись, он направился в сторону кормы, минуя запаянную дверь радиорубки, из которой первый радист «Титаника»

Джон Г. Филлипс вынужден был послать в эфир сигнал «SOS». Питт миновал шлюпбалки, некогда, позволившие спасательной шлюпке № 6 спуститься на воду: именно в эту шлюпку посчастливилось попасть некоей миссис Дж. Дж. Браун из Денвера, впоследствии сделавшейся всемирно известной как «Непотопляемая Молли Браун». Миновал он некогда роскошный лестничный вестибюль, в котором играли Грэхам Фарли и его бесстрашные коллеги из корабельного оркестра… А вот где-то здесь, судя по рассказам очевидцев, миллионер Бенджамин Гугенхайм со своей секретаршей без всякой паники на лицах стояли, дожидаясь смерти: на ней и на нем были одеты самые лучшие наряды — они и в этот момент хотели выглядеть максимально респектабельно.

Почти пятнадцать минут ушло у Питта на то, чтобы пройти к шахте лифта. Перевесившись через поручни, он соскочил на нижнюю прогулочную палубу. Тут находилась кормовая мачта, которая торчала из прогнившей корабельной обшивки, как обломок ствола: мачта была обломана на высоте восьми футов от поверхности палубы — именно тут ее задела своим корпусом «Си-Слаг».

Питт сунул руку в карман, нащупал и вытащил пакет, переданный коммодором Бигалоу. Он развязал пакет. Под рукой не оказалось ни веревки, ни троса, ни какого-нибудь фала, а потому Питт вынужден был воспользоваться бечевкой, которой Бигалоу завязал пакет. Обломанная мачта подходила для целей Питта как нельзя лучше: он прикрепил сверху, снизу, затем сделал несколько шагов назад и залюбовался своей работой.

Ветер развевал флаг на импровизированном флагштоке. Материя была старая, краски, некогда яркие, поблекли. Однако в целом старенький вымпел «Уайт Стар Лайн», тогдашней пароходной компании, выглядел совсем неплохо, развеваясь над «Титаником», как в былые времена.

Глава 52

Утреннее солнце едва только появилось над восточной кромкой морского горизонта, когда Сэндекер выпрыгнул из вертолетного люка и присел на корточки, успев рукой схватить шляпу, едва не сорванную мощным воздушным потоком вращающегося винта. Все еще горели, хотя нужды никакой в том не было, установленные на палубе «Титаника» прожектора; обрывки тросов, ржавые трубы, детали механизмов были раскиданы повсюду. Питт и его коллеги работали не покладая рук всю ночь напролет, чтобы как-то оформить и окончательно завершить приготовительные работы. Кораблю предстояло длительное плавание.

Руди Ганн, находившийся в тот момент рядом с ржавым лопастями гигантского корабельного вентилятора, приветственным жестом руки встретил адмирала.

— Добро пожаловать на «Титаник», — сказала он. — Располагайтесь, — Ганн широко улыбнулся. В то утро все участники спасательной операции часто улыбались — к месту и не к месту.

— Что тут у вас?

— Да все пока более или менее… Как только мы включим помпы, откачаем воду и тогда корабль встанет попрямее.

— Питт где?

— В гимнастическом зале.

Собравшийся было уже идти, Сэндекер запнулся на полушаге, недоумевающе посмотрел на Ганна и переспросил:

— Ты сказал, в гимнастическом?

Ганн кивнул и указал на пролом в одной из переборок носовой части: края пролома безошибочно подтверждали, что тут дело не обошлось без ацетиленовой горелки.

— Вот сюда, пожалуйста.

В помещении пятнадцать на сорок футов было полно мужчин, каждый из которых был поглощен своей работой, не обращая внимания на ржавый паноптикум, выстроенный на некогда превосходном линолеуме. Тут оказалось во множестве хорошо сделанных, богато разукрашенных машин, на которых имитировалось занятие греблей. Имелись также и занятно выглядевшие стационарные велосипеды. Среди прочего были здесь и механические лошади с изрядно поржавевшими металлическими частями, прогнившими кожаными седлами и подпругами. Среди механических монстров Сэндекер обнаружил даже нечто, весьма напоминающее механического верблюда. И каково же было удивление адмирала, когда он выяснил, что это и в самом деле — верблюд.

Механики, инженеры, прочие члены спасательного отряда уже успели установить тут радиоприемное и радиопередающее устройство, три переносных электрогенератора, целый лес переносных светильников на высоких подвижных штативах, а также плиту а-ля Руб Голдберг. Были тут и множество складных столов и стульев из матового алюминия, и упаковочные корзины, и даже походная койка.

Питт вместе со Спенсером и Драммером были настолько заняты работой, что не заметили, как к ним приблизился Сэндекер. Троица коллег разглядывала рекламный снимок «Титаника».

Питт поднял голову и обрадованно приветствовал адмирала.

— Добро пожаловать на "Большой "Т"", — по-хозяйски радушно сказал он. — Как у Меркера. Киля и Чавеца?

— В санчасти на «Каприкорне». Им сделали уколы, и теперь они дрыхнут за милую душу. Я был уверен, что они чуть живы, а все трое не успели отдохнуть, как начали приставать к доку Бейли, чтобы тот разрешил им продолжить работу. Бейли делает вид, что ничего такого не слышит. Действительно, просьба еще та, что называется: приступить к работе, когда чуть Богу душу не отдали. Бейли в ближайшие сутки даже и разговаривать с ними об этом не желает. А такого

гиганта, как доктор Бейли, попробуй ослушаться — он мигом в порошок сотрет. — Сэндекер замолчал и принюхался. — Эй, чем это здесь так пахнет?

— Гниль, — ответил Драммер. — Самая обыкновенная гниль. Тут все насквозь прогнило, и с этим ничего не поделаешь. А то ли еще будет, когда поверхности высохнут, когда солнышко пригреет как следует. Сейчас-то еще что!

Сэндекер обвел взглядом помещение.

— А уютненько здесь у вас, ничего не скажешь… Только я никак не могу понять, зачем понадобилось устанавливать оборудование именно в гимнастическом зале? Не лучше ли было воспользоваться для этот о капитанским мостиком?

— Нарушение традиции — это да. Однако на то имелись свои причины, — ответил Питт. — На мертвом корабле капитанский мостик уже, по сути, без надобности. В то же самое время, гимнастический зал тут расположен как нельзя более удобно, посередине корабля. Отсюда равно близко что до кормы, что до носа… Кроме того, гимнастический зал рядом с вертолетной площадкой, на крыше отсека первого класса. Чем ближе к истокам, тем проще работать.

— Хочу спросить вас, — сказал Сэндекер, — не собираетесь ли вы тут втихаря заниматься боди-билдингом? И для этого выбрали спортивный зал?

Взгляд адмирала Сэндекера вдруг упал на кучу различного хлама, который был собран в аккуратную кучу около носовой стенки зала. Сэндекер направился туда, подошел и принялся рассматривать останки того, кто прежде был пассажиром или же членом команды «Титаника».

— Интересно, кем был этот бедолага?

— Теперь уже не узнаешь, — откликнулся Питт. — Можно бы установить по зубным пломбам, однако попробуй теперь сыщи медицинские карты дантистов начала века.

Сэндекер присел на корточки и внимательно рассмотрел тазобедренный сустав.

— Господи Боже, это была женщина! — воскликнул адмирал.

— Именно, — подтвердил Питт. — Она или же была одной из пассажирок первого класса, которая даже не пыталась спастись, или эта женщина ехала четвертым классом и пришла сюда, когда все шлюпки были уже спущены на воду.

— Еще какие-нибудь останки нашли?

— Знаете, у нас, собственно, и времени-то не было как следует посмотреть… Один из людей Спенсера вроде нашел скелет около камина в холле.

Сэндекер показал взглядом:

— А там что такое?

— Через эту дверь можно пройти к главному трапу.

— Пойдем, проводишь меня.

Они прошли на крышу первой палубы и оттуда посмотрели вниз. В просторном холле были видны раскиданные столы и стулья, диванчики и диваны. Изящные линии поручней почти не были повреждены и поражали чистотой и изысканностью дизайна. Стрелки больших бронзовых часов застыли, показывая 2:21.

По ступеням, покрытым толстым слоем океанского ила, Питт и Сэндекер прошли в одну из просторных гостиных. Вид помещения поразил обоих. Сюда почти не проникал солнечный свет, и густой полумрак усиливал гнетущее впечатление, которое создавала беспорядочно валявшаяся по углам некогда очень дорогая мебель. Осторожно, чтобы не наступить на что-нибудь, они продвинулись футов на тридцать в глубину, натолкнулись на целую гору обломков мебели и металла и сочли за благо вернуться в гимнастический зал.

В тот момент, когда они переступили порог единственного на корабле мало-мальски обжитого помещения, склонившийся над приемником человек распрямился и повернулся в их сторону. Это был Джиордино.

— Я как раз думал, куда это они исчезли. Недавно был разговор с парнями из «Ураниус Ойл», они спрашивали, как там дела с их подлодкой…

— Скажи им, что как только мы придем в Нью-Йорк, поставим «Титаник» в сухой док, то первым делом займемся «Дин Фантом». Вытащим подлодку, сразу же и вернем, — сказал Питт.

Джиордино понимающе кивнул и повернулся к пульту.

— И вообще, пускай коммерческая служба собачится из-за их лодки. У нас есть дела поважнее, — заметил Сэндекер. — Да, джентльмены, я хотел спросить. Вы не думаете, что событие настолько важное, а в горле настолько сухо у всех, что следовало бы исправить эту очевидную диспропорцию. Хоть по глотку-то, черт побери…

— Вы сказали — по глотку, — оживился Джиордино.

— Да, я сказал — по глотку, — подтвердил свое предложение Сэндекер и из каких-то потайных карманов своего плаща извлек две бутылки. — Чтобы никто потом не говорил, что Джеймс Сэндекер не оказал должного внимания команде.

— Бойся адмиралов, дары приносящих, — вполголоса произнес Джиордино.

Сэндекер с явным сожалением посмотрел на Джиордино и мечтательно произнес:

— В старое доброе время за такие слова, адресованные старшим по званию, наглецов заставляли в шторм забираться на самый верх мачты.

— Точно! — с явным энтузиазмом подтвердил Драм-мер. — А если они благополучно забирались и спускались на палубу, для них еще было такое воспитательное средство, как килевание. Знаешь, что это такое?

— Все, запугали, — Джиордино поднял руки. — Слова теперь против начальства никогда не скажу. Если, разумеется, начальство это будет изредка вспоминать, что мне время от времени не худо и выпить.

— Не много же тебе нужно, сынок, — со вздохом сказал Сэндекер. — Ладно… Джентльмены, я прошу определиться, кому — что. Тут у меня поллитровка «Джек Дэниелз», которую любят все простые парни на свете, и поллитровка «Катти Сарк» — для городских пижонов. Давайте стаканы, чашки, кружки — у кого что в наличии. И не стесняйтесь, адмирал от чистого сердца угощает.

Джиордино не заставил себя просить дважды: направлен на импровизированную кухню и принес оттуда одноразовых стаканчиков по числу собравшихся в гимнастическом зале. Когда всем налили, Сэндекер поднял стакан:

— Джентльмены, предлагаю первую выпить за легендарный «Титаник». Да не будет никогда более мир праху его!

— Давайте, давайте за «Титаник»!

— Именно!

— Верно…

Выпив, Сэндекер опустился на раскладной стул, подлил себе еще и, маленькими глотками потягивая спиртное, оглядел собравшихся тут парней. Среди всех этих ребят были два агента русской разведки, и Сэндекер мысленно прикидывал, кто именно мог бы быть шпионом…

Глава 53

Генеральный Секретарь ЦК КПСС Георгий Антонов потягивал свою трубку и через табачный дым поглядывал на капитана Превлова.

— Должен признаться, капитан, у меня пока весьма смутное представление об этом начинании.

— Мы самым тщательным образом рассмотрели все прочие варианты и остановились на этом как на единственном, — сказал Превлов.

— Но ведь тут есть свои опасности, — тактично напомнил Антонов. — Едва ли американцы будут сидеть сложа руки, когда узнают, что их бизаний украден.

— Я думаю, товарищ Генеральный Секретарь, как только бизаний окажется в наших руках, мнение Америки вообще не будет иметь никакого значения. Нам главное — успеть захлопнуть дверь у них перед носом.

Генеральный Секретарь сложил руки на груди. За его спиной на стене висел огромный портрет Ленина.

— Мне решительно не нужны никакие международные скандалы, капитан. Надо бы обставить все таким образом, чтобы мировое общественное мнение было бы на нашей стороне.

— Позиция Президента Соединенных Штатов в этом вопросе более чем уязвима, поскольку нашу правоту признает даже международное право.

— Это будет означать конец эпохи разрядки, — раздельно сказал Генеральный Секретарь.

— Это также будет означать и начало конца Америки как сверхдержавы.

— Меня устраивает подобный расклад, капитан. — Трубка Генерального Секретаря потухла, и он снова закурил, наполнив комнату сладковатым ароматным дымом хорошего табака. — Но в том случае, если мы не сумеем раздобыть этот бизаний, конец придет нам как сверхдержаве, и это нельзя сбрасывать со счетов.

— А мы сумеем.

— Самонадеянное заявление, — сказал Антонов. — Когда хороший защитник в суде готовит свою речь, он прежде всего просчитывает ходы прокурора и уже в этой связи вырабатывает собственную тактику. Что предусмотрено на тот случай, если бизаний нам добыть не удастся?

— Тогда весь бизаний будет уничтожен, — решительно сказал Превлов. — Если мы не завладеем бизанием, американцам он не достанется также.

— Означает ли это, что будет уничтожен также и «Титаник»?

— Да. Уничтожив «Титаник», мы тем самым уничтожим и бизаний. А второе поднятие лайнера будет уже совершенно невозможно.

Превлов замолчал, ожидая, что ему скажет Генеральный Секретарь. Слова капитана показались Антонову вполне убедительными. Генеральный уже дал «добро» на проведение операции по захвату бизания и теперь лишний раз убедился в правильности выбранной тактики. Он внимательно посмотрел на Превлова. Вид у капитана был уверенный и решительный, как у человека, не привыкшего отступать, не приученного к поражениям. Даже самые обычные слова из уст Превлова звучали убедительно. Да, план, представленный Превловым, казался Генеральному Секретарю вполне надежным.

— Когда вы отправляетесь в Северную Атлантику, капитан? — спросил он.

— С вашего разрешения, сегодня же и отправлюсь, товарищ Генеральный Секретарь. В Горьком, на одном из военных аэродромов меня уже поджидает бомбардировщик дальнего радиуса действия. Через двенадцать часов я буду на борту «Михаила Куркова». Удача сопутствует нам и ураган кстати, под его прикрытием мы постараемся все сделать быстро и незаметно. «Титаник» будет захвачен без труда.

— Что ж, тогда не смею больше вас задерживать. — Антонов поднялся и дружески приобнял капитана за плечи. — От вас будет во многом зависеть будущее нашей страны. Надеюсь, вы это понимаете, и у вас не возникнет оснований для разочарования, капитан.

Глава 54

День был неудачным для Питта. День начал восприниматься, как неудачный, с того самого момента, когда Питт сделал перерыв в спасательных приготовлениях и отправился в грузовой отсек №1, на седьмой уровень.

Тут царил чудовищный разор. Отделение, где находился бизаний, оказалось погребено под обрушившейся переборкой.

Питт в полутьме стоял и молча обозревал металлический непроходимый завал, через который иначе, как с помощью специальных приспособлений, нечего было и думать пробраться. Именно в тот момент Питт ощутил у себя за спиной постороннее присутствие.

— Похоже, судьбе нравится издеваться над нами, — сказал из темноты Сэндекер, голос которого Питт сразу же узнал.

— Да уж, на данный момент, пожалуй, — согласно кивнул Питт.

— Слушай, а что, если…

— Если мы попытаемся обойтись одними только подручными средствами, работа займет не одну неделю. Это же самые настоящие стальные джунгли.

— А другой какой-нибудь способ?

— Будь у нас кран системы «Допплманн», мы бы все расчистили тут за два часа.

— Считаешь, суетиться бессмысленно? Подождем, пока поставим «Титаник» в сухой док, так, что ли? Неужели ждать до самого Нью-Йорка?

Питт посмотрел на адмирала. Адаптировавшиеся глаза Сэндекера различили усталое и поникшее лицо Питта, которое лучше всяких слов выражало мнение.

— Конечно, если бы удалось взять бизаний и перенести его на «Каприкорн» — это было бы еще одно очко в нашу пользу, — сказал Питт. — Это, без сомнения, гарантировало бы грузу большую сохранность.

— Слушай, а если сделать вид, будто мы сумели достать бизаний, а? Иначе говоря, сымитируем перевозку бизания на «Каприкорн»?

— Русских агентов, думаю, так тривиально не обведешь вокруг пальца.

— В том, разумеется, случае, если оба они находятся сейчас на «Титанике». А если — нет?

— Завтра я смогу ответить на ваш вопрос более аргументирование.

— Значит, какие-то определенные подозрения у тебя уже имеются, так, что ли?

— Больше того, я почти что держу на крючке того, кто убил Генри Манка. Что касается второго, на его счет у меня пока что лишь версия, которую еще надлежит проверить.

— Интересно, кто же именно попал под подозрение? — произнес Сэндекер.

— Видите ли, я уверен, что мое доказательство едва ли подходит для государственного обвинителя. И уж наверняка его не признал бы суд присяжных. Дайте мне еще несколько часов, адмирал, и я брошу к вашим ногам и «Золотого», и «Серебряного», или какие там клички у этих подонков, я не знаю…

Сэндекер выказал некоторое удивление на лице, затем осторожно уточнил:

— Ты что же, в самом деле так близко подошел к разгадке?

— Так близко.

Сэндекер провел рукой по лицу, как бы снимая напряжение. Губы его, однако, оставались плотно сжатыми, и тревога не исчезла из глаз. Он еще раз окинул взглядом металлический завал, который преграждал им путь к цели.

— Что ж, Питт, поступай как знаешь. Ты всецело можешь рассчитывать на мою поддержку, тем более, что у меня, собственно, и выбора-то нет. Я с тобой — до конца, так и знай.

У Питта возникли, однако, и другие проблемы. Два морских буксировщика, о которых была достигнута договоренность с адмиралом Кемпером, в ближайшие часы не смогут сюда добраться. А между тем около полудня, ни с того ни с сего, вдруг усилился правый крен «Титаника». Прежние одиннадцать градусов отклонения от вертикали внезапно увеличились до семнадцати.

«Титаник» сидел низко в воде. Гребни волн ударяли в запечатанные иллюминаторы пятой палубы; еще на каких-нибудь десять футов повыше, и волны переливались бы через край судна. И хотя Спенсеру и его парням удалось наладить бесперебойную работу всех помп, хотя захватывающие раструбы этих помп были установлены в грузовых отсеках, металлические завалы не позволяли дотянуть трубы до машинного отделения и тем более до топки. А именно там скопилось наибольшее количество воды, к которой пока что не было никакой возможности подобраться.

Отработав почти сутки, Драммер сидел теперь в гимнастическом зале, чуть живой от усталости. Налив себе большую кружку «кока-колы», он медленно тянул освежающий напиток.

— Подумать только, — рассуждал он, — после без малого восьмидесяти лет гниения и ржавления под водой гвозди и шурупы превратились в настоящую труху, а деревянные панели, некогда украшавшие потолок и стены, упали теперь и образовали такие завалы в проходах, что иные коридоры «Титаника» напоминают хорошую городскую свалку.

Все утро Питт провел за столом, возле радиопередатчика. Красными от усталости глазами снова и снова рассматривал он подробный чертеж надстроечной части «Титаника».

— А что, если для прохода в трюм воспользоваться главным трапом, или даже шахтами лифтов?

— Ниже четвертой палубы главный трап буквально забит всяким хламом, там не пройти, — возразил Спенсер.

— Ну хорошо, а как насчет лифтовых шахт? Я считаю, что шахты — это более чем реальный шанс, — сказал Ганн. — Правда, и там масса ржавых тросов, да и двери лифтов намертво заржавели в закрытой позиции. Ну — а все-таки?

— Двери лифтов были автоматически закрыты по команде, которую отдал один из старших офицеров сразу после того, как «Титаник» наткнулся на айсберг, — прокомментировал Питт.

В этот самый момент низкорослый, крепкого телосложения мужчина, с ног до макушки покрытый сажей и выпачканный машинным маслом, ввалился в гимнастический зал. Питт поднял голову и широко улыбнулся вошедшему:

— Неужели это ты, Эл? Вот уж никогда бы не узнал…

Джиордино с трудом дотащился до койки и плюхнулся, как мешок с цементом.

— Буду весьма признателен, если около меня не будут зажигать спички, — устало пробормотал он. — Я еще слишком молод, чтобы умирать в пламени костра.

— Какие результаты? — поинтересовался Сэндекер.

— Я пробрался черт знает куда… Был на шестой палубе… Добрался до такого уровня, за которым уже идет один покореженный металл. А темнотища там, мамочки родные, ни черта не видно! Со сходного трапа загремел, чуть кости все не переломал. Весь трап в масле. Видимо, когда произошел удар о дно, масло фонтаном брызнуло во все стороны, в том числе — и на трап. А как же там внизу холодно. Матерь Божья!!! Ниже, чем спустился я, спуститься невозможно.

— Ну, если бы у нас, например, была змея, она бы сумела, я думаю, проникнуть в котельную, — сказал Драммер. — Но не у всякого человека возможности змеи. Туда бы несколько тонн динамита да хорошую команду аварийщиков, тогда — другое дело.

— И все-таки я уверен, что какой-то путь в багажное отделение есть. Не может быть, чтобы такого пути не нашлось, — уверенно воскликнул Сэндекер. — И если мы пока не сумели этого пути отыскать, это совсем не повод для того, чтобы утверждать, будто к бизанию нам не пробраться. И кроме всего прочего нужно спешить. В корпусе «Титаника» где-то дырка, через которую внутрь набирается вода. Если будем тянуть волынку, столько воды наберется, что корабль перевернется кверху брюхом и снова потонет, будьте уверены.

До той самой минуты, когда была произнесена эта Фраза, никто из присутствующих даже подумать серьезно не мог о том, что все усилия по спасению «Титаника» могут оказаться напрасными; и что у корабля вполне Реальные шансы снова оказаться на дне. И вот теперь, как по команде, все

собравшиеся в гимнастическом зале вдруг почувствовали тревогу от одной этой мысли. Тем более, что «Титанику» предстояло еще очень длинное путешествие, путешествие в тысячу двести морских Миль, — до Нью-Йорка.

Питт, расположившись за столом, внимательно изучал планы и схемы «Титаника». Они были на удивление приблизительными и мало чем могли помочь. Каким бы странным это ни казалось специалистам, однако ни одного, как выяснилось, комплекта чертежей «Титаника» или хотя бы корабля-близнеца «Олимпика» в природе не существовало: когда германские стратегические бомбардировщики бомбили стапеля судоверфи «Харланд энд Вольф», они камня на камне не оставили от Белфастского предприятия. Вместе с чертежами уничтоженными оказались также и комплекты инженерных расчетов, и обстоятельные фотографии лайнера, и много чего еще.

— Если бы только «Титаник» не был так велик… — проворчал Драммер. — Котельная размещается на сотню футов ниже лодочной палубы…

— Что сто футов, что сто миль — один черт, — заметил Спенсер. Он повернул голову в сторону дверей, ведущих на главный трап, через которые вошел Вудсон: — А, вот и наш друг Каменное Лицо! Тут срочно нужен официальный фотограф спасательной экспедиции. Такой кадр пропадает!

Вудсон осторожно, как великую ценность, снял с шеи батарейный блок и положил его на схемы, выложенные на столе.

— Поснимал немного… Нам, может, и без надобности, а внукам захочется взглянуть, каким был этот легендарный «Титаник». Вот пускай и любуются… — сказал он с выражением своей всегдашней невозмутимости на лице. — Кто знает, вдруг на пенсии захочу книжку про все это написать. Без иллюстраций она не каждого заинтересует, а фотографии — вот они. Не всякий издатель найдет в себе силы отклонить подобный материал, я думаю.

— Еще бы, — откликнулся со своего места Спенсер. — А ты случайно не наткнулся на какой-нибудь неизвестный нам проход в котельную, а?

Спенсер с явным сожалением покачал головой.

— Я ведь снимал в гостиной первого класса. Там многое на удивление великолепно сохранилось. Если не считать естественную реакцию дерева и ткани на многолетнее пребывание в воде, я бы сказал, что там все весьма неплохо сохранилось. Даже и теперь в гостиной ничуть не хуже, чем в холле «Версальского Паласа», будьте уверены. — Спенсер принялся сортировать по какому-то ему одному известному принципу отснятые кассеты пленок. — Нет ли возможности разжиться вертолетом? Я бы хотел отснять пару пленок с высоты птичьего полета, пока подойдут буксиры.

Джиордино при этих словах сделал выразительное лицо и сказал, обращаясь к Спенсеру:

— Ты снимай, пока есть что снимать. Не ровен час, может получиться так, что твой разлюбезный «Титаник» к утру вновь окажется на дне.

Вудсон поднял бровь.

— А что, разве он тонет?

— Надеюсь, что нет.

Все обернулись в сторону человека, произнесшего эти три слова таким тоном, словно ему было известно больше, чем остальным. Питт реагировал усмешкой, причем усмешка у него получилась уверенная и одновременно дьявольская, как у человека, которого неожиданно избрали в совет директоров «Дженерал Моторс». Он сказал:

— Как в лучшие времена говаривал Кит Карсон, которого окружили толпы индейцев: «Мы еще поглядим, кто — кого! Мы еще очень даже поглядим и поборемся!!!» Не позднее, чем через десять часов машинное отделение и котельная будут идеально сухими, там и капли воды не останется. — Он быстро перебрал несколько бумаг, пока не отыскал нужную. — Тут Вудсон мечтал о том, чтобы взглянуть на корабль с высоты птичьего полета, вертолет хотел заполучить. А ведь никакого вертолета и не нужно. Мы давным-давно могли уже и сами сообразить. Не нужно было вниз забираться, в трюм лазать. Куда как проще — сверху взглянуть.

— Тоже мне, — пробурчал Джиордино. — Зачем это вдруг понадобилось сверху смотреть? Что, интересно узнать, ты. рассчитываешь увидеть сверху?

— Неужели до сих пор так никто и не понял?! Драммер выглядел сбитым с толку.

— Как хочешь, но, видимо, я тупею с возрастом. Не понял и до сих пор не понимаю.

— А ты. Спенсер?

Спенсер отрицательно покачал головой.

Питт улыбнулся ему в ответ и сказал:

— Ну-ка, собери сейчас своих парней на верхней палубе. И пусть они прихватят все свое оборудование для резки металла, им все это может понадобиться.

— Хорошо, соберу, если ты считаешь нужным… — Спенсер пожал плечами, с места, однако, при этом не сдвинулся.

— Господин Спенсер, судя по его реакции, не слишком высокого мнения о моих интеллектуальных способностях, — сказал Питт. — Он и сейчас вот слушает меня, пытается — и никак не может понять, зачем это, мол, нужно подниматься на верхнюю палубу и оттуда рубить проход в нижние уровни корпуса, через целых восемь палуб. А ведь я совсем и не это имел в виду. Я имел в виду то, что у нас в распоряжении имеется уже готовый тоннель, не забитый разным хламом, и

который приведет нас прямо в котельную. Собственно, у нас даже не один такой тоннель, а целых четыре. Я имею в виду, уважаемые джентльмены, те самые четыре дымохода, которые некогда соединяли котельную и отводные трубы. Это же все так просто! Растопим ветстил, выбьем люк, которым сейчас отверстие закрыто — и вот вам, пожалуйста, готовый ход в корабельное подземелье. Теперь-то поняли мою мысль?!

Спенсер понял сразу же, равно как и все остальные. Даже не потрудившись отдать должное автору столь блистательного проекта, не сказав даже элементарного спасибо, все, находящиеся в помещении, как по команде устремились к выходу.

А еще два часа спустя все дизельные помпы, доставленные на борт «Титаника», трудились на полную мощь, извлекая в минуту по две тысячи галлонов воды из трюма.

Настоящие водопады обрушивались с борта корабля в океан. Вода за бортом лайнера пенилась, волнение усиливалось: океан жил предчувствием урагана.

Глава 55

Ураган получил имя Аманда. Уже к полудню его расчетный курс был сообщен во все точки земли, и практически все торговые и пассажирские Суда, маршруты которых пролегали в зоне прохождения Аманды, поспешно ушли в безопасные районы или же находились на пути. Все без исключения торговые корабли, танкеры и пассажирские лайнеры от Саванны, Джорджия и до Портленда, штат Мейн, получили приказание вернуться в исходные порты сразу же после того, как из Тампы, из Центра НУМА по изучению ураганов, пришло самое первое уведомление. Еще не менее сотни судов в прилегающей к опасному району акватории были задержаны. Те корабли, которые давно вышли из портов и теперь держали курс на Европу, получили приказ немедленно лечь в дрейф и таким образом переждать ураган.

В городке Тампа, в Центре НУМА по изучению ураганов доктор Прескотт и его коллеги работали вовсю: анализировали графики, вводили в компьютеры новую информацию, рассчитывали возможные отклонения Аманды от наиболее вероятного курса. После многочисленных дополнений и поправок выяснилось, что курс урагана, который начертил Прескотт, полагаясь на свою исследовательскую интуицию, ни в одной точке не подправлен более, чем на сто семьдесят пять миль, что можно было считать редкостным достижением ученого.

Один из метеорологов вошел и передал доктору Пре-скотту пространную распечатку.

— Это рапорт, составленный командиром самолета береговой патрульной службы. Они сумели вплотную подлететь к ураганному фронту и даже несколько секунд, как указывает командир, провели в самом эпицентре Аманды.

Прескотт взял протянутые листы и принялся внимательно читать. Отдельные фрагменты он считал нужным прочитывать вслух.

— …Ядро урагана составляет приблизительно двадцать две мили в диаметре. Скорость перемещения достигает сорока узлов и имеет тенденцию к увеличению. Скорость ветра составляет около ста восьмидесяти… — в этот момент у него запершило в горле.

Помощник Прескотта посмотрел на шефа недоумевающим взглядом:

— Простите? Вы сказали — около ста восьмидесяти, если я правильно расслышал?! Сто восемьдесят миль в час? Неужели тут нет ошибки?

— Именно так, около ста восьмидесяти. Но тут еще сказано, что вполне вероятно и дальнейшее усиление скорости ветра, — сказал Прескотт сдавленным голосом. — Не дай Бог, какой-нибудь корабль окажется застигнут таким ураганом. Сказать, что мне жаль команду такого корабля, — это не сказать ничего.

Помощник Прескотта понимающе кивнул, и внезапно взгляд его остановился, глаза округлились от внезапного осознания ситуации.

С побледневшим лицом он сказал, обращаясь к Пре-скотту:

— Боже, там ведь как раз будет… там «Титаник» будет!

Прескотт, не вполне понимая, переспросил:

— Там кто, вы говорите, будет?

— «Титаник». «Титаник» вместе со спасательной командой на борту. Вот уж, поистине, судьба-копейка… Ведь надо же так, а! Курс «Титаника» проходит как раз по линии распространения урагана, один-в-один. Невероятное совпадение…

— Может, мы не совсем правильно рассчитали? — сказал Прескотт.

Его помощник подошел к висевшей на стене огромной карте и несколько секунд простоял в нерешительности. Затем он высмотрел искомую точку, привстал на цыпочки и поставил крупный знак "X" неподалеку от контурного изображения Ньюфаундленда.

— Все так… Вот здесь «Титаник» был извлечен аварийщиками со дна океана. Так что все сходится… Прямо по курсу — ураган.

— Откуда ты взял все это?

— Все газеты и телестанции со вчерашнего дня об этом только и сообщают. Не верите, пожалуйста, свяжитесь с мониторной службой НУМА, вам подтвердят, что все так и есть.

— К черту мониторную службу! — взревел Прескотт. Он рывком вскочил из-за стола, прыжками добрался до телефона и, схватив трубку, прорычал оператору: — Срочно, соедините меня по прямому кабелю с нашей штаб-квартирой в Вашингтоне. Я буду разговаривать с теми, кто сейчас в курсе проекта по подъему «Титаника».

Ожидая, пока его соединят, Прескотт спустил на нос очки и поверх стекол изучал карту с нанесенным "Х" — знаком возле Ньюфаундленда.

— Одна только надежда, — ни к кому не обращаясь, сказал он, — что у этих несчастных ублюдков на борту есть хоть один квалифицированный метеоролог с хорошим профессиональным нюхом. Иначе они менее, чем через сутки поймут, насколько важна служба прогноза погоды и навсегда запомнят, какой чудовищной бывает ярость морской стихии.

Разглядывая карту перемещения воздушных масс. Фаркар силился постигнуть смысл того, что следовало из сочетания волнистых линий, абрисов суши, условных обозначений и цифр. От усердия метеоролог практически лег на карту. От недосыпа голова была словно набита ватой, и приходилось напрягаться, чтобы постичь значение пометок, которые Фаркар сам сделал буквально несколько минут назад. Показатели температуры воздуха, скорости ветра, атмосферного давления, приближающийся штормовой фронт — все смешалось в его туманной тяжелой голове в тягучую кашу.

Фаркар безрезультатно тер и тер глаза кулаками, чтобы сфокусировать взгляд. Он тряс головой, чтобы прояснилось сознание, и старался вспомнить, на чем он должен сосредоточиться.

Ураган. Да, именно — ураган! Только сейчас Фаркар сообразил, что скорее всего он допустил где-то в расчетах серьезную ошибку. Он рассчитал, что ураган накроет Кейп-Гаттерас, а ничего подобного не произошло. Вместо этого, образовавшаяся над восточным побережьем область высокого давления оттесняла ураган к северу, так что курс его проходил над океаном. И что совсем уж паршиво, ураган стремительно набирал скорость после того, как сделал в своей траектории заворот: теперь он шел прямиком на «Титаник», причем скорость урагана уже достигала сорока пяти узлов.

Увидев зарождение урагана на снимках со спутника, Фаркар тщательно изучал всю информацию, которую поставлял Центр НУМА в Трампе. Уж столько лет он профессионально занимался метеорологией, однако вся его прошлая жизнь не представила ни одного прецедента подобного рода. Чтобы ураган генерировал с такой стремительностью, чтобы он так набирал скорость — о подобных случаях Фаркару даже слышать не доводилось.

Ураган в мае?! Это было немыслимо. Слова, сказанные в разговоре с Питтом, не давали ему покоя. Что он сказал? Только Господь может устроить шторм… Внезапно Фаркар ощутил слабость в коленках, его лицо моментально покрылось каплями пота, руки нервно сжимались в кулаки.

— Боже, не оставь «Титаник» и на этот раз, — прошептал метеоролог, — Господи, только ты один можешь спасти теперь… Никто, кроме тебя, Господи…

Глава 56

Два принадлежащие военно-морскому флоту Соединенных Штатов судна-буксировщики «Томас Дж. Морз» и «Самуэл Р. Уоллес» прибыли на место

точно в 15.00 и принялись медленно кружить возле «Титаника». Огромные размеры лайнера и странная, даже пожалуй — потусторонняя аура вокруг корабля действовали на моряков впечатляюще: команды обоих буксировщиков чувствовали явное благоговение и некоторый страх перед океанским монстром, еще несколько часов тому назад лежавшим на глубине трех миль. Сходные ощущения сутками ранее испытали аварийщики с «Каприкорна», равно как и все прочие специалисты, принимавшие участие в операции по спасению «Титаника».

После получасовой визуальной инспекции состояния корабля оба буксировщика пошли курсом, параллельным «Титанику», тяжело разрубая мощные волны. Затем поступила команда «стоп машина». Почти в унисон с обоих буксировщиков были спущены на воду катера. Капитаны подошли к борту «Титаника», откуда уже свисали гостеприимно развевавшиеся трапы.

Лейтенант Джордж Апхилл с «Морза» был низкорослый, полный, краснолицый мужчина, на лице которого выделялись роскошные, а-ля Бисмарк, тщательно ухоженные усы. Рост его коллеги с «Уоллеса» лейтенанта Скотти Бутеры был шесть футов шесть дюймов, нижнюю часть лица закрывала великолепная черная борода. Про этих капитанов уважительно говорили, мол, им палец в рот не клади. Они принадлежали к породе закаленных морских волков, прошедших огонь, воду, медные трубы, выходивших победителями из труднейших ситуаций. В голосе капитанов, в их манере жестикулировать чувствовалась сила, властность, умение командовать людьми, то есть все основные качества профессионального моряка-аварийщика.

— Вы даже не представляете, джентльмены, как мы рады видеть вас, — воскликнул Ганн, пожимая руку сначала одному, затем другому. — Адмирал Сэндекер и господин Дирк Питт, наш директор по спецпроектам, вас ожидают. Позвольте пригласить вас в наш импровизированный оперативный штаб, прошу прощения за несколько высокопарное обозначение того места, куда мы сейчас идем…

Оба капитана двинулись вслед за Ганном вверх по трапу, затем через шлюпковую палубу. Тот и другой были впечатлены размерами и степенью разрушений на «Титанике», этом некогда красивейшем корабле. Когда все трое вошли в гимнастический зал, Ганн представил гостям собравшихся.

— Это похоже на сон. Пока шел, щипал себя всю дорогу, — признался Апхилл. — В самых смелых мечтах никогда не представлял себя гуляющим по палубе легендарного «Титаника».

— Примерно то же самое испытывал и я, — поддержал своего коллегу Бутера.

— Конечно, при иных обстоятельствах мы проводили бы вас и показали вам корабль, — сказал Питт, — однако ситуация складывается таким образом, что нельзя терять ни минуты. Каждая потерянная минута увеличивает для «Титаника» риск вновь оказаться там, где корабль пробыл без малого восемьдесят лет, то есть на океанском дне.

Адмирал Сэндекер жестом пригласил всех занять места за длинным столом с разложенными на нем картами воздушных фронтов, диаграммами, графиками. Поверх всех этих бумаг уже были расставлены и заманчиво дымились чашки только что сваренного ароматного кофе.

— Самая главная проблема в данную минуту — это погода, — объявил Сэндекер. — Наш метеоролог на «Каприкорне» вдруг возомнил себя предвестником беды…

Питт развернул еще одну карту перемещения воздушных масс и разложил ее на столе.

— Хотя отмахиваться от плохого прогноза мы также не имеем права, — сказал Питт, несколько пытаясь смягчить впечатление от слов Сэндекера. — Тем более, что погода и на самом деле резко ухудшилась за последние часы. Только за сутки барометр упал на полдюйма. Скорость ветра — четыре, направление северо-северо-восток. Тенденция усиления обозначена вполне определенно. Так что, джентльмены, ситуация и в самом деле не самая лучшая. Если только не случится какого-нибудь невероятного чуда и ураган не сделает левого виража, не уйдет на запад, то менее чем через сутки мы сможем непосредственно познакомиться с Амандой. Мы как раз оказываемся в ударном секторе.

— Ураган Аманда… — Бутера с явным уважением в голосе произнес имя урагана. — Что эта Аманда принесет с собой?

— Джон Фаркар, наш метеоролог, считает, что нынешний ураган чудовищной силы, — Питт ответил Бутере. — В эпицентре ветер уже достигает пятнадцати единиц по шкале Бофора.

— Пятнадцати, ты говоришь? — переспросил Ганн в явном недоумении. — Что-то невозможное… Насколько я знаю, у самых мощных ураганов скорость не превышает двенадцати единиц по шкале Бофора… Что же, в таком случае, могут означать пятнадцать единиц?!

— Что ж, джентльмены, я не склонен совершенно исключать возможность, что самые жуткие опасения аварийщиков могут иногда сбываться. Кто знает, может, мы сейчас как раз такой случай. Если так, то будет чертовски обидно столько сил затратить на извлечение «Титаника» — и только лишь для того, чтобы через двое суток потерять корабль, причем и на этот раз — по прихоти судьбы. — Он хмуро посмотрел в глаза сначала Апхилла, затем Бутеры. — Так что, джентльмены, не исключено, что все ваши усилия, весь ваш путь сюда окажутся напрасными. Думаю, что в создавшихся условиях лучше всего вам было бы вернуться на свои корабли и с максимальной скоростью, каковую могут развить ваши моторы, уйти из опасного района подобру-поздорову…

— Уйти?! — воскликнул Апхилл. — Да ни за что на свете. Мы только что пришли сюда, и пришли для того, чтобы заняться делом, чтобы окончательно довести операцию по спасению «Титаника» до логического завершения. Пусть кто другой уходит, а мы отсюда одни никуда не уйдем.

— Как раз это я и собирался сказать, — поддержал его Бутера. — Просто мой коллега сказал это короче и лучше, чем сумел бы я. — При этих словах Бутера посмотрел на Сэндекера и неожиданно улыбнулся своей широкой спокойной улыбкой уверенного в себе капитана. — «Морз» и «Уоллес», если хотите знать, это такие замечательные буксировщики, что если их прицепить к авианосцу, то они вполне смогут отбуксировать и авианосец, будь вокруг хоть шторм, хоть даже торнадо. Они сконструированы прямо-таки на удивление… Абсолютно любую непогоду выдерживают, да еще и работаю т в сложных условиях за милую душу. Так что помяните мое слово. Нам бы только как следует захватить «Титаник» тросами. А уж если ваш корабль будет у нас на буксире, то никакая Аманда, поверьте, вам не страшна. Мы вас просто так не отдадим, не надейтесь, джентльмены…

Тащить сорокапятититысячетонный лайнер в ураган с силой ветра до сорока пяти узлов — это, скажу вам, та еще работенка, — протянул Сэндекер. — Так что, прежде чем хвастаться, я бы на вашем месте хорошенько продумал исходные данные.

— А никто и не думал хвастаться, — с присущей ему невозмутимостью ответил Бутера. — Мы для начала перекинем трос с кормы «Морза» к носовой части «Уоллеса». Это удвоит нашу мощность. И тогда мы сможем тащить «Титаник», как два локомотива тащат грузовой состав по железной дороге. Тандем, джентльмены, это великая штука…

— При этом скорость у нас будет не менее пяти-шести узлов, — добавил со своего места Апхилл.

Сэндекер внимательно посмотрел на двух капитанов и счел за лучшее не перечить.

Бутера меж тем говорил:

— Хочу заметить, адмирал, что в нашем распоряжении не какие-нибудь ржавые посудины, которые буксируют корабли в гаванях. Речь идет о глубоководных, рассчитанных на работу в условиях океана аварийных буксировщиках длиной двести пятьдесят футов. На каждом стоит движок в пять тысяч лошадиных сил. Причем, скажу вам, такие стоят у нас дизеля — что пальчики оближешь. С помощью таких дизелей можно тащить двадцатитысячетонные корабли со скоростью до десяти узлов. Горючего хватает на десять тысяч миль. Как это вам, а? Если и есть какие-нибудь два буксировщика, способные в условиях сильного урагана тащить ваш достопочтенный «Титаник» в Нью-Йорк, — так это «Морз» и «Уоллес».

— Мне очень приятно слышать ваши уверения, капитан, — сказал Сэндекер, — однако вынужден повторить, что мне и после ваших слов ситуация представляется чрезвычайно сложной. Беря в этих условиях «Титаник» на буксир, вы неминуемо подвергаете риску ваши корабли и всех ваших парней. С этим тоже приходится считаться, согласитесь. Думаю, что наилучший вариант — дать возможность «Титанику» дрейфовать без посторонней помощи. Будем надеяться на лучшее. А что касается вас, джентльмены, то позвольте вас поблагодарить за готовность

помочь, разрешите выразить самые искренние чувства восхищения… ну, и кроме того, я уполномочен приказать вам следующее. Отправляйтесь на свои суда, врубайте полный вперед и немедленно уходите в безопасный район.

Апхилл обменялся с Бутерой моментальными взглядами.

— Скажи мне, капитан, — обратился он к Бутере, — случалось ли тебе до сегодняшнего утра не исполнять приказы, исходящие от человека в звании адмирала?

— С сегодняшнего утра? — уточнил Бутера и наморщил для пущей значительности лоб, словно вспоминая, было ли сегодня что-нибудь подобное. — Во всяком случае, с тех пор, как позавтракал, такого вроде бы не случалось… Не стану уверять, но вроде и не случалось…

— Но уж если вам и впрямь так хочется быть с нами, — сказал быстро оценивающий ситуацию Питт, — мы, пожалуй, будем только рады, что в нашем полку прибыло.

— Можете считать, что в вашем полку действительно прибыло, — уверил его Бутера. — Кроме того, когда адмирал Кемпер посылал нас сюда, он сказал, что в случае, если нами не будет доставлен «Титаник» в целости и сохранности в гавань нью-йоркского порта, мы можем распрощаться с морской карьерой навсегда. Именно так, насколько я припоминаю, и выразился адмирал Кемпер. Из двух вариантов я выбираю буксировку «Титаника» в Нью-Йорк.

— Но это уже буквальный мятеж, — не без некоторого удовлетворения в голосе протянул Сэндекер. По его лицу было видно, что ответ капитанов пришелся ему по душе. Он внимательно оглядел всех присутствующих. — Значит, бунт на корабле? Что ж… О’кей, джентльмены, будем считать, что вы сами выбрали свою судьбу. Не уверен, что выбор ваш безупречен. Возможно, это означает — пойти вместе с нами ко дну. Однако будем считать, что выбор сделан. В таком случае здесь нам и вам в том числе делать больше нечего. Допивайте кофе и давайте займемся каждый своими профессиональными обязанностями. Если решили спасать «Титаник» и дальше, будем его спасать.

Капитан Иван Пароткин стоял возле переходного мостка левого борта. Держась одной рукой за поручень, он в бинокль разглядывал небо.

Капитан «Михаила Куркова» был мужчиной среднего роста с умным выразительным лицом, на котором практически никогда, даже в часы отдыха, не появлялось улыбки. Было ему под шестьдесят, однако в поредевших волосах не было еще и намека на седину. Теплый свитер плотно облегал торс и шею; на ногах были теплые шерстяные брюки и утепленные сапоги.

Первый помощник капитана коснулся руки Пароткина и, сумев, таким образом, привлечь к себе внимание, указал рукой на небо. С северо-востока появился мощный четырехмоторный бомбардировщик стратегической авиации и стал быстро приближаться, увеличиваясь в размерах. Через стекла своего бинокля

Пароткин сумел разглядеть советские опознавательные знаки. Воздушный гигант, казалось, еле-еле движется и если не падает при такой ничтожной скорости в океан, то происходит это каким-то чудом. Внезапно под фюзеляжем черным прямоугольником обозначился люк, там что-то мелькнуло — и от медленно проплывающего бомбардировщика отделилась темная точка. Через несколько мгновений точка распустилась парашютом. Парашют начал медленный спуск в направлении корабля «Михаил Курков». Десантник, очевидно, рассчитывал приземлиться возле самого корабля, однако его немного отнесло в сторону от правого борта.

С «Михаила Куркова» тут же был спущен катер, который стремительно заплясал на гороподобных отлогих волнах.

Пароткин обернулся к первому помощнику:

— Как только его доставят на борт, проводи, пожалуйста, капитана Превлова ко мне в каюту. — Положив бинокль, капитан направился в сторону двери.

Буквально минут через двадцать замполит постучался в полированную дверь красного дерева, открыл ее и чуть отошел в сторону, пропуская в каюту гостя в мокрой насквозь одежде.

— Капитан Пароткин.

— Очень приятно. Капитан Превлов.

Несколько секунд мужчины изучающе рассматривали друг друга. Каждый понимал, что перед ним — профессионал. Некоторое преимущество Превлова заключалось в том, что ему дали возможность ознакомиться с послужным списком Пароткина. У капитана корабля такой возможности не было, и ему приходилось полагаться только на свою профессиональную наблюдательность. Вид Превлова не произвел приятного впечатления. Слишком гладкое, сытое лицо Превлова, лисий огонек в глазах — все это не вызывало симпатии и уж тем более доверия.

— У нас очень мало времени, — сказал Превлов. — Если мы можем прямо перейти к цели моего визита… Пароткин поднял руку.

— Все по порядку. Сначала переоденетесь и выпьете горячего чаю. У доктора Роговского — руководителя нашего научного совета — как раз ваш рост и размер.

При этих словах стоявший у двери замполит понимающе кивнул и вышел, закрыв за собой дверь.

— Ну и… — начал Пароткин. — Уверен, что сотрудник вашего ранга и вашего опыта прибывает на корабль отнюдь не для того, чтобы изучать особенности распространения урагана.

— В некотором смысле, вы правы. Скажите, вот вы заговорили про чай. А нет ли на вашем корабле чего-нибудь покрепче?

Пароткин отрицательно покачал головой.

— Прошу извинить, капитан. Когда я отправляюсь в рейс, то принципиально отказываюсь брать с собой хоть каплю спиртного. Не стану вас уверять, что команде эта моя привычка особенно по душе, однако отсутствие спиртного на борту имеет свои определенные преимущества.

— Адмирал Слоюк охарактеризовал вас как образец исполнительности.

— Не искушай судьбу.

Превлов расстегнул «молнию» парашютного комбинезона, он упал на пол.

— Боюсь, что вам придется изменить своему правилу, капитан. Мы, вы и я, намерены искушать судьбу, как никогда прежде ее не искушали.

Глава 57

Питт чувствовал себя словно на одиноком необитаемом острове, стоя на мостике «Титаника» и с болью в сердце наблюдая, как суда, еще недавно принимавшие самое деятельное участие в операции по спасению «Титаника» уходили в безопасные районы акватории к западному горизонту.

Последней в цепи кораблей уходила «Альгамбра». Сигнальным прожектором капитан «Альгамбры» просемафорил «счастливо оставаться» и «удачи». Когорта журналистов в последний раз направляла свои кинотеле — и фотообъективы в сторону «Титаника», эти кадры могли стать последними, запечатлевшими лайнер. Напрягая зрение, Дирк Питт вглядывался в толпу, пытаясь найти Дану Сигрем в толпе, но из-за плохой видимости не сумел разглядеть ее.

Питт, не отрываясь, следил за удаляющимися кораблями до тех самых пор, пока их силуэты не превратились в небольшие черные точки на горизонте. Только ракетный крейсер «Жюно» да «Каприкорн» оставались возле «Титаника», однако «Каприкорн» лишь дожидался, когда оба капитана буксировщиков дадут знак, что у них все готово, и тогда «Каприкорн» последует за ушедшими судами.

— Господин Питт?

Обернувшись, Питт увидел мужчину с мятым бледным лицом и фигурой, которая напоминала пивную бочку.

— Я шеф-повар Баском с «Уоллеса». Прибыл с двумя парнями, чтобы скоренько закрепить тут у вас конец троса.

Питт дружелюбно улыбнулся.

— Готов спорить, что тебя прозвали Дурной Баском.

— Так это ж за глаза. Прозвище тянется за мной еще с тех самых пор, когда ни о каком плавании я даже не мечтал, а только-только открыл свой бар в Сан-Диего. — Баском пожал плечами. Потом прищурился. — А как вы угадали?

— Капитан Бутера мне так красочно рассказывал про тебя… Заглазно аттестовал, что называется.

— Да, капитан мировой мужик.

— Сколько, ты полагаешь, уйдет времени на трос?

— Дадите вертолет, так при определенной удаче в час уложимся.

— С вертолетом никаких проблем, ради Бога. Тем более, что он принадлежит военным морякам. — Питт повернулся и посмотрел в сторону «Уоллеса», который под управлением капитана Бутеры медленно пятился в сторону «Титаника», между бортами обоих кораблей оставалось не больше сотни футов. — Насколько я понимаю, ты собираешься захватить вертолетом наш конец троса и с «Уоллеса» перебросить его на «Титаник»?

— Да, сэр, именно так, — ответил Баском. — Трос-то десять дюймов в диаметре, каждые семьдесят футов троса весят тонну. Так что, это перышко — еще то, что называется. Когда достаточно времени, и буксировать приходится мелкие суда, мы забрасываем на борт судна, которое берем на буксир, тонкий трос. К нему привязываем потолще, потом еще толще, к которому, в свою очередь, цепляем настоящий трос, за который будем тащить. Но для такой работы нужна электролебедка, а то и не одна. Ну а поскольку времени у нас в обрез, людей мало, то мы и решили пойти по пути наименьшего сопротивления. Нет смысла пополнять ряды пациентов с грыжей в лазарете.

Однако несмотря на помощь вертолета Баскому и его парням пришлось попотеть, пока они укрепили трос. Плавно нажимая на рычаги, летчик, показывая прямо-таки чудеса пилотажа, зацепил приготовленный на «Уоллесе» конец троса, перенес его над бушующим океаном и опустил на палубу «Титаника». Внешне это все напоминало цирковой номер, но отнюдь не филигранно исполненное задание. С того момента, как Стерджис сел в пилотское кресло вертолета, прошло только пятьдесят минут до момента, когда второй конец был закреплен на носу «Титаника», а вертолет отправился на «Каприкорн».

Стоя у самого борта, Баском несколько раз взмахнул рукой, давая понять, что трос закреплен и его часть работы исполнена.

Капитан Бутера с «Уоллеса» принял этот сигнал и просигналил в свою очередь корабельным гудком. Тотчас же он отдал в машинное отделение команду «самый медленный вперед». То же самое сделал вслед за Бутерой и капитан Апхилл. Оба буксировщика начали осторожное вывеременное движение. «Уоллес» при помощи трехсотфутового троса увлекал за собой «Морз», а оба буксировщика на тросе в четверть мили длиной увлекали за собой «Титаник», который, подобно черной горе, поднимался и опускался на волнах.

Главный трос вышел из воды, прогиб его делался все меньше, наконец трос натянулся, как струна. По сигналу капитана Бутеры матросы зафиксировали трос со своей стороны.

С борта «Титаника» оба буксировщика казались игрушечными корабликами на фоне безбрежного кипящего океана. Иногда за огромными волнами скрывался то первый, то второй буксировщик. Казалось невероятным, что две хрупкие

скорлупки могут тащить за собой сорокапятитысячетонную громадину. Однако как бы там ни было, а метр за метром, фут за футом «Морз» и «Уоллес», сложив свои десять тысяч лошадей, принялись тащить за собой «Титаник».

Лайнер двигался еле-еле. До Нью-Йорка по-прежнему было двенадцать тысяч миль на запад. Однако куда важнее был тот факт, что с той холодной ночи 1912 года лайнер впервые продолжил свое движение в направлении порта.

Зловещие тучи медленно ползли по небу, пока не затянули весь южный небосклон. Надвигался фронт урагана. Питт неотрывно всматривался вдаль, буквально на глазах цвет воды становился все более и более темно-серым, усиливался ветер, менявший направление каждые несколько секунд. Все чайки, еще недавно стаями летавшие за кораблями, теперь исчезли. Единственное, что не давало Питту и команде почувствовать себя окончательно покинутыми в этом зловещем бушующем океане, — был вид ракетного крейсера «Жюно». Крейсер держался от них на расстоянии пяти миль, не увеличивая и не сокращая эту дистанцию.

Питт посмотрел на циферблат ручных часов, затем перевел взгляд за борт и после этого ленивой прогулочной походочкой направился в сторону двери в гимнастический зал.

На пороге ему встретился Джиордино.

— Ну что, разбойники, все тут, что ли?

— Молодые люди нервничать изволят, — сказал Джиордино, стоя напротив вентилятора и безуспешно пытаясь уворачиваться от струи прохладного воздуха. — Не будь тут адмирала Сэндекера, все парни давно бы уже взбунтовались и у тебя был бы самый что ни на есть форменный мятеж.

— Ладно болтать-то. Все на своих местах?

— Как один.

— Уверен?

— Так точно. — Докладывал начальник тюрьмы Джиордино. — Ни один из заключенных не выходил, даже по-маленькому.

— Тут все нормально?

— Идеально. А как там наши гости? — поинтересовался в свою очередь Джиордино.

— Обыкновенно. Не угодить: то им недостаточно тепло, то кондиционер слишком сильно работает. В таком вот духе.

— Понятное дело.

— Ты бы сходил к ним на корму, развлек бы парней, тем более что у тебя, как я вижу, вполне игривое настроение.

— Как это я их развлеку?

— Ну, я не знаю… Анекдотов парочку расскажешь… Иди, на месте сориентируешься.

Джиордино, изобразив обиду и бормоча что-то себе под нос, отправился исполнять приказание. На палубе уже сгущались сумерки, наступившие раньше из-за того, что небо было плотно затянуто тучами.

Еще раз взглянув на часы, Питт распахнул дверь и вошел в гимнастический зал.

Всего три часа назад буксировщики принялись тянуть лайнер. То, что совсем еще недавно представляло собой новацию и вызывало всеобщий ажиотаж, теперь, по прошествии трех часов, сделалось рутиной. Сэндекер и Ганн, склонившись над рацией, переговаривались с находящимся за пятьдесят миль от них на «Каприкорне» Фаркаром, который сообщал самые последние сведения о приближении урагана Аманда. Все остальные члены команды сгрудились в полукруглой части зала возле маломощной печурки.

Все подняли глаза на Питта, причем в каждом взгляде было желание услышать какую-нибудь приятную или хоть немного успокаивающую новость. Все разговоры прекратились, так что Питт был вынужден хоть что-то сказать всем этим людям.

Питт заговорил, и его голос прозвучал нарочито спокойно и уверенно — на фоне всеобщей тишины и тихого потрескивания генератора.

— Приношу извинения, джентльмены, что заставил себя ждать. Я полагал, что крепкий кофе несколько взбодрит нас, придаст сил, потому и не торопился.

— Слушай, нельзя ли покороче? — прервал его Спенсер, в голосе которого явно слышалось плохо скрытое раздражение. — У всех полно работы, и тем не менее, мы уже полчаса ждем тебя. Что случилось?

— Все просто. — Ясным голосом сказал Питт. Через несколько минут лейтенант Стерджис посадит на палубу «Титаника» свой вертолет. Посадит в последний раз. Через несколько минут начнется шторм. За исключением меня и Джиордино, я хочу, чтобы вы все, включая вас, адмирал, вернулись на «Каприкорн» на вертолете.

— Питт, не превышаешь ли ты свои полномочия, — сказал Сэндекер, подавляя раздражение.

— Да, сэр, до некоторой степени. Однако мне кажется, что у меня есть некое моральное право поступать именно таким вот образом.

— Объяснись, — приказал Сэндекер, вид у которого в тот момент был весьма воинственным. Адмирал старательно играл свою роль, проявляя более чем явные актерские задатки.

— Дело в том, джентльмены, что в моем распоряжении имеются данные, которые позволяют мне заключить, что «Титаник» не сможет выдержать ураган, движущийся на нас. Этот ураган обладает слишком большой разрушительной силой.

— Что правда, то правда, это корыто со времен египетских пирамид выдержало такие нагрузки, которые не доводилось выдерживать более ни одному рукотворному объекту, — заметил Спенсер. — А теперь, господа, великий предсказатель будущего Дирк Питт смеет уверить достопочтенную публику в том, что после всего, что «Титанику» довелось испытать, лайнер спасует перед каким-то вшивым штормом и при первом же ударе урагана отправится на дно.

— Я формулирую несколько иначе. Я лишь хочу сказать, что нет решительно никаких гарантий, что «Титаник» во время шторма не пойдет ко дну. Вот как я сказал бы, — произнес Питт. — В любом случае, поскольку существует реальная опасность, мне кажется целесообразным и логически оправданным сократить число потенциальных жертв до минимума. Лишние жертвы после всего, что мы сумели сделать, нам решительно ни к чему: я настолько в этом убежден, что не буду даже и обсуждать сей тезис.

— Постой-ка, постой… — сказал Драммер. — Значит, если я сейчас тебя правильно понял, все наши усилия коту под хвост?! Несмотря на то, что мы сделали за эти девять месяцев, поджать хвосты и убраться в безопасную кают-компанию «Каприкорна», так получается, что ли?! — В состоянии бешенства орлиный профиль Драммера казался еще более грозным. — Значит, все мы убираемся на «Каприкорн», пережидаем там ураган, а вы двое будете тут, а? Я правильно тебя понял?

— Ты великолепно понял меня, Драммер.

— С ума ты спятил, мне кажется.

— Да ведь это и невыполнимо в самом буквальном, в практическом отношении, — подал свой голос Спенсер. — Ведь только для обеспечения бесперебойного функционирования всех дизельных помп требуется четыре человека.

— И кроме того, — сказал Ганн, — в ближайшие часы, как только шторм начнет болтать «Титаник», в корпусе ниже ватерлинии могут во множестве открыться новые трещины и вообще все, что угодно. Никто не скажет сейчас наверняка, как именно поведет себя корабль в экстремальных условиях.

— Ох, Господи ты Боже… — протянул Драммер. — Почему-то все, кто метит в герои, мыслят абсолютно одинаково. Всякий раз они подают ценные идеи под предлогом спасения всех остальных. Во-первых, кто и когда говорил, будто кроме такого-то и такого-то всех остальных нужно спасать?! Я, например, никогда никому не говорил, будто меня требуется спасать. Это — раз. И во-вторых. Все-таки, не будем забывать, что какие бы замечательные люди тут не оставались, но физически два человека не могут управиться с такой махиной, как «Титаник». Спенсер тут сказал, но как-то на его слова мало внимания обратили. А ведь сказал

он совершенно правильно. Не смогут двое справиться со всем оборудованием. Так что я вношу предложение: не суетиться, не дергаться, всем оставаться на местах и заниматься своей работой. Господь, он ведь тоже милостив. Я буду настаивать на этом предложении.

Спенсер внимательно изучил лица всех шестерых человек, входящих в команду. Все они смело посмотрели на него; у всех от усталости и перенапряжения были измученные лица и покрасневшие глаза. Все, как по команде. согласно кивнули, выражая солидарность с Драммером. Спенсер обернулся к Питту.

— Извини, наш достопочтенный лидер и вожак, но дело в том, Спенсер и его банда водососных специалистов единогласно приняли решение оставаться на своих местах и выполнять свою работу.

— И я тоже, — откликнулся молчавший все это время Вудсон.

— Я с парнями, — сказал Ганн.

Шеф Баском тактично коснулся рукой плеча Питта.

— Вы уж извините нас великодушно, только я с моими парнями, мы присланы сюда, чтобы помогать вам, и мы намерены вам помогать до того самого момента, пока не завершится вся эта экспедиция. Тем более, что по буксированию кроме нас тут нет специалистов, а буксировка, скажу вам по секрету, это очень сложная работа, ведь за тросом нужно все время следить. Глаз да глаз, так сказать. Как только шторм начнется, мы с коллегами будем каждый час проверять, не протерся ли буксировочный трос в местах, где он касается металла, нет ли на тросе «барашков». И потом, кто кроме нас умеет смазывать трос, а? Вот то-то и оно. Так что мы с парнями остаемся.

— Так что извини, Питт, мой дорогой, — сказал Сэндекер, не скрывая своего торжества по поводу обсуждения проблемы. — Извини, на сей раз ты проиграл.

Послышался приближающийся шум вертолета, который умелой рукой Стерджиса был мягко посажен на палубу «Титаника».

Питт пожал плечами и сказал, обращаясь ко всем присутствующим в гимнастическом зале:

— Ну что ж, раз вы такие все умные, раз вы все уже решили, пусть так и будет. Потонем — так вместе. Будем плавать — опять-таки вместе, а вместе, как известно, плавать всегда веселее, — он устало улыбнулся. — Советую всем до начала шторма хорошенько перекусить. И попытайтесь отдохнуть, а еще лучше — вздремнуть. Нам всем предстоят не самые легкие часы. Может, будем спать в последний раз. Через несколько часов здесь будет Аманда, и мы как раз окажемся на линии ударной волны. А о последствиях я и говорить не буду. Все всё увидят, прогнозы тут ни к чему.

С этими словами Питт повернулся на каблуках и вышел из зала, направившись прямиком в сторону импровизированной вертолетной площадки. «Что ж, — думал

Питт, — кажется, удалось сыграть недурную сцену. Все-таки, что там ни говори, а в каждом человеке сидит лицедей. Конечно, за это представление мне едва ли дадут театральную премию, однако не следует сбрасывать со счетов тот факт, что я сумел полностью подчинить себе аудиторию. Это чего-нибудь да стоит…»

Джек Стерджис был щуплым низкорослым мужчиной с вечно грустными глазами, какие очень нравятся сексуально озабоченным женщинам. Стерджис курил сигареты, засовывая их в длинный мундштук, который предпочитал не выпускать из зубов. Он также имел привычку выпячивать подбородок — поскольку давным-давно кто-то сказал, что с выпяченным на этакий вот манер подбородком он напоминает Франклина Рузвельта.

Стерджис только успел вылезти из своей машины, когда на площадку пришел Питт.

Стерджис вопросительно посмотрел на Питта и спросил:

— Будут какие пассажиры, нет?

— На сей раз нет.

Стерджис вместо ответа этаким мужественно-безразличным жестом сбросил пепел сигареты.

— Я так и думал, когда сюда летел, что лучше всего было бы мне оставаться в теплой уютной кабине на «Каприкорне», — он горестно вздохнул. — Ведь летать перед самым носом у мощного урагана — много ума не надо. А разбиться я еще успею, сколько угодно возможностей у меня будет.

— Слушай, отправляйся-ка ты назад, — сказал Питт. — Ветер крепчает. С минуты на минуту можно ожидать прибытия Аманды.

— Плевать, — Стерджис безразлично пожал плечами. — Тем более что я все равно никуда не полечу отсюда.

Питт недоумевающе посмотрел на него.

— Я что-то не пойму…

— А чего тут понимать? С меня хватит. Как в подобных случаях принято говорить — отлетался, — он рукой указал на лопасти подъемного винта. Одна из лопастей была переломлена, и загнутый кусок беспомощно свисал вниз, как перебитая в запястье рука. — Не понравилось вертолету летать в такой ветер, что ты с этим поделаешь…

— Это что же, ты зацепил, когда садился сейчас сюда?

Лицо у Стерджиса сделалось обиженным, отчего сам он стал похож на взрослого ребенка.

— Я уже однажды, насколько помню, тебе говорил и могу еще раз повторить, что в отличие от многих других, лично я винтом своей машины посторонних

предметов не цепляю. Это понятно? — нагнувшись, он заглянул под брюхо своей машины, стремительно нырнул и когда распрямился, в руках у Стерджиса была любопытная находка. — Полюбуйся, какой-то сукин сын сунул в винт вот этот молоток.

Питт взял в руки молоток и внимательно исследовал его. Обтянутая слоем резины, рукоятка была повреждена в том самом месте, где молоток соприкоснулся с винтом.

— После всего, что я сделал для тебя и твоих парней, — сказал Стерджис, — этаким-то образом меня отблагодарили.

— Извини, конечно, Стерджис, если тут вообще уместно подобное слово. Только я был бы тебе бесконечно благодарен, если бы ты на некоторое время перестал играть в ушлого детектива. В том, что ты мне только что сказал, начисто отсутствует здравый смысл. К сожалению, великого детективного аналитика из тебя не получится. Ты склонен доверяться первому эмоциональному порыву.

— Может, хватит, Питт? Каким бы аналитиком я ни был, однако знаю, что сами по себе молотки в ветреную погоду не летают, что бы и кто бы мне сейчас ни доказывал. А если я все-таки получил молоток в винт, это значит, что кто-то из твоих молодцов этот самый молоток мне швырнул, когда я садился на палубу.

— И опять ты не прав. Я могу с уверенностью сказать, что в последние минуты знал о местонахождении всех членов моей команды. В последние десять минут никто из них не был и быть не мог даже поблизости от места посадки. Так что кто бы там ни был твоим врагом, ты привез его с собой, нравится тебе это или нет…

— Ты что же, держишь меня за совершеннейшего идиота?! Или ты хочешь сказать, что я привез с собой пассажира, не зная об этом? Подумай сам, в конце-то концов это или безумие, или самоубийство: ведь если бы этот молоток швырнули на несколько секунд раньше, когда я еще только подлетал к кораблю, то вся твоя команда могла бы увидеть, как из меня и моей машины получилась лепешка.

— Неправильно ты определил, — прервал его Питт. — Не обычный пассажир, а «заяц». И он, как и ты, не сумасшедший. Он дождался, когда колеса машины коснулись палубы — и только в этот момент совершил свое подлое дело, после чего немедленно удрал через грузовой люк. Я даже не представляю, куда сейчас он мог улизнуть и где прячется. Мы физически не можем обшарить тысячи метров неосвещенных коридоров, переходов, десятки тысяч темных углов и разных закоулочков.

Лицо Стерджиса вдруг побледнело.

— Нет же, — воскликнул он, — этот гад еще в машине!

— Не смеши меня, ради Бога. Ты едва коснулся палубы, как он уже удрал из вертолета.

— Я готов поверить, что кто-то сумел незаметно швырнуть молоток в круг винта, но выбраться из машины и незаметно улизнуть — это дело куда более сложное.

— И что же ты хочешь сказать? — медленно и негромко спросил Питт.

— Дверца грузового отсека управляется с помощью бортовой электроники. До тех пор, пока не послан сигнал со щитка пилота, этот люк вообще не открыть. Вот как раз это я и хочу тебе сказать.

— А другие выходы?

— Есть лишь дверь в измерительный отсек, где приборы.

Питт некоторое время рассматривал наглухо задраенную дверцу грузового отсека, затем повернулся к Стерджису и посмотрел на него ледяными глазами.

— Не гостеприимно все это получается. Прибыли гости и сидят взаперти. Думаю, самое время выпустить их на свежий воздух, пускай подышат…

Стерджис прирос к палубе при виде того, как Питт вытащил кольт сорок шестого калибра с массивным глушителем на конце ствола.

— Ну… ну… раз уж ты считаешь, — попытался сформулировать некую мысль Стерджис.

Он забрался в кабину, сел на свое пилотское место и повернул какой-то тумблер. Послышался мягкий звук заработавшего электромотора, и массивная, семь футов на семь, дверь отсека отошла от фюзеляжа, поднялась вертикально и застыла над корпусом машины. Прежде, чем фиксирующие замки щелкнули, Стерджис был уже на палубе, отгороженный от зловещего грузового зева лишь массивной фигурой Питта.

В течение нескольких секунд после того, как люк открылся, Питт не спешил приблизиться к машине, стоял и ждал. Стерджису показалось, что прошла целая вечность; пилот старался не дышать — он целиком обратился в зрение и слух. Слышны были только шлепки океанских волн, ударявших в массивный борт «Титаника», да ветер противным баском гудит в корабельной надстройке. Из-за двери гимнастического зала доносился едва различимый перелив нескольких одновременно звучащих мужских голосов. Не услышав ожидаемых скрипов, шороха одежды или каких-либо иных звуков, которые выдали бы присутствие в отсеке человека, Питт ловко забрался внутрь.

Слабый внешний свет здесь переходил в полутьму. Питту было не по себе при мысли, что его фигура великолепно очерчена на фоне светлого дверного проема. При первом взгляде ему показалось, что отсек совершенно пуст. В этот момент кто-то сзади осторожно похлопал его по спине. Резко обернувшись, Дирк Питт увидел, как Стерджис молча протягивает руку, указывая на брезент, в котором при желании могла быть увидена человекоподобная фигура.

— Час назад перед вылетом я самым аккуратнейшим образом сложил этот брезент, — шепотом произнес пилот.

Нагнувшись, Питт одним резким движением левой руки дернул брезент на себя. Правой рукой он направлял кольт на угадываемую человеческую фигуру.

На полу грузового отсека, как Питт и предполагал, лежал человек. На нем была теплая всепогодная куртка. Глаза у мужчины оказались приоткрыты, выдавая состояние комы; создавалось впечатление, что состояние это было неким образом сопряжено с большой кровавой ссадиной чуть ниже линии волос.

Стерджис стоял, не в силах пошевелиться. Он только шумно дышал да часто моргал, пытаясь получше разглядеть в густеющих сумерках жуткую картину. Пилот в недоумении почесал подбородок и отчетливо покачал головой, давая тем самым понять, что представшая перед глазами сцена решительно не укладывается у него в голове.

— Боже ты мой, — протянул едва различимым шепотом Стерджис. — Ты хоть знаешь, кто это такой?

— Более чем хорошо знаю, — ровным голосом сказал Питт. — Эту женщину зовут Дана. Дана Сигрем.

Глава 58

Внезапно небо над палубой «Михаила Куркова» вдруг сделалось очень темным. В вышине медленно проплывали огромные черные облака, которые, как пологом, закрыли звезды, появившиеся к этому времени над Атлантикой. Ветер вмиг сделался ураганным, скорость его перевалила за сорок миль в час. Стремительные порывы сминали и расшвыривали гребни волн, гнали обильную соленую пену на северо-восток.

В рубке управления советского судна был сущий рай:

тепло и очень уютно. Пароткин следил за изображением «Титаника» на экране радара, из-за плеча выглядывал Превлов.

— Когда я только был назначен капитаном на этот корабль, — сказал Пароткин тоном учителя на уроке перед школьниками, — я был уверен, что буду заниматься исключительно исследовательскими программами, ну, может быть, еще время от времени — инспекционной деятельностью и в тот момент не поверил бы, если бы мне кто сказал, что придется иметь дело с военными и осуществлять военные операции.

Превлов остановил жестом собеседника.

— Пожалуйста, капитан, давайте с самого начала договоримся, что ни вы, ни я не будем впредь произносить таких слов, как «военная», да вдобавок еще и «операция». Нигде и никогда. Тем более, что то небольшое, так сказать, предприятие, которое предстоит нам с вами, это ведь, по существу, вполне легальная гражданская трансакция, известная в капиталистическом мире под названием «смены руководства».

— Неприкрытое пиратство — ближе к истине, — заметил в свою очередь Пароткин. — Да и потом, если уж вы настаиваете, чтобы мы употребляли термины экономики, как тогда прикажете именовать те десять судов, которые с вашего соизволения были прибавлены к «Михаилу Куркову»? Выходит, что они — это как бы преображенные держатели акций, так, что ли?

— Лучше даже не говорить *«суда»,* поскольку суда зачастую бывают и военными, а как-нибудь помягче. Гражданские суда, например.

— Еще бы… И каждое вооружено до зубов.

— Насколько я знаю, в международном праве нет такого пункта, который бы запрещал экипажу гражданского судна иметь при себе некоторое количество вооружения.

— А если бы даже и был такой пункт, вы бы сумели, я нисколько не сомневаюсь, найти какую-нибудь юридическую лазейку, чтобы нарушить этот пункт на вполне законном, как принято говорить, основании.

— Не надо, капитан, не надо все усложнять, — Превлов дружески хлопнул Пароткина по спине. — К исходу сегодняшнего вечера мы оба уже будем Героями Советского Союза.

— Если не будем убиты, хотите вы сказать, так? — не сбиваясь на панибратский тон, официальным голосом уточнил Пароткин.

— Успокойтесь, пожалуйста, капитан. Нами разработан безукоризненный план. А тут вдобавок и сама природа пришла нам на помощь. После того, как принимавшие участие в спасении «Титаника» суда ушли, задача еще более упрощается.

— А «Жюно»? Забыли про него? Или, что же, вы полагаете, что капитан ракетного крейсера будет тактично сохранять дистанцию, спокойно наблюдая за тем, как мы с вами подходим к «Титанику», берем его на абордаж и принимаемся там все крушить?

Превлов чуть приподнял рукав и посмотрел на свои часы.

— Через… через два часа и двадцать минут ровно одна из наших атомных подводных лодок всплывет в ста милях к северу отсюда и будет передавать в эфир сигналы бедствия, назвавшись судном «Лагуна Стар». Безобидным грузовым судном сомнительного порта приписки.

— И вы уверены, что «Жюно» клюнет? Что он бросит подопечный «Титаник» и устремится на помощь неизвестно кому?

— Видите ли, капитан, вам это должно быть лучше известно. У американцев так принято. Они всегда идут на выручку, если только слышат сигналы о помощи, — сказал Превлов с чувством некоторой даже гордости, словно некоторая толика заслуги в таком поведении американских кораблей принадлежала лично ему, Превлову, капитану советской разведки. — У них развит комплекс Доброго

Самаритянина. Да, я ни на секунду не сомневаюсь, что как только «Жюно» услышит сигнал бедствия, он тут же пойдет на помощь. Крейсеру придется идти, поскольку из четырех судов, находящихся в районе, «Титаник» даже и не рассматривается: ему, дай Бог, самому не утонуть. А оба буксировщика тут едва ли будут полезны. Стало быть, остается один только «Жюно», один на триста миль в округе.

— Но ведь наша подлодка должна будет вовремя нырнуть. И не получится ли так, что «Жюно» не дойдет еще до места, а подлодка уже скроется под водой, и на радарном экране ракетоносца ничего не останется?

— Конечно же, офицеры крейсера будут уверены, что этот самый «Лагуна Стар» пошел ко дну, и тогда они лишь удвоят старания, чтобы как можно скорее прибыть на место аварии, чтобы спасти жизнь членам команды. Которой никогда в природе не существовало.

— Богатое же у вас воображение, ничего не скажешь. Я бы до такого в жизни не додумался, сказал на это Пароткин с улыбкой. — Однако и после того, как уйдет ракетный крейсер, остаются еще два буксировщика военно-морского флота Соединенных Штатов. И плюс ко всему — шторм, самый сильный в этом районе Атлантики за многие годы… И кроме того, нужно будет еще тащить и тащить этот «Титаник» к русскому берегу… Да еще все сделать гак, чтобы комар носа не подточил. Чтобы ни малейшего повода для международного скандала не возникло…

— В том, что вы сказали, капитан, четыре части… — Превлов сделал паузу, чтобы зажечь сигарету. — Первое. Оба американских буксировщика будут уничтожены двумя советскими агентами, которые уже сейчас находятся на «Титанике» под видом обычных спасателей-аварийщиков. Теперь — второе. В тот момент, когда эпицентр урагана будет точно в том районе, я перебираюсь на «Титаник» и принимаю командование кораблем. Поскольку в этом районе Атлантики сила ветра редко когда превышает пятнадцать узлов, при таком ветре и соответствующем волнении я с моими людьми сможем спокойно проникнуть внутрь через грузовой люк, который в условленное время откроет изнутри один из наших агентов. Третье. Все парни, которые пойдут со мной на «Титаник», хорошо знают свое дело, так что от нынешней команды лайнера в считанные секунды останутся только пух да перья. Мои ребята умеют работать быстро и качественно. И наконец — четвертое. Захват для всего мира будет обставлен таким образом, словно нас тут и близко не было, а американцы, решившиеся тащить корабль в шторм, просто-напросто оказались в эпицентре урагана и потеряли свой драгоценный «Титаник». По международным законам это означает, что лайнер сделался ничейным. Раз американцы его потеряли, а сами к тому же испугались и сбежали — какие могут быть к нам вопросы? Мы действовали строго в рамках правил. Пока там американский экипаж был, мы даже и близко не приближались, а как только экипаж сбежал — извините. Все по закону. Кто ж виноват, что все сбежавшие утонули. Тут мы решительно ни при чем. Закон говорит, что, кто первый подцепит брошенное судно, возьмет его на буксир, тот этим судном и распоряжается. И этаким счастливчиком будете именно вы, капитан, дорогой

товарищ Пароткин. По международному морскому праву вы имеете в такой ситуации полное право взять «Титаник» на буксир и буксировать лайнер туда, куда считаете нужным.

— Думаю, этот план осуществить нам не удастся, — сказал Пароткин. — Ведь фактически все то, что вы собираетесь сделать, на всех языках именуется массовым криминальным убийством. — В глазах его при этом был тусклый свет обреченного на неудачу исполнителя. — Скажите, а вот мне интересно бы узнать, вы разработали столь подробно один только удачный вариант или же и вариант возможной неудачи?

Превлов покровительственно взглянул на Пароткина, улыбнулся своей ледяной улыбочкой и сказал:

— Также нами просчитан и вариант возможной неудачи, товарищ Пароткин. Но давайте будем надеяться, что неудача достанется нашим противникам, тогда как нам выпадет удача. Вы меня понимаете? — Превлов пальцем показал на экран радара. — С моей точки зрения, было бы очень жаль потопить «Титаник» с его бесценным грузом на борту. Тем более, что после вторичного потопления уже никто и никогда не сможет лайнер извлечь со дна.

Глава 59

В трюме «Титаника», значительно ниже уровня поверхности океана, Спенсер и его команда водооткатчиков делали все, что было в их силах, чтобы все дизельные помпы работали бесперебойно.

Им приходилось несладко: в трюме стоял собачий холод, тут была настоящая стальная могила, без элементарных условий для работы. На все огромное помещение приходились лишь несколько портативных лампочек, так что откачивать постоянно поступавшую воду приходилось почти в темноте. Но несмотря на все это парни Спенсера молча и отчаянно трудились чтобы лайнер оставался на плаву, чтобы вода хотя бы не прибывала, а помпы не делали больших пауз в работе.

К семи часам погода ухудшилась настолько, что приближение урагана было уже вопросом времени. Стрелка барометра прошла отметку «29, 6» и продолжала падать, Началась выраженная килевая качка, осложненная креном и смещением центра тяжести судна. «Титаник» болтало из стороны в сторону и даже немного подкручивало вокруг оси. Бывали отдельные мгновения, когда при особенно сильном наклоне какая-нибудь мощная волна заливала одну из нижних палуб. Начался мелкий дождь, который в сочетании со временем суток свел видимость практически к нулю.

Моряки на буксировщиках лишь изредка могли видеть мерцание огней на большой высоте: только этими неверными вспышками огней и был сейчас обозначен гигантский «Титаник», почти полностью растворившийся в темноте.

Главное беспокойство доставлял буксировочный трос, который сразу же за кормой второго буксировочного судна исчезал в грохочущей темноте. Нагрузки,

выпадающие на трос, оказывались не в последнюю очередь за счет того, что все три судна, соединенные в гирлянду, отплясывали на волнах вразнобой. Всякий раз, когда особенно большая волна ударяла в «Титаник»", лайнер принимался артачиться, а буксировочный трос выскакивал из воды, напрягался как струна и издавал зловещий напряженный скрежет, как бы жалуясь на судьбу.

Бутера ни на секунду не покидал капитанского мостика и не прерывал связи с матросами на корме «Уоллеса», которые следили за устройством фиксации троса. Внезапно из динамика переговорного устройства, перекрывая грохот океана, донесся громкий голос:

— Капитан?

— Капитан слушает, — ответил Бутера в радиотелефон.

— Это Энсин Келли, я возле троса. Что-то происходит с системой фиксации. Странное что-то.

— Объясни, что именно, Энсин.

— Не знаю, сэр, как вам и сказать-то. Такое, знаете, ощущение, что трос сошел с ума. Или «Титаник» сошел с ума. Трос как-то подозрительно отклонился к левому борту, потом выровнялся и сразу же ушел вправо, и должен сказать, угол отклонения весьма опасный.

— Ладно, держи меня в курсе, — Бутера переключился на другой канал: — Апхилл, ты меня слышишь? Это Бутера.

Почти тотчас же на «Морзе» ответили:

— Что там у тебя?

— Знаешь, мне кажется, что «Титаник» опасно кренится на правый борт. И не просто кренится, а еще и с курса уходит.

— Ты можешь проверить местонахождение?

— Нет. Единственный критерий — это угол отклонения буксировочного троса.

В переговорах наступила пауза; Апхилл переваривал сообщенную ему информацию, прокручивал возможные варианты, затем он сказал:

— Сейчас наша скорость четыре узла. Кроме как продолжать буксирование, других вариантов у нас с тобой нет. Если мы попробуем остановиться, чтобы подождать «Титаник» и выяснить, что там с ним происходит, то на таких волнах и таком ветру лайнер может развернуться и потонуть. Очень даже запросто.

— Можешь вывести «Титаник» на свой радар?

— Увы. Минут двадцать назад в океан смыло антенну, так что теперь, увы, никакого радара у нас нет. А разве на экране твоего радара нет его?

— Ты понимаешь, после очередной волны что-то в цепи замкнулось. Так что антенна есть, радара по сути нет…

— У нас с тобой получается: слепой слепого ведет.

Бутера положил радиотелефон на место и распахнул чуть скрипнувшую дверь, которая вела от капитанского мостика к правому борту. Прикрывшись от дождя и ветра ладонью, что не помогло и помочь не могло, капитан сощурился, выглядывая в темноте за кормой своего легендарного ведомого. Темень хоть глаз выколи. Ничего не давали и прожектора, которые высвечивали только лишь неяркие конусы сплошного дождя.

Далеко за кормой вдруг вспыхнул и тотчас же погас слабый огонь. Одновременно шарахнула молния, вслед за которой раздался такой мощный удар грома, что сердце Бутеры пропустило свой очередной удар. Включенный на несколько минут кормовой прожектор поискал в темноте «Титаник», однако так ничего и не смог высветить. Создавалось даже впечатление, что за кормой «Уоллеса» никакого «Титаника» не было. Вода ручьями стекала с капитанского дождевика. Тяжело отдуваясь капитан вновь зашел на мостик и как раз в этот самый момент раздался сигнал радиотелефона.

— Капитан? — послышался в динамике напряженный голос Энсина Келли.

— Ну? — Бутера свободной от телефона рукой отер совершенно мокрое лицо. — Что у тебя, Келли?

— Трос, сэр. Он вдруг резко ослаб.

— Оборвался, так, что ли?

— В том-то и дело, что не похоже. У нас фиксация нормальная, трос уходит, как и положено, за корму, но как-то уж очень резко он уходит под воду. Никогда прежде не видел, чтобы буксировочный трос так стремительно уходил под воду. Такое чувство, что «Титаник» включил двигатель на полную мощность и пытается нас обойти…

Именно слова «пытается нас обойти» возымели действие. Бутера до конца дней своих не забудет ощущения, когда внезапно чудовищная мысль обрушивается во всей своей неприглядности на расслабленное сознание. Было такое чувство, словно в мозгу у капитана Бутеры повернули какой-то выключатель, и все те образы, которые населяли детские кошмары, вдруг вырвались наружу: безумный маятник совершал все более и более широкие взмахи, норовя подняться при очередном разгоне вертикально и перевалиться на прежде недоступную сторону… Все теперь сошлось воедино. Сначала буксировочный трос, связывающий «Уоллес» с «Титаником», ушел резко вправо по борту, затем натяжение резко ослабло. Бутера мысленно представил себе всю картину происшедшего с такой жуткой ясностью, как будто бы видел все это при освещении.

Сначала «Титаник» ушел на параллельный курс. В этот самый момент трос как раз и приобрел опасное отклонение вправо, затем лайнер вырвался чуть вперед. а в эту

самую секунду трос потащил его назад. Раздался звук, напоминающий щелчок кнута. И разорвал мрак в сознании Бутеры, наваждение исчезло, оставив капитана с проблемой, которую нужно было как-то разрешить. Капитан схватил трубку радиотелефона и немедленно соединился с машинным отделением:

— Самый полный вперед. Поняли команду, в машине? Самый полный вперед.

Не теряя ни секунды, Бутера нажал переключатель и соединился с «Морзом»:

— Я иду самым полным вперед, — заорал он. — Как понял, Апхилл? Повторяю, я включил самый полный вперед.

— Повтори, что ты сказал?! — потребовал Апхилл.

— Немедленно переходи на самый полный вперед, немедленно, или я сейчас протараню тебя.

Швырнув трубку, Бутера выскочил в правую дверь и вновь оказался на мостике. Ураган разбушевался, разбиваясь, огромные волны разлетались мириадами брызг. Приправленные дождем, брызги соленой воды образовывали в воздухе сплошную завесу, так что при каждом вдохе в рот набиралось немало воды. Одной рукой прикрывая рот, Бутера другой рукой вцепился в поручень, чтобы как-то удержаться на мостике.

Внезапно он увидел, как огромный корпус «Титаника» прорвался через непроницаемую завесу темноты, грохота и дождя и вынырнул из этого всемирного потопа в каких-нибудь ста футах от правого борта «Уоллеса».

В этой ситуации ничего иного не оставалось делать, как, застыв, с ужасом наблюдать за неотвратимым, медленным сокращением расстояния между бортами двух кораблей.

— Не-ет! — заорал Бутера, стараясь перекричать грохот шторма. — Грязное корыто, куда прешь!!! Тут мой корабль. Отворачивай, отворачива-а-а-ай!!!

Но было слишком поздно. «Титаник» начал грозно разворачиваться, и при одном только взгляде на эту многометровую гору металла было понятно, что столкновения с кормой «Уоллесу» теперь не избежать.

И все-таки невозможное произошло. В тот самый момент, когда подошедший буквально вплотную «Титаник» был уже готов своим массивным носом ударить в корму буксировщика, налетевшая встречная волна вздыбила лайнер — и этих нескольких секунд оказалось достаточно, чтобы более юркий «Уоллес» сумел-таки увернуться и избежать неминуемого столкновения. Когда же волна прошла и «Титаник» тяжело опустился, то опустился уже по другую сторону «Уоллеса», так что между кораблями оказался зазор в три фута, который начал увеличиваться. Вызванная опустившимся лайнером волна играючи смыла с буксировщика обе спасательные шлюпки и большой вентилятор.

Та же самая волна оторвала руки Бутеры от поручня, подняла сделавшееся беспомощным тело и шарахнула его о стену кабины управления. Волна соскочила

с палубы и ушла восвояси, оставив капитана лежать на металлической решетке: Бутера был оглушен, он задыхался и отплевывался. Первым его ощущением было приятное чувство, которое было порождено мелкой вибрацией палубы: раз есть вибрация, значит, работает движок, а уж коли двигатель работает, корабль идет, и это уже кое-что. Бутера не без труда встал на ноги, покрепче ухватился за поручень мостика, и его вырвало.

Сплюнув, капитан направился в рулевую рубку. Он все еще не мог поверить в то, что «Уоллес» избежал верной гибели. Недоумевающе следил он за тем, как от левого борта буксировщика все дальше и дальше уходила черная громада «Титаника» — пока вновь не растворилась в сумраке и дожде.

Глава 60

— Это надо же, в эпицентре урагана, посреди океана — выловить женщину! — говорил Сэндекер. — Как это тебе удается?

— Молитвой Питта. Заклинание такое, — ответил Дирк Питт, не прекращая бинтовать слой за слоем голову Даны Сигрем. — Так у меня всю жизнь. Женщины особенно льнут ко мне, когда дел выше крыши и ни о какой взаимности с моей стороны даже и речи быть не может.

Дана слабо застонала.

— Ну вот, скоро она очнется, — сказал Ганн. Он стоял на коленях возле кровати, которую со всех сторон подперли гимнастическим оборудованием, чтобы при качке она сохраняла устойчивость.

Питт укрыл Дану теплым одеялом.

— Бедняжке здорово досталось. Не будь у нее столько волос на голове, не миновать бы сотрясения мозга.

— Как это она оказалась на машине Стерджиса? — поинтересовался Вудсон. — Я был уверен, что она преспокойно кокетничает себе с газетчиками на «Альгамбре».

— Так она и была на «Альгамбре», — сказал Сэндекер. — Ко мне обратились несколько телевизионщиков с просьбой разрешить им заснять с борта «Каприкорна» момент входа «Титаника» в нью-йоркскую гавань. Я такое разрешение дал, оговорив, что их в обязательном порядке должна сопровождать Дана Сигрем.

— Все так и было, — откликнулся Стерджис. — Я перебросил всю эту команду с «Альгамбры» на «Капри-корн». Когда приземлился на «Каприкорне», то собственными глазами видел миссис Сигрем, вылезавшую из вертолета. А вот как она умудрилась снова оказаться в моем вертолете, этого я решительно не понимаю. Я ведь должен был бы заметить, а ничего не заметил…

— Странно, — откликнулся как эхо Вудсон. — А разве ты не проверяешь грузовой отсек перед каждым полетом?

— Слушай, все-таки тут тебе не коммерческая авиалиния, — возмущенно парировал Стерджис. Вид при этом у пилота был столь воинственный, как будто он собирался дать Вудсону в рожу. Стерджис встретился на мгновение глазами с Питтом, весь пыл вертолетчика мигом куда-то исчез и медленно, раздельно, твердым голосом Стерджис сказал: — Я не вылезал из-за штурвала больше двадцати часов кряду. Устал, как собака. Конечно же, мне и в голову не пришло, что перед очередным полетом нужно идти и проверять грузовой отсек, тем более, что я туда ничего не клал. Да и вообще, кто мог бы подумать, что Дана Сигрем ни с того, ни с сего может зайцем пробраться на борт?!

Ганн недоуменно повел головой:

— И какого черта… Не понимаю, зачем ей все это понадобилось?

— Я тоже не знаю, — сказал Стерджис. — Мне-то откуда знать?! А что касается других загадок? Кто бы рассказал мне, для чего этой дамочке понадобилось Швырнуть молоток в круг подъемного винта, спрятаться под брезентовый чехол, чуть не до смерти шарахнуться обо что-то головой?.. Я не уверяю, что все эти действия были совершены в такой именно последовательности. Я лишь перечисляю то, что вызывает у меня вопросы…

— А почему бы, слушай, почему бы тебе не спросить прямиком это все у нее? — Пит кивнул в сторону койки, на которой медленно приходила в себя Дана.

Она открыла глаза и уставилась на мужчин, сгрудившихся вокруг. Взгляд ее был недоуменный: Дана пыталась, и все-таки ничего не могла сообразить.

— Извините… мой заведомо дурацкий вопрос, — сказала она слабым голосом, — но мне хотелось бы выяснить, где именно я нахожусь?

— Девочка моя дорогая, — сказал адмирал Сэндекер, — ты в безопасности, ты на борту «Титаника».

Адмирал опустился на колени около кровати. Дана мутными глазами посмотрела на него, наконец что-то из сказанного поняла, и лицо ее выразило недоумение.

— В самом деле?

— Именно так, уверяю, — сказал Сэндекер. — Питт, там где-то у нас было немного скотча. Принеси, если не трудно…

Питт поспешил выполнить просьбу адмирала. Взяв из рук Сэндекера стакан, Дана сделала глоток «Катти Сарк», поперхнулась и закашлялась. Потянувшись было, чтобы по привычке прикрыть ладонью рот, Дана поморщилась и приложила руку к голове, поверх свежей повязки, пытаясь хоть как-то ослабить внезапно вспыхнувшую боль.

— Тихонько, тихонько… — по виду Сэндекера можно было сделать вывод, что он понятия не имеет, как следует обращаться с женщиной в подобном состоянии. — Голову положи на подушку и отдохни. Тебе тут досталось…

Дана ощупала повязку на голове, затем схватила Сэндекера за руку, сбив этим движением недопитый стакан виски на пол.

При виде разлитого виски Питт брезгливо поджал губы: женщины не понимают ценности хорошей выпивки…

— Ничего, ничего, я в полном порядке, — Дана с усилием уселась на постели и обвела взглядом собравшихся вокруг нее мужчин. — Значит, я на «Титанике», да? На «Титанике», вы говорите?

— Да, на «Титанике», — жестко сказал Дирк Питт. — И нам бы хотелось узнать, каким это образом вы тут оказались?

Она в свою очередь вопросительно посмотрела на Питта, несколько смутилась при виде жесткого выражения его лица и сказала:

— Сама не знаю. Честное слово, даже понятия не имею… Помню, как сошла с вертолета на «Каприкорне», а что было потом — хоть убейте, не представляю…

— Мы нашли вас в багажном отделении вертолета… — подсказал ей Питт.

— Вертолета?.. Я потеряла свою косметичку… наверное, когда мы перебирались с «Альгамбры» на «Каприкорн»… — Дана выдавила слабую улыбку. — Ну да, правильно! Помню, что вдруг сообразила: нет косметички. И вернулась к вертолету, чтобы посмотреть, не обронила ли там случайно. Так и оказалось. Она была зажата между двумя соседними креслами, такими, знаете, складывающимися… Я тогда попыталась высвободить косметичку… А потом что-то со мной произошло, я вдруг потеряла сознание. И упала, судя по всему. А когда падала, шарахнулась головой обо что-то.

— Потеряла сознание? А вы уверены, что потеряли сознание… — Питт оборвал себя, посчитав свой вопрос ненужным, и вместо этого спросил Дану: — Скажите, а прежде, чем потерять сознание, что вы видели в самую последнюю секунду, не смогли бы вы сейчас припомнить?

Дана сделала такое лицо, как если бы всматривалась в некую даль времен. На фоне бледной кожи лица глаза ее казались темно-кофейного цвета и очень большими, вдобавок.

Сэндекер тактично похлопал ее по руке.

— Чуть побыстрее вспоминайте, пожалуйста. У всех очень мало времени, тогда как у вас очень уж большие паузы.

— Ботинки, — сказала Дана. — Последнее, что я видела, были ботинки… да, теперь я вспомнила. Точнее даже — сапоги.

— Еще раз?! — потребовал Питт.

— Сапоги. Пара сапог, — сказала Дана и улыбнулась, довольная, что смогла вспомнить что-то конкретное. — Абсолютно точно помню, это были остроносые сапоги, такие, как у ковбоев в кино. Не только в кино, разумеется…

— Ковбойские сапоги? — спросил Ганн, по лицу которого было видно, что он решительно ничего не понимает.

Дана утвердительно кивнула головой.

— Да, я как раз пыталась вытащить косметичку, смотрела вниз. Дергаю косметичку, и тут… Я даже не знаю… Вдруг откуда-то эти самые сапоги. Такое впечатление, что они там и прежде были, просто я не сразу обратила внимание… — Дана замолчала.

— А какого цвета они были, — потребовал Питт.

— Желтоватого. Точнее, светло-желтого.

— А лица вы не заметили? Лица того человека, который носил эти самые ковбойские сапоги?

Она собиралась отрицательно покачать головой, однако при первом же движении сморщилась от боли.

— Нет. Все вокруг сразу сделалось черным… Только это и помню… — Голос ее сорвался, выдавая общую слабость.

Питт уже пришел к выводу, что далее задавать вопросы миссис Сигрем бессмысленно. Большего от нее едва ли удастся добиться. Он посмотрел на Дану, а, встретившись с ней взглядом, улыбнулся ей. Она в свою очередь улыбнулась Питту, однако то была неуверенная улыбка женщины, которая хочет заручиться сторонней поддержкой.

— С вашего позволения, мужчины займутся своими делами, миссис Сигрем. А вы пока отдохните, придите немного в себя… — сказал Питт. — Если вам что-нибудь понадобится, только дайте знать. Тут поблизости всегда кто-нибудь будет.

Сэндекер пошел вслед за Питтом к двери, ведущей на центральный трап.

— Ну, что скажешь? — поинтересовался Сэндекер. — Если все это правда, тогда какой смысл кому-то калечить миссис Сигрем?

— А какой, в таком случае, был смысл убивать Генри Манка?

— Думаешь, кто-то из советских агентов…

— Скорее всего. Думаю, что Дане не повезло. Оказалась не вовремя, да еще плюс ко всему не там, где следовало. Вот и получила.

— Только вот раненой бабы на нашу шею не хватало, — Сэндекер тяжело вздохнул. — Можем считать, что теперь — полный комплект. Как, позволь узнать,

я буду теперь объяснять Джену Сигрему, почему его супруга вдруг оказалась на «Титанике»? А ведь я уже и радиограмму передал.

— Прошу прощения, сэр, но учитывая обстоятельства дела, я взял на себя смелость и приказал Ганну не передавать ваше послание Сигрему. Я бы не хотел в последнюю минуту усложнять и без того не простую ситуацию. Ведь известно, что там, где появляется женщина, мужчины склонны совершать непростительные ошибки. Когда речь идет о том, чтобы пожертвовать жизнями дюжины мужчин, мы не задумываемся, но как только вместо дюжины мужчин оказывается одна-единственная женщина, мы готовы сто раз подумать, прежде чем принимаем какое-либо решение. Когда женщине грозит опасность, мужчина совершенно меняется, как правило. А до тех самых пор, пока сам Сигрем, а также адмирал Кемпер, Президент да и все прочие в Вашингтоне не узнали, что Дана тут сейчас, у нас, они и нам не будут нервы трепать. Так что, хоть двенадцать часов наши.

— В общем, я чувствую, что на этом судне мое слово уже ничего для некоторых не значит, так ведь, насколько я понимаю, получается? — ядовито уточнил адмирал Сэндекер. — Может, вы еще что-нибудь не сочли нужным доложить, Питт? Скажем, у меня возникло такое ощущение, будто некий владелец желтых ковбойских сапог вам известен. Или нет?

— Тут и гадать нечего. Это Бен Драммер.

— Ни разу не видел у него сапог. Ты-то, собственно, откуда взял?

— Обыскивал его каюту на «Каприкорне», и нашел их под койкой. Точно такие, как Дана сказала.

— А… Так, стало быть, ко всем прочим твоим достоинствам ты, оказывается, еще и по каютам шаришь?! — сказал Сэндекер.

— Не у одного только Драммера, если уж на то пошло. Мы с Джиордино за последний месяц осматривали личные вещи всех без исключения членов команды.

— Нашли что-нибудь?

— Ничего особенного.

— Кто, по-твоему, ударил Дану?

— Не знаю. Только не Драммер. В этом я совершенно уверен. У него надежное алиби и десяток свидетелей, включая вас и меня. И все могут утверждать с полным на то основанием, что Драммер со вчерашнего дня находится на «Титанике». Так что физически он бы не смог нанести повреждение Дане, которая была совершенно на Другом судне, за пятьдесят миль отсюда.

В этот самый момент к ним приблизился Вудсон и осторожно ухватил Питта повыше локтя.

— Прошу прощения, начальник, что прервал ваш разговор. Только что поступило срочное сообщение с борта «Жюно». Боюсь, плохие известия.

— Выкладывай, — сказал Сэндекер устало. — И без того все у нас до такой степени паршиво, что хуже уже быть не может. Так что, выкладывай смелее.

— Боюсь, сэр, вы не совсем правы, — позволил себе не согласиться Вудсон. — Сообщение это передал капитан ракетного крейсера. Вот что здесь сказано… Принял сигнал бедствия от грузового судна «Лагуна Стар». Его координаты ноль пять градусов, сто десять миль к северу от вас. Должен отвечать. Повторяю, должен ему отвечать. Принял решение идти на выручку. Извините, что приходится оставить вас. Удачи, «Титаник», Вот такая вот информация.

— Удачи, «Титаник», — словно эхо, повторил Сэндекер. Голос его сделался безжизненным и деревянным. — В общем, настало время нам вывесить на мачте флажки: «Добро пожаловать, ворье и пираты всех мастей. Мы с нетерпением ожидаем вас».

«Ну, вот и начинается…» — подумал Питт. Вслух однако ничего не сказал. Единственное, что он почувствовал в этот момент, так это непреодолимую потребность отправиться в ванную.

Глава 61

Воздух в кабинете Джозефа Кемпера в Пентагоне представлял чудовищную смесь табачного дыма и запахов недоеденной пищи. Эмоциональное напряжение достигло такого накала, что удивительным казалось отсутствие искровых разрядов.

Кемпер вместе с Дженом Сигремом, чуть не животами улегшись на адмиральский стол, негромко беседовали. Мел Доннер сидел на диване рядом с директором ЦРУ Уорреном Николсоном: тот и другой положили ноги на соседний журнальный столик и преспокойно дремали. Но едва в кабинете прозвучал долгий сигнал красного телефона, нарушивший относительную тишину, как Доннер и Николсон дружно открыли глаза и спустили *w* столика ноги. Кемпер послушал, неопределенно хмыкнул в трубку и положил ее на место.

— Звонили с поста дежурного. Президент поднимается сюда на лифте.

Доннер и Николсон посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, встали с дивана. И едва только они успели смахнуть крошки и мусор с журнального столика, подтянуть узлы галстуков и оправить пиджаки, как дверь распахнулась и Президент в сопровождении Маршалла Коллинза, своего советника по делам Советского Союза и стран Восточной Европы, вошел в кабинет.

Выйдя из-за своего стола, Кемпер обменялся с Президентом рукопожатием.

— Здравствуйте, господин Президент. Прошу вас, располагайтесь, где вам будет удобнее. Может быть, хотите чего-нибудь?

Президент посмотрел на свои часы и ухмыльнулся.

— Еще остается часа три до закрытия баров. Я бы предложил всем по глотку «Кровавой Мэри».

Кемпер понятливо улыбнулся и сделал едва заметный жест помощнику.

— Капитан Кейт, — поинтересовался Кемпер, — на вашу долю?..

Кейт утвердительно кивнул.

— Порцию «Кровавой Мэри» я, пожалуй, выпил бы.

— Надеюсь, я не помешаю вашей работе, джентльмены, — тактично спросил Президент. — Решил, что будет лучше приехать сюда, к вам. Если, еще раз говорю, я не помешаю.

— Ни в коем случае, сэр, — за всех ответил Николсон. — Мы всегда очень рады видеть вас.

— Какие на данную минуту новости?

Адмирал Кемпер, не торопясь, и вместе с тем быстро и толково обрисовал Президенту ситуацию на данный момент: объяснил специфику урагана Аманда, показал на большой карте региона точное расположение кораблей, объяснил вкратце, как именно производится буксировка «Титаника».

— Скажите, а была ли в действительности необходимость для «Жюно» менять свое местоположение? — поинтересовался Президент.

— Видите ли, на морях считается, что просьба о помощи — это просьба о помощи, — с достоинством ответил Кемпер. — На такой сигнал принято незамедлительно откликаться, каковы бы ни были привходящие обстоятельства.

— И потом, нам приходится всякий раз подыгрывать противникам, хотя бы лишь отчасти, — сказал Николсон. — Иначе игра оказывается невозможной.

— Скажите, адмирал Кемпер, каково ваше мнение, сумеет ли «Титаник» выдержать этот ураган?

— До тех пор, пока буксировщики тянут его и пока не лопнул трос, без сомнения. И ураган выдержит, и в Нью-Йорк благополучно доберется, я ни секунды в том не сомневаюсь, господин Президент.

— А что, если «Титаник» начнет разворачиваться против волн и буксировщикам не удастся вывернуть его? Тогда что?

На этот вопрос Президента Кемпер ответил неопределенным пожатием плеч. В глаза Президенту при этом он старался не смотреть.

— На все воля Божья, — в конце концов негромко ответил адмирал.

— И ничего в этом случае нельзя будет сделать, вы хотите сказать?

— Боюсь, что так, сэр. Если какой-нибудь корабль попадает в лапы урагана, то практически ничего с этим не поделаешь. Тут можно полагаться лишь на удачу. Так испокон века было, так это и сейчас.

— Так, стало быть…

Раздался отчетливый стук в дверь, после чего в кабинет вошел офицер, положил на стол Кемперу два листа с каким-то текстом и спокойно, без излишней суеты удалился.

Кемпер быстро прочитал оба сообщения, и лицо его сделалось еще более жестким.

— Это передали с «Каприкорна», — пояснил он. — Сообщаю, господин Сигрем, что ваша супруга пропала без вести. Они организовали поисковую партию, ребята облазали все закутки, и нигде ее не обнаружили. Существует предположение, что миссис Сигрем могла оказаться за бортом. Примите мои самые искренние соболезнования…

При этих словах Сигрем впился пальцами в руку Коллинза. Глаза Сигрема расширились от ужаса.

— Бог мой… — на вдохе сказал Сигрем, и возглас этот был похож на всхлип. — Да как же… Боже… Как же я буду… Дана!..

Доннер поспешил на помощь коллеге.

— Ну… ну, Джен! — он ловко положил Сигрема на диван, приподнял тому голову, тогда как Коллинз уже подкладывал ему подушку.

Кемпер жестом просил внимания. Обращаясь к Президенту, он сказал:

— Тут у меня еще одна информация, сэр. С борта «Самуэла Р. Уоллеса», одного из буксировщиков, который тащит «Титаник». С буксировщика передают… Я лучше почитаю вам: «Трос лопнул. „Титаник“ дрейфует в эпицентре урагана».

Трос болтался с кормы «Уоллеса», как дохлая змея. Оборванный конец волочился в четверти мили позади буксировщика.

Капитан Бутера уставился на электролебедку не в силах поверить собственным глазам.

— Но каким образом, — заорал он вдруг в ухо Энсину Келли. — Каким образом трос мог порваться, если он был рассчитан на значительно большие нагрузки.

— Сам не понимаю, — проорал в ответ, стараясь, перекрыть грохот шторма, Келли. — Я обратил внимание, что в тот именно момент, когда порвался буксировочный трос, не было ни рывка, ни какой-нибудь особенной нагрузки… Трос просто так вот — раз…

— Подтаскивай конец, будем смотреть. Тут явно что-то не то.

Младший лейтенант Келли кивнул и тотчас же отдал распоряжение. Фиксатор был снят, и большое колесо начало вращаться, наматывая на барабан мокрый трос. Вокруг барабана стоял буквально столб водяных брызг, и каждый, оказавшийся хоть ненадолго на корме, был вынужден принимать этот душ. Болтавшийся за

кормой, подобно гигантскому хвосту, трос затруднял движение буксировщика, выполняя роль якоря. И потому всякий раз, когда на корму «Уоллеса» набегала очередная волна, корабль вместо того, чтобы взмыть на гребне, почти Целиком оказывался на считанные секунды под водой. От ударов волн буксировщик крупно сотрясался всем корпусом.

Наконец весь трос был накручен на барабан, и появилась возможность взглянуть на место разрыва. Бутера и Келли, согнувшись, рассматривали протершиеся до разрыва волокна. Бутера первым поднял голову. На лице его было выражение совершеннейшего изумления. Он коснулся волокон, которые были явно перерезаны горелкой, и затем посмотрел на младшего лейтенанта.

Келли оказался догадливее на сей раз.

— Боже… — произнес он. — Взяли и перерезали трос ацетиленовой горелкой…

В тот момент, когда привязанный к носовой части «Титаника» буксировочный трос плюхнулся в океан, Дирк Питт находился в грузовом отсеке вертолета. Стоя на карачках, он осматривал самым тщательнейшим образом все углы.

Снаружи с дьявольской силой завывал ветер. Пит не знал и знать в тот момент этого не мог, но как только исчезла тянущая «Титаник» сила обоих буксировщиков, лайнер тотчас начал разворачиваться, стремясь встать носом по ветру. Ураган с ожесточением принялся нахлестывать в корабельный борт. Корабль затанцевал на волнах.

За считанные минуты Питт нашел косметичку Даны Сигрем. Она была сжата соседними складными креслами в полушаге от перегородки, сразу за которой находилась кабина пилота. Он вполне понял, почему именно Дана не сумела сразу же вызволить свою косметичку, сделанную из синей нейлоновой материи: не многие женщины знакомы с элементарной механикой, не была с ней знакома, судя по всему, и Дана Сигрем. Ей, должно быть, и в голову не пришло начать с того, чтобы спокойно раскрыть кресло. Вместо этого Дана, видимо, принялась тянуть сумочку рывками на себя. Дирк Питт разложил кресло и без малейшего труда вызволил косметичку.

Он ее даже и открывать не стал: что там могло заинтересовать его? А вот что на самом деле показалось ему любопытным, так это небольшая ниша в перегородке, предназначенная для хранения плота, способного выдержать двадцать пассажиров. Ниша была на месте, и желтый чехол, прикрывавший плот, также был на месте, однако самого спасательного плота почему-то не было.

У Питта не было времени обдумывать буквальный смысл находки. В тот самый момент, когда он вытащил чехол, мощная волна ударила в борт корабля. «Титаник» начал разворачиваться на месте, и это движение было ужасным: казалось, корабль так и будет вращаться, не останавливаясь. Питт отчаянно ухватился рукой за ближайшее кресло, чтобы сохранить равновесие. Однако рука

соскользнула, и он со всего размаха рухнул на пол багажного отделения, при этом сильно ударившись головой о приоткрытую дверцу.

Рана была серьезная, дюйма в четыре длиной. Благодаря ей следующие несколько часов были напрочь вычеркнуты из сознательной жизни Питта. Лишь несколько раз он мог различить штормовой грохот, но каждый раз терял сознание. Было такое чувство, что в голове у него — клубок спутанной шерсти. Океан, буря, мечущийся на волнах корабль — все это казалось Питту далеким, неопасным и не имеющим лично к нему абсолютно никакого отношения.

Он не знал и знать, разумеется, не мог, что в один прекрасный момент вертолет освободился от трехнайтовых своих креплений, заскользил по импровизированной взлетной площадке и рухнул на шлюпковую палубу, свернув в падении себе хвостовую часть и растеряв почти все лопасти винта. Но злоключения на этом не закончились, вертолет продолжил свое движение вниз по накренившейся палубе, с налета разворотил поручни и упал в бушующие волны.

Глава 62

Как только шторм чуть поутих, русские воспользовались кратковременной паузой и забрались на «Титаник». Находившиеся в машинном отделении и в котельной Спенсер и его парни не смогли решительно ничего сделать, чтобы хоть как-то противодействовать вторжению. Видя совершеннейшую неподготовленность американцев к такого рода повороту событий, Превлов лишний раз подумал, что большой грех жить только по распорядку, работать только по плану.

Небольшое сражение на верхней палубе — хотя для происшедшего больше подошло бы слово «резня» — закончилось в считанные минуты, по сути так и не начавшись.

Прежде чем американцы смогли хоть что-то сообразить, в гимнастический зал ворвались пятеро русских морских десантников в униформах и закрывающих лицо специальных масках, направили на всех членов спасательной команды автоматы. Произошло это столь быстро, что никто толком и рта раскрыть не успел.

Первым опомнился Вудсон. Он оторвался от приборов, глаза его расширились, на лице, обычно бесстрастном, отразился гнев.

— Сукин сын! — крикнул он и бросился под ноги ближайшему десантнику.

Еще секунду назад у русского десантника были руки заняты «Калашниковым», и вот неожиданно в правой руке непостижимо как вдруг появился нож, сразу же оказавшийся всаженным по рукоять в грудь Вудсона. Сердечная мышца корабельного фотографа оказалась разрубленной пополам. Из последних сил, скорее по инерции Вудсон схватил было врага, но тотчас же оплыл и грохнулся на пол. Еще долю секунды в его глазах можно было прочитать потрясение, непонимание, злость, но вскоре все это оказалось подернутым тусклой, непроницаемой пеленой смерти.

Дана, сидя на постели, кричала в полный голос. Начав кричать, она не могла остановиться. Ее истошный вой был той самой соломинкой, которая перетянула чашу весов, растерявшиеся и едва не сникшие окончательно, аварийщики начали действовать. Драммер хорошенько — правым хуком в челюсть — угостил убийцу Вудсона, однако и сам тут же получил мощный удар в лицо дулом автомата. Стерджис в красивом выпаде ринулся на одного из русских, однако в тот момент, когда кулак пилота достиг цели, сам Стерджис получил мощный удар рукояткой пистолета в висок; на мгновение два тела сплелись в смертельной, как казалось, схватке, однако чуть погодя русский десантник рывком вскочил на ноги, тогда как вертолетчик остался лежать на палубе, уткнувшись лицом в металлическую поверхность.

Джиордино попытался размозжить череп одного из нападавших массивным гаечным ключом, но тут прогремел выстрел, и рука Джиордино зависла в воздухе, а гаечный ключ с грохотом упал на палубу. Было такое ощущение, что прозвучавший выстрел загипнотизировал всех разом. Сэндекер, Ганн, шеф Баском и все остальные как по команде застыли, сообразив, что защитить без оружия «Титаник» от вооруженных молодчиков — задача непосильная.

В этот самый момент в помещение вошел сероглазый уверенный в себе мужчина. Оглядев гимнастический зал, он за три секунды оценил ситуацию и сориентировался. Андрей Превлов молча глядел на все еще продолжавшую истерично орать Дану Сигрем, затем произнес на хорошем английском:

— С вашего разрешения, моя дорогая, хочу вам напомнить, что в моменты истерического крика у женщин чрезвычайно напрягаются голосовые связки, что впоследствии может иметь свое продолжение. Подумайте, пожалуйста, о своем горле.

В глазах Даны Сигрем был один только неразбавленный дикий ужас. Однако обращенная к ней фраза возымела свое действие: она замолчала, закрыла рот, округлившимися от страха глазами уставилась на медленно вытекавшую из-под Омара Вудсона лужу густой крови.

— Ну вот, так, пожалуй, будет куда лучше, — сказал Превлов. Он проследил за направлением взгляда Даны Сигрем, на мгновение посмотрел в сторону Вудсона, затем перевел взгляд на Драммера, который сидел на полу и отчаянно выплевывал обломки искрошенных зубов. Посмотрел Превлов также и на Джиордино, ответившего злобным взглядом; здоровой рукой Джиордино придерживал простреленную, из которой быстро капала кровь.

— Сопротивление ваше было по меньшей мере глупым, чтобы не сказать хуже, — произнес Превлов, обращаясь сразу ко всем спасателям в зале. — Один из ваших убит, трое получили ранения, и все это — за здорово живешь…

— Кто вы такие? — громовым голосом потребовал ответа Сэндекер. — По какому праву вы забрались на этот корабль и убиваете моих людей?!

— Понимаю ваш гнев, очень хорошо понимаю и очень сожалею по поводу того, что приходится встречаться со столь достопочтенными джентльменами в такой мало привлекательной для начальной встречи обстановке, — извиняющимся тоном сказал Превлов. — Насколько я могу судить, вы адмирал Джеймс Сэндекер, не так ли?

— На этом корабле вопросы задаю я! — обрезал его Сэндекер.

— Понимаю. Однако моя фамилия вам решительно ничего не скажет, — ответил Превлов. — А что касается ответа на ваш вопрос, так он очевиден. По какому праву, говорите? А вот по такому и праву, что именем Союза

Советских Социалистических Республик я принимаю на себя командование на этом судне.

— Мое правительство никогда не потерпит столь наглую выходку!

— Вот тут вы не правы. Вашему правительству как раз придется смириться.

— Вы переоцениваете себя и недооцениваете нас. Превлов грустно покачал головой.

— Дело не персонально во мне, адмирал. Я отлично представляю, на что способны американцы. И как раз поэтому говорю вам со всей ответственностью, что Америка никогда не развяжет войну из-за того, что мы на вполне законных основаниях оказались на борту этого судна.

— На законных основаниях?! — как эхо откликнулся адмирал Сэндекер. — Согласно нормам морского права и Гражданским нормам в части спасательных операций считается, что если экипаж какого-либо судна это самое судно покинул без намерения вернуться и при этом не предпринял ничего для последующего спасения корабля, то судно признается ничейным. Ну а поскольку на «Титанике» в настоящее время имеется команда, то ваши действия подпадают под определение неспровоцированной агрессии или пиратства.

— Давайте не будем обострять ситуацию и воздержимся от популярных лекций по морскому праву, — сказал Превлов, вытянув перед собой руку. — Может, вы и правы, но правы лишь на данный конкретный момент.

Намерение русских было вполне очевидным.

— Вы не посмеете сделать так, чтобы «Титаник» лег в дрейф.

— Не волнуйтесь так, адмирал. Не забывайте, что «Титаник» быстро набирает воду в трюм. Мне сейчас срочно нужен ваш инженер по спасательному оборудованию, кажется, его зовут Спенсер. Так вот, мне нужен он и его коллеги. До окончания шторма я хочу, чтобы помпы работали нормально. Как только ураган утихнет, вам и вашим коллегам будет предоставлен спасательный плот. И как только вы покинете борт корабля, у нас появится вполне законное право принять участие в спасении «Титаника».

— Бросьте. Уж я-то знаю, что вы ни за что не оставите в живых ни одного свидетеля, — сказал Сэндекер. — Ваше правительство не допустит, чтобы после этого пиратского акта остались какие-либо непосредственные свидетели. И вы знаете это не хуже, чем это знаю я. Так что не пытайтесь лицедействовать.

Слова Сэндекера не произвели решительно никакого впечатления на Превлова, не поколебав его нагло-спокойной уверенности в себе.

Превлов отвернулся от Сэндекера, как от пустого места. Он по-русски сказал что-то одному из своих десантников, который ответил согласным кивком крупной, коротко остриженной головы, затем склонился над рацией и ударом рукоятки пистолета превратил ее в груду металла, из которого теперь торчали обрывки проводов.

— Вам это все больше не понадобится, — сказал Превлов, оглядывая гимнастический зал, переоборудованный в командный пункт. Я уже приказал оборудовать штаб в салоне на четвертой палубе. Если вы и ваши парни будете столь любезны последовать за мной, я позабочусь о том, чтобы до окончания этого жуткого шторма вам было бы уютно на «Титанике» и чтобы вы ни в чем не испытывали нужды.

— Если позволите, я хотел бы задать только один вопрос, — Сэндекер не тронулся, однако, со своего места. — Один вопрос, я думаю, не обременит вас.

— Ради Бога, адмирал, задавайте ваш вопрос.

— Где Дирк Питт?

— Мне очень жаль, адмирал, однако я вынужден сказать, — Превлов чуть улыбнулся, — что уважаемый господин Питт находился внутри вашего вертолета в тот самый момент, когда машину смыло в океан. Надеюсь, что смерть его была легкой.

Глава 63

Адмирал Кемпер, сидевший напротив Президента, привычным движением насыпал в свою чашку с кофе третью, а затем и четвертую ложку сахара.

— Авианосец «Бичерз Айленд» приближается к тому району. Как только рассветет, самолеты авианосца немедленно начнут поиск. — Кемпер натянуто улыбнулся. — Так что, господин Президент, не волнуйтесь, пожалуйста, к полудню «Титаник» будет уже взят на буксир. Если хотите, я даю вам слово, что так оно и произойдет.

Президент взглянул в глаза собеседнику.

— Огромный беспомощный корабль. И надо же такому случиться, что угодил в эпицентр сильнейшего за последние полвека урагана. Лежал семьдесят с лишним лет на дне, проржавел насквозь, и вот, когда его вытащили на поверхность… Советское правительство готово пожертвовать чем угодно, чтобы заполучить

«Титаник»… И после всего этого вы мне говорите, не волнуйтесь. Одно из двух, адмирал, либо вы чрезмерно самоуверенны, либо же вы неисправимый оптимист.

— Ураган Аманда… — вздохнул адмирал. — Мы рассматривали при разработке этой операции самые различные варианты, однако даже в самом страшном сне нам не привиделось бы, что в мае может разыграться столь чудовищный шторм. Он так неожиданно для нас и так стремительно набрал силу, что мы даже не сумели как следует сориентироваться и внести в работу соответствующие коррективы.

— А что, если в эту самую минуту, когда мы с вами тут сидим и мирно беседуем, русские решили воспользоваться ситуацией и уже залезли на «Титаник»?

Кемпер отрицательно покачал головой, давая понять, что такого рода вариант представляется ему невозможным.

— Высадиться на «Титаник», когда скорость ветра сто одна миля в час?! Когда волны достигают семидесяти футов в высоту?! У меня имеется некоторый опыт морской службы, и этот опыт позволяет мне отбросить такого рода вариант как совершенно невыполнимый.

— Еще неделю назад если бы кто рискнул предположить, что придет ураган вроде Аманды, ему бы, наверное, тоже сказали: немыслимо. А ураган пришел, — с этими словами Президент выжидательно посмотрел на Уоррена Николсона, который сидел на диване у дальней стены. — Есть новости?

— С «Титаника» пока что никаких, — ответил Николсон. — Как только лайнер вошел в ураганный эпицентр, с ними прервалась всякая связь.

— А что буксировщики?

— Передают, что не могут обнаружить «Титаник». И это не удивительно, учитывая погодные условия. Тем более, что радары на обоих буксировщиках вышли из строя, и все возможности ограничены элементарным визуальным наблюдением. А в том районе — нулевая видимость, так что они там немного сумеют высмотреть.

В кабинете повисла тягостная пауза, которую нарушил Джен Сигрем.

— Мне кажется, мы просто не имеем права потерять корабль сейчас. Не имеем права после всего, что сделали для его извлечения со дна, — Сигрем вскочил и нервно зашагал по кабинету. — Нам пришлось заплатить чудовищную цену… И мне, в том числе… Цену за этот самый бизаний. И теперь мы просто не можем позволить кому бы то ни было перехватить у нас бизаний. — Голос его срывался, глаза лихорадочно блестели.

Доннер и Коллинз с двух сторон обняли Сигрема и тактично усадили на место.

Кемпер негромко сказал:

— Скажите, господин Президент, а как мы поступим в случае, если произошло самое худшее?

— Тогда придется распрощаться с Сэндекером, Питтом и другими.

— А как тогда насчет «Сицилианского проекта»?

— Никакого проекта тогда уже не будет, — так же негромко ответил Президент. — Какой тогда может быть проект, о чем вы говорите, Господи…

Глава 64

Тяжелая серая пелена понемногу начала рассеиваться, и Питт сообразил, что лежит лицом вверх на чем-то мокром и жестком. В состоянии, когда сознание оказывается на границе осознанного и бессознательного, Питт пробыл несколько минут, затем попытался открыть глаза. Не оба глаза, но один Питту удалось открыть. Второй не открывался из-за запекшейся крови. Подобно человеку, который ценой огромных усилий сумел выбраться из глубокого тоннеля на свет Божий, Питт в первую секунду огляделся, насколько это было возможно, не поворачивая головы и переводя единственный на тот момент глаз медленным круговым движением слева направо. Он был внутри вертолета. Ноги оказались задраны высоко вверх, тогда как спина упиралась в заднюю стенку грузового отсека, вокруг его тела плескалась вода в несколько дюймов глубиной. У него было ощущение, будто в его голове мельтешили маленькие человечки и кололи ее изнутри своими маленькими шпагами и вилами. Зачерпнув горстью немного воды, Питт сполоснул лицо, не обращая внимания на сильный соленый вкус. Размочив запекшуюся кровь, он сумел раскрыть второй глаз. Пит уселся на переборку, и уставился в пол грузового отсека. Он чувствовал себя так, словно его, сонного, тихонько перенесли в увеселительный парк и осторожно поместили в кабину «веселой комнаты», аттракциона с вращающимися стенами и потолком.

Грузовой люк заклинило безнадежно: при падении на нижнюю палубу люк был не просто поврежден, а впечатан внутрь и теперь составлял с фюзеляжем единое целое. Понимая, что нечего и пытаться открыть его, Питт решил выбираться через пилотскую кабину, чтобы воспользоваться внутренней дверцей, ему пришлось двигаться по наклонному полу вверх, цепляясь руками за ремни, предназначенные для фиксации грузов.

На конце ремней были приделаны специальные кольца, которые сейчас очень выручали Питта. Перебирая одно кольцо за другим, он медленно пробирался в сторону кабины вертолета. Ужасно болела голова, так что приходилось ежеминутно останавливаться и давать себе передышку, ожидая, когда рыжие круги перед глазами исчезнут и зрение вновь прояснится. Добравшись наконец до двери, Питт попытался открыть ее, однако она и не подумала сдвинуться с места. Вытащив свой кольт, он несколько раз с силой ударил рукояткой в замок. Ослабевшая рука не удержала оружие, и при очередном ударе кольт выскользнул и отлетел в конец отсека. Дверь же как была, так и осталась неприступной.

Питт тяжело дышал. От слабости и напряжения он чуть не терял сознание. Обернувшись, Питт посмотрел вниз. Задняя переборка отсека казалась очень далекой. Поудобнее ухватившись руками за два ремня, Питт чуть подтянулся,

напрягся и обеими ногами изо всех сил ударил в неподатливую дверцу. Зная, что на второй такой удар его уже не хватит, он вложил в этот всю энергию.

Замок поддался, дверца от сильного удара подпрыгнула вверх, образовав с перегородкой угол градусов в тридцать, однако не успев распахнуться, она под воздействием силы тяжести тут же захлопнулась снова. Однако Питту этого оказалось достаточно, чтобы успеть просунуть в образовавшуюся на мгновение щель руку и не дать двери полностью закрыться. В момент, когда дверь ударила по костяшкам, боль была настолько сильной, что на какое-то мгновение даже в голове прояснилось. Он перевел после некоторой паузы дыхание, готовясь к последнему рывку, затем чуть отжал дверь и нырнул в проем, как будто бы залезал на крышу через чердачное окошко без приставной лестницы. Какое-то время Питт отдыхал, восстанавливая дыхание и выжидая, когда сердце перестанет бешено колотиться.

Наконец у него появилась возможность заняться своей раной. Вытащив носовой платок, он туго обмотал разбитую руку и лишь затем попытался оглядеться в кабине. Ему казалось, что никаких проблем выбраться отсюда не возникнет. Дверь пилотской кабины была сорвана с петель, вставленный в дверной иллюминатор пластик оказался выбитым. Справившись с этой проблемой теоретически, Питт задумался, сколько все-таки времени он пробыл без сознания. Минут десять? Час? Несколько часов?! Поскольку на запястье место часов пустовало, а сами часы неизвестно куда делись, никакой определенности на этот счет у Питта не появилось. Да и что, в конце-то концов, с ним произошло? Он попытался проанализировать сложившуюся ситуацию.

Может, вертолет проскользил по палубе и грохнулся в океан? Что-то не похоже… Произойди что-нибудь подобное, Питт покоился бы в металлическом гробу, функции которого вынужденно пришлось бы исполнять грузовому отсеку вертолета. Тогда почему в кабине вода? Откуда она взялась? Может, вертолет не упал в воду, а застрял в одном из металлических завалов, каких немало было на палубах всех уровней? Тоже не очень похоже. Чем тогда объяснить, что вертолет застыл почти в вертикальном положении?.. Если что-то Дирк Питт и мог сказать более или менее уверенно, так лишь то, что каждая секунда, проведенная в праздных размышлениях относительно случившегося с вертолетом, неминуемо приближает самого его к ситуации, неизмеримо более опасной нежели та, в которой он пребывал до настоящего времени. Возможно даже, каждая минута приближала Питта к смерти, кто знает? Все ответы на вопросы находились снаружи, по ту сторону обшивки вертолета, и потому Питт взобрался на кресло пилота и уже оттуда через пролом в обшивочном оргстекле он выбрался наружу, в непонятную темноту. Перед ним оказалась — ни больше, ни меньше — обшивка «Титаника». Слева и справа вверх уходила стена, покрытая многолетней шершавой ржавчиной. Прямо под ногами бурлил и пенился, волновался и ревел океан.

Массивные волны устраивали настоящие водовороты, сшибались и расходились, образуя фонтаны брызг и грохот, напоминавший взрывы артиллерийских снарядов. Видимость немного улучшилась. Прояснилось и небо: не хлестал

непрерывный дождь, ветер ослаб, его скорость теперь не превышала двенадцати-пятнадцати узлов. Была такая минута, когда Питт подумал, а не проспал ли он неизвестно где весь ураганный натиск. Несколько минут спустя он сообразил, почему над головой вместо привычного неба оказалось вдруг море: «Титаник» медленно двигался по спирали в воронку, и буквально через считанные минуты его должна покрыть последняя, самая мощная волна урагана.

Через один из проемов Питт сумел перебраться на внешнюю часть носовой обшивки вертолета, с которой он без особого труда перелез на «Титаник». Когда под ногами оказалась ржавая, но вполне прочная палуба лайнера, Питт испытал такое сильное эротическое возбуждение, какого ему не смогла бы доставить ни одна самая красивая женщина в мире.

Но на какой он палубе? Питт грудью навалился на поручень, посмотрел направо, налево, поднял голову и взглянул вверх. Над головой он увидел вывернутые наружу трубы и металлические листы парапета, который еще удерживал части вертолетной обшивки. Значит, теперь Питт находился на второй палубе, которую некогда называли прогулочной. Опустив голову, Дик Питт смог наконец увидеть, почему вертолет не свалился в океан, а каким-то непостижимым образом завис меж небом и землей.

Все дело было в двух направляющих рельсах, прежде использовавшихся для того, чтобы по ним скатывать не подлежавшие кантованию грузы. Прикрепленные к прогулочной палубе, они подобно огромному двузубцу, захватили поверженный вертолет, который был похож сейчас на небольшое насекомое, пришпиленное булавками к некоей стене. Благодаря дизайну корпуса и его размерам, машина столь прочно застряла меж зубьями, что едва ли какая сила могла отделить вертолет от «Титаника».

Времени для того, чтобы порадоваться чудесному спасению, у Питта не было. Держась за поручень прогулочной палубы, он чувствовал, как ветер вдруг принялся набирать силу, что наверняка свидетельствовало о приближении арьергардной волны урагана. Питт с трудом сохранял равновесие, подошвы скользили по мокрой палубе, из чего он сделал безошибочное заключение, что крен «Титаника» увеличился еще больше: лайнер, подобно огромному раненому животному, так и норовил завалиться на правый бок.

Внезапно Питт заметил неподалеку опознавательные огни другого судна на расстоянии не более двухсот ярдов от правого борта «Титаника». Определить, что это за судно и каковы его размеры, Дирк Питт не мог, поскольку океан, небо, крепчавший ветер — все слилось в единый запутанный клубок: лайнер болтало из стороны в сторону, а над головой оказывалось то серое зловещее небо, то свинцовая вода — и тогда казалось, что «Титаник» затягивает в гигантскую океанскую воронку. Вновь начавшийся сильный дождь ударял Питту в лицо с такой силой, как будто щеки терли наждачной бумагой. Дирк Питт подумал, что, возможно, это вплотную подошел один из двух буксировщиков. Однако размеры корабля значительно превышали габариты буксировщика. Может, это «Жюно» возвратился?

И вдруг чудовищная догадка отмела все прежние предположения, и Питт неожиданно для самого себя исполнился уверенности: это были вовсе не огни американского корабля. В свете молнии обозначился четкий силуэт, — и Питт, увидев характерной формы купол, понял, что корабль был не какой иной, как русский «Михаил Курков». Ну конечно же, вот и характерная антенна радара над массивным полукружьем купола.

К тому моменту, когда Питт взобрался по наружному трапу на один уровень и вновь очутился на шлюпковой палубе, где еще совсем недавно находился вертолет и была импровизированная вертолетная площадка, он вспотел, вымок насквозь и чувствовал себя отвратительно. Подняв с палубы один из крепежных тросов, Питт посмотрел на характер разрыва нейлоновых нитей. Затем, согнувшись в три погибели, чтобы хоть как-то противостоять ветру, двинулся вперед, но тут налетела гигантская волна и на долю секунды скрыла его из виду.

Глава 65

Под разукрашенным, расписным потолком столового салона отделения первого класса уходили в перспективу и терялись во мраке боковые изрядно пострадавшие стены. В нескольких уцелевших зеркальных стеклах отражался чудовищный беспорядок, царивший в помещении. Небольшая группа понурых людей стояла в зале, окруженная русскими десантниками.

Спенсера заставили примкнуть к группе американцев. В его глазах застыл ужас непонимания. Он обернулся в сторону Сэндекера и спросил:

— Неужели Питт и Вудсон погибли?! Возможно ли это?

— Еще как возможно! — произнес Драммер, с трудом шевеля распухшими губами. — Один из этих скотов-садистов, вон он стоит, он ударил Вудсона ножом прямо в живот, сукин сын…

— Ваш друг несколько заблуждается на сей счет, — прервал их разговор сумевший услышать слова Спенсера капитан Превлов. Он неспешно оглядел группу из девяти мужчин и женщины, лица которых, со следами побоев, выражали одинаковую подавленность. Превлов испытывал "тайное удовольствие от вида этих людей, которые в безнадежных для себя условиях попытались все-таки оказать сопротивление и теперь отчаянно пытались сохранить достоинство. Всякий раз, когда сильная волна ударяла в «Титаник» и лайнер заваливался на бок, американцы старались сохранить равновесие, удержаться на ногах — и эти усилия в сознании Превлова также напрямую увязывались с желанием этих людей не уронить окончательно достоинство перед лицом противника. — Да, заблуждается ваш друг. Но мы поговорим об этом чуть позже. А вот что меня сейчас действительно беспокоит, так это то, господин Спенсер, что ваши парни возле помп явно не проявляют достаточного усердия. Вы должны понимать, господин Спенсер, что, если они не будут откачивать воду, которая поступает в корпус корабля, достаточно эффективно и если уровень скопившейся воды превысит некоторый критический уровень, тогда эта драгоценная посудина неминуемо вновь окажется на дне, вы должны это понимать не хуже меня.

— Ну и что же, пускай себе тонет, — с легким сердцем сказал Спенсер. — По крайней мере, вместе с нами на «Титанике» потонете и вы со своими коммунистами.

— Ну, едва ли такое произойдет, — задумчиво протянул капитан Превлов. — Тем более, что наш «Михаил Курков» находится в двух шагах отсюда и уж он не преминет прийти на выручку, можете в том не сомневаться. — Превлов вытащил из кармана золотой портсигар, извлек оттуда сигарету и постучал ею по крышке, как обыкновенно делают те, кто курит папиросы. — И потом, разумные люди от неразумных как раз тем и отличаются, что принимают жизнь такой, какая она есть, и ведут себя соответственно.

— Тошно смотреть, как вы наложили свои грязные лапы на «Титаник».

— Вы никого из нас не заставите делать для вас грязную работу, — сказал Сэндекер. В его голосе звучала непреклонная решимость.

— Пусть так, — сказал Превлов, интонацией давая понять, что сказанные слова ничуть его не задели. — Хотя с другой стороны, мне кажется, что вы будете нам помогать, и полагаю, очень скоро. — Обернувшись к одному из десантников, он отдал какое-то распоряжение по-русски. Десантник кивнул, неспешно прошел несколько шагов в направлении американцев, взял за руку Дану, грубо дернул ее на себя и потащил женщину к одному из переносных светильников.

Все мужчины, не сговариваясь, устремились было на помощь, но были остановлены направленными им в грудь стволами. Они беспомощно застыли на месте: в глазах спасателей явственно прочитывались ярость и презрение.

— Если вы только тронете ее, — едва сдерживаясь, яростно произнес Сэндекер, — вы заплатите за это.

— Перестаньте, адмирал, — резко ответил ему Превлов. — Вы думаете, мы будем ее сейчас насиловать у вас на глазах? Это вы фильмов голливудских насмотрелись. Только полный идиот решился бы воздействовать на вас подобным образом. Я ведь немного знаю американцев. Они делают вид, что вознесли своих женщин на пьедестал. Ни секунды не сомневаюсь, вы все с радостью кинулись бы защищать эту вашу мадам и с еще большей радостью погибли бы, защищая ее. А с кем я тогда остался бы, а? Вы об этом подумали?! Увольте. На фоне изящного убеждения всякие там глупости вроде пыток, унижения — все это примитив, и не более. Хотя… — Превлов выдержал паузу, хмыкнул. — Знаете, а вот про унижение я, пожалуй, сказал не совсем верно. Унижение подчас бывает очень действенным средством. Да, унижение иногда может творить чудеса. Во всяком случае, оно может заставить некоторых чрезмерно гордых людей исполнять свои обязанности.

Превлов обернулся в сторону Даны.

— У меня к вам небольшая просьба, миссис Сигрем небольшая но искренняя. Будьте добры, разденьтесь, пожалуйста. Полностью разденьтесь.

— Что это еще за мерзость вы придумали?! — потребовал Сэндекер.

— Отчего же — мерзость? Миссис Сигрем будет сейчас раздеваться и снимет с себя всю одежду. Ну а я время от времени буду повторять обращенную ко всем вам просьбу. Если вдруг вам станет жалко даму, вы начнете подчиняться моим командам. А если жалости не проявите, мы с вами увидим хорошенькую женщину в ее, так сказать, натуральном виде.

— Нет! — закричал Ганн, обращаясь к Дане. — Не смей этого делать, слышишь?!

— Пожалуйста, не указывать, — со вздохом сказал Превлов, давая понять, что ему тут все уже надоело. — В случае малейшего неповиновения она будет раздеваться не самостоятельно, но ее разденут мои парни. Будет только хуже, можете мне поверить. Но миссис Сигрем все равно будет раздета, как я и хотел изначально. Ну, я жду…

Медленно, едва заметно, в глазах Даны разгорался негодующий огонь, преобразивший все ее лицо. Затем, не говоря ни слова, она решительным движением сняла с себя куртку и швырнула ее на пол. Следом полетел комбинезон, а затем и нижнее белье. Через минуту в свете лампы стояла совершенно обнаженная стройная и очень соблазнительная Дана Сигрем. Последнее впечатление усиливалось присутствием одетых мужчин вокруг нее.

Сэндекер демонстративно отвернулся, и его примеру тотчас последовали остальные спасатели.

— И все-таки вам придется смотреть на нее, — сказал Превлов. — Сколь бы ни был галантен ваш жест, вам придется смотреть на миссис Сигрем. Так что, оставьте ребячество до лучших времен. И либо вы все немедленно повернете головы, либо мы вынуждены будем сделать с миссис Сигрем одну небольшую, но занятную…

— Мне кажется, эти мерзавцы зашли слишком далеко!

При звуках голоса Даны все головы обернулись в ее сторону.

Дана стояла, расставив ноги, уперев руки в бедра. Ее грудь гордо поднималась, в глазах явно читалось бесстрашие. Перед ними была красивая, сильная, презрительная женщина, достойная того, чтобы ею любовались.

— Сегодня бесплатно, парни. Смотрите на здоровье. Тем более, что некоторым из вас, я думаю, уже и ранее доводилось видеть голую женщину. Кто-то, может быть, даже и трогал голую женщину. Так что, ради Бога, смотрите и наслаждайтесь. — Дана подмигнула и звонко рассмеялась. Было очевидно, что ей удалось провести Превлова.

Капитан Превлов с брезгливым выражением уставился на Дану.

— Что ж, миссис Сигрем, впечатляет, не скрою, весьма впечатляет… Вы сами того, конечно же, не подозревая, лишний раз подтвердили упадок моральных ценностей в вашем западном обществе.

— Покажи мне коммуниста, я покажу тебе мудака, — язвительно ответила она. — Когда вы и такие, как вы, твари во всеуслышание говорите об упадке моральных ценностей в капиталистическом обществе, империалистической угрозе и прочей марксистской чепухе, над вами хохочет весь цивилизованный мир. Посмотрите на себя в зеркало. Вы сделали из себя посмешище. С тех пор, как обезьяны спустились с деревьев, ни одна страна не разыгрывала такого дьявольского фарса, как это сделали вы. Если бы у вас было хоть что-нибудь в головах, кроме вашего марксизма, вы давно бы поняли все это и сами.

Лицо капитана Превлова сначала побледнело, а затем приняло чуть заметный голубой оттенок.

— Ну хватит, — рявкнул Превлов. На грани потери контроля над собой, он из последних сил пытался сдерживаться и от этого зверел еще больше.

Дана картинно потянулась и сказала:

— Чего ты кипятишься, Иван? Привык к своим мосластым коммунисточкам?! Не можешь смириться с мыслью, что обыкновенная свободная женщина из обыкновенной свободной страны позволяет себе смеяться над твоими жалкими уловками?

— Меня выворачивает от твоей вульгарности. При всех своих недостатках наши женщины не ведут себя, как уличные потаскухи.

— Пошел ты на… — с очаровательной улыбкой пропела Дана.

Капитан Превлов не пропускал ничего. Он заметил как Джиордино и Спенсер быстро обменялись взглядами; от него не укрылись сомкнутые губы и ненавидящее лицо Драммера, сжатые кулаки низкорослого Стерджиса. Он вдруг заметил и то, что Дана Сигрем мелкими шажками все дальше уходит в сторону от своих коллег, направляясь к русским десантникам. Дана Сигрем вполне успешно исполнила свой замысел, поскольку, чем дальше заходила она за спины десантников, тем больше они выворачивали шеи, продолжая таращить на нее глаза; оружие в их руках стало опускаться, когда Превлов выкрикнул команду по-русски.

Десантники сбросили наваждение, встрепенулись, сделали серьезные лица и сжали в руках автоматы.

— Что ж, — сказал Превлов, — у вас неплохие актерские способности, уважаемая. Так что, позвольте вам выразить мое искреннее восхищение.

Выражение лица у Превлова было, как у опытною и проницательного врача, которому удалось перехитрить редкостное заболевание.

Он заметил, как опустились плечи Даны, как сделалось унылым ее еще недавно столь энергичное лицо. По спине Даны пробежала нервная дрожь. Дана нашла в себе силы выглядеть гордой и уверенной в себе женщиной.

— Не понимаю, о чем вы говорите… — сказала миссис Сигрем.

— Ну разумеется, — подыграл ей Превлов и наигранно вздохнул. Он несколько мгновений внимательно смотрел на нее, затем обернулся и отдал приказ одному из своих людей. Тот кивнул, вытащил большой армейский нож и направился к Дане Сигрем.

При виде мощной фигуры идущего к ней десантника Дана съежилась и моментально побледнела.

— Эй, что вы собираетесь делать?! — крикнула она, обращаясь не к приближающемуся десантнику, но непосредственно к Превлову.

— Я приказал ему отрезать вашу левую грудь, — ответил Превлов тоном, словно речь шла о вполне обыденном действии.

Спенсер с открытым ртом уставился на Сэндекера, взглядом умоляя адмирала вмещаться.

— О Господи… — в отчаянии воскликнул Сэндекер. — Вы не можете позволить… вы обещали никакой жестокости или грубости…

— Да, я первый готов признать, что всякая грубость выглядит отвратительно, — сказал капитан Превлов. — Но ведь вы сами вынудили меня, разве не так? Вы просто-напросто не оставили мне шансов разговаривать с вами так, как это принято среди цивилизованных людей. Так что, не взыщите…

Сэндекер стремительно двинулся на Превлова:

— Вам придется убить меня первого!

Один из десантников, не торопясь и как бы даже нехотя, перевернул свой автомат и прикладом ловко ударил адмирала в пах. Сэндекер рухнул на четвереньки, потом завалился на бок и, сжав зубы, уперевшись щекой в пол, взвыл от боли.

Дана ногтями впилась себе в бедра с такой силой, что пальцы ее побелели. Все, что могла, она уже сделала, *я* теперь оставалось только признать поражение. Она вдруг поймала на себе холодный взгляд подошедшего к ней десантника. Тот взял ее за плечо, развернул к себе — при этом у нее было чувство, словно на плече не живая человеческая рука, а мощный металлический зажим. В эту самую минуту на освещенную часть салона медленно вышел Дирк Питт.

Глава 66

Собравшимся в салоне Питт показался безмолвным привидением, поднявшимся из глубин морской преисподней. Он был мокрым с ног до головы: черные волосы его прилипли к разодранному до крови лбу, губы кривились в сатанинской улыбке. В свете ламп падавшие с одежды Питта капли воды сверкали, а на полу растекалась темная лужа.

Лицо Превлова застыло в напряженной маске. Он медленно вытащил из золотого портсигара сигарету, зажег ее и выпустил долгую струю табачного дыма.

— Ваше имя? Смею предположить, вы Дирк Питт, не так ли?

— Именно так записано в моем свидетельстве о рождении.

— Похоже, вы необыкновенно долговечны, господин Питт. Я полагал, что вы мертвы.

— Это лишний раз доказывает, что нельзя доверять сплетням на борту корабля.

Питт медленно снял с себя мокрую куртку и набросил ее на голые плечи Даны Сигрем.

— Ты уж извини, дорогая, — в данную минуту это лучшее, что могу сделать. — Затем он обернулся в сторону Превлова. — Будут возражения?

Превлов отрицательно покачал головой. Его несколько озадачила манера поведения Питта. Сощурившись, Превлов пытался сейчас оценить Питта, как ювелир оценивает очередной камень, прежде чем начать огранку.

Капитан Превлов сделал знак одному из десантников, который подскочил к Питту и ловко обыскал его мокрую одежду.

— Будут возражения? — в свою очередь поинтересовался Превлов.

Питт пожал плечами и даже развел на ширину локтевых суставов руки, чтобы русскому десантнику было сподручнее обыскивать. Солдат стремительно пробежал сверху вниз руками, выпрямился и, обратив лицо к Превлову, отрицательно качнул головой, удостоверяя безоружность Дирка Питта.

— Что ж, — сказал Превлов. — С вашей стороны мудро прийти сюда без оружия. Впрочем, от человека с такой, как у вас, репутацией я другого и не ожидал, скажу вам искренне. Я ведь немного знаю о вас, приходилось читать досье с материалами о ваших экспедициях. Произвело на меня, не скрою, самое приятное впечатление. Я еще, помню, тогда подумал, что хотелось бы с вами познакомиться… Не думал, что доведется увидеть вас при таких обстоятельствах, ну да человек, как известно, предполагает, не правда ли? И тем не менее, скажу откровенно, я рад нашему знакомству.

— Сожалею, что не могу ответить взаимностью, — приятным голосом ответил Питт. — Ни с вами лично, ни с подобным вам сбродом мне, признаюсь, никогда не хотелось знакомиться.

Превлов сделал несколько шагов к Питту и наотмашь, тыльной стороной ладони, ударил его по лицу.

Питт чуть подался назад, из угла рта тонкой струйкой начала капать кровь.

— Ну, ну… — тихим, нарочито спокойным голосом сказал он. — Знаменитый Андрей Превлов наконец потерял хладнокровие.

Превлов подался к Питту, глаза его сузились, лицо сделалось каменным.

— Мое имя?! — шепотом выдохнул он. — Тебе известно мое имя?

— Знаю о вас не меньше, чем вы обо мне.

— Что ж, — сказал Превлов, — вы умнее, чем я даже мог предположить. Однако готов спорить, что, кроме имени, едва ли что-нибудь конкретное вам известно.

— Не знаю, не знаю… — протянул Питт. — На вашем месте, я не был бы столь категоричен. Как бы вы, скажем, отнеслись к предложению послушать одну мудрую народную сказку, а?

— Увы, не до сказок сейчас, — ответил Превлов. Он сделал знак десантнику с ножом в руке. — Сказки будут позднее, а сейчас я был бы вам чрезвычайно благодарен за помощь в переубеждении адмирала Сэндекера и его коллег, которые почему-то напрочь отказываются работать под нашим руководством.

Десантник, нижняя часть лица которого была скрыта под специальной повязкой, по сигналу Превлова двинулся в направлении Даны. В руке его блестел нож. Когда десантник поднес лезвие к груди Даны, парализованная страхом женщина даже не попыталась отклониться, а лишь нагнув голову, не отрываясь смотрела на хромированное лезвие.

— Вот и плохо, что не захотели послушать одну сказку, — ровным голосом сказал Превлову Питт. — Одну такую знаю я сказку, которая вам непременно бы понравилась. Эта сказка про двух чудесных парней, которых зовут «Серебряный» и «Золотой».

Превлов изучающе посмотрел на Питта, затем резким кивком головы приказал десантнику убрать нож и отойти на место.

— Если пяти минут хватит, я готов послушать, какая там еще у вас сказка…

— Это не займет много времени, — начал Питт. — Сказка вот какая. В некотором царстве, в некотором государстве жили-были два канадских инженера. В один прекрасный день они сделали для себя удивительное открытие, а именно: они вдруг поняли, что элементарный шпионаж может оказаться куда более прибыльным, чем их работа по специальности. И они, отбросив ложный стыд, стали профессиональными агентами в самом прямом смысле этого слова, направив свой талант на сбор данных об американских программах в области океанографии и передачу этих сведений по секретным каналам в Москву. «Серебряный» и «Золотой» отрабатывали свои деньги, не совершая ошибок. Их русские хозяева за два последних года получили информацию о всех мало-мальски важных акциях, осуществленных НУМА. Затем началась отработка проекта по спасению «Титаника». И советская военно-морская разведка, которую вы тут и представляете, товарищ Превлов, почуяла настоящую добычу. Вы получили возможность из первых рук получать информацию о новейших американских достижениях в области глубоководных спасательных технологий. Тогда вы еще и не подозревали, что в действительности кроется за подъемом «Титаника».

Далее, — продолжал Питт, — эти самые «Серебряный» и «Золотой» посылают своим русским хозяевам все новую информацию. Наши инженеры нашли такой замечательный способ передачи своей шпионской информации, что просто любо-дорого. Они использовали пинджер на аккумуляторах. А пинджер — это такой славный приборчик для распространения под водой сигналов определенной частоты, который выглядит, как сигнал обычного сонара. И вот однажды акустик «Каприкорна» обратил мое внимание на странные сигналы. Вместо того, чтобы прислушаться к мнению специалиста, я же еще сделал внушение своему акустику, в чем сейчас искренне раскаиваюсь. Но, как бы там ни было, а в то время никому из нас, и мне в том числе, даже в голову не могло прийти, что за нами шпионят и всю информацию передают в виде подводных сигналов. Никому не пришло в голову записать эти странные сигналы и попытаться их расшифровать. Во всем регионе лишь один человек занимался дешифровкой сигналов, да и тот находился на борту «Михаила Куркова».

Питт сделал паузу, облизал, губы и посмотрел на мужчин, внимательно слушавших его рассказ.

Мы не почуяли неладное до тех пор, пока в недобрый час Генри Манк не почувствовал желание удовлетворить естественные потребности. На обратном пути с кормы «Сапфо-II» в носовую часть он заметил работающий псевдо-сонар. Остановился, присмотрелся… Увидел, как один из ваших агентов передавал информацию. Он пытался переубедить Манка, однако Манк, увидев пинджер, сразу сообразил, в чем дело. И поплатился. Так приходится подчас расплачиваться любопытному коту, который сует нос во все кастрюли. Манка убили сзади ударом треножника по затылку. Убийца оказался в дурацком положении, и тогда он попытался инсценировать случайную смерть: еще раз ударил головой уже мертвого к тому времени Генри Манка об угол кожуха альтернатора. Вудсон подозревал, что дело нечисто, я подозревал. А доктор Бейли обнаружил кровоподтеки на горле Манка. Но поскольку тогда на след убийцы напасть не удалось, я сделал вид, что поверил в версию о случайной смерти. Позднее я пришел на «Сапфо-II», уже когда лодка была на корабле сопровождения, обыскал там все углы и, представьте себе, обнаружил старенький треножник, на котором был размещен пинджер. По иронии судьбы, я обнаружил треножник в том самом шкафчике, который использовал для своих вещей Генри Манк. Мне и в голову не пришло отправить треножник на берег, чтобы специалисты попытались снять с его поверхности отпечатки пальцев. Я сразу понял, что тут орудует профессионал. Так что и сам пинджер, и треножник я оставил там, где обнаружил. Мне было вполне ясно, что рано или поздно, когда волна расследования гибели Манка уляжется, рано или поздно ваш агент вновь попытается связаться с «Михаилом Курковым». И я стал ждать.

— Что ж, очень интересная у вас сказка, — сказал Превлов. — Только слишком много подробностей. Подробностей много, а вот доказательств никаких.

Питт загадочно улыбнулся и продолжал:

— Доказательства у меня появились позднее, и действовал я методом вычитания. Убийцей был один из тех троих, кто находился в том рейсе на борту «Сапфо-II». Причем, убийца должен был в момент, когда Манк получил роковой удар сзади, формально отдыхать после отработанной смены. И тогда я поступил следующим образом. Работая с этими тремя людьми, я так составлял график их работ, чтобы двое находились на корабле, а один — под водой, занимаясь подготовкой «Титаника». И я все время менял: то один должен был работать под водой, то другой, то третий. И как только в очередной раз наш акустик поймал сигнал, я точно знал убийцу Манка.

— И кто же он, Питт? — сдавленным голосом спросил Спенсер. — Нас тут десять человек. Этот подонок среди нас?

Несколько секунд Питт неотрывно смотрел на Превлова, затем резко обернулся и кивнул в сторону одного из мужчин, сгрудившихся под лампой:

— Тут бы понадобились торжественные фанфары, чтобы ознаменовать явление героя народу. Однако, боюсь, кроме ударов волн в корпус «Титаника» других, более торжественных, звуков не будет. Но как бы там ни было, а я хочу, джентльмены, представить вам господина Драммера! Пожалуйста, господин Драммер, выйдите и покажитесь, чтобы все могли вас лицезреть. В следующий раз столь же много людей будут смотреть на вас, когда вас поведут на электрический стул.

— Неужели Бен Драммер?! — воскликнул Ганн. — Не могу поверить. Мы столько времени проработали вместе, да и здесь он был вместе со всеми нами…

— Но дело осложнялось тем, — продолжал Питт, — что я не мог немедленно арестовать Драммера. Тогда бы русские лишились своего весьма ценного агента, который сообщал им подробности, касающиеся подъема «Титаника», а мы лишались возможности продолжать игру. Мы ведь тоже захотели немного поиграть.

— Вот ведь гад… — сказал Джиордино. — Ловко он меня обманывал. Работал, паскуда, за двоих, а я даже и не задумался, откуда, мол, у него такое рвение…

— За двоих, говоришь? — переспросил Питт. — Здесь ты, по-моему, не совсем прав. Действительно, он много времени проводил под водой, да и на корабле даром его не терял. У него вечно были грязные руки и черт знает в чем вымазанное лицо. Однако результатов его деятельной работы никто не видел. Ты, например, мог бы мне сказать, что именно сделал Драммер за все время, пока проводились работы по спасению «Титаника»? Мог бы? Я так — нет. Потому как Драммер лишь изображал активную деятельность, горение на работе…

Ганн недоуменно покрутил головой.

— Ну и дела… Если бы вдруг у меня кто спросил, я бы тоже сказал, что Драммер работает, не жалея себя. И все-то он проверял, все приборы, механизмы, разное там оборудование…

— Оборудование, ага, как бы не так! Драммер раздобыл миниатюрную ацетиленовую горелку, носился с ней по «Титанику» и делал аккуратные и не бросающиеся в глаза дыры в корпусе. Вот так он и работал, не жалея себя…

— Ушам своим не могу поверить, — сказал Спенсер. — Да и зачем в таком случае дырявить корабль, если наверняка знаешь, что он понадобится твоим русским хозяевам.

— А чтобы труднее было буксировать «Титаник» в Нью-Йорк, только лишь за этим, — объяснил Питт — Важно было выиграть время, поскольку если у русских и были какие-то шансы высадиться на борт «Титаника», то разве только во время урагана. Задумано неплохо, но не более того. До поры до времени нам даже не приходила в голову мысль о том, что кто-то может попытаться захватить «Титаник». И однако же… Деятельность Драммера была, как оказалось, отнюдь не напрасной. Если бы не это его вредительство, буксировщики сумели бы оттащить «Титаник» миль за тридцать от эпицентра Аманды. Но, еще раз скажу, Драммер честно отрабатывал свои деньги: вода в трюме лайнера все прибывала и скорость передвижения все замедлялась. Буксировщики вынуждены были в конце концов перейти на самый тихий ход, какой только конструктивно оказывался возможным… Да что я, в самом-то деле! То, что «Титаник» оказался захвачен Превловым и его головорезами — лучшее свидетельство того, как именно поработал тут Драммер.

Коллеги Питта понемногу начали понимать ситуацию. Ведь действительно никто не мог припомнить, что видел Драммера возле помп, или видел, как он таскает какие-нибудь тяжести, расчищая палубу. Только теперь спасателям стало очевидно, что в действительности Драммер всегда ошивался неизвестно где и делал то, что считал нужным, никому при этом не давая отчета. Если о чем-то Драммер и говорил, так разве только о том, как он устает, и почему не сумел выполнить какое-либо из конкретных ему порученных заданий.

Все уставились на Драммера с таким видом, как будто перед ними был пришелец из другого мира. Подспудно коллеги Питта ожидали, что Драммер будет сейчас оправдываться, попытается хоть как-то выйти из ситуации.

Однако с его стороны ничего такого, не последовало.

Ни слова не произнес он в свое оправдание. На лице Бена появилось было, но тут же исчезло выражение брезгливости. Даже внешне он изменился: вместо грустного выражение лица стало жестким, жестоким, уверенным. Губы, прежде неизменно сохранявшие сибаритскую ухмылку, теперь лишь подчеркивали мужественность. Вместо знакомого всем Драммера был человек аристократической наружности с жестким выражением лица.

— Позволь мне пару слов, — сказал Драммер, обращаясь к Питту. — В тебе, Питт, пропал, если хочешь знать мое мнение, хороший разведчик. Но, впрочем, это так, к слову. Однако при всей твоей наблюдательности, при всем твоем уме ты оказался не в состоянии разглядеть кое-чего значительно более важного.

— Надо же! — Питт всплеснул руками. — Наш уважаемый коллега даже говорить стал по-другому. Куда-то вдруг подевался его простецкий акцент, а?!

— Стало быть, и тут я сумел провести тебя, не так ли, Питт?

— Не только тут, Драммер. Ты во многих отношениях преуспел, не буду скрывать. Скажем, ты преуспел в науке убивать друзей, в науке продавать секреты своей страны. Ты способный ученик, Бен Драммер, очень, я бы даже сказал, способный.

— Что ж, этому пришлось учиться, — сказал ему Драммер. Не спеша отделившись от своих недавних коллег, он подошел и встал теперь напротив капитана Превлова.

— Скажи мне напоследок, если не затруднит, какая была у тебя кличка, «Серебряный» или «Золотой»?

— Так уж ли это сейчас важно, Питт? — Драммер пожал плечами. — Впрочем, если ты уж действительно так хочешь знать, то «Золотой».

— Значит, «Серебряный» это твой брат?

Лицо Драммера сделалось еще более жестким.

— И это пронюхал?

— Ну, а почему бы и нет. Как только я вычислил тебя, то подключил к расследованию ФБР. Они тобой и занялись. Хотя мне куда больше хотелось бы обратиться за помощью к военно-морской разведывательной службе русских. Вот бы кто при желании мог мне действительно помочь. Ведь именно русские разведчики сочинили всю твою липовую историю, не менее, впрочем, американскую, чем традиционный американский пирог с яблоками. Однако и в ФБР парни оказались не промах, сумели раскрутить всю твою историю, нашли фальшивые документы. Они сумели проследить весь твой путь, до самого городка Галифакс в Новой Скотии, где вы с братом родились… Они даже выяснили, что ты и брат были не просто единоутробными, но появились на свет с разницей в десять минут. Да, в ФБР встречаются большие умельцы, грех жаловаться.

— Надо же, — сказал Спенсер, — близнецы!

— Близнецы-то близнецы, однако совершенно не похожие друг на друга. Только для посвященных они — единоутробные.

— И, стало быть, найдя одного из близнецов, ты легко обнаружил и другого, так ведь? — спросил Спенсер.

— Не стал бы сейчас уверять, что это было легко, — сказал Дирк Питт. — Они были тоже парни не промах, что Драммер, что брат его родной. Умные ребята, этого у них не отнимешь. Я поначалу как раз и погорел на том, что предполагал, будто у того и другого должны быть одинаковые пристрастия, сходные симпатии и антипатии, одна компания, что тот и другой часто бывают вместе, любят ходить в одни и те же места. Я так думал, но оказался совершенно не прав. Но оказалось,

что братья, эти вот самые «Серебряный» и «Золотой» совершенно не похожи друг на друга. Драммер, как известно, человек общительный и ровный в отношениях со всеми, жил один. Тут парням из ФБР не посчастливилось разжиться какой-либо информацией. Они не знали, как найти выход на второго брата, где можно искать его. Но, правильно говорят, мол, не было бы счастья, да несчастье помогло.

— Случай с «Дин Фантом»? — попытался угадать Ганн, глядя на Драммера жестким ненавидящим взглядом. — Но ведь Драммер не был связан с «Дип Фантом». Он же находился на борту «Сапфо-Н».

— Но с «Дин Фантом» он-таки был связан, и даже очень. На «Дип Фантом» находился его брат.

— Как ты догадался? — поинтересовался Драммер.

— У двойняшек есть одна такая весьма любопытная особенность, они думают и чувствуют, как один человек, у них сходного куда больше, чем это может показаться. Когда один из братьев оказывается в опасности, другой чувствует эту опасность, где бы сам при этом ни находился. Так же произошло и в нашем конкретном случае. И Драммер испытывал, находясь в безопасности, такие же ощущения, как если бы он сам был на «Дип Фантом».

— Да, я помню, что хотя все мы очень переживали, Драммер был прямо-таки в истерике, — сказал Ганн.

— И для меня опять-таки все свелось к тому, чтобы вычислить нужного человека из троих. На сей раз это были Чавец, Киль и Меркер. Чавец даже по виду мексиканец, и с этим нельзя было не считаться. Киль на восемь лет моложе Драммера, и эту разницу в возрасте также никак не подделаешь, никакими фальшивыми документами. Остается, значит, Сэм Меркер.

— Черт! — не выдержал Спенсер. — Столько времени нас водили за нос, а мы и ухом не повели.

— С одной стороны — да, конечно. Однако если иметь в виду, что русские выставили против нас едва ли не самых лучших своих агентов, нужно будет твое заключение разбавить парой снисходительных фраз, — Питт едва заметно ухмыльнулся. — И вот еще что. Тут Спенсер как-то между делом сказал, что на борту «Титаника» десять человек. Так вот, адмирал, хочу внести некоторую ясность. Нас тут одиннадцать на данный момент, не считая… Ну, вы понимаете. А обсчитались вы, Спенсер, потому что не включили в общее число нашего местного Джека Потрошителя. — Обернувшись к десантнику, который все еще продолжал стоять напротив Даны с ножом наизготовку, он сказал: — Меркер, да брось ты свой дурацкий фонарь.

Десантник подумал несколько мгновений, затем развязал шарф, скрывавший нижнюю половину лица.

— Слу-ушайте, так это ведь тот самый скот, что Вудсона убил, — сказал Джиордино.

— Это был вынужденный шаг, — сказал Меркер с редкостным спокойствием в голосе. — Первой ошибкой Вудсона было то, что он узнал меня. Если бы он хоть немного помолчал, то был бы сейчас среди вас целым и невредимым. Его второй ошибкой, и фатальной, было нападение на меня.

— Но ведь Вудсон был твоим другом.

— В шпионской работе не бывает друзей.

— Слушай, Меркер, — произнес Сэндекер. — Ты и Драммер оказались теми самыми «Серебряным» и «Золотым». Я вам так верил, так ценил вас, а оказывается, все это время вы по крупицам продавали НУМА. Два года кряду, целых два года вы продавали и предавали ваших коллег. И чего ради? Из-за нескольких паршивых долларов?!

— Ну, что значит — «нескольких»?! — Меркер вставил финку обратно в чехол. — Тех денег, что мы с братом за эти годы заработали, вполне хватит на безбедную и, я бы даже сказал, комфортную жизнь.

— Он псих, — безапелляционно заявил Ганн. — Таким, как Меркер, нужно весь остаток жизни провести в отделении доктора Бейли.

— Псих не псих, однако я уверен, что это именно он способствовал тому, чтобы Стерджисов вертолет доставил его сюда. На это у него ума хватило… — Питт вытащил смятый носовой платок и несколько раз промокнул рану на голове.

— Но как он пробрался на «Титаник»?! — недоуменно спросил Стерджис. — И тем более, как он мог попасть на мой вертолет?! Питт, ведь ты был вместе со мной, когда я открывал грузовой люк, и ты видел, что там кроме Даны Сигрем не было ни души, разве не так?

— Да был, был там Меркер, это мы с тобой ушами прохлопали, все на свете проморгали… Он подсыпал снотворного доктору Бейли, затем отправился в каюту своего брата, там переоделся во все новое, включая обувь. Он обул желтые ковбойские сапоги, а затем, никем не замеченный, пробрался в машину, вытащил из грузового отсека спасательный плот, оставив только чехол от него. Под чехлом-то он тогда и спрятался. Дане не повезло, что она полезла в вертолет, где потеряла свою косметичку. Полезла туда, где прятался наш герой. А когда она наконец обнаружила косметичку, зажатую между складными креслами, и нагнулась за ней, то заметила пару сапог, которые выглядывали из-под аварийного чехла. И чтобы она не сорвала его побег, Меркер ударил ее по голове молотком, который там же валялся. Набросил на Дану брезент, а сам опять спрятался в нишу.

— Что же получается? Значит, в тот момент, когда мы с вами открыли люк, он находился в багажном отсеке?

— Нет, когда мы с тобой открыли люк, его там уже не было. Если ты обратил внимание, мы открыли люк, выждали несколько минут на всякий случай, прислушиваясь, и только после залезли в машину. Так вот, когда заработал электромотор, связанный с люком, он преспокойно перешел в пилотский отсек, а

уж когда мы, изображая заправских детективов, вошли в грузовой отсек, Меркер покинул вертолет и под покровом ночи скрылся без всяких проблем.

— А молоток зачем ему понадобилось бросать в винт вертолета? — поинтересовался Стерджис. — В этом-то какой смысл?

— Ты же прилетел с «Каприкорна» без груза, и у меня не было никакой уверенности, что ты не улетишь, не открывая грузовой отсек. Так вот я и бросил молоток, чтобы обезопасить свой выход наружу.

— Ну, разумеется! Вышел — и давай себе орудовать! — сказал Питт. — Небось, братец тебе и схемку-то «Титаника» предоставил, чтобы лишних километров не набегать. Я даже могу сказать, с чего начались твои похождения на «Титанике». Ты вытащил припрятанное Драммером приспособление для резки и тотчас же разрубил канат, отцепив, таким образом, лайнер от обоих буксировщиков. Наверняка подловил такое время, когда шеф Баском с парнями закончили очередную инспекцию, пошли отдохнуть — вот здесь-то ты и обрезал буксировочный канат. Можешь не отвечать, я и так уверен. Потом ты перерубил крепления, которыми вертолет был привязан к палубе. Думаю, особое удовольствие тебе доставила мысль, что вертолет скользит по наклонной палубе и падает в воду вместе со мной.

— Отчего же… — добродушно улыбнулся Меркер. — Двух зайцев одним выстрелом — это ведь всегда приятно, не скрою. Это примерно как…

Договорить Меркер не успел. Глухие выстрелы, донесшиеся откуда-то снизу, заставили его прерваться на полуслове. Превлов вопросительно посмотрел на своих десантников, затем перевел взгляд на Питта и Сэндекера.

— Кажется, парни в трюме оказались менее покладистыми, нежели я думал. — Превлов вытащил из мундштука недокуренную сигарету и загасил ее о подошву ботинка. — Думаю, мы и так с вами слишком заболтались. Шторм через некоторое время должен ослабнуть, тогда «Михаил Курков» возьмет «Титаник» на буксир. Адмирал, у меня к вам личная просьба. Пожалуйста, проследите, чтобы ваши парни прекратили валять дурака и занялись откачкой воды из трюма. В конце концов, нужно и меру знать… Драммер покажет все дыры, что он провертел в корпусе, и все, кто свободен, будут заделывать пробоины. Иначе все потонем к чертовой матери!

— Значит, опять угрозы, опять выкручивание рук, игры в злого дядю, так?! — с нескрываемым презрением спросил адмирал Сэндекер.

— Игры кончились, адмирал, — вид у Превлова был грозный. Он сказал что-то одному из десантников, мужчине невысокого роста, в облике которого было что-то от профессионального мясника. Это был тот самый человек, который ударил автоматом Сэндекера. — Его зовут Бузки, он наш лучший стрелок. Немного понимает по-английски, по крайней мере, счет перевести сумеет. — Превлов обернулся к парню. — Бузки, я буду считать, и как только досчитаю до пяти, ты стреляешь в правую руку миссис Сигрем повыше локтя, при счете

«десять» стреляешь в левую руку. Скажу «пятнадцать» — в правое колено. Ну и так далее, пока адмирал Сэндекер будет упорствовать.

— Что ж, деловой подход, — одобрительно сказал Дирк Питт. — А после того, как мы все выполним свою работу, вы перестреляете нас по одному, выбросите тела за борт, и никто никогда не сумеет нас найти. А вы будете всюду утверждать, что команда покинула «Титаник» на вертолете и что вы взяли на буксир покинутое всеми судно, которое по международным правовым нормам теперь принадлежит вам. Так, что ли?! У вас даже и два свидетеля есть, один лучше другого: Меркер и Драммер. Уж они-то сумеют дать нужные показания, уж они расскажут, как русские вытащили их из бушующего океана и буквально спасли, им жизнь…

— Мне надоела болтовня, — оборвал Превлов. — Ну что, Бузки, работай, давай!

Бузки равнодушно поднял ствол и прицелился в Дану.

— Странный вы человек, — обращаясь к Превлову, сказал Питт. Вам совсем не интересно узнать, каким образом я узнал кодовые имена Драммера и Меркера и почему это я не приказал их арестовать после того, как вычислил обоих? Вам, кажется, не интересно даже узнать, каким образом я сумел узнать ваше имя, уважаемый захватчик.

— Интересно, только теперь все это уже без разницы. Ничто не изменит обстоятельств. И ничто, равно как никто, не сумеет помочь вам и вашим товарищам. Ни ваше хваленое ЦРУ, ни даже весь военно-морской флот Соединенных Штатов. Жребий брошен, увы… И довольно попусту сотрясать воздух, мне это осточертело!

Превлов обернулся к Бузки и громко, отчетливо произнес:

— Ра-аз!

— Как только капитан Превлов скажет «четыре», ты подохнешь, Бузки.

Бузки при этих словах сделал надменное лицо и чуть скосил глаза в сторону Питта.

— Два-а!

— Слушайте, неужели вы так еще и не поняли, что мы с адмиралом Сэндекером прекрасно знали о ваших намерениях захватить «Титаник»? Знали еще двое суток тому назад.

— Я же сказал, — осточертело. Три!

— В крови, которая сейчас прольется, вы будете виноваты один, Превлов.

— Четыре.

Прогремел оглушительный выстрел. Пуля прошла между глаз Бузки и разнесла ему череп. И, как при замедленной съемке, Бузки повалился под ноги Превлову.

Сильный удар сбил Дану Сигрем с ног, и она лишь успела истошно закричать, падая на палубу. Толкнувший ее Питт даже не потрудился извиниться, навалившись на нее своими стадевятидесятью фунтами тренированного мускулистого тела. Джиордино подмял под себя Сэндекера и сделал это не хуже многоопытного защитника из «Грин Бэй Пэкерз». Остальная часть спасателей в тысячную долю секунды сориентировались, демонстрируя молниеносное реагирование и прекрасное владение своим телом. Они падали на пол подобно листьям в ураган. На пол грохнулись также и Драммер с Меркером.

В дальнем конце салона, там, где сохранялась темнота, раздался еще один выстрел, от которого попадавшие на пол русские десантники очнулись и начали беспорядочно палить в темноту, что было опрометчиво. Не успев сделать и нескольких выстрелов, первый из десантников получил пулю в лицо, второй странно выгнулся, из шеи у него забил фонтан крови. Присевший на корточки третий десантник вдруг подозрительно спокойно встал на колени, опустил голову и с удивлением посмотрел на две дырки в груди, слева и справа от пуговицы, и рухнул лицом на пол.

Превлов остался один. Обведя всех взглядом, он перевел глаза на Питта. В них было выражение признания своего поражения и готовность умереть. Он кивнул Питту, затем начал палить из пистолета в темноту. Он расстрелял обойму и стоял, ожидая ответного выстрела. Однако никто не стрелял. Наступила тишина. Казалось, что все успокоилось. И только затем смысл происшедшего дошел до Превлова. Ему не суждено умереть здесь, на «Титанике».

Это была ловушка, в которую он наивно попался, как маленький ребенок в клетку тигра.

И вдруг что-то стало бередить его душу, насмехаясь и возникая снова и снова.

Марганин… Марганин… Марганин…

Глава 67

По определению морской котик — это млекопитающее семейства ушастых тюленей отряда ластоногих с красивым мягким мехом. Кличка «Морской котик» в американском военном флоте означала несколько иное. Когда Превлова окружили странно одетые вооруженные люди и направили на него дула, они скорее напоминали привидений, чем морских котиков, давших условное обозначение этому отряду особого назначения. Это были члены особого, элитного отряда ВМС США, который в документах имел аббревиатуру SEAL, что означало «море», «воздух», «земля». Солдаты SEAL имели высочайшую квалификацию, они проходили тренировку в сверхтяжелых условиях и могли вести сражение в любой среде обитания, как это и явствовало из названия отряда.

Их было пятеро, одетые в черные как смоль водолазные костюмы с капюшонами и облегающие мягкие сапоги из непромокаемого материала, со слоем черной краски на лицах, так что невозможно было определить, где заканчивался костюм и начиналось живое тело. У четверых были в руках автоматические винтовки М-24 с

раскладным прикладом. У пятого ружья Стокера, жуткого вида двустволка. Один из отряда SEAL подошел и помог Питту и Дане подняться на ноги.

— Гос-споди ты мой Боже… — простонала Дана. — Месяц буду ходить в синяках. — Она принялась потирать ушибы, не замечая, что куртка распахнулась. Когда, потрясенная происшедшим, она увидела распростертые на палубе тела десантников, ее голос задрожал и перешел в шепот. — Дерьмо… дерьмо…

— Вот теперь я могу поверить, что наша девушка пришла в себя, — с явной улыбочкой произнес Питт.

Дирк Питт пожал руку пришедшему на помощь американцу, затем познакомил своего спасителя с адмиралом Сэндекером, который нетвердо держался на ногах, опираясь на руки Джиордино.

— Адмирал Сэндекер, позвольте вам представить нашего общего спасителя, это лейтенант Фергюс из отряда SEAL, вам хорошо известного.

В ответ на отдание чести адмирал одобрительно кивнул лейтенанту, отпустил руку Джиордино и распрямился.

— Этот корабль… Кто сейчас тут командует?

— Если не ошибаюсь, вы, сэр. Вы командуете. Эхом прозвучали несколько выстрелов откуда-то из глубин корпуса «Титаника».

— Последний редут… — Фергюс усмехнулся. В слабом электрическом свете сверкнули его безупречные белые зубы. — Насчет корабля не беспокойтесь. Он сейчас в полной безопасности, можете поверить.

— А как дела у парней внизу, у тех, что откачивают воду?

— В полном порядке, продолжают свою работу.

— Сколько человек под твоим началом?

— Два отряда, по пять человек в каждом. Всего десять, включая меня самого.

Сэндекер вопросительно приподнял бровь.

— То есть, как это, всего десять?

— На такое задание мы обыкновенно не посылаем более пяти бойцов, — не реагируя на адмиральский тон. деловым голосом начал объяснять лейтенант Фергюс, однако все обсудив с адмиралом Кемпером, в этом конкретном случае решили подстраховаться и увеличили численность вдвое. Так чтобы уж никаких не было потом неожиданностей.

— М-да… — протянул адмирал Сэндекер, — военные моряки несколько изменились с того времени, когда я сам служил на флоте.

— Потери есть? — спросил Питт.

— Двоих чуть задело, а в остальном — полный порядок. Правда, мне доложили, что один из бойцов пока в розыске, куда-то подевался.

— Откуда вы? — неожиданно прозвучал вопрос Меркера, лицо которого исказила злая гримаса. — Поблизости не было ни корабля, ни самолета. Ничего! Ума не приложу, откуда вы все тут взялись?!

Фергюс вопросительно взглянул на Питта, тот кивнул.

— Пожалуйста, лейтенант, объясните нашему бывшему коллеге. В камере смертников у него будет возможность как следует подумать над вашими словами.

— Ну, если уж вы хотите знать, мы из-под воды. Атомная подлодка подплыла под самое дно «Титаника», и мы с парнями вышли через торпедные аппараты. Именно тогда один из членов отряда куда-то и подевался. Боюсь, что мы его потеряли. Не исключено, что волной его ударило о корпус корабля в тот самый момент, когда мы взбирались на борт по лестнице, гостеприимно спущенной мистером Питтом.

— Странно, что никто больше не видел, как вы поднимаетесь на борт, — произнес Спенсер.

— Ничего странного, — парировал Питт. — В тот момент, когда я помогал лейтенанту Фергюсу и его парням перебраться со стороны кормы через фальшборт, а затем показал им, как спрятаться в бывшей кабине шеф-повара на третьей палубе, словом, пока я встречал и устраивал наших гостей, вы все ожидали меня в гимнастическом зале.

Спенсер покачал головой.

— Говорят, всех людей можно водить за нос недолго.

— Могу эти слова переадресовать также и вам, — вставил Ганн. — Тем более, что и вы пытались дурачить нас дай Бог как…

— Так-то оно так, но русские чуть нас не переиграли. Мы знали об их намерениях, но не думали, что они отважатся на вторжение, пока не закончится ураган. Уже одно то, что они сумели высадиться в момент, когда судно находилось в эпицентре урагана, делает им честь. Хорошо подготовились, грех жаловаться. И ведь захват «Титаника» практически удался! Не будь Джиордино, адмирала или меня, а только мы втроем и знали о готовящемся прибытии отряда SEAL, Фергюс так бы и не знал, в какой момент атаковать.

— Хотя был, если признаться, был такой момент, — сказал адмирал Сэндекер, — когда мне показалось, что русские оказались удачливее, и что мы все в руках Превлова. Даже в гибель Питта я, был момент, поверил.

— Одному Богу известно, что могло быть, — сказал Питт. — Ведь не окажись этих направляющих рельсов на уровне прогулочной палубы, лежать бы мне сейчас на океанском дне.

— Я помню, господин Питт выглядел, как покойник, когда открыл для нас дверь кабины шеф-повара, — сказал Фергюс. — Я уважаю таких мужчин. Сам чуть живой, едва не утонул, из головы кровища хлещет — а ведь сумел и нас встретить, и провести кратчайшим путем к русским.

Дана посмотрела на Питта с нескрываемым восхищением:

— И сколько же времени, если не секрет, вы прятались за кулисами, ожидая, когда можно будет выйти к рампе?

Питт застенчиво улыбнулся.

— Минуту созерцал ваш стриптиз.

— Вот сукин сын. Стоял там, пока я корчила из себя дуру, а они глазели на меня, как на тушу в витрине мясной лавки.

— И я тоже, дорогая, что ж тут поделаешь. Когда я обнаружил тело Вудсона, и разбитое радио, сразу догадался, что у нас на корабле русские визитеры. Тогда мы с Фергюсом изменили маршрут и спустились в трюм, я подумал, вдруг русские уже держат на прицеле наших парней возле помп. С этого и нужно было начать. Ведь тот, кто контролировал бы откачку воды из корпуса, контролировал бы и все судно. А как только стало ясно, что там внизу я не столько помогаю, сколько мешаю нашим молодцам, тогда я пошел наверх. А вас нигде нет. И только по звуку голосов сумел отыскать. Конечно, предупредил парней из SEAL, чтобы в случае чего помогли…

— Стало быть, все то, что с нами происходило, все это было одной большой липой?! — сказала Дана.

— Ну, в некотором роде… Не липой, а как бы это поточнее сказать… В общем, я старался максимально протянуть время. Мне хотелось, чтобы парни полностью закончили разборку там внизу и все пришли сюда. Для явного численного превосходства и полной безопасности. Вот почему я и появился только в самую последнюю минуту, когда промедление могло обернуться трагедией.

— Да уж, высоки ставки были, ничего не скажешь! — сказал Сэндекер. — Но ты справился со своей ролью весьма неплохо, Питт.

— Меня беспокоили две вещи, — признался Питт. — Первая — жалость. Очень было жалко особенно вас, адмирал. Несмотря на кажущуюся внешнюю суровость, вы до сих пор переводите старушек через улицу и подкармливаете бездомных кошек и собак. Я уверен, вы не уступили бы русским до самой последней минуты, но в эту самую последнюю неминуемо бы уступили. — Тут Питт приобнял Дану и незаметно вытащил из кармана своей куртки, которую он набросил миссис Сигрем на плечи, пистолет. — Но и кроме жалости мне было о чем подумать. Скажем, о своей безопасности. Фергюс вручил мне вот эту двуствольную пушку, пистолет Стонера. Специальная система, стреляет небольшими кусочками металла, вроде обломков игл. Нажми я на курок, уложил бы всех русских с одного выстрела.

— Я-то думала, ты джентльмен, — сказала разочарованная Дана, — и набросил куртку мне на плечи, чтобы как-то поддержать униженную женщину, окруженную толпой зверья… Эх, ты… Оказывается, ты набросил куртку мне на плечи, чтобы пистолет русские не обнаружили.

— Не только, — вынужден был признаться Питт. — Когда возле меня находится обнаженная и к тому же очень симпатичная женщина, я совершенно не могу думать о деле. Меня это отвлекает от работы.

— Прошу простить, сэр, — вмешался шеф Баском, — я только хотел спросить, а почему, собственно, русские так заинтересовались этой ржавой посудиной?

— Вот-вот… — поддержал его Спенсер, — о том же и я хотел спросить.

— Я полагаю, — Питт взглянул на Сэндекера и пожал плечами, — теперь этот секрет можно приоткрыть. Дело в том, что русские охотились вовсе не за «Титаником», не за этой ржавой посудиной, как сказал Баском, но за партией редчайшего земельного элемента под названием бизаний. Большое количество этого самого бизания находилось на борту в тот самый момент, когда корабль утонул в 1912 году. Мне рассказывали, что если должным образом обработать этот бизаний и поместить, — не знаю, в каком, виде, — в нашу защитную противоракетную систему, то любые межконтинентальные ракеты будут страшны Америке не более, чем динозавры из детской книжки.

Шеф Баском тихонечко присвистнул.

— Хотите сказать, что эта штука до сих пор в трюме?!

— Вот этого-то никто из вас не узнает. Даже ты, Питт, — сказал молчавший все это время Превлов. — Поскольку к утру следующего дня «Титаник» будет совершенно уничтожен, — Превлов замолчал и оглядел присутствующих. В его глазах не было ни злобы, ни отчаяния, лишь спокойное удовлетворение. — Неужели никому из вас не пришло в голову, что мы действительно хорошо продумали всю операцию по захвату?! Кроме основного есть еще и ситуативные планы. В частности, все срежиссировано таким образом, что если мне и моим парням не удается захватить бизаний, то он не достанется никому вообще. Речь идет о том, что «Титаник» будет уничтожен. Теперь уж — наверняка, после того, как у нас сорвалось.

Питт ошеломление взглянул на Превлова.

— Оставьте надежды, которые вы возлагаете на кавалерию или, в данном случае, казаков, спешащих вас спасти, Превлов. Вы предприняли попытку, но играли против американцев, сорвавших банк. Вы все подготовили, спланировали операцию хорошо и исполнили ее до некоторой степени также неплохо. Вы, как я сейчас узнал, даже предусмотрели дополнительный вариант — на случай провала. А вы не подумали, что ваш противник также предусмотрел несколько запасных вариантов? Так что, капитан Превлов, я очень сожалею, однако же на сей раз, и не впервые, вы перехитрили сами себя.

— Но бизаний принадлежит Советскому государству, — грозно сказал Превлов. — Много лет тому назад ваше правительство добыло бизаний из русской земли и пыталось похитить, но не удалось. Так что, если в этой ситуации выяснять, кто же украл бизаний, этими ворами окажетесь вы, а не мы. Это вы, Питт.

— Очень спорно. Если бы речь шла о произведении искусства, о национальном достоянии или о чем-то в таком роде, то мое правительство само переправило бы находку в Мурманск. Однако речь идет о принципиально важной составной части стратегической оборонной системы. И если бы мы поменялись с вами местами, если бы именно вы, Превлов, сумели захватить бизаний, разве отдали бы вы его кому бы то ни было?! Вот и мы никому не отдадим.

— Значит, бизаний не достанется никому. Он будет уничтожен.

— Извините… Он необходим Америке вовсе не для того, чтобы убивать, но для защиты своих граждан. И он будет переправлен в Соединенные Штаты, будьте уверены.

— Не более, чем образчик ханжеской философии. Нынешний разговор лишний раз подтверждает правоту марксизма, правоту взгляда партийных теоретиков на сущность капиталистического строя и мораль людей, живущих при капитализме. Вы глупы и ограничены в своих взглядах, и когда-нибудь наступит такой день в недалеком будущем, когда вы все сделаетесь не более, чем предметом исследования историков будущего коммунистического общества.

— Не торопитесь, товарищ. Прежде, чем претендовать на мировое лидерство, нужно хотя бы условно принадлежать к категории цивилизованных людей.

— Почитайте историю, Питт. Если история чему и учит, так разве что тому, что именно народы, которые называли варварами, дикарями, животными, — именно они в конечном итоге одерживали исторические победы.

Питт невесело усмехнулся и дал знак Фергюсу, который вместе с другими бойцами из отряда SEAL повели Превлова, Драммера и Меркера к трапу. Уже была наскоро очищена одна из кают для того, чтобы содержать там пленников.

Однако усмехался Питт напрасно. Превлов был прав.

Действительно, в конечном итоге победа достается варварам.

Часть пятая

СОУТБИ

Июнь 1988

Глава 68

Медленно, но необратимо ураган Аманда умирал. Пройдет много лет, произойдут многие события, однако Великий Ураган-88 будет памятен теми разрушениями,

которые он принес. За три с половиной дня он пронесся по огромному пространству, одолев три тысячи миль по океану. И еще оставались у Аманды силы для последнего удара.

Ураган напоминал сверхновую звезду, которая ослепительно вспыхивала и затем меркла, сливаясь с космическим мраком. Начав вдруг отклоняться к востоку, Аманда безжалостно пронеслась над землей Ньюфаундленда — от Кейп-Рейс до Пуш Коув.

Ураган обрушивал чудовищные ливни на города, оказавшиеся на его пути. Несколько прибрежных деревушек оказались буквально смыты в океан. Застигнутые в океане шхуны, яхты, катера ураган выбрасывал на берег с такой дьявольской силой, что по обломкам не всегда удавалось определить, какое это было прежде судно. Улицы Сен-Джона превратились в огромные сточные канавы, и лишь некоторые здания в городе могли после урагана похвалиться наличием если не крыши, то хотя бы ее остатками. То был самый настоящий потоп. До прибытия спасательных команд о воде и электричестве в квартирах и домах никто даже и не мечтал, а обыкновенная пища вдруг сделалась таким сокровищем, что ее отмеряли горожанам буквально с точностью до нескольких граммов.

Сравнимых по силе и степени разрушений с Амандой ураганов жители Ньюфаундленда еще не знали. Когда этот ужас кончился, не сразу даже смогли подсчитать нанесенный ущерб. По самым заниженным подсчетам величина его составила не менее двухсот пятидесяти миллионов долларов. Сто пятьдесят пять миллионов из этой суммы составляла сумма убытков от разбитых рыболовных судов. Некоторые суда были унесены в океан, где и пропали. На шести из них находились люди. В результате шторма погибло не менее трехсот человек, хотя называлась и цифра триста двадцать пять человек.

Рано утром в пятницу доктор Райан Прескотт сидел в одиночестве в штаб-квартире Центра по изучению ураганов. Похозяйничав и помародерствовав вдосталь, унеся многие жизни, оставив после себя чудовищные разрушения, ураган Аманда начал наконец утихать, еще поигрывая, хотя и с меньшей силой, в районе залива Святого Лаврентия. Битва закончилась. Метеорологи в Центре НУМА более ничем не могли помочь. После того, как в течение семидесяти двух часов они непрерывно отслеживали Аманду и сообщали данные об урагане в разные точки планеты, синоптики, чуть живые от усталости, отправились наконец по домам.

Прескотт красными от чрезмерной усталости глазами оглядел столы, заваленные картами, цифровыми распечатками, компьютерными диаграммами и недопитыми чашечками с давно остывшим кофе. На полу валялись обрывки бумаг с условными метеорологическими знаками. Посмотрев на огромную карту на стене, Прескотт вдруг громко выругался. Он вспомнил чувство недоумения и бессилия, овладевшие им в тот момент, когда перехитривший всех здешних специалистов ураган вдруг вильнул хвостом и начал уходить на восток. Это было что-то небывалое, что-то совершенно беспрецедентное! За всю историю, за всю ее

документированную часть не случалось подобного. Ни один из прежде изученных ураганов не вел себя таким вот образом.

Если бы хоть что-нибудь, какая-либо мелочь в поведении Аманды указывали на возможное изменение курса, метеорологи, без сомнения, использовали бы такой шанс, просчитали бы варианты и сумели бы тогда предупредить жителей Ньюфаундленда, а значит, уменьшили бы степень разрушений и количество смертей. Каждый второй из погибших был бы сейчас жив. Однако Матери-Природе угодно было показать свой норов, продемонстрировать свою силу и в очередной раз доказать беспомощность и слабость человека.

Прескотт встал и еще раз посмотрел на карту, пока пришедшие уборщики не стерли с пластиковой поверхности многочисленные линии и пометки, сделанные за эти последние дни. В глаза доктору Прескотту бросился один небольшой крестик, возле которого чьей-то рукой было торопливо написано «Титаник».

Последнее сообщение, которое Прескотт получил из Вашингтонской штаб-квартиры НУМА, содержало сведения о том, что «Титаник» взят на буксир и направляется в нью-йоркскую гавань: Больше о лайнере ничего не было известно.

Прескотт поднял чашечку с холодным кофе и произнес вслух тост:

— За «Титаник». Чтобы ты оказался сильнее урагана и всегда был сильнее всех ураганов на свете!

Он одним махом выпил остатки холодного кофе. Поставив чашечку на стол, он повернулся и пошел из комнаты навстречу новому дню, который обещал высокую влажность.

Глава 69

При первых лучах солнца «Титаник» все еще был жив. Корабль, как и несколько часов назад, покачивался на волнах, переваливаясь на океанских гребнях. Отдельные мощные волны еще сотрясали борт лайнера, но это были уже неопасные удары, похожие на воспоминание о прошедшем урагане.

Подобно великану, утомленному изнурительной, но весьма успешной борьбой, «Титаник» взбирался на тридцатифутовые волны, сверзался оттуда вниз, разбрасывая огромные фонтаны мельчайших брызг и буквально заливал лодочную палубу, но каким-то непостижимым образом умудрялся вовремя взобраться на очередную волну прежде, чем та успевала накрыть корабль.

Капитан Пароткин в бинокль внимательно следил за «Титаником». На его взгляд, лайнер был обречен. Огромные ржавые листы корпуса, державшиеся уже не столько на заклепках, сколько на честном слове, не могли долго выдерживать таких нагрузок. Ему казалось, что даже с такого расстояния он при желании мог бы увидеть, как, подобно пробкам из шампанского, с громким звуком вылетают заклепки из корпуса «Титаника». Пароткин понимал, что к сотням мелких протечек с каждой минутой прибавляются все новые и новые. Чего Пароткин не

мог видеть, так это отчаянных усилий спасателей, да специалистов по буксированию и членов отряда SEAL, откачивавших воду из корпуса лайнера.

Пароткин и без того был чрезвычайно удивлен, когда, проснувшись утром, он вооружился биноклем и вдруг увидел неподалеку от борта — «Титаник», который, сточки зрения формальной логики, давно должен был бы возвратиться на океанское дно. И тем не менее корабль был на плаву. Даже невооруженным взглядом видно, чего это стоило «Титанику»: он футов на двадцать против прежнего опустил в воду нос, а крен на правый борт увеличился градусов до тридцати.

— Что-нибудь от капитана Превлова? — спросил Пароткин, не отрываясь от бинокля.

— Пока ничего, — ответил первый помощник.

— Похоже, случилось худшее из того, что могло произойти, — сказал Пароткин. — Никаких признаков, что Превлов контролирует ситуацию.

— А вон на мачте возле кормы, точнее, на том месте, где была когда-то корма, — не наш ли флаг?

Пароткин подкрутил винт резкости и внимательно посмотрел на небольшое полотнище.

— Увы, полотнище действительно есть, только там какая-то белая звезда. Во всяком случае, это не советский флаг. Так что… — он громко вздохнул и повернулся к замполиту, — так что вынужден констатировать: пиратская вылазка не увенчалась успехом.

— Может, у Превлова не было времени сообщить нам?

— Как бы там ни было, а через час, если не раньше, самолеты американского флота будут уже здесь. В поисковых операциях они большие доки. — Пароткин нервно побарабанил пальцами по парапету, не сдержался — и шарахнул в раздражении кулаком. — Черт побери этого Превлова. Последние его слова были: «Будем надеяться, что не придется прибегать к крайним мерам». Теперь-то ему на все наплевать. Он, может, уже и убит давно, а нам с тобой придется все это расхлебывать. Ведь с нас спросят, как, мол, так произошло, что «Титаник» вместе с людьми потонул?!

Лицо замполита сделалось жестким.

— И что же, никакого выхода?

Пароткин с явным сожалением покачал головой.

— Есть приказ: уничтожить корабль, если появится угроза, что его могут захватить американцы.

Пароткин вытащил льняной носовой платок и вытер глаза.

— Что ж, будем готовить ракетную атаку. Сообщи координаты: десять миль севернее от нынешнего местоположения «Титаника».

Какое-то время замполит тупо смотрел на Пароткина, затем прошел в кабину управления, снял трубку переговорного устройства и приказал рулевому сделать поворот на пятнадцать градусов к северу.

Пятнадцать минут спустя все было подготовлено. «Михаил Курков», разрезая носом океанские волны, приготовился к атаке.

Стоявший за спиной у оператора радара Пароткин распорядился:

— Доложить обстановку.

— Восемь реактивных самолетов сто двадцать миль к западу. Объекты быстро приближаются.

— Надводная обстановка?

— Два небольших судна, курс два-четыре-пять, в двадцати одной миле к юго-западу.

— Это, должно быть, те самые буксировщики, — предположил первый помощник. Пароткин согласно кивнул.

— Больше всего меня сейчас беспокоят самолеты. Через десять минут они уже будут здесь как миленькие… Ядерная боеголовка подготовлена?

— Так точно.

— Давай отсчет.

Замполит отдал короткую команду по телефону, после чего оба они вышли на палубу, обратив внимание в сторону правого борта. Плавно раскрылся передний грузовой люк и двадцатишестифутовая тактическая ракета класса «земля-земля» вместе со скрытым пусковым комплексом показалась во всей своей красе.

— Минута до старта, — раздался из динамика громкий голос офицера-ракетчика.

Пароткин навел бинокль на «Титаник». На фоне темно-серых, затянувших горизонт туч силуэт корабля был едва различим. Пароткина охватила нервная дрожь. Взгляд его сделался грустным. Он заранее был уверен, что в кругах коллег капитанов ему никогда не простят того, что сейчас предстоит ему сделать и что он до самой смерти будет нести на себе крест — крест человека, который боевым оружием потопил мирное гражданское судно. Он стоял на палубе, ожидая той минуты, когда грозный рокот ракетного двигателя разорвет относительную тишину утра, вслед за чем ядерный заряд разнесет «Титаник». Вдруг Пароткин услышал звук торопливых шагов. К ним приближался радист корабля.

— Товарищ капитан, — издали закричал он, — только что нами получена информация с американской подводной лодки!

— Тридцать секунд! — прогремел из динамика голос ракетчика.

В глазах радиста легко прочитывалась самая настоящая паника. Он подбежал и протянул Пароткину сообщение.

ПОДЛОДКА ВМФ США «ДРЕГОНФИШ» — СОВЕТСКОМУ КОРАБЛЮ «МИХАИЛ КУРКОВ». «ТИТАНИК» НАХОДИТСЯ ПОД ЗАЩИТОЙ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА США. В СЛУЧАЕ ЛЮБЫХ АГРЕССИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПОСЛЕДУЕТ НЕМЕДЛЕННАЯ ОТВЕТНАЯ АТАКА. ПОДПИСЬ: КАПИТАН ПОДЛОДКИ ВМФ США «ДРЕГОНФИШ».

— Десятисекундная готовность, — донесся из динамика бесстрастный голос офицера. — Даю отсчет. Девять… восемь… семь… шесть…

Пароткин оторвался от радиограммы и взглянул на радиста глазами счастливчика, ни с того, ни с сего получившего миллион рублей по почте.

— …Пять… четыре… три…

— Прекратить отсчет времени, — резко приказал Пароткин, чтобы его приказ был правильно понят.

— Прекратить отсчет времени, — эхом повторил замполит в переговорное устройство. Лишь затем первый помощник позволил себе обтереть обильный пот с лица. Чуть помедлив, он добавил от себя: — Привести ракету в исходное положение.

— Точно, — сказал Пароткин и слабо улыбнулся. — Хоть это и противоречит полученным мною указаниям, надеюсь, что в случае детального анализа сложившейся ситуации мое начальство поймет, что я избрал единственно правильный вариант действий. В конце концов, «Михаил Курков» — самое современное судно этого класса, и было бы глупо терять его лишь потому, что я получил приказ уничтожить «Титаник». Да и приказал-то мне человек, который, по всей видимости, давно уже мертв.

— Совершенно с вами согласен, товарищ капитан, — замполит улыбнулся счастливой открытой улыбкой. — Кто-то ведь должен будет передать начальству, что при всем совершенстве нашего с вами корабля мы не сумели засечь американскую подлодку, прошедшую в нескольких метрах под нами. Скорее всего, это потому, что американцы сделали серьезный рывок в создании нового поколения подводных судов.

— Вот бы, думаю, американцы удивились, если бы подверглись ядерной атаке с корабля, который они считают сугубо гражданским, занятым океанографическими исследованиями.

— Какие будут дальнейшие распоряжения?

Пароткин с некоторым даже интересом проследил за тем, как ракета была втянута внутрь корпуса, как за ней закрылся грузовой люк. Лишь после этого он повернулся к замполиту и как ни в чем не бывало, спокойным голосом приказал:

— Давайте к дому. Пора уже, — он еще раз взглянул в направлении «Титаника», пытаясь представить себе, что могло случиться с капитаном Превловым, жив ли он или погиб, а если погиб, то при каких именно обстоятельствах… Да и узнает ли кто-нибудь эти обстоятельства.

Чем выше поднималось солнце, тем светлее становились тучи. Ветер заметно ослаб, теперь его дуновение приятно ласкало лицо. Над палубой русского судна кружила одинокая морская чайка. Вдруг она резко спикировала, коснулась концами крыльев волны — и почти сразу взяла курс в направлении «Титаника».

Глава 70

— Конец… — выдохнул Спенсер так тихо, что Пит даже не вполне был уверен, правильно ли он расслышал казанное слово.

— Как ты сказал?

— Конец, — медленно повторил Спенсер. Лицо его было перепачкано в мазуте, на губах играла странноватая улыбочка. — Ничего не попишешь. Хоть мы и заделали все дыры, которые провертел Драммер, корпус уж очень прохудился: прохудились сами швы. Старушка набирает воду быстрее, чем помпы успевают ее откачивать.

— Как минимум, нужно продержаться до тех пор, пока буксировщики не подойдут, — сказал Питт. — Если к нашим помпам мы еще добавим те, что у них на борту, тогда можно будет резко сократить общий уровень подъема скапливающейся воды.

— Не знаю, не знаю… И я так скажу: это чудо, что «Титаник» не потонул еще час назад.

— Как думаешь, сколько у нас еще времени в запасе? — спросил Питт.

Спенсер сделал гримасу, посмотрел на океанскую воду, обильно разлитую на полу.

— Движки всех помп работают на пределе. Как только закончится бензин, они встанут. Это грустно, но это правда. — Он посмотрел в глаза Питту. — Час, может, полтора. Как только последняя помпа заглохнет, я не могу пообещать больше.

— А если бы у нас было много бензина?

— Тогда без сторонней помощи я продержал бы корабль на плаву до полудня.

— Сколько для этого нужно бензина?

— Хорошо бы галлонов двести.

Они оба посмотрели в направлении Джиордино, который по трапу спустился к ним и пошел, разбрызгивая в стороны воду, которая уже изрядно скопилась на полу котельной №4.

— Обсуждаете рухнувшие надежды? — спросил он. — Над нами восемь самолетов, летают вокруг «Титаника». Два истребителя ВМФ и два АВАКСа. Я перепробовал все, разве только на голове еще не стоял, а они только крыльями машут — и все.

Питт с видимым сожалением поморщился и щелкнул языком.

— Ни черта-то ты не можешь…

— Я бы на тебя посмотрел, — парировал Джиордино. — Как прикажешь просить о помощи парней, которые пикируют на тебя со скоростью четырехсот миль в час?

Питт почесал подбородок, изрядно заросший щетиной.

— Надо что-то придумать.

— Правда? — с нескрываемой издевкой поинтересовался Джиордино. — Просто вызовем аварийку из автосервиса.

Питт и Спенсер посмотрели друг на друга. В их глазах промелькнула одна и та же мысль.

— Гениально, — воскликнул Спенсер, — просто гениально!

— Раз мы не можем добраться до помощи, значит, помощь должна прийти к нам, — сказал довольный Питт.

Джиордино был несколько растерян, не вполне понимая внезапного веселья.

— От усталости вы, по-моему, немного тронулись… — сказал он. — Как это, интересно, вы собираетесь позвонить? Ни телефона у нас, ни радио. Наше радио русские разбили вдребезги. Радиопередатчик на вертолете тоже отпадает. Рация Превлова повреждена, туда две пули попали. — Он покачал головой. — Так что в некотором смысле можно позабыть о том, что над нами летают американские самолеты. Толку-то от них… Хоть бы краска и кисть у нас были, мы бы тогда хоть на палубе смогли написать слово-другое.

— Именно так, написать на палубе, — подтвердил Питт. — А уж кисть и краска — это твоя проблема. Иди и где хочешь разыщи. Где угодно, ты понял меня?! Кстати… — Питт нагнулся и поднял из кучи хлама кувалду, взвесил ее в руках, а затем неожиданно шарахнул ею по металлической стенке. — Вот, именно это нам сейчас и нужно, — сказал он, когда оглушительный гул затих.

Спенсер устало облокотился на решетку возле одного из котлов.

— Они не поймут.

— Почему? — поинтересовался Питт. — В Конго, насколько я знаю, только так и переговариваются. У них это получило название «лесной телеграф».

— Похоже, Джиордино был прав, и от усталости у тебя действительно крыша поехала.

Питт проигнорировал последнее замечание Спенсера. Он вышел на палубу, поудобнее ухватил кувалду и принялся барабанить по металлу. Через некоторое время Питт сделал передышку, отер лоб и подумал о том, как было бы хорошо, если бы их сигнал оказался услышан. Вздохнув, он вновь начал грохотать кувалдой.

Из двоих акустиков, находившихся на дежурстве в подлодке «Дрегонфиш», один переключил систему на пассивный режим прослушивания. Он несколько минут кряду морщил лоб, пытаясь постигнуть природу равномерных звуков, отчетливо слышимых в наушниках. Недоуменно покачав головой, он в конце концов передал наушники дежурному офицеру.

— Сначала подумал, что это рыба-молот, — сказал акустик. — Иногда они так забавляются. Но теперь я внятно слышу, что стучат по металлу.

Не надевая наушников, офицер прижал одну из раковин к уху, прислушался, затем на его лице изобразилось удивление. Звучит в точности, как «SOS» по системе Морзе.

— Ну! — подтвердил акустик. — Причем такое впечатление, что кто-то барабанит по кромке корпуса.

— Откуда именно звук?

Акустик подкрутил миниатюрное колесико на панели и посмотрел на экран, на котором мерцали зеленые линейные разводы.

— Координаты объекта три-ноль-семь градусов, дистанция две тысячи ярдов к северо-западу. Должно быть, с «Титаника», сэр. После того, как из этого района убрался «Михаил Курков», там кроме «Титаника», из надводных судов никого не осталось.

Офицер вернул наушники, направился по пологому, чуть выгнутому трапу в боевую рубку, мозг и сердце «Дрегонфиш». Приблизившись к невысокому круглолицему мужчине с седыми подстриженными усами, в петличках которого были дубовые командирские листья, он доложил:

— Подтвердилась наша догадка, сэр. Это с «Титаника». Кто-то по корпусу лайнера отбивает «SOS».

— Ошибки быть не может?

— Никак нет, сэр. Слышимость хорошая, — офицер выдержал небольшую паузу, а затем спросил: — Будем отвечать?

Несколько секунд командир размышлял.

— Вообще-то был приказ высадить парней из отряда SEAL и после этого отогнать «Михаила Куркова». Даже в том случае, если бы русские направили в этот район одну из своих подводных лодок, даже и тогда нам надлежало бы оставаться в тени.

Если мы всплывем и пойдем к «Титанику», то вполне сможем оказаться легкой добычей.

— В прошлый раз, когда через перископ смотрели, вид у корпуса был плачевный. Может, «Титаник» тонет?

— Если бы тонул, тогда с борта посылали бы сигналы о помощи на всех волнах и во всех диапазонах. — Командир в раздумье поморщил лоб, затем зашел в отсек, где находилась радиоаппаратура.

— В какое время поступило последнее сообщение с борта «Титаника»?

Один из радистов распахнул книгу записей, провел сверху вниз пальцем по разлинованной странице.

— Это было вчера, без нескольких минут в 18.00. Они тогда затребовали информацию по урагану: направление, скорость ветра…

Капитан кивнул и обернулся к офицеру.

— Более двенадцати часов не выходят на связь. Вполне возможно, что у них испортилось радио.

— Вполне, вы правы.

— Надо бы выглянуть, — сказал командир и приказал: — Перископ наверх!

Мерно заурчал электромотор, поднимавший перископ. Капитан обеими руками ухватился за рукояти и прильнул к окуляру.

— Внешне все как будто нормально, — сказал он, не отрываясь от перископа. — Чуть больше кренится на правый борт, чуть глубже носом зарывается, но если судить по виду корабля, там ничего серьезного не происходит. Думаю, опасности нет. Они бы, в случае чего, могли поднять флаг бедствия. А даже флага нет. И на палубах нет ни души. Впрочем… Кто-то есть! Точно есть! Вижу фигуру на мостике… — капитан подвернул регулятор резкости изображения и удивленно воскликнул: — Женщина. Там женщина, я четко вижу!

Офицер в недоумении посмотрел на капитана.

— Я правильно понял, сэр? Вы сказали, там женщина?

— Сам посмотри.

Офицер прильнул к перископу.

Действительно, на мостике «Титаника» была женщина. В перископ казалось, будто она размахивает в воздухе чем-то очень похожим на обыкновенный бюстгальтер.

Десять минут спустя «Дрегонфиш» всплыла возле борта «Титаника».

Еще через полчаса бензин из бака дополнительного движка субмарины уже поступал по трубопроводу, для которого наскоро проделали в корпусе лайнера грубую дыру.

Глава 71

— Это с борта «Дрегонфиш», — сказал адмирал Кемпер, отрываясь на секунду от переданного ему сообщения. — Капитан лодки сообщает, что направил группу своих людей на борт «Титаника» для того, чтобы помочь аварийщикам Дирка Питта. Он также сообщает, ню, по его мнению, «Титаник» сможет оставаться на плаву, несмотря на многочисленные повреждения корпуса, в продолжение всего времени буксирования. В том случае, разумеется, если вдруг не налетит еще один ураган…

— Благодарю Господа нашего за милости его, — сказал Маршалл Коллинз и зевнул.

— Также капитан сообщает, — продолжал Кемпер, — что миссис Сигрем находится на борту «Титаника» и она в хорошей актерской форме… Ума не приложу, что это может означать.

Мел Доннер вышел из ванной с полотенцем в руке.

— Не могли бы вы повторить, адмирал?

— Капитан лодки «Дрегонфиш» передает, что миссис Дана Сигрем жива, здорова, находится на «Титанике».

Неожиданно Доннер подбежал к Сигрему, который мирно посапывал на тахте, схватил коллегу и заорал ему в самое ухо:

— Джен, проснись! Они нашли Дану, с ней все в порядке!

Сигрем раскрыл глаза и уставился на Доннера. Постепенно, вместе с осознанием услышанного, выражение крайнего удивления расплылось по его лицу.

— Дана… Ты сказал, Дана жива?!

— Да, и пробыла на «Титанике», пока длился шторм.

— А как она попала на «Титаник»?

— Детали покуда неизвестны. Нужно подождать, тогда и узнаем. Но самое главное то, что Дана жива-здорова и что «Титаник» на плаву.

Усевшись, Сигрем обхватил голову руками, пытаясь сосредоточиться. Внезапно слезы потекли по его лицу.

Адмирал Кемпер был очень рад, когда в комнату вошел капитан Кейт и, отвлекая от созерцания тягостной картины, передал новое сообщение.

— Это от адмирала Сэндекера, — сказал Кемпер. — Господин Николсон, я думаю, это сообщение может вас заинтересовать.

Уоррен Николсон и Маршалл Коллинз оставили всхлипывающего Сигрема и подошли к Кемперу.

— Вот что Сэндекер сообщает: «Приехавших родственников должным образом встретили и предоставили им спальню для гостей. Что-то произошло у меня с глазами во время вечеринки вчера, однако повеселились на славу. Пели старые добрые песни, вроде „Серебряные нити в золотых“. Передавайте привет кузену Уоррену, для него у меня есть сюрприз. Радуемся жизни. Жаль, что вас не было тут с нами. Подпись: Сэндекер».

— Кажется, у адмирала странная манера выражаться, — сказал Президент. — Какого черта не передать все нормальным телеграфным слогом?

Кемпер посмотрел на Президента.

— Очевидно, пока разыгрывался ураган, русские каким-то образом сумели попасть на «Титаник»…

— *Очевидно!* — с издевкой проговорил Президент.

— «Серебряные нити в золотых», — взволнованно повторил Николсон. — Серебряный и Золотой. Они захватили двух русских агентов.

— Ну! А когда он сообщает о подарке для кузена Уоррена, это речь идет об Андрее Превлове, — широко улыбаясь, сказал Коллинз.

Николсон обратился к Кемперу:

— Мне нужно быть на «Титанике» как можно скорее, Сколько времени, адмирал, вам потребуется для того, чтобы перебросить меня на корабль?

Кемпер уже набирал какой-то номер. Николсону он сказал:

— Мне понадобится полчаса, чтобы посадить вас в реактивный самолет морской авиации. Самолет доставит вас на «Бичерз Айленд». Оттуда на вертолете вы запросто доберетесь до «Титаника».

Президент подошел к большому окну и посмотрел на восходящее солнце на горизонте. Первые лучи скользили по еще сонной глади Потомака. Он широко, не сдерживаясь, зевнул, и зевок его был умиротворенные і вполне домашним.

Глава 72

Дана перевесилась через передний поручень мостика и закрыла глаза. Мягкий океанский бриз играл ее распущенными волосами и приятно щекотал лицо. Она чувствовала себя свежей, великолепно отдохнувшей и полностью сбросившей с себя нервное напряжение последних часов. Ей казалось, что она парит над океанским простором.

Никогда не будет она той, прежней Даной Сигрем, какой была она еще двое суток тому назад. Она приняла окончательное решение: развестись с Дженом. Меж ними не осталось ничего общего, что имело бы для нее какое-то значение. Девушка, в которую Джен некогда был влюблен, исчезала все эти годы и теперь исчезла окончательно и бесповоротно. От осознания этой истины Дана как бы переродилась. У нее было желание начать жизнь сначала, начать таким образом, чтобы не пришлось брать в эту новую жизнь чего-нибудь из жизни прежней.

— Доллар за твои мысли. — Цена твоим мыслям. Открыв глаза, она увидела Дирка Питта, улыбающегося, безукоризненно выбритого и оттого помолодевшего.

— Доллар? Я думала, хватит и пенни.

— Все подвержено инфляции, раньше или позже.

Некоторое время они стояли, не говоря друг другу ни слова. Их взгляды были устремлены вперед по ходу, где «Уоллес» или «Морз» изо всей силы натягивался буксировочный трос, прикрепленный на носу «Титаника». Шеф Баском и его парни внимательно и даже придирчиво следили теперь за тросом и в местах соприкосновения его с металлом подбавляли жирной густой смазки. Поймав на себе взгляд Питта и Даны, шеф помахал им рукой.

— Хорошо бы, это путешествие никогда не кончалось, — мечтательно сказала Дана. — Так бы вот плыть и плыть… Все получилось так необычно и так прекрасно. — Она внезапно обернулась, оказалась лицом к лицу с Питтом и положила свою руку на его. — Пообещай мне, пообещай немедленно, вот прямо здесь, что мы не пойдем в Нью-Йорк, а поплывем в далекие моря, и будем плавать вечно, как «Летучий Голландец».

— Обещаю тебе, что будем плавать вечно.

Она порывисто обняла его, прижавшись к сильному мужскому телу.

— Дирк, Дирк… — прошептала она, как в горячечном бреду. — Ничто больше не имеет значения. Я хочу тебя, хочу прямо сейчас. Хотя и не знаю — почему…

— Потому, что ты вот такая, — спокойно ответил ей Питт.

Взяв Дану за руку, он повел ее вниз по главному трапу, а затем — в одну из некогда роскошнейших кают на второй палубе.

— Прошу вас, мадам, это лучшее во всем свете место. Самая роскошная каюта корабля, более четырех тысяч долларов в одну только сторону. Правда, в ценах 1912 года. Но снисходя к красоте ваших глаз, я гарантирую некоторую скидку. Исключительно в честь нашей встречи, мадам. — Он легко поднял ее и понес на постель, освобожденную от скопившейся грязи и накрытую теперь несколькими слоями новых одеял.

Дана была очень удивлена, увидев постель.

— Ты подумал даже и об этом?!

— Знаешь, я как тот муравьишка из детской сказки, всегда надеюсь на самое лучшее.

— Знаешь, кто ты?

— Догадываюсь. Наверное, подонок, развратник, сатир… В таком вот духе…

Она загадочно посмотрела на него и едва заметно улыбнулась.

— Нет, ты не угадал. Разве сатир может быть столь предусмотрительным?

Он взял своими губами ее губы и начал жадно целовать Дану, так что она застонала.

Ее поведение в постели поначалу сбило его с толку. Он ожидал от нее сколь угодно слабого, но ответа, взаимодействия. А вместо этого Питт обнаружил себя на теплом, безответном, совершенно неподатливом бревне, которое громко стонало при всяком его вторжении, так что ему приходилось иногда прикрывать рот Даны ладонью. Руки ее постепенно ожили и принялись царапать его спину. В углах плотно прикрытых глаз женщины показались слезы. Он подумал еще тогда, что жены ведут себя одинаково, когда им доводится переходить от мужа, с которым прожито много лет, к случайному любовнику. Дана все более и более расходилась, перестала сдерживать себя, и совокупное их безумие чудесно длилось, наполняя спальню запахом перемешанного с косметикой пота.

Наконец Дана оттолкнула его и уселась на постели, подобрав под себя ноги — на восточный манер.

— Ну, понравилась ли я тебе?

— Настоящая тигрица.

— Никогда не предполагала, что с тобой будет так приятно…

— Если бы всякая девушка, вместо этих самых, всегда одних и тех же, слов давала бы мне центов по десять, у меня, поверь, не было бы денежных проблем.

— Ты понятия не имеешь, как иногда чувствует себя женщина.

— Пожалуй что да. У мужчины вся сексуальность снаружи, тогда как у женщины она спрятана внутри. Но как бы там ни было, а тебе очень идет заниматься любовью. Ты вон какая сразу хорошенькая.

— Слушай, а что тебе известно о Президенте, — Дана неожиданно поменяла направление разговора. — Как ты думаешь, какой он в обычной жизни?

Питт с интересом взглянул на нее.

— Президент? Почему ты о нем спрашиваешь именно сейчас?

— Говорят, что он, как это называется, настоящий мужчина, если ты понимаешь, о чем я…

— Не могу тебе сказать ничего на сей счет. Никогда не доводилось спать с Президентом.

Она проигнорировала последнюю фразу Питта.

— А вот представь, что в Америке появился бы Президент-женщина, и она бы захотела переспать с тобой. Как бы ты в этом случае поступил?

— А что это ты вдруг тему-то нашла?

— И все-таки, мне хотелось бы знать? Ты пошел бы с ней в постель?

— Ну, это зависит от целого ряда обстоятельств.

— Например?..

— Будь эта женщина хоть дважды, хоть трижды Президентом, я не могу заставить свой болт стоять, если она будет семидесятилетней старухой, жирной жопой и с кожей, как чернослив. Физически не могу. Кстати, вот поэтому из мужчин-то и не получаются квалифицированные проститутки.

Дана мягко улыбнулась и прикрыла глаза.

— Приди ко мне еще разок…

— Зачем? Чтобы ты воображала, будто на тебе главнокомандующий войск Соединенных Штатов?

Дана приоткрыла глаза и, сощурившись, посмотрела на Питта.

— Разве тебе важно это?

— Нет, ну если уж очень хочешь, то пожалуйста. Я в таком случае буду тебе подыгрывать. Представляю, что подо мною, скажем, лежит Эшли Флеминг.

Глава 73

Сидя в неудобной позе на полу, Превлов поднял голову в момент, когда охранник из отряда SEAL, шагавший взад-вперед по коридору, мягко повернул ключ в хорошенько промасленном замке и распахнул дверь каюты С-95, где находился русский пленник. Удостоверившись, что тот на месте, охранник переложил свою М-24 в другую руку и пропустил в каюту посетителя.

На нем был темный костюм, в руке обыкновенный атташе-кейс. Поймав на себе напряженный взгляд Превлова, мужчина чуть улыбнулся.

— Добрый день, капитан Превлов. Я Уоррен Николсон.

— Знаю, — Превлов легко поднялся и корректно кивнул вошедшему. — Не думал, что сам шеф ЦРУ Уоррен Николсон захочет видеть меня. По крайней мере, не думал, что именно при таких вот обстоятельствах.

— Приехал специально для того, чтобы сопровождать вас в Соединенные Штаты.

— Весьма польщен.

— Это как раз мы должны чувствовать себя польщенными, капитан Превлов. Такие, как вы, гости — большая редкость.

— Стало быть, надумали провести публичный процесс, с приглашением на него международной прессы, да? Собираетесь, наверное, предъявить обвинение Советскому Союзу за пиратство в международных водах?

Николсон снова улыбнулся.

— Нет, ну что вы. Кроме меня и нескольких членов правительства никто, даже и не узнает о вашем переходе к нам на службу.

— На службу?! — воскликнул Превлов, не ожидавший такого поворота событий.

Николсон молча кивнул.

— Но вы не сможете заставить меня перейти к вам на службу, — твердо заявил Превлов. — При любой возможности я буду отрицать это.

— Что ж, вполне достойный с вашей стороны ответ… — Николсон равнодушно пожал плечами. — Но хочу, чтобы вы понимали. Никакого суда над вами не будет, на это не рассчитывайте. И допросов никаких тоже не будет. Единственной возможностью уцелеть остается для вас просьба о предоставлении политического убежища.

— Вы сказали, не будет допросов. Должен уличить вас во лжи. Ни одна разведка мира не откажется выбить всю интересующую ее информацию из человека, который занимает такое положение, как у меня в советской разведке.

— Какую информацию, капитан Превлов, о чем вы говорите?! — сказал, не повышая тона, Николсон. — Даже если бы вы очень захотели, то и тогда не сумели бы нам рассказать ничего, что нам до сего времени неизвестно.

От этих слов у Превлова голова пошла кругом. «Перспектива, — сообразил он. — Он должен определить какую-то перспективу. У него в сейфе, в Москве, находится масса секретной разведывательной информации, которую американцы никогда бы не сумели заполучить…»

Он спокойно встретился взглядом с Николсоном и, глядя ему в глаза, тихо сказал:

— Лейтенант Марганин сотрудничает с вами… — Это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Да, — подтвердил Николсон. — Настоящее его имя Гарри Кошкоский, он родом из городка Ньюарк, Нью-Джерси.

— Это невозможно… — произнес уничтоженный Превлов. — Я лично проверял по документам каждый этап карьеры Павла Марганина. Он родился и вырос в Комсомольске-на-Амуре. Родители были портными…

— Разумеется, разумеется, настоящий Марганин был русским, из семьи портных, кто ж спорит.

— Стало быть, этот человек — двойник? Подсажен?!

— Мы произвели подмену четыре года назад, когда ваш ракетный крейсер класса «Кашин» взорвался и затонул в Индийском океане. Марганин оказался одним из уцелевших. Его подобрал танкер, принадлежавший нефтяной компании «Экскон». Однако прежде, чем корабль пришел в Гонолулу, Марганин умер. Появилась, таким образом, редчайшая возможность, и нам пришлось торопиться. Из всех подготовленных агентов, хорошо знающих русский язык, Гарри Кошкоский больше всех внешне был похож на Марганина. Ему сделали пластическую операцию, чтобы было похоже на следы от взрыва, а затем самолетом доставили его на крошечный, Богом забытый остров, расположенный за двести миль от того места, где взорвался ракетный крейсер. Когда местные рыбаки обнаружили Гарри и вернули его в Россию, он был в бреду, ничего не помнил. Временная атрофия памяти…

— Можете не продолжать, остальное мне хорошо известно, — мрачно произнес Превлов. — Тем более, что мы же сами не только восстановили его лицо до первоначального вида, но плюс ко всему еще и заново выучили вашего агента, то есть сделали из него высококлассного разведчика.

— Именно.

— Что ж, господин Николсон, вас остается только поздравить, блестящая операция.

— Спасибо. Ваш комплимент тем более ценен, что исходит он от такого крупного специалиста в области разведки, каковым являетесь вы, капитан Превлов.

— Стало быть, вся эта операция, приведшая меня на борт «Титаника», была осуществлена ЦРУ при самом деятельном участии Марганина?

— С вашего разрешения — Кошкоского. Он был уверен, что план будет вами одобрен, так оно и вышло.

Превлов уставился на палубу. А ведь такому опытному разведчику следовало бы распознать, учуять, что Марганин все более и более укреплял свои позиции, входил к нему в доверие. Марганин, проще говоря, сыграл на его тщеславии.

— Ну, и что же теперь? — упавшим голосом поинтересовался Превлов.

— К настоящему времени в распоряжении Марганина находятся неопровержимые доказательства, извините за такую дефиницию, вашей предательской деятельности. У него. У него имеются доказательства, что с самого начала вы все сделали для того, чтобы операция государственной важности, имевшая целью захват «Титаника», сорвалась. Так что, капитан, без малого два года мы расчищали вам дорожку. А ваш образ жизни и любовь к дорогим безделушкам лишь немного

упростили нашу задачу, и теперь ваше начальство просто вынуждено будет прийти к выводу, что вы продались, причем продались за очень приличную сумму.

— А что, если я буду все отрицать?

— Кто вам теперь поверит? Беру на себя смелость предположить, что ваша фамилия к сегодняшнему утру уже внесена в список государственных смертников.

— И что же будет со мной?

— На выбор. После некоторого времени мы вас отпускаем на все четыре стороны, это один вариант.

— К чему говорить о нем? Садисты из КГБ уничтожат меня, не пройдет и недели. Я ведь знаю, как это делается.

— А другой вариант — сотрудничать с нами. — Николсон сделал небольшую паузу, а затем посмотрел Превлову прямо в глаза. — Вы ведь умный человек, капитан, можно даже сказать, вы лучший среди советских разведчиков. Мне бы, например, не хотелось, чтобы ваш интеллект и ваши знания пропали даром. Однако расписывать сейчас, насколько ваши знания пригодились бы на Западе, я не собираюсь. Скажу лишь, что лично я хотел бы видеть вас во главе одного нашего более чем перспективного проекта. Вам должен понравиться профиль этой работы.

— Я должен, видимо, быть вам очень благодарен, — сухо сказал Превлов.

— В случае вашего согласия мы совершенно изменили бы вашу внешность, разумеется. Вы прослушали бы курс по современным идиомам, существующим сегодня в Америке и других англоязычных странах. Познакомились бы как следует с историей западного спорта, музыки, научились бы отдыхать и развлекаться на западный манер. А с защитой такого рода никакой КГБ окажется не страшен.

В глазах Превлова отразился явный интерес.

— Для начала установили бы вам оклад в сорок тысяч, плюс бесплатный автомобиль, плюс покрытие всех ваших бытовых издержек.

— Сорок тысяч долларов? — небрежно спросил Превлов.

— Тогда будете пить ваш любимый джин «Бомбей» в любых количествах, — Николсон широко улыбнулся, вскользь подумав, что похож на волка, сидящего за обеденным столом с зайцем. — Думаю, если вы действительно постараетесь, западный образ жизни, судя по всему, вам должен понравиться. Вы так не считаете?

Несколько секунд Превлов молчал. Однако ему было ясно, что в сложившихся обстоятельствах, если и был у него какой-то выбор, то лишь между бесконечным страхом за свою жизнь и сытым, полным удовольствии существованием на Западе.

— Что ж, Николсон, будем считать — ваша взяла. Пожимая руку своему новоявленному коллеге, Николсон не без некоторого удивления заметил слезы в глазах Превлова.

Глава 74

Буксирование длилось не один день. Последние часы в ясном голубом небе ярко светило солнце, приятный ветерок неторопливо гнал зеленые волны в барашках пены.

С раннего утра четыре судна береговой охраны курсировали меж многочисленных яхт, катеров, частных судов, которые шныряли по гавани взад-вперед, соперничая за местечко, с которого удобнее было бы разглядывать корпус и надстройку легендарного лайнера.

Подобно назойливым мухам, в воздухе над гаванью кружили маленькие самолеты и легкие вертолеты. Летчики демонстрировали класс пилотажа, чтобы пассажиры на борту могли с наименьшего расстояния и под наиболее выигрышным углом заснять «Титаник».

С высоты пяти тысяч футов казалось, что вокруг огромной рыбины вьются бесчисленные комары и белые муравьи.

Буксировщик «Томас Дж. Морз», висевший, как большая бусина на тросе, который начинался от кормы «Самуэла Р. Уоллеса» и продолжался до носовой части «Титаника», был дополнительно сцеплен с лайнером стальной перлинью, чтобы облегчить маневры легендарного мастодонта при прохождении в Верразано-Нэрроуз; затем все три судна поднялись по Ист-ривер и завершили свое путешествие у доков Бруклина. На подходе к верфи выстроились еще несколько менее мощных буксировщиков, готовых в случае необходимости тотчас прийти на помощь. Капитан Бутера под занавес приказал сократить длину троса до двухсот ярдов для удобства лавирования.

Юркий лоцманский катер подошел и остановился в считанных футах от «Уоллеса», лоцман поднялся на борт буксировщика. Через считанные минуты катер доставил лоцмана к «Титанику», о ржавый борт которого катер чуть притерся, издав глухой скрежет. По веревочному трапу главный лоцман Нью-Йоркского залива взобрался на грузовую палубу.

Питт и Сэндекер приветствовали его и проводили на мостик, где главный лоцман по-хозяйски огляделся, покрепче уперся ногами и так сильно обхватил руками парапет, словно сам желал сделаться частью легендарного судна. Оттуда, с высоты мостика, все оглядев и прикинув, лоцман милостиво кивнул буксировщикам, чтобы продолжали работу, тащили. Питт помахал рукой над головой, и Бутера со своего судна ответил гудком. Затем капитан буксировщика отдал приказ «самый медленный вперед» и решительно направил свой «Уоллес» в главный пролет моста Верразано-бридж, соединявшего Лонг-Айленд и Стейтен-Айленд.

Как только необычная кавалькада появилась в Верхнем Нью-Йоркском заливе, Бутера принялся расхаживать от борта к борту, поглядывая на ведомый лайнер,

справляясь о погодных условиях и скорости ветра, лично осматривая буксировочный трос, — и все это делалось с таким деловым видом, как будто Бутера был нейрохирургом и готовился к уникальной операции.

Еще с прошлой ночи по обоим берегам выстроились многотысячные толпы народа. Улицы Манхэттена опустели, офисы затихли: все, кто смог, пришли на берег реки; не сумевшие по каким-либо причинам сделать этого бросили работу и прилипли к окнам своих контор, к заводским окнам, обращенным в сторону реки. Вошедший в залив «Титаник» вызывал у зрителей чувство благоговейного ужаса и восхищения.

Находящийся на берегу Стейтен-Айленда репортер газеты «Нью-Йорк Таймс» Питер Халл принялся строчить в блокноте:

«Говорят, что привидений не бывает… Очень даже бывают в нашей жизни и привидения. Я знаю это, поскольку сам видел привидение ранним мглистым утром. К моему крайнему недоумению, прямо перед глазами двигалось оно, похожее ни монстра, который умер, оказался в аду, но был отвергнут, тамошними чертями и потому вынужден возвратиться на землю. „Титаник“ в невидимом шлейфе феерической легенды, окруженный душами сотен людей, некогда плывших на корабле, напоминал экспонат давно ушедшей от нас эпохи. При взгляде на лайнер в душе пробуждались чувство гордости и чувство печали…»

Комментатор телекомпании «Си-Би-Эс» был настроен менее лирически:

— «Титаник» наконец завершил свой первый в истории рейс. Это произошло сегодня, через семьдесят шесть лет после того, как лайнер вышел из Саутгемптонских доков…

К полудню «Титаник» проследовал мимо статуи Свободы и многочисленных зевак на Баттери. Никто из зрителей не позволял себе говорить иначе, как шепотом. Весь город странно притих. О прежней цивилизованной жизни напоминали разве только раздававшиеся время от времени гудки таксомоторов. Создавалось впечатление, что весь многоликий Нью-Йорк вдруг превратился в огромный собор.

Многие плакали, не скрывая слез. Среди плакавших были и трое пассажиров, некогда взошедших на борт «Титаника». Казалось, сам воздух был напоен трагедией. Впоследствии, пытаясь описать охватившие их тогда чувства, люди вспоминали только состояние оцепенения, как будто всех в одночасье временно парализовало. Это чувство не разделяли буквально единицы, среди которых был сурового вида пожарный по имени Артур Муни.

Муни был капитаном одного из пожарных судов порта. Он принадлежал к нью-йоркским ирландцам, и подобного многим из этнических ирландцев, был высоким, крепко сложенным, с озорным прищуром. Девятнадцать лет кряду он тушил морские пожары. С силой шарахнув кулаком по нактоузу, он сбросил оцепенение и заорал на свою команду:

— А ну, парни, поднимайте зады, расселись тут, понимаешь! Это вам не театр, — его мощный голос был слышен во всех углах судна. Для того чтобы отдать команду, Муни не приходилось пользоваться рупором — в этом просто не было нужды. Корабль возвращается из своего безумного плавания. Ну-ка, покажем «Титанику», как искони принято встречать в нашем порту долгожданные суда.

— Да, но, капитан… — отважился возразить один из матросов, — это же не «Норманди», и даже не «Королева Елизавета II». Этот корабль — обыкновенная ржавая калоша, которой давным-давно пора на свалку.

— Сам ты ржавая калоша, задница! — заорал на матроса Муни. — Этот корабль — самый славный корабль всех времен и народов, и заруби это себе на носу! Другое дело, что он несколько подгнил и чуть припозднился с прибытием, но это все не суть важно. Так что, давай, щенок, сигналь на полную!

Все это напоминало как бы второй акт действа по поднятию «Титаника». Брандспойты на корабле Муни представляли собой настоящие фонтаны с мощными рассыпчатыми струями, а от мощнейшего гудка океанского пожарного судна мелко дрожали стекла даже в отдаленных небоскребах. Вслед за Муни еще один капитан пожарного судна дал гудок, затем еще один и еще один. К пожарным судам присоединились и сухогрузы, которых, в свою очередь, поддержали водители нью-йоркских такси. Сплошной гул стоял в Нью-Джерси, Манхэттене и Бруклине. Миллионы глоток выкрикивали радостные приветствия, адресованные «Титанику».

Начавшийся с корабля Муни концерт превратился в сплошной какофонический бедлам, повисший над городом. Впрочем, и событие того стоило.

Лайнер «Титаник» входил в порт.

Глава 75

В док, куда был приведен «Титаник», повалил народ. Бурлящая толпа из газетчиков, местных знаменитостей, полицейских и тысяч встречающих — вся эта масса людей начала штурм корабельного дока. Никакая служба безопасности не могла сдержать такую лавину.

Рой тележурналистов и корреспондентов, одолев сходни, окружил адмирала Сэндекера, который подобно победившему в очередной битве Цезарю стоял на ступенях главного трапа, поднимавшегося с уровня четвертой палубы.

Это был звездный час в жизни Сэндекера, и даже табун диких мустангов не согнал бы его сейчас с палубы «Титаника». Он никогда не упускал возможности укрепить авторитет Национального агентства надводных и подводных коммуникаций. И сейчас, используя уникальный шанс, он делал все возможное, чтобы хоть несколько минут уделить каждому корреспонденту всех солидных газет, национального телевидения. Он рассказывал вкусно, со смаком и знанием дела — и при этом улыбался, улыбался, улыбался. Адмирал был наверху блаженства.

Питта меньше заботили фанфары. Его представление о сиюминутном блаженстве ограничено ванной, чистой сменой белья и свежей постелью. Он пробрался к временным сходням и, не привлекая к себе внимания, продрался сквозь толпу газетчиков, сошел на причал, растворился в толпе. Он уже считал, что избавился от назойливых журналистов, когда какой-то телекомментатор ринулся к нему, и под самым носом Питт увидел вдруг нацеленный на него микрофон.

— Эй, приятель, ты ведь один из аварийщиков с «Титаника»?

— Увы, я местный, с этой судоверфи, — и он помахал рукой перед телекамерой.

На лице телевизионщика отразилось разочарование.

— Джо, заканчивай, — обратился он к своему оператору. — Ошибочка вышла.

С этими словами он резко повернулся и двинулся в сторону корабля через толпу, крича, чтобы не задели его микрофон и соединительный провод, на который кто-то едва уже не наступил.

Через полчаса, или что то же самое, шесть кварталов спустя Питт сумел отыскать свободное такси, водителя которого больше интересовал заработок, чем древний корабль.

— Куда едем? — поинтересовался шофер. Питт поколебался несколько мгновений, посмотрел на себя, на свою грязную, пропахшую потом одежду, поверх которой была надета грязноватая куртка. Он и без зеркала представлял, как именно выглядит: круги под глазами, мятое лицо, красные от недосыпания глаза… Если на кого в этот час он и был похож, так это на завсегдатая «Бауэри». Но тут же другая мысль пришла в голову. Какого, собственно, лешего?! Он только что сошел с трапа самого шикарного лайнера в мире…

— Какой в Нью-Йорке отель считается самым лучшим и дорогим?

— «Пьер», что на углу Пятой авеню и Шестьдесят первой стрит, держит марку.

— Ну так давай жми в этот самый «Пьер».

Водитель повернулся и внимательно посмотрел на своего пассажира. Ничего не сказав вслух, он лишь напряженно шмыгнул носом, пожал плечами и покатил по улице.

Менее чем через полчаса такси подкатывало к фасаду «Пьера», обращенному в сторону Центрального парка.

Расплатившись с таксистом, Питт прошел через вращающиеся двери и уверенно пересек фойе, остановился возле стойки.

Клерк удостоил его неприветливым взглядом, традиционным в такой ситуации.

— Извините, сэр, — сказал он прежде, чем Питт успел открыть рот, — но сегодня у нас все занято.

Питт понимал, что так или иначе репортеры обнаружат его местонахождение, это лишь вопрос времени — если, конечно, он сейчас назовет свое настоящее имя. Он же внутренне еще не был готов сделаться национальной знаменитостью. Все, чего хотел сейчас Питт, — это вымыться и выспаться вволю.

— Не судите по моей одежде, — сказал Питт, стараясь, чтобы его слова прозвучали возмущенно. — Я профессор Малколм Р. Смит, писатель и археолог. Я только что с самолета, четыре месяца провел в дельте Амазонки, поэтому так и выгляжу. Мой помощник сейчас привезет багаж.

При этих словах Питта клерк преобразился, на его холеном лице появилось выражение неизъяснимого удовлетворения, если не подлинного блаженства.

— О, Прошу простить, профессор Смит, не узнал вас. Однако как бы там ни было, а у нас действительно нет ни единого свободного. номера. Город прямо-таки забит туристами, приехавшими, чтобы посмотреть на прибытие «Титаника». Надеюсь, вы понимаете, это для Нью-Йорка подлинное событие.

Это была хорошо разыгранная роль. Не потеряв лицо, клерк дал понять, что не верит ни единому слову назойливого клиента.

— Я с удовольствием поручусь за господина профессора, — раздался за спиной Питта незнакомый голос. — Дайте ему самый лучший ваш номер, а оплату можете направить вот по адресу…

На стойку была небрежно брошена визитная карточка. Взяв ее, клерк прочитал и вспыхнул от удовольствия. Не говоря более ни слова, он положил перед Питтом регистрационную карту постояльца и движением фокусника вытащил откуда-то и положил на стойку ключ от номера.

Питт обернулся и посмотрел на мужчину, лицо которого было столь же изможденным, как и его собственное. Существовавшие отдельно бледные губы улыбались жалкой улыбочкой, однако глаза были пусты и непроницаемы, как у зомби. Перед ним стоял Джен Сигрем.

— Как это, хотел бы я знать, тебе удалось так быстро меня разыскать? — спросил Питт, лежавший в горячей ванне с бокалом водки в руке.

Сигрем сидел рядом с ванной, на крышке унитаза.

— Все очень тривиально, — ответил он. — Увидел, как ты продираешься сквозь толпу и пошел следом.

— Думал, ты будешь на «Титанике» с момента его прихода в Нью-Йорк.

— Что «Титаник»?.. Он для меня — пустой звук. Другое дело — бизаний, находящийся в трюме. Это — да, это меня по-настоящему интересует. Мне сказали, что не ранее, чем через двое суток можно будет поставить корабль в сухой док, чтобы вскрыть обшивку и вытащить бизаний.

— Ну и?.. Раз есть целых два дня, отдохнул бы в свое удовольствие, расслабился. Тем более, что главное уже позади, а через несколько недель вообще все твои проблемы закончатся. «Сицилианский проект» будет полностью завершен, и не будет у тебя этой головной боли.

Сигрем на секунду прикрыл глаза.

— Знаешь, я давно хотел поговорить с тобой, — негромко сказал он Питту. — Поговорить насчет Даны.

О Господи, подумал Питт, начинается. Не легко сохранять спокойствие, учитывая, что занимался любовью с женой этого человека. Единственное, на что у Питта достало выдержки и сил, так это на ровный спокойный тон:

— Как она после всех этих злоключений?

— Полагаю, в порядке, — Сигрем пожал плечами.

— Ты полагаешь? Два дня назад ее забрал с борта «Титаника» вертолет. Ты не видел ее с тех пор, как она прилетела?

— Она не хочет видеть меня. Говорит, что между нами все кончено.

Питт посмотрел на остаток водки в бокале.

— Итак, очередной прилив романтики. Да кому она нужна! Знаешь, на твоем месте я взял бы себе самую эффектную шлюху Нью-Йорка, все расходы повесил бы на достопочтенное НУМА, и думать бы позабыл о Дане.

— Ты не понимаешь. Я люблю ее.

— Господи, звучит как послание Энн Ландерс. — Питт протянул руку, взял с пола бутылку и налил себе снова. — Слушай, Сигрем, я всегда считал тебя хорошим парнем. Это лишь снаружи ты нытик, пижон. Кто знает, может, ты войдешь в историю как величайший физик нашего столетия, спасший мир от ядерного кошмара. Ты еще далеко не старик, обязательно найдешь себе какую-нибудь подходящую женщину. Готов биться об заклад: когда закончится работа по «Сицилианскому проекту» и придет пора уезжать из Вашингтона, на твоем банковском счету будет такая сумма, что многие жизненные проблемы отпадут сами собой. Ты будешь богатым человеком, старик! Так что, ради Бога, не надейся, что я буду сейчас сочувственно выслушивать твою историю об ушедшей любви. Мне бы, знаешь, твои заботы…

— Какой толк от всего этого, если нет рядом женщины, которую любишь?

— Вижу, ты не хочешь понять! — Питт опустошил бутылку более, чем на треть, и в сочетании с горячей ванной спиртное горячими волнами расходилось по телу, согревая его изнутри. — Если девке стукнуло в голову, что она нашла источник молодости, это совсем еще не причина для того, чтобы топиться в канализации, понимаешь меня? Ну, ушла — и ушла, черт с ней. И вообще, что у мужиков за идиотская привычка, бегать за бабами?! Баба любого мужчину вгонит в гроб, а

мужики все равно за ними бегают, словно те медом намазаны! Наплюй и забудь, вот мой совет. Таких, как твоя Дана — тысячи и тысячи. Лишь пальцем помани — сбегутся. А если для тебя любовь — это постель и вкусный ужин, найми прислугу, обойдется дешевле. А кроме того, сэкономишь себе массу нервных клеток, что совсем немаловажно.

— Говоришь, прямо как Зигмунд Фрейд, — сказал Сигрем, поднимаясь с унитаза. — Для тебя женщины — ничто. Тебе бы только выжрать свою бутыль водки — вот и вся любовь. Ты уже несовременен, Питт.

— Неужели? — Питт поднялся из воды и потянулся к висевшей на стене аптечке, чтобы Сигрем мог в зеркале увидеть его отражение. — Посмотри-ка хорошенько на меня. Вот лицо человека, который, по твоим словам, уже несовременен. Этого человека разрывают на части тысяча чертей собственного изготовления. Моего собственного, Сигрем. Ты же, старик, по-моему, склонен преувеличивать всякую проблему выше крыши, а это уже явная патология. У тебя депрессия, а случай с женой эту депрессию лишь усилил, так мне представляется. Ты совсем не так уж и любишь эту женщину, как себя пытаешься уверить в том. Она для тебя своего рода символ, элемент знаковой системы твоего мира. Ты посмотри на себя: круги под глазами, лицо, как у старика. Тебе сейчас не о Дане следует думать, а о том, как бы поскорее попасть на прием к психиатру. Хватит вылезать из кожи во имя спасения человечества, настала пора о себе подумать, Сигрем, о собственном здоровье.

Лицо Джена пылало, как маков цвет. Он пытался унять нервную дрожь, охватившую его, сжимал кулаки, но дрожь от этого лишь усиливалась. Сигрем посмотрел на себя в зеркало, вдруг зеркало помутнело, и вместо собственного отражения он увидел странное лицо с глазами загнанного животного.

Питт внимательно наблюдал за тем, как выражение лица Сигрема менялось от злости до сущего ужаса.

— Боже, только не это!.. Это же он!

— Он?

— Да, он! — закричал Сигрем. — Это же Джошуа Хейз Брюстер! — С этими словами он с силой, обоими кулаками ударил в зеркало и под звон разбитого стекла выбежал из ванной.

Глава 76

Печальная, взгляд с поволокой — такой видела себя Дана в большое зеркало. Новая прическа делала ссадину на лбу едва заметной. Если не считать отдельных синяков на теле, Дана выглядела безукоризненно. Сколь ни придирчива, она была к себе, однако никаких дополнительных изъянов обнаружить не смогла. Из зеркала на нее смотрела обновленная Дана Сигрем: ни морщин под глазами, ни отеков. Лицо как лицо, гладкое и симпатичное, без каких бы то ни было следов морального падения и уж, тем более, греха. В глазах играли живость и какой-то

спортивный задор, прежде начисто отсутствовавшие. Это было лицо возрожденной, уверенной в себе, удачливой женщины.

— Как насчет завтрака? — донесся снизу голос Мари Шелдон.

Надевая свободного покроя платье, она крикнула в ответ:

— Я буду только кофе. Кстати, который час?

— Девять с небольшим.

Минуту спустя, когда Мари разливала по чашкам горячий кофе, Дана появилась на кухне.

— Какие планы на сегодня? — поинтересовалась Мари.

— Хочу устроить сугубо женский день, пройтись по магазинам… Найду где-нибудь тихий ресторанчик, перекушу в одиночестве. Может, в клуб наш загляну, с кем-нибудь из коллег в теннис сыграю.

— Звучит чудесно, — сухо сказала Мари. — Но думаю, пора перестать разыгрывать миссис Богатую Суку, ты же совсем не такая. Вот и веди, пожалуйста, себя, как девушка ответственная.

— А смысл?

Мари воздела руку к небу в картинном раздражении:

— Какой тут может быть смысл?! Да такой смысл, прелесть моя, ты девушка на час. Три дня не умолкает телефон, трубка раскалилась докрасна: каждый женский журнал жаждет написать про тебя. Восемь приглашений от крупнейших телестанций на участие в их разных там «ток-шоу» — восемь штук скопилось на телефонном столике. Нравится это или нет, сегодня ты знаменитость. Может, пора все-таки опуститься на землю и подумать, каким образом лучше использовать эту вот известность?

— А что я буду им всем отвечать? Ты об этом хоть раз подумала?! Ведь, в сущности, что произошло? Лишь только то, что я была единственной женщиной на «Титанике» вместе с двумя десятками мужиков. Подумаешь, событие, тоже мне…

— Ты ведь погибнуть там могла! Чуть не погибла, а сейчас тут пытаешься говорить об этом, словно речь идет о туристической прогулке вниз по Нилу на барже а-ля Клеопатра. По-моему, от внимания двадцати мужиков ты несколько тронулась, не иначе…

Если бы только Мари знала всю правду. Однако Дана вместе со всеми, кто находился на борту «Титаника», дали подписку о неразглашении по просьбе Уоррена Николсона. Каждый поклялся ни во сне, ни наяву не вспоминать, как русские разведчики пытались захватить корабль, и что из этого вышло. Если что и

согревало Дану, если что и тешило ее самолюбие, так лишь мысль о том, что два десятка мужчин знают о ее мужественном поведении на «Титанике».

— Там ведь чего только не было… — со вздохом призналась Дана. — Я вернулась из этой экспедиции в некотором смысле другим человеком.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, многое, так сразу не объяснишь. Например, я решила подать на развод.

— Долго думала и надумала, так, что ли?

— Надумала, — твердо ответила ей Дана. — Также я надумала взять пролонгированный отпуск в Агентстве и немного пожить в собственное удовольствие. Не зря же меня называют женщиной года. Это хоть к чему-нибудь да обязывает, как думаешь?! Статьи в периодике, телеинтервью — все это должно дать мне возможность пожить так, как мечтает каждая американская девушка.

— А именно?

— Так… Тратить направо-налево деньги и получать удовольствие от этого. В кайф пожить, как тут еще скажешь…

Мари грустно покачала головой.

— Такое чувство, словно я помогла созреть яйцу, из которого вылупился монстр.

Дана мягко взяла подругу за руку.

— Ты здесь ни при чем, дружочек. Дело в том, что мне довелось столкнуться со смертью, посмотреть ей в глаза. Такое даром не проходит. Я, например, вмиг поумнела. Поняла, что веду жизнь, которая в конечном итоге способна завести меня лишь в тупик… Думаю, что это началось в детстве… — голос Даны сделался чуть слышным, когда старые воспоминания обступили ее со всех сторон. — У меня было чудовищное детство, и оно рикошетом ударяет по моей жизни до сих пор. Горечь детства я чувствовала даже тогда, когда Джен сделал мне предложение и когда все вокруг завидовали мне. Да и женился-то Джен, собственно говоря, не столько от большой любви, как от большой жалости. Он понимал меня тогда — Подсознательно он старался опекать меня, был для меня не столько мужем, любовником, сколько отцом. К тем отношениям с Джоном я не могу да и не желаю возвращаться. Во мне буквально не осталось эмоционального порыва, душевных сил продолжать жить с Дженом. Я — одиночна. Мари, я знаю это четко. Я слишком эгоистична. Таков мой крест, и тут уж ничего не поделать. Разве что обратно родиться, как девчонки говорят. С этих пор я решила быть всегда одна. Одиночество — и есть мой удел. В таком случае я не смогу никогда и никому сделать больно.

Мари взглянула на нее глазами, полными слез.

— Что ж, значит, нам придется расстаться. Ты превращаешься из замужней женщины в одинокую и независимую от кого бы то ни было, ну а я напротив —

покидаю дружные ряды молодых, независимых, отчаянных и перехожу в стан хлопотуний домохозяек.

Губы Даны растянулись в широкую улыбку.

— Ты и Мел?

— Я и Мел.

— Когда?

— Лучше поскорее, а то придется заказывать приданое в магазине «Счастливая мамочка».

— Беременна?

— А то!..

Дана обогнула стол и крепко стиснула Мари в объятиях.

— Поверить не могу, что у тебя будет малыш.

— Отчего же не можешь?

— О, Мари, я так рада за тебя, ты даже не представляешь! Ты и я, мы в одно и то же время начинаем жить по-новому. Ты рада?

— Конечно, — суховато ответила Мари. — Ничто так не развлекает, как возможность начать сначала.

— А что, разве не так?

— Так-то оно так, но я вот о тебе сейчас думаю. Не надо ждать слишком далеко и слишком быстро, чтобы попасть в омут.

— Там, где омут, там как раз самое интересное.

— Да, но как минимум такой интерес предполагает умение плавать.

— Я стала чересчур ручной, — мечтательно произнесла Дана, — и настало время вспомнить клич: «Домой, в пампасы».

— И что же именно ты собираешься предпринять? Дана выдержала взгляд подруги и спокойно сказала:

— Когда решусь, мне понадобится только набрать номер телефона.

Президент поднялся, обогнул стол и протянул руку лидеру большинства в Сенате Джону Бурдику.

— Рад видеть тебя, Джон. Как Джози, дети как?

Бурдик, высокий поджарый мужчина с шапкой густых темных волос, редко видящих расческу, добродушно пожал плечами:

— Джози в порядке. Ну, а дети… Ты же знаешь, что такое дети. Я для них не больше, чем старая копилка, откуда всегда можно подзанять деньжат.

Усевшись, они принялись обмениваться мнениями по вопросам бюджетной политики и финансовых программ. Хотя тот и другой принадлежали к различным партиям и на людях не упускали случая поддеть друг друга, в приватной жизни они были добрыми приятелями, можно даже сказать, — друзьями.

— Знаешь, господин Президент, какое мнение доминирует в Конгрессе? Конгресс полагает, что ты попросту спятил. За последние полгода ты накладывал президентское вето на всякий закон, который был инициирован Капитолийским Холмом.

— Буду так поступать и впредь, пока остаюсь Президентом этой страны — Президент закурил длинную тонкую сигару, несколько раз пыхнул дымом. — Давай посмотрим правде в глаза, Джон. В Соединенных Штатах со времен окончания второй мировой войны по существу не было полноценного правительства. Не было, нет его и сейчас. Но ни у кого не хватает духу заявить об этом во всеуслышание. Год от года мы все более увеличиваем национальный долг, хотя он уже и без того необъятный. Увеличиваем, наивно полагая, что когда-нибудь президентские выборы сумеет выиграть этакий гений экономики, который и сумеет рассчитаться за то, что более полувека у власти находились элементарно некомпетентные политики.

— Хорошо, а что же делать? Что же, по-твоему, Конгресс должен признать национальное банкротство?

— Знаешь, когда-нибудь и до этого может дойти.

— Да, но каковы будут последствия такого шага?! Половина страховых компаний несет груз национального долга Америки вместе с крупнейшими банками. Они все разорятся в одну секунду, если что…

— Ну и?..

Бурдик отрицательно покачал головой.

— Не могу такое принять, как хочешь.

— Черт побери, Джон, мы же не сумеем до бесконечности прятать концы в воду, неужели этого ты не понимаешь?! Разве не ясно, что может получиться так, что ни один из налогоплательщиков моложе пятидесяти лет попросту никогда не увидит чек «Соушел Секьюрити». А пройдет еще лет двенадцать, и социальное страхование окажется недоступным и для трети граждан. Исходя из всего этого, я и решил бить тревогу. Одинокий голос в дремучем лесу. Однако ведь кто-то должен. Мне осталось всего несколько месяцев провести на этом посту. Но при каждой возможности я буду говорить о болевой точке экономики.

— Не видать тебе популярности. Наш народ не любит политиков, приносящих дурные вести.

— Да плевать я хотел! Пусть думают обо мне что угодно. Лишь эгоисты от политики добиваются популярности любой ценой. Пройдет совсем немного времени, и я пошлю все свои обязанности к чертям, сяду на яхту и поплыву на Фиджи. И в гробу я видел тогда все правительство.

— Мне грустно слышать такие слова, господин Президент. Ты хороший парень, и не один я это говорю, даже твои враги так считают, поверь.

Однако Президент не дал собеседнику сбить себя с темы.

— У нас великая страна, Джон. И она какое-то время будет еще оставаться великой. Однако такие, как ты, я, все эти умные и энергичные юристы, — все замучили Америку. Я бы вообще гнал юристов из правительства к чертям! В Конгрессе, а уж тем более в Белом доме, должны работать счетоводы и экономисты.

— Оставляешь юристам правоведение? Президент устало пожал плечами.

— Я вижу, что все впустую… Какова бы ни была моя политика, она по существу ничего не способна изменить. — Президент растянулся в кресле и неожиданно улыбнулся собеседнику. — Слушай, Джон, ты уж извини меня. Разболтался тут, ты наверняка по делу пришел, а тебе пришлось прослушать целую президентскую речь. Право, извини меня. Что у тебя за проблемы?

— Вопросы медицинского обслуживания детей из социально незащищенных слоев, — Бурдик пристально посмотрел на Президента. — Собираешься и тут прибегнуть к вето?

Президент внимательно изучил тлеющий конец сигары, затем сказал:

— Да.

— Но этот закон подготовил лично я, — негромко, внушительно сказал Бурдик. — Я сражался за него в Палате и Сенате.

— Знаю.

— Да как же ты вообще можешь накладывать вето на закон, который обеспечивает для детей медобслуживание?! Для тех детей, чьи родители не в состоянии платить врачам?!!

— Я сделаю это, исходя из тех же самых соображений, по которым я недавно наложил вето на закон о предоставлении дополнительных льгот гражданам старше восьмидесяти лет. По аналогичным соображениям я не одобрил проект Федеральной образовательной программы для этнических меньшинств, и много еще других прекраснодушных законов. За все эти благодеяния кто-то должен платить деньги! Эту страну сделали супердержавой трудящиеся, те самые люди, которые вкалывают своими руками. А мы только за последние десять лет увеличили для них налоги на пятьсот процентов. Понимаешь, о чем я говорю?! Они вкалывают, а мы увеличиваем налоги.

— Мы же не для себя увеличиваем. Мы поступаем в интересах всех.

— Скорее, в интересах сбалансированного бюджета, сенатор. Вот ты разработал новую программу, а деньги на нее — откуда?!

— Думаю, пришла пора подумать о сокращении расходов на Мета Секшн.

— А, вот куда ты повернул!!! Конгресс решил добраться и до Мета Секшн! Что ж, рано или поздно это и должно было произойти. Хоть не слишком рано, и на том спасибо. — Он дал себе чуточку остыть. — Значит, Мета Секшн, говоришь?!

— Ты и так столько сделал для этих ученых… Столько лет подряд ни в чем не отказывал им.

— Не отказывал, — мрачно согласился Президент. Некоторое время они помолчали. Наконец Бурдик нарушил паузу:

— Как все это ни было запутано, а мои парни сумели-таки организовать расследование. Теперь точно известно, что именно из денег, направленных для Мета Секшн, и был создан фонд для поднятия «Титаника». А связь между сверхсекретной Мета Секшн и Президентом Соединенных Штатов более чем очевидна. Я могу с полным на то основанием сказать, что именно ты направил более семисот пятидесяти миллионов долларов на спасение старого, ржавого, никому не нужного корабля. А публике сообщили сумму расходов, не соответствующую истинной и на половину. Мне же требуется лишь пятьдесят миллионов, к тому же — на детей из неблагополучных семей. Так что, извини меня, однако твои приоритеты мне не вполне понятны, мягко говоря.

— И что ты собираешься делать, Джон? Шантажировать меня, рассчитывая таким образом протолкнуть свой законопроект?

— Если честно, то да.

— Понятно.

В этот момент разговор был прерван вошедшим секретарем.

— Извините, что вынужден прервать, господин Президент, но вы распорядились просмотреть перечень дел на сегодняшний день.

Президент сделал извиняющийся жест:

— Извини, Джон, это займет пару минут.

Он взял из рук секретаря лист бумаги и стал читать, задержал взгляд на имени, которое было вписано карандашом против времени 4.15. Подняв бровь, он переспросил у секретаря:

— Миссис Сигрем?

— Да, Сэр. Она позвонила и сказала, что ей удалось выяснить историю того корабля, модель которого стоит в спальне у вас. Я подумал, что вас это может заинтересовать, и потому отвел для миссис Сигрем несколько минут.

Президент крепко зажмурился и плотно прижал ладони к лицу.

— Позвоните миссис Сигрем и отмените встречу на 4.15. Скажите, что я приглашаю ее на ужин, который состоится в 7.30 на борту президентской яхты.

Секретарь сделал пометку карандашом и тихо удалился.

Президент обернулся к Бурдику.

— Ну так, Джон, в случае, если я откажусь подписать твой законопроект, что будет? Бурдик поднял руки.

— Ты не оставляешь мне иного выхода. Я буду вынужден поставить вопрос о проблематичности подхода Президента Соединенных Штатов к вопросу об использовании федеральных средств. И тогда, поверь, разразится такой скандал, по сравнению с которым Уотергейт покажется тебе рождественским представлением, не более того.

— И ты сделаешь это?

— Мне придется.

Лицо Президента выражало в этот момент холодное убийственное спокойствие.

— Чтобы не тратить денег на парламентские слушания, я скажу тебе уже сейчас, что с Мета Секшн покончено. Но я хочу, чтобы ты знал, Джон, Мета Секшн сделала для страны столько, что лишь благодаря ее деятельности ты, я и все остальные могут спокойно спорить и ругаться друг с другом.

— Хочешь рассказать?

— Хочу.

…Час спустя совершенно потрясенный услышанным, сенатор Джон Бурдик пришел к себе в кабинет, вытащил папку с материалами по Мета Секшн и лист за листом отправил все бумаги в резательную машину.

Глава 77

Это было грандиозное зрелище — «Титаник», гордо возвышающийся над конструкциями сухого дока.

Работы начались. Сварщики пошли в атаку на забитые металлическим ломом трапы и проходы. Клепальщики своими грохочущими молотками убирали заплаты, поставленные под водой с помощью ветстила. Два мощных подъемных крана, высотой с хороший небоскреб каждый, раз за разом своими стальными клещами вырывали из корпуса «Титаника» все новые фрагменты.

Питт бросил прощальный взгляд на гимнастический зал и на верхнюю палубу. Подобно тому, как делали многие в последние секунды уходящего года, Питт стоял, мысленно воскрешая события, связанные с этим кораблем, а также происшедшие на борту лайнера. Горький пот аварийщиков, кровь и жертвы членов его славной команды, хрупкие надежды, помноженные на энтузиазм множества талантливых парней, — все это и привело к успеху. Теперь вся операция по спасению «Титаника» уже отошла в историю. Питт последний раз огляделся и отправился в грузовой отсек на седьмую палубу.

Там были уже все его коллеги. Их вид показался Питту несколько необычным, возможно, такое впечатление производили одинаковые серебряные шапки на голове каждого. Джен Сигрем, похудевший и дерганый, прогуливался туда-сюда. Мел Доннер, постоянно утирая пот с шеи и подбородка, искоса поглядывал на Сигрема. Минералог из Мета Секшн Херб Ласки разговаривал о чем-то с коллегой из аналитического отдела. Адмирал Сэндекер и адмирал Кемпер негромко беседовали в дальнем полутемном углу.

Питт осторожно обходил стойки переборок, перешагивал через обрывки верповального троса. Наконец он остановился за спиной одного из рабочих верфи, который нацеливался своей ацетиленовой горелкой на один из шарниров двери, ведущей в трюм корабля. «Ну, вот и до трюма добрались, — вскользь подумал Питт. — Через считанные минуты будет извлечен из чрева „Титаника“ тот самый груз, ради которого вообще затеяли все это предприятие…»

Неожиданно Питта охватила сильная нервная дрожь, словно температура воздуха резко понизилась втрое. Он вдруг испугался вскрытия трюма, и ему даже захотелось каким-нибудь образом отдалить этот финальный акт.

Словно для того, чтобы разделить беспокойство Питта все, кто находился поблизости, разом приумолкли и обступили Питта в напряженном ожидании.

Наконец работяга отпрянул от двери и отставил горелку в сторону.

— Ну как? — спросил Питт.

— Умели же делать в старину, — сказал рабочий. — И замок вместе с куском металла вырезал, и петли перерезал, а все равно не открывается.

— И что теперь?

— С «Доппелмана» опустим трос, и пускай кран поработает.

Целая бригада рабочих битый час прикрепляла трос к заклинившей двери. Трос был толстый, двухдюймовый, и с ним пришлось повозиться. Когда же все было готово, оператору на «Доппелмане» передали по радио команду. Мотор крана заработал, трос начал распрямляться. Никто не потрудился посторониться, хотя все понимали, что в случае разрыва трос перережет любого буквально пополам.

Все прислушивались к звуку работающего крана. Несколько секунд ничего не происходило. Трос натянулся и тихо, мелодично гудел, словно постанывал. Питт,

презрев элементарную осторожность, приблизился на несколько шагов. По-прежнему ничего. Казалось, что дверь и стенка сделаны из единого куска металла.

По команде оператора кран ослабил натяжение, чтобы дать и тросу, и движку передышку. Затем трос вновь натянулся — на этот раз как струна, издав гнусавый звук. Людям на палубе казалось невероятным, что дверь может противостоять таким чудовищным нагрузкам. И тем не менее дверь не поддавалась. Вдруг послышалось тихое кряканье, створка двери чуть подалась вперед, казалось, на толщину волоса. По сторонам образовались две хорошо различимые трещины, дополненные двумя горизонталями сверху и снизу. Неожиданно послышался рваный металлический звук — и дверь вылетела, оставив аккуратный прямоугольный проем.

Из зияющей темноты не хлынула вода, как некоторые ожидали. За все время нахождения корабля в океанской бездне ни капли воды не проникло в эту часть корпуса.

Никто не двинулся с места. Ноги словно приросли к палубе, взгляды завороженно прикованы к черному проему. Из трюма донеслось зловоние с преобладающим запахом плесени.

Ласки первым нарушил молчание:

— Боже, это еще что такое?! Откуда тут этот запах?

— Дайте фонарь! — крикнул Питт, обращаясь к рабочим.

Ему протянули ручной флуоресцентный фонарик, Питт включил его и направил неяркий бледно-синий луч в проем.

Взгляду предстали десять деревянных ящиков, надежно увязанных кожаными ремнями. Увидели они еще и такое, от чего лица мужчин вмиг побледнели. То была мумия человека.

Глава 78

Он лежал на полу, в самом углу отсека. Глаза были плотно закрыты, глазницы ввалились внутрь. Кожа была темной, цвета просмоленной бумаги, которой некогда покрывали крыши складов. Высохшие мускулы легко угадывались под опавшей кожей. С головы до пят труп был покрыт плесенью. Борода и волосы на голове сохранились лучше всего. Возле тела оказалась разлита какая-то жидкость; именно она и придавала воздуху влажный оттенок. Казалось, что кто-то перед самым открытием двери умудрился плеснуть из ведра на стену отсека.

— Кто бы это ни был, а он и после стольких лет все еще мокрый, — сказал вполголоса Кемпер, чье застывшее с выражением ужаса лицо напоминало маску. — Как это влага тут сохранялась столько лет, ума не приложу!

— Всякий человек наполовину состоит из воды, — спокойным голосом сказал Питт, которому удалось справиться с первым волнением. — А недостаток воздуха привело к замедлению процесса испарения.

Не выдержав жуткой сцены, Доннер первым отвернулся. Борясь с рвотным рефлексом, он поглубже вдохнул и спросил:

— Кто бы это мог быть?

Питт приблизился к останкам и нагнулся.

— Мы это выясним. В качестве рабочей гипотезы рискну предположить, что перед нами Джошуа Хейз Брюстер.

— Брюстер?! — прошептал Сигрем, и его расширенные глаза сделались безумными от ужаса.

— Почему бы нет? — спросил Питт. — Кто еще знал о содержимом этого отсека?

Адмирал Кемпер в крайнем изумлении потряс головой.

— Только представьте себе, — с нескрываемым благоговением произнес он, — каково это — умирать в этом склепе, без света и воздуха, в тот самый момент, когда корабль неотвратимо опускается в океанскую пучину.

— Может, хватит расписывать-то?! — сказал Доннер. — Мне и так на ближайший месяц гарантированы еженощные кошмары.

— Да, все это поистине ужасно, — сказал Сэндекер, с трудом шевеля губами. — Ты знал о том, что тут произошло? — обратился он к Питту.

Питт утвердительно кивнул.

— Капитан Бигалоу мне рассказал.

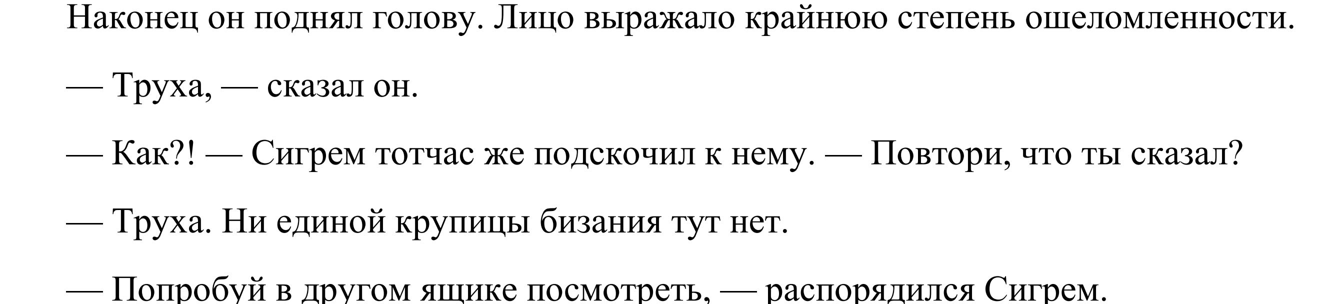
Сэндекер изучающе посмотрел на Питта, однако более эту тему развивать не стал, а вместо этого обратился к одному из рабочих:

— Позвони в полицию, пускай приезжает следователь и заберет отсюда труп. Чтобы, все, как положено… Нужно будет вымыть тут все, вычистить.

Рабочим не пришлось повторять дважды. Они разом исчезли с грузовой палубы, словно их ветром сдуло.

Сигрем схватил Ласки за рукав:

— Ну, Херб, настал твой черед действовать… Нерешительно и медленно вошел Ласки в отсек, боязливо переступил через простертое тело, и потрудившись некоторое время, откинул крышку одного из ящиков с рудой. Затем он принес свои приборы и приступил к исследованию, занявшему, казалось, целую вечность. Не решаясь мешать работе минералога, все остальные нервно прохаживались по грузовой палубе, бросая нетерпеливые взгляды в сторону Ласки.

Наконец он поднял голову. Лицо выражало крайнюю степень ошеломленности.

— Труха, — сказал он.

— Как?! — Сигрем тотчас же подскочил к нему. — Повтори, что ты сказал?

— Труха. Ни единой крупицы бизания тут нет.

— Попробуй в другом ящике посмотреть, — распорядился Сигрем.

Ласки покорно кивнул и продолжал работу. Однако повторилась та же самая картина. Наконец были исследованы все десять ящиков.

Ласки выглядел так, словно его вот-вот постигнет апоплексический удар.

— Труха… самая обыкновенная труха… — бубнил он. — Обычные камни, какие можно набрать на любой обочине.

Ласки выдохся, замолчал, и тогда в грузовом отсеке «Титаника» воцарилась тяжелая тишина. Питт неотрывно рассматривал разбросанные камни, да и все остальные глаз не могли оторвать от грязноватой гальки. В эти минуты общего онемения сознание людей пыталось каким-то образом переварить невозможную, чудовищную мысль, что все, буквально все предпринятое — все усилия, жертвы, изнурительная работа, астрономические суммы денег, смерть Манка и Вудсона — в конце концов, что вся операция по спасению «Титаника» оказалась практически ненужной. Все они были жертвами фантасмагорического розыгрыша, осуществленного семьдесят шесть лет тому назад.

Первым нарушил тишину Сигрем. В приступе сумасшествия он лучезарно улыбнулся и зашелся в оглушительном хохоте, который еще более усиливали стены отсека. Внезапно он нагнулся, схватил увесистый булыжник с палубы и, размахнувшись, коротко и точно ударил в голову Ласки. На бледно-желтые доски ближайшего ящика брызнула яркая кровь.

Он все еще продолжал истерично хохотать, однако теперь ему требовалась новая жертва. Вцепившись в останки Джошуа Хейза Брюстера, Сигрем принялся колотить о палубу — до тех самых пор, пока голова не отделилась от шеи и не оказалась у Джена Сигрема в руках.

Сигрему почудилось, что мертвые губы Джошуа Хейза Брюстера тронула чуть различимая усмешка. Разум Сигрема окончательно помутился. Словно через время и расстояние Джошуа Хейз Брюстер сумел, как эстафету, передать безумие американскому физику, которому уже никогда не суждено было излечиться.

Глава 79

Шесть дней спустя. Мел Доннер вошел в ресторан отеля, где завтракал адмирал Сэндекер, он подошел и уселся на свободное место напротив.

— Слышали новость?

— Если новые неприятности, — Сэндекер прожевал омлет, проглотил, и лишь затем продолжил: — я бы предпочел, чтобы ты приберег их для себя.

— Устроили настоящую засаду возле дома, подкарауливали, когда я выйду, — он бросил на стол газету с фотографией. — Меня вызывают на заседание комитета Конгресса по расследованию.

Сэндекер подцепил вилкой очередной ломоть омлета, даже не взглянув на газетную страницу.

— Поздравляю.

— Вас ждет все то же самое, адмирал, не расстраивайтесь. И в кабинет заберутся, и бумаги перетрясут…

— Кто стоит за всем этим?

— Какой-то мерзейший сенатор от Вайоминга, хочет на всей этой истории сделать себе имя. — Доннер извлек платок и промокнул потный лоб. — Этот скот настаивает, чтобы для слушания был вызван Джен.

— Ну, это мы еще посмотрим… — угрожающе произнес Сэндекер, отставил тарелку и сам вместе со стулом отодвинулся от стола. — Как там дела у Сигрема?

— Поставили маниакально-депрессивный психоз, такое вот длинное название.

— Ас Ласки что?

— Сотрясение мозга. Наложили двадцать швов. Через неделю должны выписать. Сэндекер покачал головой.

— Не дай Бог, еще когда-нибудь увидеть подобное. — Он глотнул кофе. — Ладно. Ну, а какова же будет наша линия?

— Вчера вечером мне позвонил Президент из Белого дома. Он говорит, что следует рассказать все, как оно есть, без малейшей утайки. Он меньше всего заинтересован в том, чтобы плюс ко всему выпутываться из паутины лжи.

— Что с «Сицилианским проектом»?

— Приказал долго жить в ту самую минуту, когда мы открыли отсек «Титаника», где должен был быть бизаний, — сказал Доннер. — А у нас теперь нет другого выбора, кроме как без утайки выложить всю подноготную с начала до печального конца.

— А зачем стирать грязное белье на людях? Какой и кому от этого толк?!

— Издержки демократии, что вы хотите?! — обреченно сказал Доннер. — Всякое расследование такого рода должно быть гласным, даже если враждебные нам страны могут из расследования узнать какие-нибудь секреты — все равно.

Сэндекер потер ладонями лицо и тяжело вздохнул:

— Судя по всему, придется мне подыскивать новую работу.

— Не обязательно… Президент заверил меня, что будет подготовлено постановление, по которому вся ответственность за неудачу проекта несет он один.

Сэндекер отрицательно покачал головой.

— Не поможет… У меня есть несколько заклятых врагов в Конгрессе. Они спят и видят, когда я уйду из НУМА.

— До этого дело может и не дойти.

— За последние пятнадцать лет, иначе говоря, с тех пор, как сделался адмиралом, я вынужден был всякий раз оглядываться на политиков, замышляя ту или другую свою операцию. Поверь на слово, политика чрезвычайно грязное дело. После того, как всех, имеющих отношение к «Сицилианскому проекту», обольют помоями, мы в лучшем случае сможем рассчитывать на то, чтобы устроиться хоть куда-нибудь. О тепленьких местах и речи быть не может.

— Мне очень жаль, адмирал, что все закончилось таким образом.

— Взаимно. — Сэндекер допил кофе и промокнул салфеткой губы. — Слушай, Доннер, а ты, часом, не знаешь, кто поддерживает сенатора из Вайоминга? И кого он прочит в главные свидетели разбирательства?

— Думаю, все начнется с раскрутки операции по спасению «Титаника». Отсюда легко перейти к расследованию дел Мета Секшн, ну а там уже и Президент подпадает под удар. — Доннер сложил полученную утром повестку на заседание комитета Конгресса, положил ее в карман.

— Вероятнее всего, первым они вызовут Дирка Питта.

Сэндекер резко вскинул голову:

— Питта, говоришь?!

— Ну.

— Интересно, — мягко проговорил Сэндекер. — Очень интересно.

— А в чем, собственно…

Сэндекер аккуратно сложил салфетку, положил ее на стол.

— Ты, пожалуй, не знаешь, Доннер, да и знать не можешь, но, когда парни в белых халатах забирали Сигрема с палубы «Титаника», в тот самый момент Питт куда-то испарился.

Доннер прищурился.

— Но вы, наверное, знаете, где он. Или Джиордино? Или его друзья?

— А ты не думаешь, что мы пытались найти Питта? — Сэндекер вздохнул. — Он исчез. Пропал. Словно сквозь землю провалился.

— Но какой-то знак Питт наверняка должен был оставить.

— Он кое-что сказал, но это не имеет смысла.

— А именно.

— Сказал, что отправляется на поиски Соутби.

— Кто, к черту, такой Соутби?

— Разрази меня гром, если я знаю, — сказал Сэндекер.

— Понятия не имею.

Глава 80

Питт сидел за рулем взятого напрокат «ровер-седана». Он двигался по узкой блестевшей после дождя проселочной дороге. Близко одна к другой растущие березы, казалось, выстроились, чтобы атаковать движущуюся машину. Каждая вторая береза норовила шлепнуть автомобиль по крыше одной из ветвей.

Питт устал, смертельно устал. Он отправился в поездку, не вполне отчетливо себе представляя, что же он рассчитывает найти, если, конечно, вообще найдет хоть что-нибудь. Начал он поиски с того самого места, откуда начинали Джошуа Хейз Брюстер и его шахтеры, с доков Абердина в Шотландии. По их маршруту восьмидесятилетней давности он пересек затем Британские острова практически до самого Саутгемптона, где был построен «Титаник» и откуда корабль начал свой первый и последний в истории вояж.

Оторвав взгляд от ветрового стекла, по внешней стороне которого безостановочно двигались «дворники», Питт посмотрел на голубой дневник, лежавший на соседнем кресле. Страницы были заполнены фактами, цифрами, названиями различных мест, всевозможными подчеркиваниями, газетными вырезками, схемами — то есть всем тем, что удалось добыть за многие дни лихорадочных розысков.

Старые газеты практически ничего Питту не давали. Или, если быть более точным, почти ничего.

«НАЙДЕНЫ ТЕЛА ДВУХ АМЕРИКАНЦЕВ»

В выпуске от 7 апреля 1912 года газеты, выходившей в Глазго, у заголовка была помета, указывавшая, что нужную информацию следует искать, перелистав назад пятнадцать страниц. Конкретные детали были похоронены так же глубоко, как тела колорадов Джона Колдуэлла и Томаса Прайса на местном кладбище.

Питту посчастливилось найти их могилы возле маленькой церкви. Надгробья только и сообщали, что имена покойников и даты смерти. Сходным же образом

обстояли дела с могилами Чарлза Уидни, Уолтера Шмидта, Уорнера О’Деминга. Каких-либо следов захоронения Элвина Кутлера Питту обнаружить не удалось.

И с Верноном Холлом были проблемы. Его могилу Питт также не нашел. Где обрел Вернон Холл свой последний приют? Пролил ли он кровь на аккуратных пастбищах и равнинах Хэмпшир-Даунз, или же смерть подкараулила его на какой-нибудь грязной окраине самого Саутгемптона?

Боковым зрением Питт увидел цифру на дорожном щите: двадцать километров до залива и порта.

Питт управлял автомобилем автоматически. Дорога завернула и сразу за поворотом пошла параллельно живописному, серебряному ручью Итчен, который известен на юге Англии своей форелью, но Дирк Питт этого красивейшего ручья даже не заметил. Вдали, за изумрудно-зелеными полями, обозначился какой-то небольшой город, и Питт решил там остановиться и наскоро позавтракать.

Откуда-то из глубины подсознания пришел тревожный сигнал. Не задумываясь, он сильно надавил педаль тормоза, но пережал, переусердствовал. Задние колеса заблокировало, и автомобиль, не снижая скорости, описал идеальный круг в триста шестьдесят градусов и застыл радиатором на юг, уткнувшись в придорожную канаву, полную грязи и мусора.

За считанные секунды до полной остановки «ровера» Питт успел открыть дверцу и выпрыгнуть из кабины. Ноги сразу завязли в грязи, однако ему удалось вытащить ступни из завязших ботинок, он пробежал по инерции несколько метров босиком.

Остановился только у придорожного указателя. Росшее рядом дерево ветвями закрывало большую часть букв.

Осторожно, как подкрадываются к птице, Питт отодвинул ветку, боясь, что в очередной раз придется оставить надежду. Вот вся табличка целиком оказалась освобожденной от листьев.

Перед Питтом была отгадка на задачку Джошуа Хейза Брюстера, а равно — и ключ к бизанию. Медленно, стирая с лица дождевые капли, глядя на указатель и еще не вполне веря своим глазам, Питт однако уже знал наверняка, что все усилия были отнюдь не напрасны.

Глава 81

Сидя на скамейке у фонтана перед Большим театром в скверике на площади Свердлова, Марганин читал газету. Уловив постороннее движение, он догадался, что кто-то сел рядом.

Тучный мужчина в мятом костюме откинулся на жесткую спинку и принялся жевать яблоко.

— Поздравляю с повышением по службе, капитан, — сказал он с набитым ртом.

— Надо подождать, чем все закончится, — не опуская газеты, ответил Марганин. — А что касается назначения, то адмирал Слоюк мог бы быть и щедрее.

— Как ваше положение… После того, как не стало Превлова?

— Как только капитан сбежал, я оказался наиболее подходящей кандидатурой на должность начальника аналитического отдела внешней разведки. Решение было очевидным.

— Не зря столько лет работали. Марганин перевернул газетную страницу.

— Не зря. Но это, будем надеяться, лишь начало. Главное еще впереди.

— Теперь вам надо быть предельно осторожным.

— Постараюсь, — сказал Марганин. — В глазах политического руководства случай с Превловым серьезно подорвал авторитет военно-морской разведки. Всех сотрудников трясут будь здоров как! Сколько еще воды утечет, прежде чем мне будут доверять так же, как доверяли Превлову.

— Постараемся сделать все возможное, чтобы максимально ускорить этот процесс. — Тучный мужчина с особенным смаком откусил большой кусок яблока. — Будете уходить, смешайтесь с толпой у входа в метро, во-он там, через дорогу. Один из наших людей, в прошлом профессиональный карманник вложит вам во внутренний карман конверт. Там вы найдете протокол встречи командующего военно-морским флотом США с командующими флотов.

— Серьезный материал, нечего сказать…

— Протоколы сфальсифицированы. На первый взгляд они покажутся чрезвычайно ценными, составлены таким образом, чтобы сбить с толку ваше начальство.

— Если я буду снабжать руководство фальшивками, положение мое не упрочится.

— Не торопитесь, — сказал тучный мужчина. — Завтра в это же самое время один из агентов КГБ получит точно такой же материал. КГБ не сможет усомниться в его подлинности. А поскольку получится так, что вы представите вашему начальству информацию на сутки раньше гэбэшников, в глазах адмирала Слоюка вы очень выиграете.

— Хитро придумано, — Марганин усмехнулся, глядя по-прежнему в газету. — Еще что-нибудь?

— Еще хочу с вами распрощаться.

— Распрощаться?!

— Именно. Достаточно долго работал с вами вместе. Слишком долго. Мы стали уязвимым звеном. Без меня вам будет спокойнее.

— А кто будет моим новым контактером?

— Вы по-прежнему живете в общежитии? — вопросом на вопрос предпочел ответить тучный мужчина.

— Да, по-прежнему. Я не собираюсь обзаводиться хорошей квартирой, чтобы по примеру капитана Превлова привлечь к себе повышенное внимание. Я буду жить, как и прежде жил, культивируя спартанский образ жизни и рассчитывая исключительно на свою официальную зарплату.

— Замечательно. На мое место уже назначен сотрудник. Им будет уборщик вашего общежития.

— Мне будет не хватать вас, дружище, — негромко сказал Марганин.

— Взаимно, старина.

Оба помолчали. Затем тучный мужчина вновь заговорил торопливым шепотом:

— С Богом, Гарри.

Когда Марганин сложил газету и положил ее рядом с собой на скамейку, рядом никого уже не было.

Глава 82

— Вон там, чуть правее, как раз и есть то самое место, — сказал пилот вертолета. — Я посажу машину на лужайку, через дорогу от церковного кладбища.

Сэндекер скосил глаза в окошко. Было серое неприветливое утро, и в низинах еще стоял туман. Зажатая с обеих сторон каменной кладкой дорожка пролегала меж деревенскими домами. Сэндекер невольно напрягся, когда вертолет вдруг стремительно сделал круг возле церковного шпиля.

Он глянул на сидевшего рядом Доннера, который смотрел прямо перед собой, на Сида Коплина, занимавшего кресло второго пилота. Коплина попросили помочь в этом последнем деле, которое финансировалось по линии Мета Секшн, поскольку его коллега Херб Ласки был еще слишком слаб для полетов.

Сердце Сэндекера чуть екнуло в ту минуту, когда вертолет коснулся земли. Еще минуту спустя пилот выключил мотор, винт перестал вращаться.

В наступившей тишине голос пилота показался слишком громким:

— Вот мы и на месте, сэр.

Сэндекер понимающе кивнул и вышел из кабины через боковую дверь. Поджидавший их Дирк Питт с протянутой для пожатия рукой пошел навстречу.

— Добро пожаловать в Соутби, адмирал, — с широкой улыбкой сказал он.

Сэндекер в свою очередь также улыбнулся, пожимая Питту руку, однако взгляд адмирала оставался сосредоточенным.

— В следующий раз, если надумаешь действовать без команды, я тебя уволю, заруби себе на носу.

Питт изобразил обиду на лице, но тотчас повернулся к Доннеру:

— Мел, приветствую тебя!

— Взаимно, взаимно, — ответил Доннер. — Скажи, ты ведь знаком с Сидом Коплином, нет?

— Мельком, — ухмыльнулся Питт. — Нас никто не представил друг другу.

Коплин сжал в своих руках протянутую ладонь Питта. В этом человеке Питт едва ли узнал бы того самого бедолагу, которого нашел умирающим в снегу на Новой Земле. Рукопожатие у Коплина оказалось сильным, взгляд проницательным.

— Самым сильным желанием было вот так пожать вам руку и сказать, что я перед вами в неоплатном долгу, вы спасли мне жизнь, — произнес Коплин сдавленным от волнения голосом.

— Рад, что у вас все в порядке, — только и нашелся Питт, от волнения опустив глаза.

При виде взволнованного Дирка Питта Сэндекер не знал, верить своим глазам или не верить. Адмирал даже вообразить не мог, что доживет до такого дня, когда увидит Питта взволнованным. Он взял Питта под руку и повел его в сторону церкви.

— Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в своих поступках, — сказал он. — Англичане не очень-то благорасположены к провинциалам, которые приезжают на острова и роются в могилах, сам понимаешь…

— Знаешь, — вставил Доннер, — все бюрократические формальности были решены и разрешение на эксгумацию получено лишь после того, как Президент лично переговорил с английским премьером.

— Надеюсь, результат оправдает все эти хлопоты, — заметил Питт.

Перейдя через дорогу, они прошли в ворота из сварных металлических прутьев и оказались на сельском кладбище. Несколько минут они шли молча, прочитывая имена на изрядно пострадавших от времени и погоды надгробьях.

Сэндекер кивнул в сторону деревни.

— Как тебе удалось? Тут такая глушь, никаких дорог поблизости…

— Что называется, не было бы счастья, да несчастье помогло, — ответил Питт. — Когда я начал анализировать маршрут колорадов от самого Абердина, я понятия не имел, как во все это может вписаться Соутби. Если помните, самая последняя запись в дневнике Брюстера была такая: «Как бы я желал вернуться в Соутби…» А по словам коммодора Бигалоу, прежде чем запереться в трюме «Титаника», Брюстер произнес: «Благодарю Господа моего за Соутби…» Вот. Ничего ровным

счетом я не знал, мне лишь представлялось, что Соутби — название вполне английское, и значит, искать, решил я, нужно в Англии. И вот я изъездил всю округу Саутгемптона…

— От одной шахтерской могилы *к* другой, — уточнил Доннер.

— Да, это помогло, — признался Питт. — А так же и то, что в дневнике Брюстера были отмечены время и место того, кто, когда и где умер. Были указаны все, кроме Элвина Кутлера и Верноиа Холла. Где Кутлер, я так и не выяснил. А вот Холл лежит здесь, на этом самом кладбище.

— И ты нашел деревню по карте?

— Нет, деревушка такая маленькая, что ее нет даже в туристическом гиде «Мишлена». Я еду — и вдруг вижу рукописную старую надпись у обочины одной дороги. Вероятно, это какой-то фермер, торгующий молоком, сделал этот указатель, сообщающий, что деревня расположена в трех километрах на запад от проселочной дороги на Соутби. И вот тогда последние фрагменты мозаики, заняв свои места, начали складываться в картину.

Они в молчании направились в ту часть кладбища, где возле одной из могил уже стояли трое мужчин. Двое, судя по одежде, были местными фермерами, третий был констеблем. Питт представил всех друг другу, после чего Доннер с почтительной скорбью во взгляде протянул полицейскому разрешение на эксгумацию.

Все повернулись в сторону могилы. Надгробье представляло собой огромную каменную глыбу неправильной формы, поставленную в изголовье. Надпись гласила:

ВЕРНОН ХОЛЛ
Умер 8 апреля 1912
Покойся с миром

Ниже было сделано небольшое аккуратное изображение трехмачтового корабля.

— «Та самая руда, которую мы добывали в стужу на горном склоне, и за которую пришлось всем нам заплатить столь высокую цену, теперь находится наконец в безопасности, в трюме. Один только Вернон сумеет рассказать все перипетии нашей экспедиции. Через час я отправляюсь в Нью-Йорк на корабле „Белой звезды“…» — процитировал Питт фрагмент из дневника Джошуа Хейза Брюстера.

— Мы все подумали, что речь идет о трюме корабля, — таким голосом, словно только что очнулся, произнес Доннер. — А ведь тут трюм следует понимать иносказательно: могила. *Могила Вернона Холла.* Именно это и хотел сказать Брюстер.

— Невероятно… — прошептал Сэндекер. — Неужели вот сейчас откроют могилу, и мы найдем бизаний?!

— Узнаем буквально через пару минут, — сказал на это Питт. Сначала свалили надгробье, а затем начали рыть землю лопатами.

— Но какой был смысл зарывать бизаний именно здесь? — спросил Сэндекер. — Почему было Брюстеру не поехать в Саутгемптон и собственноручно не погрузить все это в «Титаник».

— Причин множество, — ответил Питт. Его голос прозвучал неестественно громко в тишине кладбища. — Он чувствовал себя загнанным, он смертельно устал, у него на глазах один за другим погибли все. друзья. Не исключено, что Брюстер даже умом тронулся — как это произошло с Сигремом, узнавшим о поражении в тот самый момент, когда он приготовился лишь к принятию поздравлений… Так же и Брюстер. В чужой стране без помощников и друзей. Смерть неотступно следовала за ним по пятам. Для него единственным шансом добраться до Соединенных Штатов и одновременно не потерять бизаний было спрятать бизаний понадежнее. Грустно это или не грустно, только безумие рождает гениев. Не исключено, что именно так получилось с Брюстером, хотя может, он действовал по своему болезненному наитию. Он полагал, и как выяснилось, ошибочно, что сам он ни за что не сумеет погрузить бизаний в трюм и при том остаться в живых. И вот Брюстер зарыл все ящики в могиле Вернона Холла, а в прежние ящики, где ранее находился бизаний, насыпал камней. Дневник, вероятно, оставил на хранение викарию здешней церкви с просьбой передать рано или поздно тетрадку в американское консульство в Саутгемптоне. Я могу себе представить, Брюстер находился в таком жутком состоянии, что уже буквально никому не мог верить, и его несчастный мозг придумал такую вот головоломку. Он, собственно, и викарию не верил. Во всяком случае, не вполне верил. Брюстер, однако, искренне полагал, что уж в военном-то отделе непременно сыщется умница, который сумеет расшифровать истинный смысл дневниковых записей.

— Но ведь он сел на «Титаник» совершенно спокойно, и никакие французы ему не помешали, не попытались остановить, — сказал Доннер.

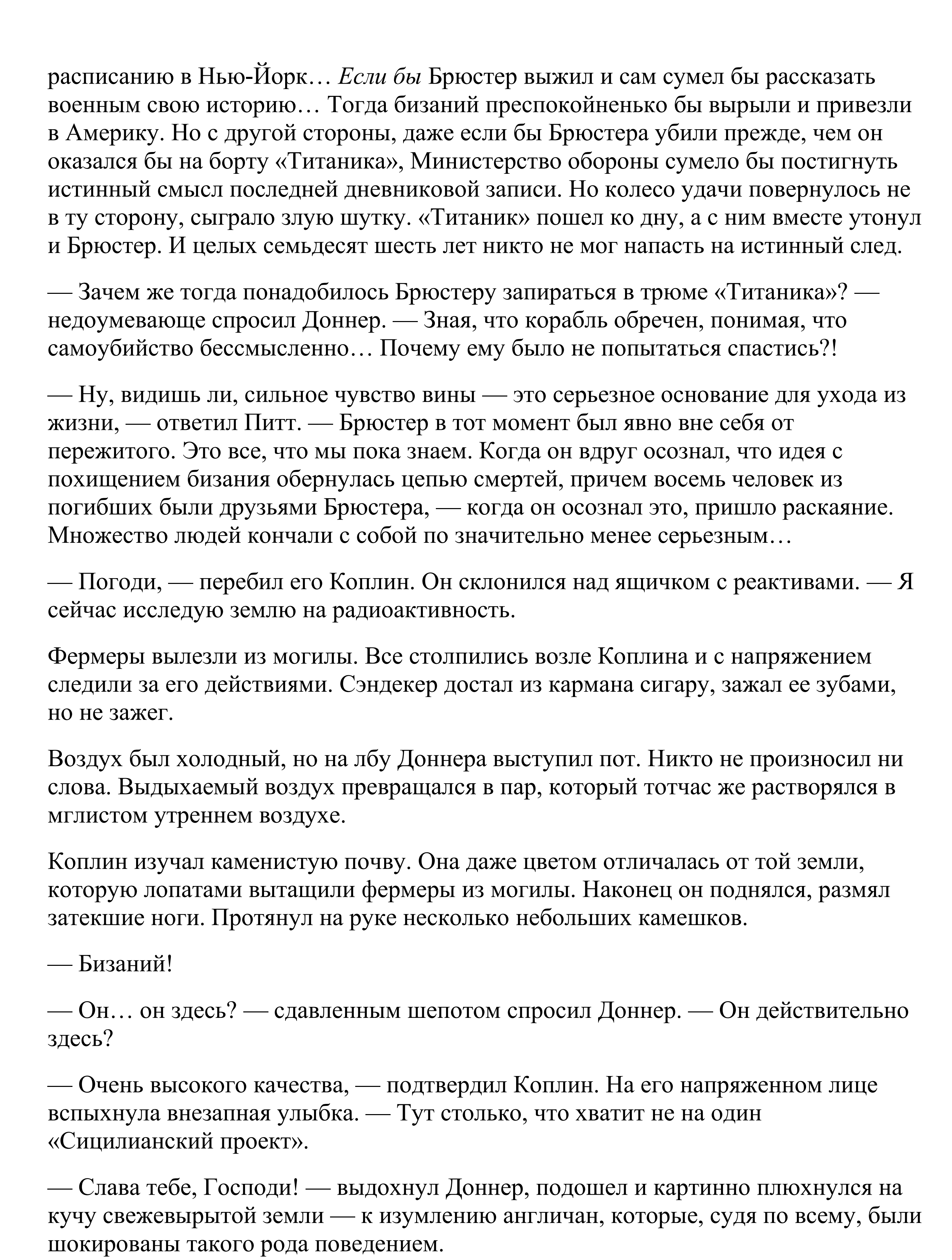
— Думаю, французские агенты хотели его остановить, но поняли, что уже пахнет жареным. Возможно, британская полиция уже отслеживала серию убийств и наступала агентам на пятки.

— Думаете, французы, опасаясь чудовищного международного скандала, в самый последний момент спасовали? — спросил Коплин.

— Такова одна из версий, — ответил Питт. Сэндекер задумчиво посмотрел на Питта:

— А когда «Титаник» затонул, вместе с ним легли на дно и все проблемы.

— Справедливо, — автоматически поддакнул Питт. — И вот тут тысячи разных *«если бы». Если бы* капитан Смит после получения сообщения о плавучих льдах снизил бы скорость… *Если бы* айсберги не дрейфовали в том году так необычно далеко на юг… *Если бы* «Титаник» сумел избежать столкновения и пришел бы по

расписанию в Нью-Йорк… *Если бы* Брюстер выжил и сам сумел бы рассказать военным свою историю… Тогда бизаний преспокойненько бы вырыли и привезли в Америку. Но с другой стороны, даже если бы Брюстера убили прежде, чем он оказался бы на борту «Титаника», Министерство обороны сумело бы постигнуть истинный смысл последней дневниковой записи. Но колесо удачи повернулось не в ту сторону, сыграло злую шутку. «Титаник» пошел ко дну, а с ним вместе утонул и Брюстер. И целых семьдесят шесть лет никто не мог напасть на истинный след.

— Зачем же тогда понадобилось Брюстеру запираться в трюме «Титаника»? — недоумевающе спросил Доннер. — Зная, что корабль обречен, понимая, что самоубийство бессмысленно… Почему ему было не попытаться спастись?!

— Ну, видишь ли, сильное чувство вины — это серьезное основание для ухода из жизни, — ответил Питт. — Брюстер в тот момент был явно вне себя от пережитого. Это все, что мы пока знаем. Когда он вдруг осознал, что идея с похищением бизания обернулась цепью смертей, причем восемь человек из погибших были друзьями Брюстера, — когда он осознал это, пришло раскаяние. Множество людей кончали с собой по значительно менее серьезным…

— Погоди, — перебил его Коплин. Он склонился над ящичком с реактивами. — Я сейчас исследую землю на радиоактивность.

Фермеры вылезли из могилы. Все столпились возле Коплина и с напряжением следили за его действиями. Сэндекер достал из кармана сигару, зажал ее зубами, но не зажег.

Воздух был холодный, но на лбу Доннера выступил пот. Никто не произносил ни слова. Выдыхаемый воздух превращался в пар, который тотчас же растворялся в мглистом утреннем воздухе.

Коплин изучал каменистую почву. Она даже цветом отличалась от той земли, которую лопатами вытащили фермеры из могилы. Наконец он поднялся, размял затекшие ноги. Протянул на руке несколько небольших камешков.

— Бизаний!

— Он… он здесь? — сдавленным шепотом спросил Доннер. — Он действительно здесь?

— Очень высокого качества, — подтвердил Коплин. На его напряженном лице вспыхнула внезапная улыбка. — Тут столько, что хватит не на один «Сицилианский проект».

— Слава тебе, Господи! — выдохнул Доннер, подошел и картинно плюхнулся на кучу свежевырытой земли — к изумлению англичан, которые, судя по всему, были шокированы такого рода поведением.

Коплин подошел к краю и заглянул в яму:

— Да, готов согласиться, безумие порождает гениев, — произнес он. — Брюстер наполнил могилу рудой. Всякий, не сведущий в минералогии, раскопал бы могилу, обнаружил бы в гробу кости и череп — и вынужден был бы удалиться ни с чем.

— Лучший способ спрятать бизаний, — согласился Доннер. — У всех под носом, а никто не найдет. Сэндекер подошел и молча пожал Питту руку.

— Спасибо тебе, — наконец сумел выговорить он.

Питт смог лишь признательно кивнуть в ответ. Он чувствовал сильнейшую усталость и безразличие. Ему хотелось найти какое-нибудь тихое местечко, укрыться там от всего мира и на некоторое время забыть обо всем на свете.

Питт сейчас сожалел о том, что «Титаник» вообще был построен и вышел из дока в море, в безжалостную стихию, которая превратила красивый гордый лайнер в кучу ржавого железа.

Сэндекер, казалось, прочитал желание Питта.

— Тебе непременно следует отдохнуть. Сделай, пожалуйста, так, чтобы недели две я не видел и не слышал бы тебя.

— Королевский с вашей стороны подарок, — Питт устало улыбнулся.

— А куда намерен отправиться на эти недели? — поинтересовался Сэндекер. — Я спрашиваю, потому как вдруг да опять произойдет что-нибудь экстраординарное и придется срочно связаться с тобой…

— Ну конечно… — Питт на секунду поразмыслил. — В местечке Тенемаут живет одна стюардесса со своим прадедушкой. Если что, свяжитесь с ней, она будет знать, где меня найти.

Сэндекер понимающе кивнул.

Коплин подошел и обхватил Питта за плечи.

— Очень надеюсь, что мы с вами еще увидимся.

— Конечно.

Доннер не поднимая глаз сказал:

— Ну вот, все и закончилось. Теперь закончилось.

— Да, — сказал Питт. — С этим — точно теперь все. Он почувствовал вдруг странный озноб, как будто его собственные слова оказались эхом, пришедшем сейчас из прошлого. Питт повернулся и направился к воротам кладбища.

Все стояли молча следили за тем, как фигура Питта, удаляясь, делалась все меньше. Вот наконец он завернул за куст и скрылся из глаз.

— Из тумана вышедший в туман да и возвратится, — сказал Коплин, вспомнивший сейчас о своей первой встрече с Питтом, на холодной Новой Земле, у горы Бедная.

Доннер странно посмотрел на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Так… — Коплин неопределенно махнул рукой и пожал плечами. — Мысли вслух, не более того.

ЭПИЛОГ

Август 1988

— Стоп машина!

В ответ на капитанскую команду мелодично звякнул телеграфный звонок, и поднимавшаяся из машинного отделения вибрация прекратилась. Пена возле носа крейсера британского флота «Троя» растворилась в массе воды. Корабль затих, если не считать звука работающего генератора.

В северной Атлантике была теплая ночь. Океан был зеркально спокойным. От горизонта до горизонта на бархатном небе сияли яркие звезды. Английский флаг на флагштоке висел бездвижно.

На палубе выстроилась вся команда, более двухсот матросов.

Тело, облаченное в морскую форму давно ушедшей эпохи, также по традиции обернутое в национальный флаг, было принесено на палубу и водружено у борта на специальный помост. Затем капитан четким голосом прочитал похоронную молитву. Как только были произнесены последние слова молитвы, капитан подал знак. Подставку с одного края приподняли, и тело матроса оказалось в объятиях мирового океана. Чистые отчетливые звуки сигнального рожка разнеслись далеко в ночи. Затем прозвучала команда, и все матросы тихо разошлись.

Несколько минут спустя «Троя» возобновила движение. Капитан сел за рабочий стол и сделал в вахтенном журнале запись:

Крейсер «Троя». Время 02.20, 10 августа 1988.

С.Ш. 41°46’, З.Д. 50°14’

Именно в это время лайнер «Белой звезды» «Титаник» пошел на дно. Согласно желанию быть похороненным вместе с коллегами, останки коммодора сэра Джона Л. Бигалоу были преданы воде.

Расписываясь внизу страницы, капитан обратил внимание, как отчетливо дрожит его рука. Этой записью подводился итог трагедии, потрясшей весь мир. Тот самый мир, который остался в прошлом.

Практически в то же самое время, в другой части земли, в одном из районов Тихого океана, под огромной толщей воды бесшумно двигалась похожая на гигантскую сигару субмарина. При виде подводки в разные стороны рассыпались стайки рыб.

Под гладкой обшивкой подводной лодки матросы готовили четыре баллистические ракеты к запуску. Цели ракет находились в шести тысячах миль к востоку.

Точно в 15.00 заработали двигатели первой из ракет и, подобно обезумевшему вулкану, превращая вокруг себя воду в подобие кипящего молока, ракета грозно одолела толщу воды и как из пращи выскочила в голубое небо над Тихим океаном. С периодом в тридцать секунд вслед за первой ракетой последовала вторая, затем третья и четвертая. Четыре огненных хвоста исчезли в небе, унося вместе с собой неисчислимые смерти и разрушения.

Через тридцать две минуты после запуска, двигаясь по заданным траекториям, ракеты вдруг превратились в огненные шары, взорвавшись как и были выпущены, одна за другой с промежутком в тридцать секунд. До цели оставалось не более девяноста миль. Ракетчики, инженеры, конструкторы ликовали. Это было первое в истории американского ракетостроения такого рода торжество, когда восторг был вызван взрывом точно нацеленных ракет.

«Сицилианский проект» оправдал себя и продемонстрировал свою беспрецедентную эффективность с первого же раза.

Примечания

1

Продолговатый мозг — (лат.).